

ИЛЬЧЕНКО ТАТЬЯНА

**ХРОНИКИ
ОКАТОРА
НАЙДЕННАЯ**

Наше прошлое - это Ваше будущее.

Пролог

Уже несколько дней шел снег. Река покрылась тонким прозрачным льдом, под которым, как кровь под кожей, стремительно неслась черная холодная вода. Было очень тихо. Даже воробьи, под низкой крышей конюшни, притихли и почти не чирикали.

— Зима в этом году будет суровая, я рад, что тебя это не коснется. В доме Савара царит вечное лето, — голос грузного седовласого мужчины, гулко звучал в пустом зале.

Стоявшая перед ним девушка, вся закутанная в меха, еле слышно ответила:

— Да отец.

— Хорошо, — мужчина вздохнул. — Этот брак очень важен для нас, и тебе не нужно бояться эр-реха. Ты слишком ценна...

Тангар замолчал, странное спокойствие дочери в последние дни перед отъездом, тревожило его. Он попытался заглянуть ей в глаза, но девушка упорно отводила взгляд. Лорд тяжело вздохнул.

— Кадарго молод и хорош собой, ты будешь довольна моим выбором, — ласково сказал он. — Протяни руку.

На тонкий пальчик девушки скользнуло колечко.

— Это мой свадебный подарок, девочка. Ты последняя из моих дочерей покидаешь родной дом, и я хочу, чтобы обручальное кольцо твоей матери принесло тебе счастье, — он обнял дочь.

— Да, отец, — все так же тихо ответила девушка, и на секунду подняв глаза, добавила. — Я благодарна за все, что ты сделал для меня.

Ему показалось, что она хотела сказать больше.... Но в следующую минуту она снова опустила голову, и Тангар вздохнул еще раз, отгоняя беспокойство, последние дни он почти не спал.

— Ну, что ж! Тогда идем, вы должны засветло добраться до Переправы.

Стоя на высоком крыльце рядом с дочерью и глядя на ее отрешенное лицо, лорд опять ощутил неуверенность. Но быстро взял себя в руки, в его действиях нет ничего, что могло бы ее оскорбить или унижить. Этот брак послужит основой прочного союза, а это важнее, чем невысказанные желания одного человека, даже если этот человек его дочь. И он отдает ее не старику, а молодому полному сил мужчине. К счастью, его любимица всегда была послушной и тихой девочкой, в отличие от старших детей.

Прощание было недолгим. После того, как лорд Тангар передал руку Гало посланнику Савара, поклявшемуся на мече беречь жизнь невесты эр-реха, девушку торжественно посадили в крепкий возок. И длинная вереница всадников и повозок потянулась из двора на лесную дорогу.

Все молчали, не было привычных поздравлений и пожеланий счастья молодым. Дочь лорда провожали в тишине, воины салютовали оружием, а женщины тихо плакали, шепча слова сочувствия. Никто не улыбался.

Эскорт, присланный эр-рехом Кадарго за своей невестой, был многочисленным и хорошо вооруженным. Невеста ехала в середине отряда, в сопровождении четырех

гвардейцев. В отличие от подавленного настроения провожающих они были веселы и постоянно шутили. Сытые, крепкие лошади уносили их все дальше от крепости, на юг.

Они ехали, не останавливаясь, спеша за короткий день добраться до назначенного места. Дорога, петлявшая среди вековых елей, была ровной, и девушка, похоже, задремала, убаюканная мерным покачиванием.

Посол эр-реха ехал вместе с ней, заранее готовый к истерике и жалобам. Но Гало только один раз взглянула на него и закрыла глаза. Это ему не понравилось. Уж лучше бы она плакала.

Хоранд уже собрался начать разговор, когда возок неожиданно остановился.

— Мы уже на Переправе? — раскрыв глаза, удивленно спросила девушка.

— Нет, ноэль. Оставайтесь на месте, — нахмурился Хоранд и выпрыгнул из возка, обнажая оружие.

Но его волнения были напрасны. Вокруг все было спокойно.

— Почему мы остановились? — раздраженно спросил он у одного из гвардейцев.

— Поперек дороги упало несколько деревьев, только и всего.

— Можно объехать?

— Нет, уж больно здоровые, — ответил тот.

Хоранд наклонился к сидящей в возке девушке.

— Ноэль, нам придется задержаться ненадолго, как только дорогу освободят, мы поедем дальше.

— Хорошо, — тихо ответила она и плотнее закуталась в светло-серый мех.

Кортеж остановился перед беспорядочно сваленными толстыми стволами.

— Вы уверены, что деревья упали сами? Сильного ветра ведь не было? — задумчиво спросил Хоранд, глядя на завал.

— Да кто его знает? Следов топора не видно..., — пожал плечами капитан гвардейцев. — Видно, что лежат они тут давно, вон уже и снегом припали.

— Может это... Тангар?

— Не думаю. Зачем ему это? Он уже отдал нам свою дочь, Договор вступил в силу, разве нет? — удивился капитан.

— Да. Все, верно. Только чем быстрее мы отсюда уберемся, тем лучше! — Он пнул сапогом еловую ветку. — А может это люди?

— Люди? — его собеседник широко ему улыбнулся. — Они конечно большим умом не отличаются..., но, чтобы сделать такое, — и он показал на лежащие деревья. — Нужно окончательно свихнуться!

Несмотря на уверенность капитана, Хоранд никак не мог избавиться от ощущения опасности, витавшей в воздухе. Поэтому, оставив около возка ноэль двоих человек, он приказал всем остальным немедленно приступать к расчистке. Провозившись около получаса, двум десяткам мужчин удалось освободить часть дороги.

Радуюсь, что это происшествие задержало эскорт совсем ненадолго, Хоранд возвращался к девушке в приподнятом настроении.

— Вот и все, ноэль, через несколько часов мы будем на Переправе. Может вам..., — последние слова замерли на губах посла, он разговаривал с пустотой.

— Где она?! — обрушился он на ее охранников.

Но те только беспомощно пожимали плечами.

— Я приказал вам не отходить от нее! — бушевал Хоранд. — Как вы могли проворонить

девчонку?

— Мы были здесь, мастер, — оправдывались они. — Отошли буквально на минуту, вы сами позвали нас, когда нужно было откатить последнее бревно!

— Она не могла уйти далеко, — один из них показал рукой на четкие следы, уходящие в сторону от дороги.

— За ней! — скомандовал Хоранд.

Через лес, ломая ветки, рванулись несколько всадников.

Следы, хорошо различимые на нетронутом снегу, вывели их на берег реки. На черных камнях лежала небрежно брошенная шуба.

— Еще теплая, — тихо произнес Хоранд, с тоской глядя на черную воду, уносившую куски льда.

Наши дни.

Кира

— И это все? — Светка, поджав губы, уставилась на тонкое кольцо. — Ничего не скажешь, твоя бабуля была страшно-о-о щедрой!

— Я получила то, что хотела, — тихо сказала я.

— Вот говорила же, что облапошить тебя раз плюнуть! Ты просто... наивная до предела, подруга! У тебя законное право на половину ее имущества, с пятью нулями, между прочим, а ты взяла какое-то убогое кольцо!

Я вздохнула. Предполагалось, что мое наследство пойдет на приобретение собственного жилья. Но... настоять на соблюдении условий бабушкиного завещания не получилось.

Моя двоюродная сестричка собралась замуж. Невооруженным глазом было видно, что интерес жениха основан только на квадратных метрах, причитающихся невесте. Раздел этих самых метров существенно снижал ее ценность в глазах молодого человека. Я не смогла удержаться и очень осторожно высказала эту мысль. И кто меня за язык тянул? Кузина убежала в слезах, вопя, что я завидую ее счастью. Жених сидел с каменной мордой, а тетка принялась бубнить, как трудно найти сейчас непьющего мужика в их Богом забытом поселке. Все это было так противно! Я плюнула, сдалась и подписала бумаги. В конце концов, жить с этим жлобом им, а не мне.

Вечером, перед самым отъездом, тетка протянула мне старое бабушкино кольцо.

— Я знаю, оно совсем простенькое, но у тебя будет что-то на память...

В лесу, вероятно, сдохло что-то очень большое, просто огромное. Впервые в жизни она сделала мне подарок, неужели совесть воскресла? Или все это потому, что колечко такое убогое? Но размышлять об этом мне было некогда, я спешила на поезд.

Всю дорогу я вертела в руках узкий темный ободок с тусклым камнем, неопределенного цвета. Может для других эта вещь не представляла никакой ценности, но для меня это колечко было самым лучшим воспоминанием о детстве. Напоминанием о тех счастливых днях, когда бабушка была здорова, вокруг нашего дома цвели яблони, а перед сном мне рассказывали волшебные сказки.

Светка, встречавшая меня на вокзале и разорившаяся на такси для «богатой наследницы», узнав, что наследство — несколько грамм почерневшего от времени серебра,

принялась ругать меня еще в машине (шепотом). Полную громкость она включила, как только за нами захлопнулась входная дверь. Рассеяно слушая ее вопли о несправедливости вообще и моей глупости в частности, я сидела на старом продавленном диване и молчала.

Подруга была не самым легким в общении человеком, временами невыносимым, но годы совместной жизни научили меня философски относиться к ее недостаткам.

— Я всегда знала, что ты не дружишь с мозгами, но после этого фортеля тараканы в твоей голове должны аплодировать стоя! — орала она. — Как ты могла? Они же всю жизнь над тобой издевались, бабку твою со свету сжили. А ты взяла и все им подарила! Я бы твою корову-сестричку, чтоб ей провалиться, удавила еще при рождении! В благородство решила поиграть, идиотка малахольная!? Как же колечко ей подарили, она и растаяла!

Света продолжала кричать еще минут пять, но потом выдохлась и плюхнулась рядом.

— Принеси мне чаю, — буркнула она. — И запомни, всю следующую неделю, нет месяц, ты будешь мыть посуду — в наказание.

Сунув ее руки любимую чашку, я сказала:

— Жили мы раньше без этого наследства и дальше проживем. И я никогда не смогла бы жить в том доме....

— Да тебя никто и не заставлял там жить, продали бы и дело с концом, — криво улыбнулась Света. — Нет, ты все-таки ненормальная, да я бы зубами вцепилась!

Когда я закончила все дела на кухне, Светка уже спала.

Я немного постояла рядом, поправила одеяло и пошла на свой диван. Вообще-то, этот вечер я предполагала провести совсем по-другому. Ну, там чайку попить, бабушку помянуть, поговорить....

Родителей своих я совсем не помнила. В моих первых воспоминаниях всегда присутствовала бабуля и вечно недовольная тетка. Пока бабушка была здорова и имела право голоса, я жила в большом деревянном доме на окраине поселка. А потом бабушка тяжело заболела, и тетка тут же сдала меня в интернат, раззвонив по поселку, как ей трудно ухаживать за больной матерью, дочерью и маленькой племянницей. Конечно, мою тетку многие осуждали, а меня жалели, устраивая акции общественного порицания в местном магазине, но это продолжалось недолго, дня три. Потом тракторист из соседнего колхоза напился, утопил трактор, и история бедной несчастной сиротки уже никого не интересовала. Я пожалала плечами, эти воспоминания были не самыми печальными в моей жизни.

Привычно устраиваясь между выпирающими пружинами дивана, я на минуту пожалела о том, что отказалась от наследства. Мне до чертиков надоели съемные квартиры, хозяйская мебель и вечно недовольство подруги. У меня был реальный шанс все поменять, а вместо этого жизнь, на пару с моей глупостью, показали мне фигуру из трех пальцев.

Светка будет пилить меня долго и нудно и это вдобавок ко всем остальным ее закидонам! Нельзя сказать, что это меня радовало, но лучше так, чем удушающее одиночество.

Я вздохнула, а ведь с другой стороны..., если бы не Светка, мы до сих пор прозябали бы в той забытой богом дыре. Я улыбнулась, вспоминая наш отъезд больше похожий на бегство, сразу после выпускных экзаменов. Идея принадлежала Светке, она хотела замуж, быстро и сразу за красивого-богатого-щедрого-молодого, справедливо полагая, что с ее внешностью это раз плюнуть.

И тут нет ничего удивительного, подруга — просто картинка, изящная, высокая, натуральная блондинка с ногами от ушей и яркими голубыми глазами. Мечта, а не девушка!

То, что она при случае ругается как извозчик и визжит так, что летучие мыши дохнут от зависти, знаю только я. А еще, она с пеленок производит неизгладимое впечатление на мальчишек.

Одно плохо, кандидаты в женихи исчезают так же быстро, как и появляются! Светка впадает в депрессию, рекой льет слезы и громкие обещает отравиться-застрелиться-повеситься, но потом появляется следующая «цель» и все начинается сначала.

В нашем родном поселке Светка была штатным скандалом лет с пятнадцати, и едва окончив школу, мы уехали. В столицу. Всю дорогу (трое суток) Светка говорила только о том, какой успех ее ждет. Я ничего такого для себя не ожидала, заранее приготовившись к ударам судьбы, но мне повезло... первый и последний раз в жизни. Неожиданно для себя я поступила туда куда хотела. На бюджет, в столице..., до сих пор изумляюсь! Ну, про студенческие годы вспоминать не хочется. Не было там у меня ничего хорошего.

И вот, собственно, результат — съемная однокомнатная квартира, работа в архиве и подружка, которую временами придушить хочется. Одно успокаивает, мужиков тут много, хорошие шансы, что Света встретит свое счастье раньше, чем от нее начнут шарахаться или подадут в суд за сексуальные домогательства.

— Все будет хорошо, — привычно пообещала я себе, скрючиваясь между пружинами. — Спокойной ночи, бабуля.

Луна, наконец-то, выглянула из-за облаков и тусклый ободок на моем пальце заблестел. Камень в простой оправе уже не выглядел осколком булыжника. В его глубине мерцала крохотная голубая искра, вполне достаточно, чтобы мечтать о прекрасном принце....

Как я и ожидала, Светка утром все еще дулась, преувеличенно громко возмущаясь древней сантехникой. Я молчала, если ее в ближайшее время не накроет очередной приступ «свадебной лихорадки» моя и так невеселая жизнь превратится в кошмар.

Кто-то наверху меня пожалел и ее «накрыло» уже к обеду.

— У меня вечером свидание, — радостно щебетала подруга. — Я знаю это ОН! Мы идем в «Радугу», представляешь?

— Замечательно, — облегченно выдохнула я. — Значит, к ужину тебя не ждать?

— Ой, да сдался мне твой ужин, макароны с котлетами! Не скучай!

Не буду, у меня два новых романа под подушкой лежат.

Но через час Светка снова позвонила.

— У нас изменения!

— Ты никуда не идешь? — забеспокоилась я, перспектива целый вечер слушать рассказы подруги о разбитом сердце меня не радовала.

— Вместе идем! — проорала она. — Чего молчишь? От радости язык проглотила?

— С какой стати? — фыркнула я. Быть третьей лишней? Да это еще хуже, чем плачь по разбитому сердцу!

— ОН придет с другом, — многозначительно сказала она. — Видишь, как я о тебе забочусь! У нас будет двойное свидание. Не волнуйся, Саша сказал, что его друг очень милый парень.

Я вздохнула, мне не нравилась эта идея. В отличие от Светки мне трудно находить общий язык с «милыми» молодыми людьми.

— Света, я не хочу! Нет настроения.

— Не смей отказываться! — ее голос задрожал. — Сегодня решается моя судьба.

Хотя я слышала эту фразу уже несколько сот раз, я решила согласиться, расценивая предстоящее свидание как кару за потерянное наследство.

— Хорошо, — проямлила я в трубку. — Только сидеть в твоём клубе до утра я не собираюсь, — строгим голосом предупредила я.

— Как скажешь. Грымзы тебя отпустят пораньше?

Еще бы! И не только отпустят, еще и благословят на долгую и счастливую жизнь! Вместе со мной работали несколько дам бальзаковского возраста, у которых появилось новое увлекательное занятие — устраивать мою личную жизнь. Стоило заикнуться о предстоящем свидании, как меня тут же отправили готовиться, снабдив всевозможными советами и взяв обещание, что завтра я вернусь с презентацией на тему моего свидания.

Светкин поклонник оказался на удивление пунктуальным, прибыл минута в минуту. Мы спустились вниз и меня представили еще одному молодому человеку, молчаливому худому очкарику. Всю дорогу до «Радуги» я размышляла о том, что оба кавалера выглядят так, как выглядели бы мы со Светкой, если бы были парнями. Яркий брюнет со спортивной фигурой и молчаливый сутулый очкарик, рыжий к тому же. Я конечно далеко не «Мисс Вселенная», но этот Дима... вообще ни в какие ворота!

«Радуга» оказалась вполне симпатичным клубом, музыка была не очень громкой, мороженное вкусным, а кофе ароматным. Лучшая половина нашей компании отчаянно флиртowała, а мы с «ботаником» не мешали им веселиться.

Разговор не клеился, и мы тихонько сидели за столиком, уставившись на танцпол. Я бы может тоже... потанцевала, но моему «кавалеру» эта мысль в голову не приходила, а больше меня никто не приглашал. Тоскливо ковыряя растаявшее мороженное, я готовилась к побегу. Бестолковое сидение в углу мне уже надоело. Но тут очкарик неожиданно проскрипел:

— Ты с ним знакома?

— С кем?

— С ним, — он кивнул в сторону большой компании у стены.

— Он уже несколько минут пялится.

Я повернулась, на меня смотрел милый темноволосый юноша. Совершенно незнакомый. Поймав мой взгляд, улыбнулся. Улыбка была такой открытой и искренней, что мое сердце пропустило несколько ударов. А когда я увидела, что он двинулся в мою сторону...

— Разрешите пригласить? — вблизи он выглядел еще симпатичней.

Неужели мои мечты о принце сбываются? Спасибо бабуля!

«Принц» бережно вел меня в танце, разговаривая о всяких пустяках. Я потихонечку млела, не замечая сердитых взглядов Светки и надувшегося как мышь на крупу Димы. Мы познакомились (Константин — чудесное имя!) и обменялись телефонами, причем я свой вспомнила с большим трудом.

Домой уже не хотелось, но Светка резко заторопилась, намекая, про какие-то неотложные дела. Уже в квартире, в ответ на мой удивленный взгляд она буркнула:

— Боюсь спугнуть! — и, помолчав, добавила. — Ты- то своего спугнула.

— Вовсе нет, — обиделась я. — Мы телефонами обменялись.

— С Димой?

— Причем здесь Дима?

— А чем тебя Дима не устраивает?

— Да сидел твой Дима в углу как приклеенный, ни слова, ни пол слова.

— Так ты же танцевать пошла с другим! — взорвалась она.

— Ну, так и что? — заело меня. — Мне, по-твоему, нужно было остаться, поддержать компанию?

— Не ори! Саша говорил, что Дима очень застенчивый и ты ему явно понравилась... Я думала было бы хорошо если бы мы... двумя парами, а? — Светка уже строила планы.

— Что двумя парами? Сыграли бы свадьбу, дружили бы семьями, поженили бы детей? — разозлилась я. — Когда ты перестанешь устраивать мою судьбу? Мне совсем не понравился этот ботаник, я сама такая! К тому же, я не люблю рыжих.

— Да ладно, — пожалала плечами Света. — Твое дело.

— А твой новый знакомый, значит, заинтересовал тебя больше?

— Он милый парень и обещал позвонить.

— Не знаю, — многозначительно протянула Света. — Вряд ли он позвонит. Он, ну... симпатичный слишком. Зачем снова наступать на те же самые грабли?

— Спасибо! — рассвирепела я.

— По — твоему, я не могу произвести впечатление на парня. И мой потолок занудные ботаники, так что-ли?

— Да нет, что ты сердисься? — быстро говорила Света. — Ты тоже вполне хорошенькая. Но ты ничему не учишься! Что мне нужно сделать, чтобы ты перестала себя вести себя как доверчивая дурочка? Ты что не видишь, к чему это приведет? Улыбочки и комплименты, в твоём случае, только игра. Ничего серьезного.

— Зачем ты мне все это говоришь?

— Для того, чтобы ты правильно оценивала свои возможности.

— Замечательно! Поэтому Саша прихватил с собой Диму? Наверняка ты постаралась! А твой кавалер тоже считает, что мы с этим очкариком идеальная пара?

Возмущаться Светка не стала, а только пожалала плечами.

— Точно, ты так и сделала, — тихо сказала я и пошла в ванную.

Включив воду, я несколько минут тупо смотрела на то, как она течет, а потом заплакала. Светка пыталась заговорить со мной, но я не отвечала. Самое обидное, что на фоне своей длинноногой, светловолосой подружки, как будто сошедшей с обложки журнала, я выглядела сущей каракатицей. И я давно рассталась с иллюзиями по этому поводу. Тоже Светка постаралась... меня до сих пор передергивает, как вспомню. Черт меня дернул не вовремя вернуться за конспектами!

«— А на ее фоне я кажусь еще лучше, почувствуйте разницу так сказать, — просвещала она кого-то. — Все считают, что я ужас какая милая и заботливая, раз опекаю такую. Да мне ее и вправду жалко, дурочку страшенькую. А потом, она, для меня что хочешь сделает и радоваться будет...»

Конечно, после такого заявления мне нужно было оттащить эту красавицу за волосы, плюнуть ей в лицо и навсегда забыть о ее существовании. Я даже вещи начала собирать, а потом передумала. Кого я обманываю? Я всегда это знала, чувствовала... Это у Светки золотистые локоны, взгляд соблазнительницы и авантюрный характер. А я, такая совершенно незаметная и так удачно оттеняющая красоту....

Мы тогда жутко поссорились. Потом еще пару раз поговорили.... Чаще всего после таких разговоров мне хотелось удавиться или уйти, куда глаза глядят. Опять я пожалела о том, что согласилась с теткой.... Ладно, мирились раньше, помиримся и в этот раз. Просто сегодня я на мгновение почувствовала себя самой — самой, а Светка все испортила, сдернув меня с небес и хорошенько шмякнув о землю. Но стоит ли на нее обижаться, если она, как

всегда, права? Надеяться мне не на что.

Константин, естественно, не позвонил. Ни на следующий день, ни через два. Я перестала ждать, успокоилась и уже не дергалась от каждого телефонного звонка. Подумаешь, очередной облом, а на лице подруги ясно читается «что я тебе говорила». Переживу!

Мы не разговаривали почти две недели, еще один невеселый рекорд для нашей дружбы. Потом помирились (а куда я денусь) и она клятвенно пообещала мне больше не вмешиваться (как и всегда). Мирный договор был скреплен уничтожением торта с розочками и остаток вечера мы болтали.

Мне пересказали все сплетни, просветили по поводу последних модных тенденций и прочитали сто сорок пять сообщений от Саши. У меня все было более прозаично. Главной новостью был неожиданный медосмотр. Кому и зачем понадобилось гонять десяток дам не первой молодости (ну и меня в придачу) по врачам не знал никто, и мы, проклиная начальство, три дня бродили из кабинета в кабинет. Я как раз рассказывала об этом Светке, когда зазвонил телефон.

— Это Саша, — просияла она и схватила трубку.

А я собралась на кухню, их разговоры были на редкость долгими, розовыми и сопливыми. Но подруга неожиданно протянула трубку.

— Это тебя...

— Алло, — растерянно сказала я.

— Кира, вы меня наверно не помните, — раздался приятный мужской голос. — Вы дали мне свой телефон, в «Радуге». Я Костя.

— Помню, — промямлила я.

— Мне пришлось срочно уехать. И я боялся, что вы забудете.... Вы мне очень понравились, Кира, — немного задыхаясь сказал он.

Все слова у меня неожиданно закончились. Что говорить? Я уже и надеяться перестала...

— Кира? — беспокоился он. — Вы меня слышите?

— Да... все в порядке, — выдохнула я.

— Мы можем встретиться?

После этого вопроса я снова выключилась. Мне назначали свидание!?

— Кира? Если завтра вечер занят, я пойму.

— Нет-нет, завтра... я могу. Завтра.

Эти несколько слов выдались из меня с большим трудом.

— Я могу заехать за вами? В шесть?

— В шесть? Ну... да, в шесть.

— Спасибо, — мягко сказал он. — Я буду с нетерпением ждать встречи.

Прежде чем повесить трубку, я несколько минут стояла и тупо слушала короткие гудки. У Светки глаза были, как блюдца. Когда мы обе вышли из ступора, она несколько раз заставила меня повторить все, что он сказал. Остаток вечера я просидела около телефона, глупо улыбаясь и не обращая внимания на ее язвительные замечания. Константин Светке явно не нравился.

На следующий день я осознала смысл теории относительности. Для всего человечества ничего не изменилось, но в отдельно взятой квартире время остановилось. Прошли столетия, прежде чем стрелки подползли к шести часам и десятилетия с той минуты, как я при полном

параде уселась на тумбочку в прихожей.

Подруга, с видом знатока, по третьему заходу бубнила «Правила поведения на первом свидании», смешно, сама-то она этих правил никогда не придерживалась.

— Светка, у меня уже голова болит от твоих ценных указаний. Не действуй мне на нервы, помолчи!

— Он мне не нравится, — решительно заявила она. — Он слишком симпатичный...

— Я тоже не урод.

— Не урод, но и смотреть особо не на что.

— Закрой рот.

— А тебе одного раза мало было?

— Лучше уйди.

— Это я к тому, что ничего хорошего из вашего общения не получится. Можешь меня ненавидеть, но не могут такие парни как этот Костя западать на девушек вроде тебя без ОСОБОЙ причины.

— А может это любовь? — прошипела я, со злостью рассматривая свое невзрачное отражение в зеркале. — И я уже тебя ненавижу!

— Ага, любовь, — продолжала добивать меня подруга. — С первого взгляда. Думаешь, он просто так полчаса на тебя пялился из своего угла, прежде чем танцевать пригласил? А какие мальчики там с ним тусовались, заметила?

— Зато ты заметила.

— А как же! Классные мальчики, стиль и деньги в одном флаконе! Ты могла заинтересовать их только по одной причине, дорогуша, — Светка выдержала многозначительную паузу. — Поспорили на тебя мажоры, а теперь комедию разыгрывают!

Если бы не звонок убила бы, честное слово! Я рывком открыла входную дверь, а там... стоял Костя и улыбался. Он смотрел на меня, совершенно игнорируя Светку, которая надулась, фыркнула и протопала в комнату, демонстративно хлопнув дверью.

— Что-то не так? — спросил он, протягивая мне букет.

Ну не может человек так притворяться! А Светка просто ревнует, неожиданно дошло до меня. Привыкла, что я вечно на подхвате.

Константин был таким милым, таким обаятельным и таким галантным! Рядом с ним я чувствовала себя капризной красавицей. Вот уж не думала, что мои современники могут так красиво ухаживать.

А Светке он все равно не нравился, чем дальше, тем больше! Она больше не говорила мне гадостей, но вела себя, как сумасшедшая мамочка, выпрашивая у Кости подробности о его личной жизни, работе, родственниках, детских болезнях, порочащих связях и наличии собственной жилплощади. Мне было стыдно, и я старалась свести их общение к нулю. Получалось плохо, но Константин был более чем вежлив, а Светка бесилась.

Особенно ее нервировал тот факт, что за все время нашего знакомства мы с Константином ни разу не поцеловались по-настоящему (сама сказала, никто за язык не тянул!), ограничиваясь чисто символическими прикосновениями.

Костя всегда уходил от моих мягких намеков, мотивируя «особенными отношениями которые слишком дороги».

Она считала это ненормальным.

— Он извращенец, Кира! Маньяк! Вот подумай, нормальный здоровый парень, типа

сходит с ума от любви! Но при этом держит тебя за руку и вздыхает. У него точно что-то не в порядке! Да он наверняка тебя заманивает.

— Куда?

— Да куда угодно! Вы уже фиг знаете, сколько встречаетесь, а толку ноль!

— Света, ну не все же такие, как вы с Сашкой! Я домой возвращаться боюсь. Вы все время Камасутру разучиваете.

— Это нормально! — возразила Светка. — Сашка нормальный и желания у него тоже... естественные. А твой рыцарь — извращенец! И вообще, я ему не доверяю, уж слишком он идеальный, до тошноты!

Через полтора месяца наших платонических отношений Константин сделал мне предложение, точно, как в романе. С кольцом, шампанским, цветами и вставанием на одно колено. Светка залпом выпила свой бокал, закрылась в ванной и наотрез отказалась идти с нами в ЗАГС подавать заявление.

А вечером, зажав Костика в углу дивана, я решила взять инициативу в свои руки. Запинаясь на каждом слове и ужасно краснея, спросила у жениха, почему он ведет себя, как монах, если я не против. Константин чмокнул меня в щечку и, улыбаясь, сказал:

— Дорогая, я хочу сохранить чистоту наших отношений до свадьбы.

После этого я почувствовала себя похотливой дрянью и больше эту тему не поднимала. А утром, ляпнула об этом Светке (похвасталась высокими отношениями!), а она, вместо того чтобы восхититься, расхохоталась мне в лицо.

— Точно, ненормальный! Наверняка какая-то гадость на уме. Зачем жениться, если держаться за руки можно и без штампа в паспорте? Вы же знакомы всего ничего! А может он все врет? А может он торговец людьми? Продаст тебя в какой-нибудь бордель в Турции и привет! Или еще хуже, на органы разберет, может ему кредит выплачивать нужно!

— С твоим больным воображением тебе нужно романы писать или сценарии к сериалам.

— Наивная ты!

— Кому я в борделе нужна, рожей не вышла. И органы мои никому даром не нужны.

— Дура! — хмыкнула Светка и с отвращением добавила. — Много ты про бордели знаешь и на такую любители найдутся. И на органы свои не наговаривай!

Это было неприятно, но я решила не заморачиваться, списав все на оскорбленное самолюбие подруги.

— Сердишься, что первая замуж выхожу? Успокойся, я тебе букет прямо в руки кину.

— Вот спасибо, — буркнула Светка и опять заперлась в ванной.

Я плюнула на ее непрерывное ворчание, летала как на крыльях, улыбаясь и радуясь жизни. Со мной даже в метро знакомиться пытались!

За несколько дней до торжества Константин решил представить меня своему родственнику. И все мои страхи по поводу собственной невзрачности тут же подняли голову.

— Дядя Родион очень хороший и прекрасно к тебе отнесется, — успокаивал меня жених. — Жаль, что вся остальная родня не сможет приехать.

Родственник оказался вполне вменяемым и немного похожим на лысого Санта Клауса. Он тактично расспрашивал о моей семье, работе и планах на будущее, был вежливым и доброжелательным, но несколько раз я ловила на себе его странные взгляды, будто я диковинное насекомое или экспонат кунсткамеры. Было такое чувство, что дядя и

племянник чего-то не договаривают, многозначительно перемигиваясь, и это портило все впечатление от встречи. Если остальные родственники Константина такие же, как этот, то веселым семейным застольем можно помахать ручкой.

В конце вечера Костя, в очередной раз, переглянувшись с родственником, сообщил, что сразу после ЗАГСа мы уезжаем в свадебное путешествие.

Когда я сказала об этом Свете, ее возмущению не было предела.

— Жлобы и скряги! Свадебное путешествие, как же! В деревне с коровами будет твое путешествие, а дядька этот прикидывал, потянешь ты хозяйство или нет!

Очередная волна Светкиной паранойи заставила меня набраться смелости и настоять хотя бы на скромном банкете.

— Я заказала столик в кафе. Гостей немного, только близкие мне люди. Это будет не честно, взять и уехать.

— Но билеты..., - почему-то испугался Константин.

— Ничего страшного, — перебил его дядя, — немного задержитесь, так даже лучше. Никаких лишних вопросов, — пробормотал он.

— Зачем расстраивать невесту? Кто приглашен?

И хотя он мило улыбался, глаза были холодными и колючими.

От этого взгляда мне стало не по себе и я, отчего-то смущаясь, заговорила, будто оправдываясь.

— Гостей совсем мало! Мои коллеги, квартирная хозяйка и Саша, парень Светы, вот и все.

— И правда немного, — согласился дядя.

— Мы без труда со всем справимся. Главное, чтобы наша невеста была довольна, — и он потрепал меня по щеке, но рука у него была холодная, как рыба.

Вечером, накануне свадьбы мы с Константином почти не разговаривали. Просто молча бродили по улицам, пока не стемнело. Мне впервые пришло в голову, что в словах Светы есть определенный смысл, и я слишком тороплюсь замуж. Но прощаясь, жених был так обворожителен, что я отмахнулась от своих подозрений. Все невесты волнуются перед свадьбой, разве нет?

Платье у меня было самое простое. Подруга, помогая мне одеться, ворчала, что жених ни разу не поинтересовался, есть ли вообще у меня свадебный наряд.

— Ты хоть спросила, кольцо-то он купил? Вот увидишь, ко всему прочему, муженек твой окажется еще и скупердяем, каких мало.

Но, несмотря на ворчание, умелые Светкины руки сделали из меня очень милую невесту. Разглядывая себя в зеркало, я решила, что мой рост, фигура и неопределенное выражение лица вполне сносно смотрятся и даже чуть-чуть привлекательны.

— Ты очень миленькая, — улыбнулась она моему отражению.

Мои глаза мгновенно наполнились слезами и, увидев это, она тут же заорала:

— Прекрати хныкать! Зря я, что-ли, целый час тебя красила, сейчас все потечет, — и, сунув мне букет, потащила вниз по лестнице.

— Ну и фрукт твой жених, не мог по-человечески приехать, забрать невесту. Денег на машину пожалел! Скажи спасибо, что я такси вызвала, а то бы топали пешком три квартала, — ворчала она, усаживая меня в «Волгу».

Жених, как и положено, встречал нас у входа. Светка, еще не выбравшись из машины начала критиковать его темно-коричневый костюм.

В небольшом холле нашего районного ЗАГСА было тихо и пусто. Я ожидала увидеть здесь гораздо больше народа.

— Так что, — язвительно поинтересовалась Светка. — Кино отменяется? Где все?

— Придержите язык, девушка! — окрысился дядя Родион.

— Наши гости будут ждать нас в кафе, — быстро сказал Константин.

— Это сюрприз, — смущенно добавил он. — Ты не должна ни о чем волноваться.

— А я и не волнуюсь, — успокоила я его.

— А я волнуюсь, — настаивала Светка. — Мне все это не нравится.

— Ваше мнение, дорогая, никого не интересует, — тут же заявил дядя Родион.

Я дернула Светку за рукав, не хватало еще, чтобы моя свадьба началась со скандала.

— Мы приносим свои извинения, — появление регистратора было как нельзя кстати. —

Вам нужно подождать всего несколько минут, у нас небольшая накладка.

Светка недовольно сморщилась и уселась на диванчик в углу.

— Не порть мне праздник, — шепнула я ей и улыбнулась Константину.

Десять-пятнадцать минут ожидания ничего не значат.

В отличие от меня и Светки, сидевшей с безразличным видом, Костя и его дядя страшно нервничали. При каждом звуке, шедшем из глубин помещения, они вздрагивали и напряженно смотрели на двери. Я попыталась начать разговор, но жених натянуто улыбнулся, поцеловав меня в щеку сухими холодными губами, и начал шептаться со своим родственником.

Через десять минут дядюшка не выдержал и отправился на поиски регистраторши. Вернулся он быстро, буквально трясясь от злости.

— Хамство какое, — поджав губы, шипел он.

А еще через десять минут начала нервничать я. Очень трудно сохранять спокойствие, когда будущий муж ходит из угла в угол, как зверь в клетке, его дядя непрерывно ругается с кем-то по телефону, а подруга сидит рядом и злорадствует.

Стены неожиданно начали давить на меня, внутри все задрожало, а во рту появился медный привкус. Светка сжала мою руку и прошептала:

— Давай убежим?

Я была уже почти готова это сделать, когда где-то в глубине помещения хлопнула дверь и послышались торопливые шаги.

— Ну, наконец-то, — с облегчением выдохнул дядя и похлопал Константина по спине. — Скоро все закончится.

— Ты готова? — голос моего жениха вернул мне присутствие духа, и я смогла встать.

Створки дверей распахнулись с такой силой, что с потолка посыпалась штукатурка, родственник Константина просто талант! Так вывести из себя регистраторшу-божьего одуванчика не каждому дано. Мне захотелось поделиться этой мыслью с подружкой, но Светка смотрела поверх моего плеча, открыв рот. Я обернулась.

Он не мог быть настоящим. Такие не шляют по ЗАГСам, а если им вдруг приспичит жениться, то они делают это в Вестминстерском аббатстве. Высокий, элегантный, аристократичный, атлетически сложенный.... Светка за моей спиной судорожно вздохнула и прошептала: «Я сейчас умру.»

Он источал власть и силу, а потом сделал шаг вперед... Похожее чувство я испытывала только один раз, когда рассматривала тигра в зоопарке. Красивое и грациозное создание, острые когти, спрятанные в мягких лапах.

— Принц..., - выдохнула рядом Светка и ей подарили обворожительную улыбку. Подруга, сверкнув глазами, тут же сделала шаг вперед.

— Ты не представляешь, как я рад тебя видеть, — «принц» отодвинул ее в сторону и обнял меня.

Ничего не понимая, я оглянулась на Светку, но она только беспомощно глотала воздух.

— Ты не представляешь, как долго мы все ждали этой встречи, Кира! — глубокий, с легкой хрипотцой голос, был наполнен нежностью.

— Кто вы? Мы знакомы? — я смотрела в бархатные серые глаза и отчаянно краснела.

— Считаю меня братом, — ответил он, и снова обнял. Объятия были несколько более горячими, чем положено родственнику и вызвали у Светки предсмертный вздох.

— Обалдеть! — всхлипнула она.

«Принц» кивнул ей, и она с идиотским видом плюхнулась на диван.

— Позаботьтесь о моей сестре, — попросил он, бережно усаживая меня рядом.

Светка тут же вцепилась мне в руку, быстро-быстро кивая головой, достаиваясь еще одной божественной улыбки.

— Странная встреча, вы не находите? — обратился он к жениху и его родственнику. Его голос холодел с каждым словом, дойдя в конце до абсолютного нуля.

Это было очень странно. Они были не смущены, а напуганы. И они определенно знали этого парня! И почему, никто не сказал мне, что у меня есть «брат», о котором я не слышала никогда в жизни?

— Я хочу услышать связные объяснения, — настаивал «братишка». — Мне неприятны махинации, в которые вовлечен член моей семьи.

Не знаю, что чувствовали Константин и дядя Родион, но от интонаций незнакомца мне стало страшно. Улыбка исчезла с его лица, в нем не осталось ничего от прекрасного принца. Светка рядом со мной начала трястись, а дядя Родион, пошел красными пятнами.

— Вы, Тангар, опоздали, — буркнул он. — Девушка не свободна.

— Разве? — Тангар (а как еще он мог называться с такой внешностью?) скептически посмотрел на моего жениха.

— Проблем будет гораздо меньше, если вы скажете правду. Я опередил Савара всего на несколько минут.

Упоминание этого «Савара» произвело эффект разорвавшейся бомбы. Константин страшно побледнел и медленно осел на пол. Я попыталась броситься к нему, но Светка меня удержала. А мой новоявленный братец усмехнулся.

— Будет лучше, если ты останешься на месте, Кира. Твои порывы могут значительно усложнить ситуацию, — он по-прежнему улыбался, но улыбка была зловещей.

— Да будь ты мужиком! — рявкнул дядя, и Константин заработал тычок в ребра. — Он блефует, заканчивай что начал.

— Девчонка согласна, а раз так, никто ничего не изменит.

— Вы уверены? Она еще ничего никому не обещала, — тихо произнес Тангар и небрежно пожал плечами. Он даже улыбнулся им, но это, каким-то образом, сделало выражение его лица еще более опасным.

— Наш мальчик слишком труслив или... умен. Неужели вы думаете, что я или... Савар,

случайно узнали об этом фарсе?

После этих слов Константин, и так тяжело дышавший в своем углу, захрипел, а позеленевший от ярости дядюшка обрушил на моего несчастного жениха поток площадной брани.

— Не слушай их, — мой неожиданный родственник опустился передо мной на одно колено, и сердце тут же провалилось куда-то вниз.

— Мне неприятно смущать тебя, но я должен знать..., - он вздохнул. — Вы... были близки?

Мне показалось или он действительно покраснел?

— Они ни разу не поцеловались по-настоящему! — Светка сказала это прежде, чем я успела ответить.

— Это все упрощает, — просиял «братик».

— Я помогу вам избежать неприятностей, если вы двое сейчас же покинете это место, — снисходительно пообещал он шипящим друг на друга мужчинам.

— Ну, уж нет, — неожиданно заорал дядя. — Девчонка наша. У вас нет на нее никаких прав! Что ты сидишь, щенок! — Константин заработал еще один пинок.

— Это твой прокол! Нужно было не жевать сопли, а переспать с этой маленькой дрянью, как я говорил! Тоже мне, чистоплюй! Подумаешь толстуха с коровьими глазами!

Я забыла, как дышать. Ощущение, что мне только что дали под дых было полным. Злые слезы застилали глаза, но глотать обиду молча...? Светка не права, я многому научилась за четыре года, бежать и прятаться я больше не буду! Я запустила своим букетом в Константина и влепила пощечину дядюшке, что немного улучшило мое настроение.

Но мне все еще было очень плохо. Гадость какая! Я знаю, даже кипяток с хлоркой не смогут смыть с меня это ощущение. Ну почему я так легковерна? Меня опять унизили, осквернили и бросили. За что? Неужели я настолько отвратительна? «Дорогая, я хочу сохранить чистоту наших отношений до свадьбы...», сволочь!

— Да чтоб у тебя все, что снизу отвалилось, а все что сверху парализовало! — прошипела я съезжившемуся жениху и повернулась к двери. Я знала, что слезы испортили всю мою нарисованную красоту, но мне было плевать.

Постоянно смахивая соленую воду, заливающую глаза, я шла к выходу, но меня остановили.

— Отпусти! — взвизгнула я, дергаясь в руках «братика». — Как я вас всех ненавижу! Проваливайте... на... к... мне... на всех вас! Чтоб вы сдохли!

Я отчаянно вырывалась из рук Тангара, и он был вынужден меня отпустить, пятясь к двери, я выкрикивала сквозь рыдания все ругательства, какие приходили мне в голову.

Мой неожиданный родственник смотрел на меня с улыбкой, пожалуй, даже с восхищением. Дядя, с багровой щекой (правду говорили, что у меня рука тяжелая!), в бессильной ярости, сжимал и разжимал кулаки. Константин, урод, при каждом моем слове дергался, как от удара, а Светка сидела, открыв рот, будто видела меня впервые.

Отступая к двери, я налетела на кого-то, обернулась, и не упала в обморок только потому, что была в бешенстве. В дверях стоял еще один незнакомец. Он был очень большим, потому что загораживал собой почти весь дверной проем, у него было перекошенное от ярости лицо, мертвые глаза серийного убийцы и волосы невозможного в природе красного цвета.

— Мама дорогая! — выдохнула Светка.

— Невеста? — тут же вскинулся он.

И тут дядя Родион вдруг зашелся противным лающим смехом, указывая на меня пальцем.

— Радуйся, дура! Какой женишок нарисовался! Правда, красавчик?

Меня бесцеремонно встряхнули и без всякого усилия подняли за плечи.

— Невеста!?! — чудовище презрительно поджало губы, посмотрев на меня так, как смотрят на кучу отбросов.

— Это ты орала? Интересные словечки знает моя нежная леди, а, Тангар? Это точно она? — он быстро схватил мою руку, коснувшись бабушкиного кольца.

— Уверен, — твердо ответил мой «родственник». — Но я не думаю, что ты понравишься ей, если будешь трясти ее, как грушу.

— А она вовсе не такая красотка, как я ожидал! — заявил монстр, прижимая меня к себе. От него пахло потом, кожей и кровью, меня затошнило и это вывело меня из ступора.

— А пошел ты на...гад!

Но он легко перехватил мою руку, схватив ее своими железными пальцами.

Я сморщилась от боли, а он довольно ухмыльнулся и сказал.

— Следи за своими руками, цветочек, а то забудешь, что они у тебя были.

А потом, громко чмокнув в губы, бросил меня рядом со Светкой на диван, как мешок с картошкой.

— Сиди молча! — велел он, переводя взгляд на забившихся в угол Константина с дядюшкой.

— Тебя, Ловец, нужно убить только за то, что ты нацепил на нее эту уродливую тряпку, — лениво протянул он, тыкая пальцем в моего неудавшегося жениха.

Мы со Светкой переглянулись. Конечно, платье было простеньким, но очень милым.

— Хам, — яростно прошептала я, не обращая внимания, на дергающую меня за рукав подругу.

Он услышал и послал мне воздушный поцелуй, сопровождаемый акульей улыбкой. Светка дернулась и начала тихонько подвывать.

— А это что? — хмыкнул он, выдернув из рук Константина маленькую бархатную коробочку.

— Вот еще одна причина для твоей смерти! — колечко, тоненько звякнув, укатилось в угол.

— Успокойся Савар, — «братик» положил руку ему на плечо. — Никто не умрет. Ты дал слово.

— Я дал, я и заберу, — стряхивая его руку, произнес этот Савар, все еще нависая над Константином.

Мой жених закрыл глаза и втянул голову в плечи. Мне стало его жалко, он конечно гад, обманщик и сволочь, каких мало, но... он не заслужил такого. Я вырвалась из Светкиных рук и бросилась к нему, забыв обиду.

— Оставь его в покое, скотина!

Тангар перехватил меня, ухватив за подол. Платье тут же затрещало по швам. Рыжий довольно ухмыльнулся и рывком поднял Константина с пола. За горло. Одной рукой. А потом, держа его на весу, повернулся и посмотрел на меня.

Глаза были жуткими.

— Ты оказала ему плохую услугу, цветочек, — ухмыльнулся он.

Я видела, как смуглые пальцы все сильнее сжимаются на шее Константина, который синел и хрипел, но не сделал, ни единой попытки вырваться. Я снова дернулась в руках Тангара, стараясь освободиться.

— Он маньяк! — яростно зашептала Светка, — Стой, дура!

— Это только слова, Альдо, — медленно произнес Тангар. — Между ними ничего нет. Ловец жаден и труслив, но не глуп. Он никогда бы не решился на такое, если бы не подстрекательства полковника. Я думаю...

— Ты слишком много думаешь, Тангар, — с презрением в голосе ответил Альдо, но руку разжал.

Константин рухнул на пол, судорожно хватая воздух.

— Если ты хочешь, чтобы он жил, оставайся на месте, — отпуская, шепнул мне Тангар.

Светка тут же дернула меня назад на диван.

То, что происходило до сих пор, было только началом кошмара. Мой, так неожиданно появившийся «братец», с трудом удерживал рыжего маньяка от убийства Константина и его дорогого дядюшки, которого все дружно называли «полковником». Савар кидался на них как зверь, буквально. Дядя — полковник, брызгая слюной, пытался что-то доказать, а Костя, сидя на полу, слабо отбивался от нападков всех троих. Мы ничего не понимали, язык, на котором они орали друг на друга, был незнаком. А когда он, привстав, начал что-то быстро говорить, указывая на дядю, а потом на меня, Рыжий ударил. Голова Константина дернулась, и он упал, заливаясь кровью.

У меня сложилось такое впечатление, что Савару не хватает совсем чуть-чуть, чтобы действительно кого-нибудь убить. Я смотрела на него, не в силах пошевелиться, не понимая, что Светка настойчиво тянет меня в сторону выхода.

Мужчины были так заняты выяснением отношений, что не заметили нашего бегства. Мы выскочили на улицу и нам почти сразу удалось поймать такси. Всю дорогу до дома мы молчали.

Как только мы оказались в квартире, Светка сразу же закрыла дверь на все замки и привалилась к ней спиной. А потом уселась на пороге и криво улыбнувшись, сказала.

— Знаешь подруга, а классная у тебя свадьба получилась! Мне ее в жизни не переплунуть!

Мы одновременно начали смеяться, но постепенно наш смех плавно перешел в истерический хохот, а потом в слезы. Мы сидели на полу и ревели в два голоса. Но от мысли, неожиданно пришедшей мне в голову, мои рыдания резко оборвались.

— Нам нужно срочно отсюда уходить, — глядя в залитое слезами лицо подруги, сказала я.

— Точно, — Светка мгновенно перестала плакать и, вытирая сопли, кинулась собираться. Мы носились по квартире, как сумасшедшие, поминутно натыкаясь друг на друга.

Наши суматошные сборы были прерваны неожиданным появлением Константина.

Выглядел он ужасно. Костюм порван, рубашка залита кровью, галстук сбился на сторону. Лицо выглядело хуже всего. Собственно, его (лица) почти не было, а был один большой синяк. Один глаз полностью заплыл, но другой сверкал ярким лихорадочным блеском.

Светка презрительно сморщилась.

— Явился! А мы думали ты до сих пор там, сидишь в углу. И, кстати, как ты вошел?

— У вас дверь открыта, — быстро сказал он. И, не обращая внимания на ворчание Светы, взял меня за руки.

— Кира, нам нужно немедленно уходить отсюда... дядя Родион, будет ждать нас..., - но я его перебила.

— Тебе не противно до меня дотрагиваться? Я же «толстая корова», а дверь мы закрыли. Ты даже сейчас врешь! Я не хочу видеть ни тебя, ни твоего дерьмового дядюшку.

— Все что он сказал там, это... так было нужно! Я все объясню, но сейчас на это просто нет времени. Нам с по... дядей удалось уйти, когда эти двое начали драться друг с другом.

— Я тебе не верю!

— Я виноват, что не объяснил тебе всего раньше, но кто же думал, что явятся... эти!

— Уходи.

— Во-во, катись отсюда! Нет, ты слышишь, что говорит этот поганец! Он сначала хотел окольцевать тебя, а потом рассказать, во что ты вляпалась! Я никогда ему не доверяла!

Константин так глянул на Светку, что та подавилась своими словами.

— Мнением слабоумной куклы никто не интересуется! А ты должна уйти со мной прямо сейчас! — рывкнул он.

— Сам ты слабоумный! — заорала Светка. — И двери были закрыты! Как ты вошел?

— Заткнись! — прошипел Константин, неожиданно яростно. — Нам нужно уходить. Кира, ты должна пойти с нами, от тебя слишком многое зависит.

— Нет!

— Кира, ради меня... я же нравлюсь тебе, свадьба не отменяется.

— Отменяется!

— Пускай! Я ничего от тебя не требую, но послушай, этот... человек... Савар, он ужасен, он монстр, убийца, маньяк! Он не остановится, он будет преследовать тебя. Единственный шанс спастись — пойти сейчас со мной, — быстро заговорил он, протягивая мне руку.

— Я бы на твоём месте поинтересовалась, с чего бы этот маньяк стал гоняться за тобой и откуда черти принесли неизвестного родственничка! — начала Света.

— Лучше молчи! — отпихнул ее Константин. И, обернувшись ко мне, продолжил.

— Пожалуйста, Кира, ты очень важна! Не только для меня, для всего... человечества! Давай уедем, у нас нет времени на объяснения, ты должна мне верить! Ты все узнаешь потом.

— Ни фиги себе!! — прошипела Светка. — Не вздумай!

И тут Константин упал на колени и завыл, как смертельно раненое животное.

— Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста... Меня убьют, меня будут убивать медленно. Кира я прошу тебя, я что хочешь сделаю, только пойдём....

Я не могла спокойно смотреть, как человек унижается, даже такой дерьмовый.

— Хорошо, только переоденусь, — кивнула я.

— Сумасшедшая, — процедила сквозь зубы Светка.

А Константин устало прислонился к стене.

— Быстрее, — он судорожно вздохнул, — времени совсем нет.

Закрывшись в ванной, я умылась, стараясь не смотреть на себя в зеркало. Переоделась в джинсы и майку, глубоко вздохнула, открыла дверь и меня тут же схватили за шкуру.

— Кто придумывает такую уродливую одежду для тебя? Это еще хуже, чем раньше, — усмехнулся маньяк из ЗАГСа. — Зачем ты носишь эти мерзкие вещи?

И никакого беспорядка в одежде или следов борьбы. Выходит, женишок опять мне соврал! Я поискала его глазами, бессовестный врун валялся ничком, заливая хозяйский ковер кровью.

— Тебе не стоит беспокоиться о нем, эта тварь очень живучая, — он встряхнул меня, как тряпку.

— Я велел тебе сидеть и молчать.

— Бабушкой своей командуй! — я со всей силы наступила ему на ногу (жаль не вовремя сняла шпильки!).

Глядя на меня злыми глазами, Альдо счастливо рассмеялся.

— Приятно, когда у девушки есть характер!

— Прекрати этот цирк, — мрачно заметил Тангар. — Мы должны уходить. Полковник, наверняка собирает подкрепление.

— Не бойся Кира, — и он ободряюще мне улыбнулся.

— Все разговоры потом, — его голос был ровным и спокойным. — Да отпусти ты ее, Альдо! Она и так напугана до смерти.

— Она не напугана, — возразил Савар, не отпуская меня, хотя я пыталась вырваться, дергаясь и пиная этого дикаря.

Но толку от этого было — ноль! С таким же успехом я могла бы бить камень.

— Я забираю ее сейчас же! — сказал Альдо, резко дернув меня к себе и обхватив руками. — Я не желаю повторять прошлые ошибки.

— Так нельзя, — рассудительно начал Тангар. — Мы договорились, что ей все нужно объяснить, она должна знать, что происходит. А ты будешь гостем в Рейвене, пока Киран не освоится и привыкнет к своему новому положению.

— Она начнет привыкать прямо сейчас, — оборвал его Савар. — Мы уходим. Это хорошо, что ты собралась, мой цветочек, — выдохнул он мне в ухо.

Я задержалась с удвоенной силой, но Альдо только язвительно улыбался.

— Не смейте обращаться со мной, как с вещью, — завопила я.

— Прекратите сейчас же! — пискнула Светка. — Я вызову милицию!

Мужчины тут же уставились на нее с таким видом, как будто только сейчас заметили ее присутствие.

Альдо нехорошо прищурился, но Тангар его опередил, шагнув к Светке, он резко провел рукой по ее затылку. Моя подружка тут же обмякла и упала ему на руки. Глядя на ее бессильно опущенную голову, я взвыла и укусила Альдо за руку, так сильно, что почувствовала соленый вкус его крови. Он выпустил меня, ругаясь на незнакомом языке, и я кинулась к Светке.

— Успокойся, — ласково сказал Тангар. — Она спит. С ней все будет хорошо. Она проснется через несколько часов. Ты можешь оставить ей записку и дать ей знать о себе, но позже, — он говорил со мной, как с капризным ребенком.

— Я никуда не пойду, — твердо ответила я, стараясь оттолкнуть от себя его руки.

Светка и в правду спала, улыбаясь во сне.

— Мне это надоело, — обиженно заявил Савар, потирая укушенную руку. — Усыпи ее и уходим.

— Не получится, она ведь... не человек, Альдо, — устало сказал Тангар. — И пока мы можем только уговаривать. А ты не имеешь на нее никаких прав до церемонии.

— Ну, так они сейчас у меня появятся, — прорычал он.

— Что значит не человек..., - начала я и тут же подавилась этими словами.

Я с ужасом смотрела, как Альдо, усмехаясь мне в лицо, отдал резкий приказ и в комнату вошел смуглый парень с небольшой шкатулкой в руках. Альдо рывком открыл ее и прежде чем Тангар успел помешать, защелкнул на моих руках браслеты из желтого металла с россыпью кроваво-красных камней.

— Появились ли теперь у меня права на нее, а Тангар? — язвительно поинтересовался он. — Церемония проведена, не так ли? Мы уходим.

От всего происходящего у меня закружилась голова, вокруг все подернулось какой-то дымкой, и я провалилась в темноту.

Я пришла в себя в машине, крепко зажатая между Тангаром и Альдо. Увидев, что я очнулась, Савар недовольно проворчал.

— Могла бы изображать обморок еще минут десять, проблем было бы гораздо меньше.

Я закрутила головой, пытаюсь понять, куда меня везут. За окнами машины мелькнул указатель — «Аэропорт».

Увидев голубую табличку, я мгновенно вспомнила предположения Светки о торговле людьми и отчаянно завозилась.

— Предупреждаю, я устрою настоящий скандал, вам не получится увезти меня. Я буду кричать, и звать на помощь!

— Еще как получится, — прошипел Альдо и вытащил из кармана нечто похожее на спичечный коробок.

— Я против этого, — тут же вскинулся Тангар.

— Не твое собачье дело, — огрызнулся Альдо.

Вид этой коробочки привел меня в состояние такого ужаса, что у меня внутри все похолодело. Альдо удовлетворенно хмыкнул и открыл ее. Внутри оказалось нечто желтоватое и остро пахнущее. Подцепив на кончик пальца немного этого вещества, Альдо повернулся ко мне.

— Держи ее, Тангар.

Отчаянье придало мне сил, но, стараясь быть как можно дальше от Альдо, я все ближе прижималась к своему «братцу».

А он лишил меня возможности двигаться, обняв одной рукой за плечи, а другой крепко взяв за подбородок.

— Успокойся, — зашептал он мне. — Это всего лишь снотворное. Тебе не причинят вреда.

От ужаса я зажмурилась и крепко сжала губы.

Я чувствовала, как сильные пальцы Альдо, сначала нежно коснулись рта, потом подбородка, опустились на шею, потом на грудь. Его пальцы были твердыми и горячими, а ужас, который я испытывала, моментально испарился. От необычного ощущения я выгнулась в руках Тангара.

— Какого черта ты делаешь, Савар! — прорычал он.

— А что такого? — со смехом ответил Альдо, еще раз касаясь пальцем моих полураскрытых губ. — Она же мне не чужая.

Я почувствовала приятный холодок, как от мятных конфет, который, распространяясь все дальше, окутал меня истомой. Все мое тело расслабилось, мне казалось, что я лечу.

Тангар отпустил меня, и я упала на руки Альдо.

— Спи, — почти ласково сказал он.

Я резко поднялась, и некоторое время беспомощно озиралась по сторонам. Голова немного кружилась, но в остальном все было нормально. Я сидела на кровати с легким белым пологом. Теплый, пахнущий розами и солью ветер лениво шевелил его, свободно гуляя по комнате.

За увитой цветами аркой, глухо шумело море и качались верхушки пальм. Я со страхом оглянулась, вспоминая Светкины страшилки о турецких борделях и торговцах органами.

Кровать, на которой я сидела, стояла ровно в центре комнаты на небольшом возвышении, вокруг нее были раскиданы яркие подушки. Каменный пол покрывали разноцветные веселые коврики, а сзади, у стены, стояло огромное зеркало в тяжелой раме, изящный резной комод, сундук и легкое кресло. Три остальные стены представляли собой сплошную череду арочных проемов. Некоторые из них, сплошь увитые цветами, вели на террасу, а другие были задернуты плотной тканью. С каждым порывом ветра, колыхавшего почти прозрачный полог кровати, до меня доносились незнакомые ароматы.

Я осторожно сползла с кровати, только сейчас осознав, что совершенно раздета. Но вместо того чтобы испугаться, по-дурацки уставилась на браслеты на своих руках. Выглядело, на мой взгляд, не очень. Выглядели очень массивно, но их вес почти не ощущался. Самоварное золото! Прощлепав босыми ногами по прохладному полу, я подошла к зеркалу. Оно было старым и немного мутным, но отражение давало вполне пристойное. Лицо, глаза, волосы все было знакомо. Стянув с кровати одну из простыней, я вышла на террасу.

Солнце медленно садилось в море прямо передо мной. Внизу, в зарослях роз пели птицы и все вокруг было ожившей картинкой из «Тысячи и одной ночи», но мне было так страшно, что я едва стояла на ногах. Услышав шаги за спиной, я вцепилась в край простыни и застыла не в силах обернуться. Я бы простояла так целую вечность если бы не противный смех.

Этот... Альдо сидел на подиуме, опираясь спиной о кроватную раму.

— Хорошо ли ты спала, мой нежный цветок?

Я молчала, не зная, что ответить. Тогда он поднялся и направился ко мне. Полы его длинной, до колен рубахи разошлись, открывая грудь и живот. На смуглой коже четко выделялись длинные белые шрамы. Он шел не спеша, позволив лучше себя рассмотреть.

Длинные волосы густые волосы очень необычного оттенка. Крупный подбородок, высокие скулы и прямой нос. Довольно привлекателен, если не смотреть в глаза.

Веко правого глаза было изуродовано — через него проходил шрам, пересекая бровь и придавая этой стороне лица выражение постоянного раздражения. Подойдя ко мне так близко, что я чувствовала тепло его тела, он спросил.

— Страшно?

— Да, — призналась я, но быстро добавила. — Но это ничего не значит! Я найду способ дать знать о себе в консульство, да и Света с Константином знают, где я!

— Света твоя, когда придет в себя, вспомнит, что ты вышла замуж и только. А этот червяк, Константин, будет молчать, радуясь, что выжил. Что касается консульства, в какой стране ты собираешься его искать? — небрежно заметил он.

— В Турции!

— А кто тебе сказал, что ты в Турции? — он откровенно веселился.

— По-твоему я не понимаю, где нахожусь? — разозлилась я, оборачиваясь к морю.

От того, что я увидела, у меня потемнело в глазах. Над морем, заливая все нежным розовым светом, поднималась Луна... две.

— Черт, черт, черт..., - повторяла я, закрыв глаза и мотая головой.

Но это не помогло, я по-прежнему видела две Луны вместо одной.

— Красиво, правда?

— Ты накачал меня наркотиками! — заорала я.

Он схватил меня за плечи и глядя прямо в глаза, яростно зашептал.

— Не смей повышать на меня голос! — сказав это, он оттолкнул меня с такой силой, что я чуть не упала на горшки с цветами.

Схватив глиняную плошку с водой, я запустила этим в Альдо. И попала! В лоб!

Он наклонил голову, смахнул с плеча черепки, фыркнул и нахмурился. Несколько секунд я не могла пошевелиться от ужаса, но ему стоило сделать шаг и я, подвывая, кинулась обратно в комнату, бросая в него все, что попадало мне под руку.

А он шел за мной, с легкостью уворачиваясь от всего, что я в него швыряла. Мы несколько минут бегали вокруг кровати, когда Альдо прорычал:

— Мне это надоело! — и я оказалась у него в руках.

— Почему ты замотана в это? — придавив меня своим телом, он навис надо мной. Его рука легла мне на шею, поднимая вверх лицо.

— Мне нечего надеть, — задыхаясь, сказала я.

— Тут куча одежды.

— Она не моя, я хочу ту, что была на мне, — хрипела я, стараясь оттолкнуть его.

— Та, что была на тебе, мы сожгли.

А потом он схватил меня за плечи, стянул с кровати и почти запихал в сундук.

— Ты будешь носить эту одежду, жить в этой комнате и страшно радоваться этому.

— Одевайся, — прошипел он мне на ухо. — Иначе я сам сделаю это.

Встряхнув еще раз, он отпустил меня. Я осторожно сползла на пол и оглянулась, Альдо стоял ко мне спиной. Трясущимися от страха руками, я вытащила из сундука первое, что попало под руку и, выпутавшись из простыни, натянула на себя. В тот же момент он повернулся.

— Больше никогда не смей этого делать, — тихо сказал он.

— Я тебя не боюсь!

Господи, зачем я это сказала! Альдо прищурился, и мне показалось, что красный огонек лазерного прицела пляшет у меня на лбу.

— Неужели? — прошептал он, рывком прижимая меня к себе.

Меня как будто обожгло, и я дернулась, стараясь вывернуться.

— Боишься? — заглядывая мне в глаза, снова спросил он.

Я и не подозревала что настолько упряма.

— Нет!

— Нет?

Я крепко зажмурилась и замотала головой.

— Ты не оставляешь мне выбора, найлек, — сказал он томным голосом и поцеловал меня в губы.

Я не часто целовалась, но это было именно то, что Светка называла «крышу снесло начисто» и по-настоящему испугало.

Мой испуганный вид обрадовал его.

— Страшно? — снова спросил он, заглядывая мне в глаза.

— Да, — буркнула я.

Он отпустил меня, но остался рядом, самодовольно ухмыляясь.

— Ты голодна? — весело спросил он. — Я, определенно голоден, — и он выразительно посмотрел на меня.

Я тут же метнулась в сторону выхода.

— Оставь, пока я предлагаю тебе только ужин, — и тут же крикнул.

— Нури!

В комнату вошла черноволосая девушка и вопросительно взглянула на нас

— Принеси ужин, — небрежно бросил Савар.

— Она поможет тебе освоиться и выучить язык. Учись быстрее, найлек, — хмуро заметил он.

— Почему?

— Во-первых, — он подошел к арке, ведущей на террасу. — Я хочу говорить с тобой на кауране, а не на твоём варварском наречии. Во-вторых, к тому времени, когда мы отправимся в Тулут, я хочу, чтобы ты могла свободно общаться с окружающими. И, в-третьих, я дал обещание твоему чертовому братцу, что пока ты учишься, у тебя будет время привыкнуть к мысли об этом, — и он махнул рукой в сторону кровати.

— И не надейся! — злорадно пообещала я.

Он мгновенно оказался рядом, я и не думала, что люди могут двигаться так быстро!

— Я дал обещание Тангару, но могу взять назад свое слово. Что Савар хочет, то Савар и берет! — и он легонько приподнял подол моей рубахи.

Я вывернулась.

— Ну-ну, — хмыкнул Альдо. — Сегодня только ужин, найлек.

Двое юношей внесли низенький столик, уставленный множеством блюд, накрытых крышками, и тут же ушли.

— Прошу, — он величественно махнул рукой.

Я решила не ломаться и придвинулась ближе.

Только сейчас я поняла, как голодна! Стоило мне почувствовать запах, как я забыла все на свете. А выглядело все еще лучше, чем пахло!

Некоторое время мы молча ели. Наконец, я набралась смелости и спросила:

— Можешь сказать, где я?

— Что значит где? — мой вопрос вызвал у него искреннее удивление. — Дома.

— Ты, может и дома, а я нет! — возразила я. — И я хочу знать, где нахожусь.

— Уверяю тебя, другого дома, кроме этого, у тебя не будет, — нахмурился он.

Я пожалала плечами и придвинула к себе блюдо с фруктами.

— Странно, — хмыкнул Альдо.

— Что странно?

— А почему ты не вопишь? Не объявляешь голодовку и не бежишь топиться?

— Я не настолько дура! Хочешь знать, что я обо всем этом думаю?

— Ну?

— Что какой-то озабоченный маньяк, без капли мозгов, притащил меня неизвестно куда

и теперь хочет изнасиловать.

— А почему без мозгов? — нахмурился он.

Конечно, то что он озабоченный маньяк его не волнует!

— Потому что умный маньяк забрал бы Светку.

— Эту куклу? — он скривился.

Мало того, что маньяк, так еще извращенец! Вот повезло! Игнорируя его обиженные поджатые губы, я спросила.

— А если я начну истерить и просить вернуть меня обратно, ты это сделаешь?

— Нет.

— Ну вот, так какой смысл тратить силы на крики, я лучше буду по-тихому сосредотачиваться на побеге.

— Ты никуда отсюда не денешься, — доверительно сообщил мне Альдо и улыбнулся.

— Как скажешь, — быстро сказала я, уткнувшись лицом в тарелку. Такой улыбкой крокодилов пугать.

Альдо удовлетворенно кивнул и замолчал. Ужин мы заканчивали в полной тишине. И хотя есть под его пристальным взглядом было не очень приятно, я старалась не обращать на это внимания. Кто знает, когда мне удастся поесть снова!

Когда я с трудом запихивала в себя последний кусочек, неслышно появилась Нури.

— Она поможет тебе подготовиться ко сну, — кивнул в ее сторону Альдо.

— Но я не хочу спать, — испугалась я. — Я только что проснулась, ты сказал...

— Прекрати трястись! — его лицо исказила гримаса отвращения. — Все дело в слайде, снотворном, что я дал тебе. Ты так соблазнительно вырывалась, что я несколько переборщил, — пожал он плечами. — Так что, иди с Нури, пока не заснула прямо здесь, за столом.

— Прошу за мной, ноэль, — прошепел нежный голос девушки.

Поднялась я с некоторым трудом и дело было не только в плотном ужине, голова немного кружилась.

Мы вышли на террасу, и ветер с моря освежил меня. Я, обрадованная тем, что девушка говорит по-русски, спросила:

— Скажите, Нури, а далеко отсюда до города?

Тонкие брови на смуглом лице поползли вверх:

— Мы в городе, — она смотрела на меня с удивлением. — И не нужно говорить мне «вы», ноэль. Тут это не принято.

Я кивнула. На «ты» так на «ты». Город значит? Выберусь отсюда и найду консульство. Наверняка тут наших туристов полно — помогут. А две луны — фокус! Он же сам признался, что я все еще под воздействием этого «слайда».

Делая вид, что я люблю садом в лунном свете, я внимательно огляделась. Спущусь к морю. Вряд ли Альдо огородил весь пляж, а если нет, ничего не помешает проплыть несколько метров, только и всего.

— Тебе нужно умыться, — Нури осторожно дотронулась до моего плеча.

— Хорошо, — с трудом подавляя зевоту, сказала я. — Показывай, где тут ванна.

Ванной это можно было назвать с большой натяжкой. Полукруглое помещение с высоким куполообразным потолком не имело стен, крышу поддерживало несколько колонн, почти полностью увитых местным плющом. Между ними на длинных цепочках висели кованые светильники.

Прямо у моих ног, в небольшом бассейне, качалось море лепестков. На низком столике несколько флаконов и полотенце.

— А почему нет стен? — поинтересовалась я. — Это же неудобно, тут все как на ладони.

— Тебя никто не увидит, — засмеялась девушка. — Это личные покои. Только эр-рех может войти сюда.

— Савар, — добавила она, склонив голову.

— И как я сама не догадалась, — буркнула я, и закрыла глаза.

Вода была изумительно приятной теплоты, а от цветочных лепестков поднимался тонкий аромат.

Как-то после зарплаты мы со Светкой решили пойти в салон красоты. Причем умудрились выбрать самый дорогой. Девушка-администратор, окинув нас презрительным взглядом, тут же сунула нам прайс. наших со Светкой финансов хватало лишь на какую-то маску, и мы тихонько ушли. Больше мы в такие заведения не ходили и вздыхали, глядя рекламу по телеку, в которой постоянно мелькало нечто похожее на то место, где я сейчас находилась.

Я расстроилась, вспомнив подружку, как бы было хорошо, если бы она была со мной! Мое уныние, очевидно, было очень заметно, так как Нури тут же поинтересовалась:

— Ты грустишь?

— Да, — коротко ответила я, отчаянно борясь со слезами.

— Все будет хорошо, — пообещала мне Нури.

Господи, как бы я хотела в это верить!

— А где мои вещи?

— Эр-рех приказал сжечь. И правильно сделал, она была неприятная, — смущенно добавила она.

Я хотела возразить, что сгоревшие джинсы стоили две мои зарплаты, но передумала, меня неудержимо клонило ко сну.

Проснувшись я с мыслью о побеге. Комната была залита солнечным светом, совершенно очевидно, что я проспала все утро. Ладно, разведая обстановку и сбегу ночью.

— С добрым утром, — в комнату неслышно вошла Нури. — Эр-рех приказал тебя не будить.

Настроение было отвратительным. Оно не улучшилось ни после купания, ни после вкусного завтрака. Я чувствовала себя отвратительно, сидя на террасе за роскошно накрытым столом в неимоверно красивом платье, обвешанная драгоценностями, как новогодняя елка. Видела бы меня сейчас Светка!

Нури настояла. Все мои возражения разбивались о ее представление, как именно я должна выглядеть, чтобы доставить удовольствие рыжему.

От высокой прически разболелась голова, в платье было жарко, а ожерелье натерло шею, и я решительно избавилась от всего этого.

Игнорируя укоризненные взгляды Нури, я залезла в сундук и выбрала такую же одежду, как и у нее. Широкие легкие штаны и свободную тунику. Безжалостно уничтожила прическу, быстро заплетя косу. Облегчение, которое я испытала при этом, не поддается описанию. Нури, увидев мое превращение, обиделась. И на мою просьбу пойти прогуляться, поджала губы.

— Как будет угодно.

— Замечательно! — улыбнулась я.

Мы медленно шли по выложенным плитками дорожкам. Я радовалась, заметив знакомое растение или цветок, но таких встреч было крайне мало. Голова слегка кружилась от множества ароматов, витавших вокруг нас, а глаза устали от ярких красок. Сад оказался больше, чем я думала.

Когда мы вышли на берег, все мои надежды на побег этим путем разбились в прах. Довольно большой пляж, как тисками, был сжат почти отвесными скалами. Я не очень хороший пловец, поэтому точно знаю, проплыть вдоль них до узкого выхода из бухты сил у меня не хватит.

Я сняла шлепанцы и медленно побрела вдоль кромки воды. Нури молча шла за мной. Так, в полной тишине, мы дошли до конца пляжа. Красно-коричневые камни вылезали из песка и уходили вверх, нависая над головой. Нечего было и думать о том, чтобы подняться по ним вверх. Я с тоской посмотрела на противоположный конец пляжа, скалы там выглядели еще неприступнее. Стараясь держаться в тени небольших корявых деревьев, пошла назад. Говорить с Нури я не хотела, девушка хитро улыбалась.

Я уже хотела сказать ей, что я обо всем этом думаю, но она заговорила первой.

— Может, отдохнем? Там, в роще? — она указала рукой на небольшую группу деревьев справа от дорожки, по которой мы пришли.

— Пойдем, — вздохнула я.

Несколько десятков деревьев с перекрученными стволами, окружали небольшой бассейн с зеленоватой водой. Вокруг него стояли легкие плетеные кресла. На столике кувшин и блюдо с фруктами.

— Я могу искупаться, Нури? — спросила я, указывая на ленивые волны, набегающие на песок.

— Там сейчас опасно, — быстро ответила она. — А в бассейне свежая морская вода.

— Почему? — море, на мой взгляд, выглядело абсолютно невинно.

Нури со вздохом посмотрела на меня.

— Дай угадаю, эр-рех будет недоволен?

Она нерешительно кивнула.

— Смешно!

Несколько минут Нури внимательно смотрела на меня.

— Сейчас время, когда созревает брют, — медленно начала она.

— Извини, но я представления не имею, о чем ты говоришь, — пожалала плечами я.

Нури приподнялась и сорвала с ближайшей ветки небольшой круглый плод с ярко — зеленой кожицей.

— Это — брют, — сказала она и положила его мне в ладонь.

Только сейчас я заметила, что все деревья, окружавшие бассейн усыпаны подобными плодами. Их было много и на деревьях вдоль пляжа, а некоторые умудрились вырасти и на скалах.

Плод был округлый, с гладкой кожицей и очень приятно пах лимоном.

— Он съедобен? — спросила я.

— Он не ядовит. Но пробовать не надо — очень горький, — засмеялась Нури.

— Брют по вкусу только ламарам.

— Кому?

— Они большие и злобные, — округлив глаза от страха, прошептала Нури. — Брют

созревает и падает в воду. На запах приплывают целые стаи. Горе тому, кто окажется в воде. Даже рыбаки не выходят в море в это время. Хорошо, что это продолжается недолго — всего несколько дней.

— И куда потом деваются эти существа?

— Уходят далеко в море, на глубину.

Я пожалала плечами. Я никогда не слышала ни о каких «ламарах» в Черном море. И этот брют видела впервые.

Нури, молча, поставила передо мной блюдо с п фруктами, совершенно обычные апельсины. Но есть мне не хотелось.

Всего в нескольких шагах от меня в море уходил широкий деревянный причал. Игнорируя возражения Нури, я осторожно пошла по выбеленным морем и солнцем доскам.

Как будто мост в небо! Ветер стих, и граница между водой и воздухом исчезла. Смотреть на это чудо можно было бесконечно. Решив не возвращаться на берег, я легла на теплое дерево. Я как-будто парила в синеве вокруг меня, медленно погружаясь в полудремотное состояние. Чтобы не заснуть, черт бы побрал Альдо, с его снотворным, я поднесла к лицу брют, надеясь, что его свежий запах поможет мне преодолеть сонливость. Это помогло, но ненадолго и, в конце концов, моя рука разжалась, а зеленый плод шлепнулся в воду.

Сознание окутала голубая дымка. Во всем ощущался только покой. Некоторое время я плавала в сладкой бездумной дреме, а потом дикие крики Нури вернули меня в реальность.

Я поднялась, надеясь понять, что же ее так напугало, и увидела, как она бежит по дорожке к дому, вопя изо всех сил. Мне была непонятна причина ее испуга. Вокруг все было спокойно, никакой угрозы я не ощущала. Перевернувшись на живот, я положила голову на руки и уставилась на воду.

Она была похожа на жидкое голубое стекло, такая прозрачная, что можно было рассмотреть камни на дне. Рядом лениво качался брют. Я уже протянула руку, чтобы его схватить, но, увидев стремительный темный силуэт в толще воды, вскочила на ноги. В голову тут же полез всякий ужас, вроде «Челюстей» и «Глубокого синего моря». Но ничего не происходило, и я снова наклонилась над водой.

Неожиданно, обдав меня брызгами, из воды выскочило что-то большое и черное, схватило брют и исчезло, прежде чем я успела его рассмотреть.

Рассказ Нури о ламарах больше не казался мне ерундой. Но все было тихо, вода снова стала спокойной, и на дне не было видно никаких теней. Постепенно любопытство взяло верх над страхом, и я снова наклонилась, всматриваясь в глубину.

— Дура, — шептала я, размышляя над своим поведением. Я совершала ошибку, которую делают все герои ужастиков, вместо того чтобы бежать и прятаться, остаются и умирают.

В подтверждение этой мысли на меня из воды уставились два огромных желтых глаза.

Я застыла, беспомощно наблюдая, как из воды высунулась черная плоская голова, а вслед за ней на поверхности показалось длинное туловище и за край причала схватились лапы с блестящими когтями. Чудище принюхалось и зевнуло, обнажив пасть от уха до уха, усеянную зубами величиной с мою ладонь.

Тут доски причала треснули, не выдержав веса этой твари, и я полетела в воду.

Вынырнув на поверхность, я оттолкнула от себя обломки и с отчаяньем посмотрела вверх. До уцелевшей части причала было не слишком высоко и можно было попытаться выбраться наверх. Бежать я могла быстрее, чем плыть.

Чудища я не видела, но не сомневалась, что оно где-то рядом. Раз за разом я пыталась схватиться за край и подтянуться, но у меня ничего не получалось. Мокрое дерево было скользким и руки соскальзывали. После четвертой или пятой попытки сил у меня совершенно не осталось, но заметив приближающийся черный плавник, я снова попыталась выбраться и сорвалась, подняв кучу брызг.

Неожиданно я почувствовала, что поднимаюсь. Чудовище вытолкнуло меня из воды, наподдав мне под зад. Сначала, я подумала, что оно просто промахнулось и вместо того чтобы укусить, толкнуло. Но это было не так.

Выскочив на поверхность, ламар перевернулся в воздухе и упал в воду, снова обрызгав меня. Высунув блестящую черную голову, монстр улыбнулся!

Он вел себя, как щенок, требующий внимания. Устроил для меня целое представление с прыжками и переворотами. Несколько раз, выпрыгнув из воды, он пролетал надо мной и шлепался с другой стороны причала, поднимая тучи брызг.

А когда я потихоньку пошла к берегу, плыл рядом, пока позволяла глубина. С облегчением почувствовав под ногами песок пляжа, я оглянулась.

Представление все еще продолжалось!

Через некоторое время, наверное, устав, чудовище всплыло в нескольких метрах от берега. Желтые глаза требовательно смотрели на меня, выпрашивая подачку.

— Дура, — опять сказала я себе, срывая с ближайшего дерева зеленые плоды.

Я по одному кидала их в воду, а монстр быстро их ловил. Плоды казались крошечными по сравнению с его огромной пастью.

Мне пришлось совершить еще несколько походов к деревьям, в конце концов, я взяла со стола глубокое блюдо и доверху наполнила его. Когда я вернулась, в воде было уже несколько чудовищ. «Мое» было самым большим и гоняло остальных, отбирая брюты.

— Глупый монстр, — сказала я и наклонилась, чтобы кинуть последний брют самому маленькому.

Вскоре на ближайших деревьях не осталось ни одного плода. Поняв, что угощения больше не будет, меня покинула вся стая, кроме приплывшего первым.

— Чего ты хочешь, чудовище? — спросила я у него. — Больше ничего не осталось. Уплывай, — я махнула рукой в сторону моря.

Я боялась, что в любой момент на пляже может появиться Нури с подкреплением, в конце концов, тварь не сделала мне ничего плохого.

— Уходи, пожалуйста!

Осмелев, я даже брызнула в него водой.

Он подплыл ко мне совсем близко, и неожиданно, моя ладонь легла на его голову. Это было так необычно и захватывающе!

Закрыв глаза, монстр покачивался на волнах, зацепившись за одну из свай хвостом. А я, лежа на теплых досках, гладила его по круглой голове. Впечатление было такое, что под моей рукой хорошо надутая резиновая крышка. И он совсем не пах рыбой! Терпеть не могу этот запах!

— И почему, интересно, никто не бежит меня спасать? — спросила я у чудовища.

— Может я тут, истекая кровью, борюсь за жизнь? — жаловалась я ему.

Монстр лениво приоткрыл один глаз и шумно выдохнул.

— А может притвориться, что меня съели и уплыть с тобой?

Неожиданно ламар забеспокоился, и даже отплыл от меня, но потом вернулся и снова

подставил голову.

— Глупый монстр, — сказала я, глядя его голову в том месте, где, по-моему, должны были быть уши.

Рядом со мной раздались осторожные шаги. Я повернула голову. Темная фигура загоразивала мне солнце.

— Теперь я уверен, что ты настоящая Тангар, — удовлетворенно заметил Альдо.

Проигнорировав протянутую руку, я встала.

— Как быстро вы пришли меня спасать, большое спасибо! — буркнула я.

— Я не хотел мешать. Вы так мило играли, — весело ответил он.

Альдо пришел сюда не один. На пляже собралось около десятка людей, Нури тоже была вместе с ними.

— И давно ты не хочешь мне мешать?

— Я время не засекал, — уклончиво ответил он.

— Ты наблюдал за мной! — перебила я его.

— Ну, ты и гад, — разозлилась я, наблюдая, как он бледнеет. — Ты видел, что я барахтаюсь в воде с этим монстром и ничего не сделал?

— Настоящей Тангар бояться не чего, — сквозь зубы процедил он.

— А если я не эта... Тангар? — от ярости меня трясло.

— Я нашел бы способ отомстить, — скривился он.

— Но мне было бы уже все равно, так?

— Твоя смерть была бы быстрой.

— Надеюсь, твоя будет такой же, — рывкнула я и резко толкнула. Он шлепнулся в воду, как жаба.

Я не стала смотреть, как монстр поедает его. Я повернулась и пошла на пляж.

Собравшиеся на пляже мужчины расступились передо, а Нури с заплаканным лицом бросилась навстречу.

— О, я так боялась, но эр-рех не позволил помочь тебе!

— Да пропади он пропадом, твой эр-рех! — огрызнулась я. — Надеюсь, его сожрут и не подавятся.

Было обидно, еще чуть-чуть самообладание меня оставит, а рыдать на глазах стольких людей мне не хотелось. Но меня неожиданно задержали. Один из мужчин, высокий, мрачного вида араб, в свободной белой одежде, остановил меня. Было непонятно чего в его голосе больше, властности или презрения.

Было слышно, как у меня за спиной, в воде плещется и бьется что-то большое, но я не обернулась.

— Пошел вон, — в эти два слова я вложила всю ярость и обиду. В его лице что-то дрогнуло, и он с поклоном отступил.

Я почти бежала по садовым дорожкам, надеясь, что ветер высушит мои слезы. Влетев на знакомую террасу, я остановилась. Я не могла отсюда уйти, я не могла никому позвонить, мне не от кого было ждать помощи. От собственного бессилия мне стало тошно! Это было похоже на черную дыру, в которую я все сильнее проваливалась, уже не в первый раз.

Первый был, когда тетя Нина, однажды вечером забрав меня из детского сада, привезла меня в чужой, холодный дом и оставила там. Я хорошо помню, как плакала и вырывалась из рук сердитой женщины в белом халате, пока моя «дорогая» тетушка, ни разу не обернувшись, шла к двери.

Тогда, из черной дыры меня выгнала Светка. А кто мне поможет теперь?! Ноги меня не держали, и я потихоньку сползла по стене на прохладный каменный пол.

Террасу окутали нежно-сиреневые сумерки, когда я вылезла из своего угла. Мое отражение в зеркале почти пугало, но мне было наплевать на то, как я выгляжу.

Потом я поужинала тем, что нашла в комнате. Все было очень вкусно, хотя я иногда не понимала, что ем. На аппетит жаловаться не приходилось, у меня вообще какая-то неправильная реакция на стресс, стоит хоть слегка разволноваться, и я ем не переставая. Ем, толстею, переживаю из-за этого и снова ем.

Потом пришла Нури, все еще бледная от страха.

— Я все еще боюсь. Когда увидела ламара, чуть с ума не сошла, — ее голос дрожал.

— Почему? Ты была на берегу.

— Они могут убивать и на суше! В прошлом году они напали лагерь охотников, — она вздохнула. — И я видела, что осталось после...

— А почему меня не тронули?

— Ты Тангар, Кира, — улыбнулась Нури и вдруг поцеловала меня.

— Ты чего?

— Мне неловко, я ведь тоже не верила.

— Не верила?

— Никто не верил! Все считали, что это очередная попытка вынудить эр-реха

соблюдать Договор. Даже то, что ты так похожа на нее и то, что на тебе кольцо, и все остальное, — Нури схватила меня за руки.

— Эр — рех приказал мне повести тебя к морю, я не могла послушаться! Я всего лишь человек.

— Я не понимаю, Нури! Я тоже всего лишь человек.

Выражение лица Нури изменилось, теперь она смотрела на меня, как на сумасшедшую.

— Теперь не понимаю я... — сказала она с болью в голосе.

— Нури, два дня назад я и не подозревала о существовании этого места. Я не знаю где я, почему и зачем. Если честно, то мне очень страшно...

— Моя подруга говорила мне, что все это кончится сексуальным рабством или продажей органов.

Некоторое время она молчала, потом, смысл моих последних слов дошел до нее, и она покраснела. При ее смуглой коже это выглядело пугающе. Ее лицо, шея и даже руки приняли слегка фиолетовый оттенок.

— Как ты могла подумать такое? — страшным шепотом сказала она. — На тебе же браслеты! Ты ноэль!

— И что из того? Браслеты!? — фыркнула я. — Они похожи на кандалы, самоварное золото! Мне здесь не нравится, я хочу уйти.

Нури с сомнением покачала головой.

— Ты же поклялась, — она дотронулась до моей руки. — Это на всю жизнь.

— Я не клялась, — разозлилась я. — Альдо не спрашивал моего разрешения, когда одевал их.

— Эр-рех хороший, просто он немного не такой как все, — тихо сказала она. — Тебе не нужно его бояться. Он сделает все для того чтобы твоя жизнь с ним была долгой и счастливой.

— Надо же! Сегодня я просто купалась в счастье! Если так пойдет и дальше моя жизнь будет очень короткой, — усмехнулась я.

— Не надо так, — обиженно сказала она. — Эр-рех должен был так поступить, должен! Если бы ламар решился напасть... одна бы ты не осталась.

— Ага! Ты видела его зубы? Я точно не осталась бы одна, меня бы стало очень много! Ничего себе проверочка на вшивость! — я со злостью уставилась на браслеты. — Гадость какая!

— Это очень ценная вещь...

— Зачем нужно было надевать их на меня, раз во мне сомневались? Лучше было побережь такую драгоценность для кого-то другого!

— Я ничем не рисковал. Если бы ты оказалась не той, что мне нужна, после их просто подобрали бы на дне, — совершенно будничным голосом произнес Альдо.

Он был в сухой одежде, но волосы были еще влажными.

— Не повезло! — усмехнулась я.

— Разве?! Я уж и не надеялся, что найду свою ноэль, — первый раз я видела на его лице нормальную человеческую улыбку.

В это мгновение он показался мне очень привлекательным, даже шрамы как будто исчезли. И у него были красивые длинные ресницы, но я тут же постаралась выбросить из головы это глупое наблюдение.

— Ты не понял, — фыркнула я. — Не повезло, что тебя не съели!

Мои слова еще больше его развеселили.

— Ах это? Я должен сказать тебе спасибо, найлек. Купание было очень кстати, а та зверюшка, была забавной. Ты не пригласишь меня разделить с тобой ужин?

— Нет, — твердо сказала я, поднялась и, подойдя к кровати, сбросила с нее все подушки, кроме одной.

— Я устала и хочу спать, — с этими словами я забралась на середину и натянула простыню до подбородка.

Я демонстративно игнорировала его, но Альдо сел так, чтобы видеть меня и с хрустом разломил хлеб, белые крепкие зубы впились в душистое мясо. В этом было что-то звериное, как и в улыбке, когда он посмотрел на меня.

— Ты мешаешь мне, — с раздражением сказала я. — Ты мог бы поесть в другом месте!?

— Мне нравится здесь, — его губы сложились в презрительную усмешку.

Он медленно вытер губы салфеткой. А потом, взяв неизвестный мне фрукт начал вертеть его в руках.

— Нури, — обратился он к застывшей девушке. — Завтра утром устрой для ноэль экскурсию, позже приведешь ее в нижний зал. Проследи, чтобы она была соответствующим образом одета. Я представлю ее.

Альдо поднялся и вытер запачканные оранжевым соком руки.

— Да, и научи ее какому-нибудь приветствию. Пусть скажет людям что-нибудь приятное, — он посмотрел на Нури, вопросительно подняв бровь.

— Да, эр-рех, — еще ниже наклонила она голову.

— А спросить, чего мне хочется, ты не собираешься?

— Нет, — безразлично пожал плечами Альдо и вышел.

— Спокойной ночи... Кира, ноэль, — неуверенно сказала Нури.

— Останься, — попросила я, но, увидев, что она готова отказаться, тихо добавила, — Хоть ненадолго?!

— Хорошо, — Нури криво улыбнулась и осторожно присела на край кровати.

— Откуда ты знаешь русский?

— Моя мама родом из Ташкента.

— Так ты узбечка?

Нури непонимающе уставилась на меня.

— Ладно, забудь, — махнула я рукой. — А где сейчас твои родители?

— Мама в Тулуте, а отец и двое братьев здесь. Они были на берегу, — улыбнулась Нури. — Отец сердит на тебя, из-за эр-реха.

— Ну это я как-нибудь переживу, — пожала я плечами.

— Кроме тебя по-русски кто-нибудь разговаривает?

— Эр-рех, — улыбнулась она. — И еще Бель-шум, он знает много языков.

— Все?

Нури кивнула.

— Как называется это... этот город?

— Суфраэль, — просто ответила Нури.

Я замолчала, ругая себя за то, что так мало внимания уделяла географии. Никогда не знаешь, когда понадобятся такого рода знания.

— Это большой город? А какие города рядом? — спросила я, надеясь, что услышу хоть какое-то знакомое название.

— Суфраэль единственный город, вокруг только рыбацкие деревни и несколько ферм, — пожал плечами, улыбнулась Нури.

Вдруг она потянулась ко мне и крепко обняла.

— Я так рада, что ты настоящая! Все рады!

Я в недоумении уставилась на нее.

— Почему?

— Ты нашлась, — широко улыбнулась она. — Спокойной ночи, Кира, — и легко коснувшись меня рукой, ушла.

— Я не терялась, — буркнула я ей в спину и откинулась на подушки.

Я лежала и смотрела, как ветер колышет легкие занавески. В лунном свете, заливавшем комнату, это казалось волшебным танцем. Где-то в саду звучала музыка, похоже, гитара. Мелодия была немного грустной и одновременно полной надежды. Под этот аккомпанемент я и заснула.

Когда появилась Нури, я уже успела умыться и причесаться.

— Ты уже проснулась!

— Нури, ты, кажется должна научить меня каким-то приятным словам? — улыбаясь, спросила я.

— С радостью, — быстро ответила она.

— Какие ты знаешь ругательства?

— Зачем? — ужаснулась Нури.

— Хочу порадовать Альдо, — пожала я плечами.

Нури несколько минут молчала, глядя на меня, а потом неуверенно произнесла несколько коротких слов. Я повторила их, стараясь точно воспроизвести интонацию и ударения.

— Это достаточно оскорбительно?

— О, это отвратительно, — быстро ответила она, и отвела глаза.

Я вышла на террасу и огляделась. Мимо проходило двое мужчин, переносивших какие-то вещи. Я прокричала им то, что выучила.

Они остановились и поклонившись мне, пошли дальше.

— И как это называется? — повернулась я к Нури. — Мерзкое ругательство, говоришь?

Мне потребовалось больше часа, чтобы уговорить ее научить меня тому, чего я хотела. И испытывала на тех, кого замечала, но всякий раз мне в ответ только улыбались и кивали.

Я уговаривала, просила, почти умоляла, но Нури держалась. И тогда я использовала кое-что из арсенала Светки, без особой надежды на успех конечно. Я умоляюще сложила руки и уставилась на девушку, копируя взгляд шрековского Кота в сапогах. В лице Нури что-то дрогнуло, она произнесла несколько слов и тут же в ужасе зажала рот ладошкой.

— Теперь можно и одеться, — улыбнулась я. Настроение у меня было просто замечательное.

Нури помогала мне с постным лицом. Не проронив ни слова, создала шедевр парикмахерского искусства у меня на голове. И все так же молча, поставила меня перед зеркалом.

Глядя на свое отражение, я прошептала только что выученное ругательство.

— Чем ты недовольна? — чуть не плача, простонала Нури.

— Нет-нет, что ты, — успокоила я ее. — Это чудо. Я никогда не выглядела так хорошо!

Редкий случай, но я казалась себе почти красавицей. Я бы никогда не решилась надеть

платье такого вызывающего цвета. При каждом моем движении ткань переливалась всеми оттенками красного, от нежно — розового до багряного, почти фиолетового. Платье было чудесным, в нем я казалась выше и стройнее, чем на самом деле. Широкие рукава с разрезами открывали браслеты на моих руках.

Я вертела головой туда-сюда, стараясь рассмотреть себя со всех сторон, снова и снова повторяя слова «приветствия».

— Перестань! — всхлипнула Нури. — Зачем ты это делаешь?

— Чтобы лучше запомнить, — веселилась я. — Это такой редкий случай, когда я себе нравлюсь.

— С этим ты понравишься себе еще больше, — и она застегнула на моей шее ожерелье.

Украшение было широким и очень массивным. Красные, бледно-зеленые, коричнево-золотые, голубые и розовые камни, казалось, затмевали друг друга. Но когда Нури осторожно расправила ожерелье, чтобы каждая из его частей заняла свое место, в сиянии камней возник четкий силуэт гигантских распростертых крыльев. Я резко выдохнула, очарованная увиденным. И опять произнесла плохие слова.

— Я прошу тебя, Кира! — чуть не плача взмолилась Нури. — Это ужасно, то, что ты говоришь!

— А, кстати, что это значит? — спросила я, вертясь перед зеркалом.

— Это... это невозможно перевести, — задыхнулась девушка. — Если узнают, то эр-рех скормит мои внутренности скотине, — с ужасом прошептала она. — А отец и братья перережут мне горло и четвертуют.

— Я никому не скажу, — пожав ей руку, сказала я.

Если бы не Нури, я бы сразу заблудилась в лабиринте бесконечных коридоров и переходов. Дворец был огромен.

Величественные анфилады комнат, выходящие на галерею, с которой открывался чудесный вид на море. Мраморные лестницы и залы, наполненные музейной мебелью, произвели на меня странное впечатление, дежа вю что-ли? Везде было чисто и прохладно, пахло солнцем, морем и ветром. Иногда, в зеркалах, я ловила наше с Нури отражение, ее простое белое платье и мой королевский наряд.

Я медленно шла за ней и думала, почему я здесь? Что во мне такого? Чем я могла заинтересовать такого мужчину, как Альдо? При чем здесь Константин? О каком деле государственной важности они говорили? И где я, в конце концов?

Мои размышления прервал голос Нури.

Мы стояли на верхней площадке круглой башни. Внизу, я видела множество плоских крыш и башенок, окруженных садами. Немного дальше, за высокой стеной у подножия холма разбегались улицы маленького городка, все дома утопали в пышной зелени. Круглая площадь была вся увешана разноцветными флагами. Еще дальше в дрожащем горячем воздухе виднелись небольшие пальмовые рощи, казавшиеся темными островками в море песка и ровные заплатки светло-зеленых полей. Обернувшись, я увидела знакомые красно-коричневые скалы и море.

— Пустыня? — упавшим голосом спросила я.

Все мои надежды на побег разбились в прах. Я не могла поверить своим глазам. Я

оказалась гораздо дальше от дома, чем предполагала. И нигде не было видно линий электропередач, ни одной машины, ничего!

— Идем, — потянула меня за руку Нури.

Мы спустились по широкой лестнице в огромный сводчатый зал, в центре которого сверкал бассейн, выложенный синей плиткой. Крохотное море на фоне стен мягкого песочного цвета.

Вокруг бассейна собралось множество людей, в основном мужчин. Они, как по команде, повернулись и уставились на нас.

— Просто иди вперед, — прошептала мне Нури. — Я подскажу, что делать дальше.

Мне, конечно, было страшновато, кто знает, что еще придумал этот маньяк Альдо. Все, кто был в зале смотрели на меня, а я чувствовала себя голой. Но показать, что я боюсь, значит признать поражение, не дождутся они от меня этого! Я подняла голову как можно выше и двинулась за Нури. А они, молча, расступались передо мной и их лица были похожи друг на друга, сохраняя общее для всех бесстрастное выражение.

Обойдя бассейн, мы оказались перед возвышением, в центре которого на низком широком кресле, развалившись, сидел Альдо, окруженный десятком мужчин, один другого надменнее.

В отличие от своих приближенных, обвешанных оружием и закутанных в какие-то куски ткани, Альдо выглядел вполне цивилизованно в свободной белой рубашке, расшитой золотыми нитями и черных штанах. За широкий пояс, украшенный коваными бляхами, были заткнуты два длинных чуть изогнутых ножа, с витыми рукоятками.

Его лицо не было надменным, оно было суровым, почти жестоким. Он смотрел на меня, слегка прищурившись, как зверь. Еще немного и у него на лбу загорится надпись: «Играю с добычей».

— Ты должна поклониться и не поднимать голову, пока эр-рех не позволит этого, Нури быстро шептала мне инструкции.

Не дождется! Рядом с креслом Альдо, немного в стороне, стояло еще одно кресло, поменьше, никем не занятое. Проигнорировав страшный шепот Нури, я шагнула вперед и опустилась на подушку, стараясь сохранить на лице презрение ко всем вокруг. Сердце стучало как барабан, еще немного и я услышу эхо.

Тихо ахнув, Нури пристроилась на маленькой скамеечке рядом со мной.

Несколько минут в зале стояла гробовая тишина. Наконец, Альдо, не поворачивая головы, сказал:

— Кирен, моя ноэль, — он небрежно махнул рукой в мою сторону, сказав несколько слов на своем тарабарском языке.

— Альдо — извращенец, похититель, маньяк и хам, — в тон ему отозвалась я и так же махнула рукой. — Переведи, Нури.

Он повернулся ко мне, и почти не разжимая губ, прошипел:

— Зря стараешься, никто из них не знает твоего птичьего языка. А Нури умная девочка и промолчит.

— Кира, — поправила я его. — Меня зовут Кира.

— Звали, — отрезал он. — скривившись, ответил Альдо.

Я скосила глаза на Нури, она, втянув голову в плечи, сжалась на своем месте.

Свою коронную фразу я решила приберечь напоследок, и поэтому произнесла первый вариант приветствия, стараясь улыбаться как можно более очаровательно.

Нури заметно расслабилась, а Альдо благосклонно наклонил голову.

— Молодец, — тихо сказал он, поднялся и протянул мне руку.

Альдо подвел меня к небольшому столику, на котором стояла корявая деревянная чаша, бутылка с чем-то темным, кожаный шнурок и нож. Нож мне сразу не понравился.

Я, выжидала, не понимая и слова из того, что говорил Альдо и высокомерные дядьки в бурнусах. Постепенно вокруг нас образовался правильный круг из обвешанных оружием мужиков, а рядом с Альдо встал отец Нури, Ахлат. С торжественным видом он поднял вверх руки, и стало так тихо, как будто разом выключились все звуки на свете.

Альдо протянул ему руку и едва слышно прошептал:

— Делай, как я.

Я сделала, какой смысл упираться? Все равно заставят.

У Ахлата был глубокий мелодичный голос, он читал нараспев что-то вроде стихов, а окружающие нас мужчины повторяли последние слова каждой строки. Было совершенно ничего не понятно, но очень красиво и торжественно.

Продолжая говорить, Ахлат протянул Савару нож.

— Смотри в глаза, — последовал очередной приказ.

Альдо, не отрывая от меня глаз, полоснул лезвием по своей ладони, и в подставленную чашку закапала кровь. Я слишком поздно догадалась о том, что будет дальше и не успела отдернуть руку. Нож был таким острым, что я ничего не почувствовала, глупо уставившись на окровавленную ладонь. Ахлат соединил наши ладони и ловко обмотал их шнурком, высоко подняв наши руки. Все вокруг зашумели и затопали ногами, а в чашу с темным вином потихоньку капала наша кровь. От смешанного запаха вина и крови меня замутило, но Альдо, быстро сунул эту треклятую чашку прямо под нос и прошипел: «Пей». Изо всех сил борясь с тошнотой, я собиралась едва пригубить этот «коктейль», а вместо этого по непонятной причине сделала хороший глоток. Савар быстро допил остальное, перевернул чашку и, глядя мне в глаза медленно заговорил, чужая речь звучала завораживающе. Как только он произнес последнее слово, вокруг раздался такой топот и рев, что стены задрожали.

— Теперь ты никуда от меня не денешься, ноэль.

Все это Альдо прошептал мне на ухо, а потом притянул меня к себе и быстро поцеловал.

Наши окровавленные руки лежали рядом, пока звучали многочисленные поздравления. Нури оживилась и потихоньку переводила. Я улыбалась.

От идиотской улыбки уже сводило скулы, когда в зал вошли двое юношей, на которых смотреть было намного приятней, чем на всех остальных. За такую рельефную мускулатуру, как у них, многие модели согласились бы продать душу. Я оживилась, моя улыбка стала искренней. Уставившись на младшего, я с интересом рассматривала его, пока он не покраснел.

Молодые люди внесли в зал несколько сундуков обвешанных печатями и встали рядом с ними. Из-за их широких спин вынырнул местный старик Хоттабыч в широком голубом халате.

Мне понравилось его лицо: домашнее и приветливое, с крупным носом и широким ртом, сложенным в постоянную улыбку.

— Счастлив видеть вас, ноэль, — обратился он ко мне по-русски. — Я хранитель вашего приданого, Бель-шум.

— У меня еще и приданное есть? — восхитилась я. — Обалдеть!

Но на мои слова никто не обратил внимания.

— С вашего разрешения я прочту Договор, эр-рех, — поклонился он Альдо.

Старичок достал из огромного кармана круглые очки и заунывным голосом начал читать что-то из толстого тома, который с трудом держали перед ним двое мальчиков.

Чтение заняло довольно много времени. Народ в зале откровенно заскучал, поэтому, когда Бель-шум захлопнул фолиант, все оживленно задвигались и зашумели.

Альдо, щелкнул пальцами и около него материализовался один из помощников Бель — шума.

— Ты должна подписать Договор, Кирен, — не допускающим возражения тоном обратился ко мне Альдо. — Вот здесь, рядом с моей подписью. — И он нацарапал размашистую завитушку в конце большого листа, исписанного красными каракулями.

Мне тут же протянули бумагу, закрепленную на деревянной доске и перо, которым только что писал Альдо.

— Я не буду ничего подписывать, — резко оттолкнула я от себя тянущееся ко мне руки, и в зале послышался глухой ропот. — Кто его знает, что вы там придумали?!

— Поставь свою подпись, мой нежный цветок, — голос Альдо был обманчиво мягким, как кошачья лапа со спрятанными в ней когтями.

— Поверь, это пустая формальность, фактически ты и так моя, — и он прикоснулся к ожерелью на моей шее.

Его пальцы были легки, как крылья бабочки, но на какое-то мгновение они коснулись кожи и чуть-чуть сжались. Он медленно улыбнулся, наслаждаясь моим испугом.

— Тогда, какой смысл подписывать? — я сумела это сказать, еле шевеля губами от страха.

— Поставь подпись, — почти прорычал Альдо, прожигая меня взглядом.

— Эр-рех, позвольте мне, — между нами втиснулся Бель-шум. — Госпожа ведет себя разумно, желая знать содержание документа.

Альдо сморщился и отвернулся.

— Это всего лишь расписка в том, что твое приданное доставлено в полной сохранности и печати на сундуках не повреждены, — старичок мягко мне улыбнулся и вложил в руку перо.

— Но у меня нет приданного! — испуганно оглядываясь на Альдо, сказала я ему. — Это ошибка!

— Это не так, моя госпожа, — весело возразил он. — Подписывай и я уверен, в этих сундуках множество вещей, которые могут порадовать женское сердце.

— Подписывай эту чертову бумажку, — рявкнул Альдо так неожиданно, что моя рука с пером дернулась и оставила на бумаге лихую закорючку.

Он тотчас же выхватил документ у паренька, и высоко подняв над головой, прокричал несколько слов, от которых все вокруг пришли в неопишуемый восторг.

— В награду за твое послушание, найлек, я дарю тебе это, — и он быстро надел на мой палец кольцо. — Красный камень для девушки, которая пролила мою кровь, — тихо добавил он, показывая мне руку, которую я укусила.

Буквально выдернув меня из кресла, Альдо вывел меня на середину зала и прокричал.

— Ноэль Савар эр-рех Кирен ан Тангар, Найлек!

Все присутствующие в зале завопили, начали бряцать оружием и обниматься с безумной радостью на лицах. Глядя на них с самодовольным видом, Альдо придвинулся вплотную и

шепнул мне на ухо:

— Ты возражала мне на людях в первый и последний раз, Кирен. Не делай так больше. Теперь, даже твоя кровь принадлежит мне.

— Ты поняла? — спросил он низким, хриплым голосом, легко целуя меня за ухом.

Не дождавшись ответа, он вернул меня обратно в кресло. И я была благодарна ему за это, ноги меня абсолютно не держали. Бросив на меня еще один свирепый взгляд, он отдал отрывистый приказ, и веселье враз закончилось.

Некоторое время я сидела в каком-то оцепенении, бессмысленно глядя вокруг. Нури осмелилась посмотреть на меня и улыбнуться. Я не нашла в себе сил вернуть ей улыбку.

Слушая приветственные крики, раздававшиеся в зале, я рассеяно уставилась на свои руки, лежащие на коленях. Рядом с бабушкиным кольцом победно сиял подарок Альдо. Золотой перстень, украшенный тонкой гравировкой. Нападающая хищная птица с ярко-алым камнем вместо глаза. Рисунок обрамляла непонятная надпись.

— Это знаменитый перстень, ноэль, — прямо у меня над ухом раздался голос Бель-шума. — Оно было сделано для Пропавшей невесты, на нем написано: «Тебе я отдал свое сердце». Если ты захочешь, я с радостью расскажу эту историю.

Я с благодарностью кивнула, наконец, хоть что-то прояснится!

Альдо продолжал принимать поздравления своих людей, не обращая на меня ни малейшего внимания. Половина тех слов, что ему говорили, наверняка были сплошной похабщиной. Догадаться об этом было не трудно, стоило только посмотреть на красную, как рак, Нури. Я молчала. А потом он повернулся ко мне.

— Теперь ты можешь идти, на тебя достаточно насмотрелись, — он скривился. — Эти двое, — он махнул рукой, в сторону стоявших около сундуков парней. — Братья Нури, отнесут это, а Бель-шум, проводит тебя.

Альдо замолчал, победно улыбаясь. Его улыбка могла бы быть очень приятной, если бы углы рта не изгибались, придавая ему откровенно циничный вид. Он резко поднялся, увлекая меня за собой.

Я встала, но не успели мы сделать и нескольких шагов по направлению к лестнице, как из-за спин одобрительно улыбающихся мне варваров вперед протиснулся дядечка в мятых брюках цвета хаки и отвратительной жилетке, с многочисленными карманами.

Заламывая руки, он разразился длинной обличительной речью, указывая на мое только что обретенное приданное. Альдо пожал плечами и отвернулся к одному из своих людей, в котором я опознала парня, который был в моей квартире вместе с Альдо. Толкающего речь дядьку, все дружно игнорировали, демонстрируя откровенное презрение. Но отношение ничуть его не смутило, дядька остановил парней, и внимательно осмотрев каждый сундук, уселся на один из них с победным видом.

Бель-шум, что-то сказал ему, но эта пародия на Индиану Джонса, резко оттолкнул старичка. И хотя вокруг было достаточно шумно, я хорошо расслышала последнюю фразу, сказанную им.

Один из моих одноклассников, хулиган по-призванию, обожал изводить учителей иностранными словечками скабрёзного значения. В словах, которые только что прозвучали, я опознала одно из самых любимых выражений того мальчишки, гадкое ругательство на немецком.

Это было несправедливо, милый старичок не заслужил такого отношения, и потом, это же было мое имущество, пускай и навязанное силой.

— Пожалуйста, встаньте с моей собственностью, — вежливо попросила я.

Я произнесла это обычным голосом, обращаясь только к сидевшему на сундуке, но в зале сразу стало очень тихо.

Глаза у дядьки стали круглыми, как у совы. Может он думал, что я немая?

— Встаньте с моей собственностью!

— Я не понимаю! — с жестким акцентом повернулся он к Альдо.

Он воображает, что у меня нет права голоса?

— Ноэль эр-рех, — пожал плечами Альдо и подмигнул мне.

— Но вы, же обещали, — по-прежнему игнорируя меня, возмутился он. — Зачем ей это?

Там только бумаги.

— Займусь оригами, — разозлилась я. — Нури, скажи своим братьям, пусть унесут это.

Молчаливые красавцы легко подняли сундуки и понесли их к выходу из зала, не обращая внимания на вопли незнакомца.

— Но вы, же обещали, вы поклялись! — продолжал настаивать он.

Альдо медленно повернулся и посмотрел на него. Странно, что этот взгляд не прожег дыру в груди этого человека.

— Я сдержу свое слово, позволив тебе уйти живым, — процедил Альдо сквозь зубы.

— Идем, — Нури настойчиво потянула меня за собой.

Я повернулась и сосредоточилась на молодых людях, шедших впереди. Смотреть на них было очень приятно.

На верхней площадке лестницы я обернулась, незнакомец, вымогавший сундук, что-то говорил Альдо, размахивая руками. Все вокруг возмущенно шумели. А Альдо, со скучающим видом разглядывал потолок.

Увидев, что я остановилась, человечек тут же бросился вверх по лестнице.

— Милочка, ну что вам стоит? Не надо капризничать! Зачем вам эти древние бумажки? — задыхаясь, говорил он. — А для меня они очень важны!

— Я люблю читать, — твердо сказала я. — Я подписала документ, по которой все это, — я махнула рукой на сундуки. — Мое! И пока я не решу, что мне интересно, а что нет, я ничем делиться не собираюсь.

Мужчина покраснел, губы сжались, превратившись в тонкую линию. Он уже раскрыл рот, но я придвинулась ближе и прошептала.

— И не смейте говорить мне то, что сказали Бель — шуму. Я не намерена слушать ваши оскорбления.

Но он, ехидно прищурившись, не удержался и произнес еще одну фразу из репертуара Петьки-полиглота, нахально подмигнув мне поросячьим глазом.

— Ну, я тоже кое-что могу — пожалала я плечами и произнесла вариант приветствия номер два. Если бы в моих руках взорвалась бомба, эффект был бы гораздо меньшим.

Дядька наверняка знал, что именно я сказала, потому что страшно побледнел и стал хватать ртом воздух, как рыба. Все, кто был в зале, повернулись к Альдо, а он смотрел на меня. В его взгляде было откровенное удивление, а губы все время складывались в усмешку.

Он махнул рукой и произнес длинную фразу. Окружающие одобрительно зашумели. Незнакомца подхватили и вытолкали в один из боковых проходов, а красный как рак Бельшум схватил меня за руку и потащил вверх по лестнице.

Я молча шла за тихонько хихикающими парнями. Нури тяжело вздыхала. Я чувствовала себя нашкодившим ребенком, которого поймали на горячем. И это было тем более обидно,

потому что я выступила в защиту справедливости, в защиту обиженного, так сказать. Могли бы и поблагодарить!

В комнате я почувствовала себя бедной родственницей, меня откровенно игнорировали. Нури командовала своими братьями, а Бель-шум, с задумчивым видом ходил из угла в угол, бросая на меня косые взгляды. Чувствуя, что молчание слишком затянулось, я спросила:

— Как зовут твоих братьев, Нури?

— Это Хоранд, ноэль, это Рави — Она поочередно коснулась каждого из них.

Оба молодых человека поклонились, по-восточному прижимая руки к груди.

— Они не говорят на твоём языке, — поспешно сказала Нури, — но счастливы служить тебе.

Младший, Рави, тяжело вздохнул, закатив глаза и тут же получил увесистую оплеуху от старшего.

Бель-шум фыркнул, тихо отдав приказ. Ещё раз поклонившись, Рави и Хоранд вышли.

— Вот ключи, ноэль, — сказал мне старичок, старательно отводя глаза — Я тоже ухожу.

— А как же ответы на вопросы? — удивилась я. — Вы обещали!

— Я отвечу на все, но немного позже, — он пожевал губами. — Мне нужно прийти к себе после тех слов, ноэль, — поклонившись, он вышел, оставив нас одних.

Я растерянно смотрела на тяжелую связку ключей в своих руках. Может и правда, не стоило заставлять Нури учить меня настолько плохим словам?

— Ты скажешь мне, что такого страшного я сказала?

Но девушка сморщилась и покачала головой.

— Я могу сходить к морю? — спросила я.

Нури с сомнением покачала головой.

— Кира, сейчас очень жарко, может ближе к вечеру? И я все еще очень боюсь, — тихо добавила она.

— А я и не прошу, чтобы ты шла со мной, ты не обязана следить за мной весь день. Я найду дорогу.

Мое предложение ей очень понравилось, но она колебалась.

— Хорошо, — согласилась она. — Мальчики присмотрят за тобой.

Я быстро сняла с себя парадно-выходное одеяние, и она позвала своих братьев. Что-то быстро сказала им, махнув рукой в сторону пляжа. Парни удивленно переглянулись, но одновременно кивнули.

— Ты можешь идти, Хоранд проводит тебя, а Рави принесет корзинку, чтобы набрать брютов. И пожалуйста, будь осторожна, — вздохнула она.

По правде говоря, в провожатых я не нуждалась, дорогу на берег я помнила хорошо. Хоранд просто шел за мной на приличном расстоянии. И зачем спрашивается мне охрана?

Нури была права, было очень жарко. Я старалась держаться в тени деревьев, но солнечные лучи, пробиваясь сквозь листву, жалили меня множеством раскаленных иголок. Цветочный аромат был удушливо тяжелым, как перед грозой, но небо было совершенно чистым и таким светлым, что казалось скорее белым, чем голубым. Моя одежда была достаточно легкой и открытой, но в шортах мне было бы гораздо лучше.

На берегу было немного прохладнее, и я с удовольствием подставила разгоряченное лицо свежему соленому ветру.

Рядом с деревянными мостками в бирюзовой воде покачивалось большая черная туша.

Монстр меня ждал!

Я уже собралась броситься к нему, когда Хоранд осторожно дотронулся до моей руки и, сделав страшные глаза, кивнул в сторону ламара.

— Все в порядке, — улыбнулась я. — Я просто покормлю его, он меня не тронет.

Хоранд покачал головой и указал рукой на что-то за моей спиной. Я обернулась. Рави нес небольшую корзинку, полную брютов. Он подошел к нам и поставил ее на песок.

— Вы можете подождать меня здесь, — сказала я, уставившись на меня парням.

Я взяла корзинку и, увязая в песке, побрела к причалу, который уже успели починить.

— Эй, — крикнула я. — Привет чудовище!

Монстр, наверно, дремал, потому что при звуке моего голоса подскочил метра на два и упал в воду в туче брызг.

— Что испугался? — обрадовалась я, и в этот же момент пожалела о своих словах.

Ламар очень быстро выбрался из воды и бросился ко мне. Толстые кривые лапы легко несли вытянутое туловище с длинным хвостом, оканчивающимся раздвоенным плавником.

Трехметровое чудовище приближалось ко мне, раскрыв пасть. Я застыла, превратившись в соляной столб, прижимая к себе корзинку с фруктами. Моя охрана тут же вышла вперед, закрывая от монстра. Зверь затормозил, пропахав в песке глубокие борозды. Чуть присев, он втянул в себя воздух и фыркнул. Глаза превратились в узкие щелки, губы приподнялись, обнажая зубы.

Рави и Хоранд сдвинулись еще плотнее, а зверь зарычал и сильно ударил хвостом по песку. Оба парня были значительно выше меня и к тому же довольно решительно пресекали все мои попытки выйти вперед. Но когда в руках у Хоранда блеснул длинный нож, я оттолкнула их.

— Ну, хватит! — строго сказала я. — Плохой монстр! Будешь себя так вести, ничего не получишь!

Зверушка подозрительно на меня уставилась, но зубы не спрятала.

— Плохой монстр! — повторила я, как можно убедительнее.

Удивительно, но он послушался! Шлепнулся на брюхо, подобрал под себя лапы, и стал похож на черное гладкое бревно.

— И нечего тут прикидываться мертвым! — сказала я ему и двинулась к воде.

Монстр тащился рядом, изредка оборачиваясь и шипя на моих провожатых. Оба юноши шли сзади, не выпуская из рук оружия. Дойдя до берега, зверь немедленно залез в воду и широко разинул пасть, надеясь на угощение.

Аппетит у него был хороший и корзинка очень быстро опустела.

— Все, — сказала я, показывая пустые ладони. — Больше нет.

Я стояла по колено в воде, и монстр доверчиво ткнулся мордой мне в руки, а потом поднял голову и с интересом посмотрел на сидящих на песке ребят. Интерес был явно гастрономический.

— Они невкусные, — фыркнула я.

Мне было жарко, но не настолько, чтобы купаться голой в присутствии двоих парней. Поэтому я с сожалением вышла из воды и попрощалась со своим новым другом.

На ступеньках, ведущих в сад, я обернулась. Ламар лениво покачивался у самого берега, не спуская с меня глаз.

— До завтра, чудовище, — крикнула я ему, и улыбнулась Хоранду и Рави.

А они, похоже, вздохнули с облегчением, как только мы покинули пляж.

Не знаю, как это возможно, но стало еще жарче. Воздух был как горячая плотная ткань с бесконечными складками, которая укутала меня с ног до головы. Несколько метров до спасительной тени террасы, я почти бежала, продираясь сквозь эту удушающую завесу, всерьез опасаясь солнечного, теплового или еще какого-нибудь удара. Мое сопровождение невозмутимо следовало за мной, даже не вспотев, и покинуло меня на ступенях террасы. Я из последних сил поднялась по ним, на ходу стягивая платье и мечтая о прохладной воде.

Мне казалось, что от соприкосновения с моей кожей вода в ванне закипает, я точно видела пар и слышала шипение. Свежая вода и отсутствие цветочных запахов сделали свое дело, я даже задремала. Меня разбудила Нури.

— Это было очень опасно, — с укором сказала она. — Зверь мог наброситься.

— Хоранд сказал, что не понимает, как тебе удалось заставить его не нападать.

— Все же обошлось? Зверушка совсем не страшная, наверно подумала, что ребята претендуют на ее угощение, вот и разволновалась. Скажи, я могу пойти туда одна? Очень хочется поплавать вместе с ней. Представляешь, она совсем не пахнет рыбой!

— Одна ты туда не пойдешь, — быстро сказала она.

— Кира, зачем тебе это? — Нури сморщилась. — Еще день, два и ламары уйдут, купайся тогда, сколько хочешь!

— Я не прошу тебя делать это вместе со мной, — пожала я плечами. — Посиди в тенечке, пока я буду плавать. О большем я и не прошу, — примирительно сказала я, вытираясь.

— Ну, не знаю, — ответ прозвучал очень неуверенно, и она быстро сменила тему.

— Ты не голодна?

Я кивнула, аппетит после насыщенного событиями утра и прогулки к морю, был более чем. К моему удивлению, Нури повела меня вглубь дома. В этой части дворца не было никаких древностей или раритетов. Просто комната, прохладная, светлая, без излишеств. В центре стоял довольно длинный стол с придвинутыми к нему мягкими стульями, вдоль стен буфеты, наполненные разнообразной посудой.

— Столовая? А почему накрыто только на одного человека? — указала я на несколько блюд, накрытых крышками, сиротливо стоявших с краю стола.

— Ты теперь ноэль, официально — улыбнулась она, отодвигая стул с высокой спинкой во главе стола. — И ты хозяйка за этим столом. Женщины едят тут.

— Только женщины?

— А где бы еще мы могли бы собраться и посплетничать без лишних ушей?

— Действительно. И где же все?

— Пока ты кормила это чудовище, все поели, — пожала она плечами.

— Чего же ты стоишь? Садись, Саша так старалась, обидно если остынет.

— А ты?

— Я уже ела.

— Ну, тогда хоть побудь со мной,

Тишину в комнате ничто не нарушало, кроме тихого журчания фонтана в углу. Нури то и дело поглядывала на меня, улыбаясь.

— Что такое? — чего она смотрит, может я чавкаю или у меня крошки на губах.

— Не думаю, что у тебя останется время на это ужасное существо, — смеясь, ответила она. — С завтрашнего дня появятся занятия поинтересней, Кара тебе все расскажет.

Да уж, перспектива меня не очень радовала. Нури была очень приятной девушкой, ну а

остальные? Вряд ли этой Каре понравится, если я начну претендовать на ее власть этом доме, чисто гипотетически конечно. Моим самым заветным желанием было сбежать отсюда к чертовой бабушке. Но с другой стороны, хозяйственные интересы помогут мне сделать ноги из этого сумасшедшего дома.

— Если этих обязанностей так много, почему бы не начать прямо сейчас?

— Сегодня не получится, — веселилась Нури. — Слышишь музыку?

Я подняла голову от тарелки, где-то в доме звучала веселая ритмичная мелодия.

— И что это?

— Все празднуют, ноэль.

— А есть повод? — без особого энтузиазма спросила я.

— Твоя свадьба, — светясь от счастья, сказала Нури. — Все радуются, что ты нашлась.

— Как здорово! — разозлилась я.

Есть расхотелось, я отодвинула от себя тарелку и встала.

— Если это моя свадьба, то почему я тут, а не там? — вопрос сорвался с языка сам собой.

— Не надо так, никто не хочет тебя обидеть. Там празднуют мужчины, — тихо сказала она. — Там нет ни одной женщины, это обычай. А мы соберемся позже и наш праздник будет гораздо веселее, чем у них.

По большому счету мне было совершенно наплевать на мою, ха-ха, очередную свадьбу, обидно было из принципа.

— Там нет ничего интересного, — быстро заговорила она. — Несколько раз я подглядывала, они только пьют, ругаются, спорят и дерутся. Ужасно!

Нури восторженно принялась описывать предстоящий девичник, но я почти не слушала ее.

— Где Бель-шум? — оборвала я ее на полуслове. — Он обещал ответить на мои вопросы. — Извини, но это для меня важнее, чем праздник.

У меня и в мыслях не было обижать ее, это получилось не специально. Она тут же сникла, глаза погасли. Нури опустила голову и сказала безжизненным голосом:

— Да, ноэль. Ты хочешь увидеть его сейчас?

— Да.

вела меня по коридорам вглубь дома, а я шла сзади и злилась. Мне все страшно надоело. Весь этот спектакль, который вот уже несколько дней разыгрывался вокруг, раздражал меня все больше и больше. Я хотела только одного — прояснить ситуацию и убраться отсюда, ну а как-нибудь переживет! В крайнем случае, попрошу у нее извинения...потом... может быть! Она ведь тоже непосредственный участник всего этого кошмара.

Лестницы в этом доме были просто бесконечными и похожими друг на друга как две капли воды, на мгновение мне показалось, что мы заблудились, но Нури толкнула высокие двери и все так же тихо сказала:

— Прошу, ноэль, — вид при этом у нее был такой, как будто она съела брют.

часть четвертая

В глубине комнаты у стола, заваленного бумагами, сидел Бель-шум, поспешно поднявшийся, при нашем появлении.

— Ты можешь идти на праздник, Нури, — стараясь говорить спокойно, сказала я. — Счастливо повеселиться.

Она со стуком захлопнула двери. Ну и пусть! Почему я должна считаться с чувствами других, если с моими никто считаться не хочет?

— Ноэль, я не думал увидеть тебя здесь так скоро, — начал Бель-шум.

Но я остановила его движением руки и плюхнулась в ближайшее кресло.

— Я бы хотела, чтобы вы объяснили мне почему я здесь нахожусь!

Старичок надулся и отошел к окну, повернувшись ко мне спиной.

— Вы что, до сих пор сердитесь на меня из-за того, что я сказала? Я, между прочим, защищала вас! Что такого, обычное ругательство...

— Нет не обычное! — буркнул Бель-шум. — Игра слов и... некоторые сленговые выражения в переводе теряют смысл, но поверьте это очень, очень плохие слова. Такими не разбрасываются просто так. Тебя оправдывает только то, что ты сама не понимала, что говорила, ну а Нури...

— Только не нужно наказывать девочку из-за меня!

— А ее никто не собирается наказывать. Она физически не могла отказать тебе в просьбе, — фыркнул старик.

— Я ее не заставляла!

— Да уж!

Он долго и выразительно молчал и заговорил только после того, как я начала ерзать и кашлять в своем кресле.

— Мне нужно собраться с мыслями, ноэль.

Я пожалала плечами и приготовилась ждать, несколько минут ничего не значат.

В этой комнате ждать было легко. Я с наслаждением принялась. Здесь царствовал знакомый неповторимый аромат, в нем смешались запахи клея, бумаги, старинных переплетов и вездесущая книжная пыль. Здесь я чувствовала себя дома.

и стеллажи, заставленные книгами. Длинный стол с ножками в виде звериных лап. Два огромных глобуса в дальнем углу. Удобное кресло, в котором я сидела и еще одно такое же рядом, низкий столик между ними. Стену напротив украшало множество рисунков. Горы, пустыня, побережье, снова горы, опять пустыня....

Я уже подумывала встать и подойти к ним поближе, когда Бель-шум заговорил.

— Где ты находишься, ноэль? — спросил он, все так же стоя ко мне спиной.

— Вообще-то, я хотела узнать это у вас, — хмыкнула я.

— А все-таки?

— В Турции? Название «Суфраэль» мне ничего не говорит, вокруг пустыня, — озвучила я свои мысли. — Это может быть Северная Африка. Марокко? Эмираты? — я махнула рукой в сторону окна. — Средиземное море, Атлантика или Персидский залив. Я никогда не была сильна в географии.

— Но ты, вероятно, можешь показать все эти места на карте? — Бель-шум указал на глобус в углу.

— Могу.

Я подошла к огромному глобусу и уставилась на него, как баран на новые ворота. Найти хоть что-то знакомое на тяжелом гладком шаре было невозможно. Черного моря там не было, вместе с ним пропала Турция и Персидский залив, Америка ушла под воду, от Австралии и Африки слабый намек. Вместо привычных с детства очертаний материков, через весь глобус протянулся один огромный кусок суши, с двумя внутренними морями. Я в растерянности крутанула глобус, в бескрайнем синем море плавало несколько островов.

— Это что, Земля до начала времен?

— Это наш мир, — спокойно сказал Бель-шум.

— Я что, проспала Армагеддон? — и меня слегка замутило.

Старичок покачал головой и указал мне рукой на кресло.

— Тебе лучше присесть.

— Да ладно!?! Это что разыгрыш? — нервно смеясь, спросила я. — Скажите еще, что меня похитили инопланетяне.

Вряд ли, — совершенно серьезно сказал он. — Не думаю. Хотя, может, и да. Все зависит от точки зрения.

От этих слов я покрылась гусиной кожей и почти упала в кресло, обхватив руками дрожащие колени.

— Ты слышала о параллельных мирах? — как ни в чем не бывало, спросил Бель-шум.

— Читала..., в кино смотрела, но такого не бывает! Зачем вы морочите мне голову?! Это что эксперимент такой? — не в силах усидеть на месте, я поднялась.

— Я и так достаточно напугана, а вы хотите напугать меня еще больше!

— О, прошу тебя, ноэль, успокойся! — заволновался старичок. — Тебе никто не причинит вреда, этого и в мыслях нет. Может воды? Я все объясню, не стоит пугаться.

От воды я отказалась и с плохо скрываемым раздражением уставилась на него.

— Наш мир не всегда был таким, — медленно начал он, вращая глобус.

— Когда вы... ваш вид выбрался из пещер, мы уже давно освоили атом. Надо сказать, что ничего хорошего из этого не вышло, — невесело усмехнулся он.

А мне стало еще хуже, особенно после слов «ваш вид».

— На Земле всегда существовало великое множество государств и народов, но у нас этого не было. Окатор всегда был разделен надвое. Две нации, два государства, два народа, две культуры, два языка. Антиподы во всем.

— Общей была только ненависть друг к другу. В наших языках не было слов «договор», «дипломатия» и «переговоры». Зачем нужны такие слова, если никто не собирается договариваться? Победа всегда предполагала полное уничтожение противника. Никто не хотел уступать. Уступить значит потерпеть поражение. А поражение есть смерть, на старых языках эти два слова звучат одинаково, — старик вздохнул, поежился и продолжил.

— Война всегда стояла на первом месте. Это был самый легкий способ добиться своего. Это было единственное занятие достойное мужчины. Да что там, война была смыслом существования. И сейчас уже не важно, какая сторона первой нажала на кнопку, — Бель-шум тяжело вздохнул. — Просто однажды наш мир перестал существовать.

— Мы закидывали друг друга бомбами ужасающей мощности, травили, жгли и душили до тех пор, пока все это не переросло в глобальную катастрофу. Окатор сотрясали

землетрясения и заливали приливные волны. Мир вокруг неузнаваемо изменился и стал враждебным. Реки высохли, исчезли леса, большую часть континента заняла радиоактивная пустыня, кардинально изменился климат, растения и животные мутировали.

— Пережить эти ужасные годы удалось немногим. Из миллиардов остались несколько сот тысяч. И эта цифра все время сокращалась, — голос старика стал безжизненным, как у автомата.

— Болезни, которые мы разучились лечить и те, которые лечить никогда не умели, остаточная радиация, нападения животных, природные катаклизмы и множество других факторов, все это значительно сокращало нашу численность. Мы все еще воевали, не потому, что выжившие принадлежали к разным народам. Это уже не имело никакого значения, старая ненависть умерла вместе со старым миром. Мы дрались за чистую воду, за еду и за будущее. За женщин. — Бель-шум покачал головой.

— Окатор — всегда был миром воинов. Среди спасшихся мужчины составляли значительное большинство. Все они были тренированы, обучены выживать в экстремальных условиях, и, следовательно, легче переносили всевозможные лишения. Другое дело женщины и дети. Их почти не осталось.

— За последующие пятьдесят лет мы сократили нашу численность вдвое. Еще несколько лет и Окатор бы вымер.

— Я не знаю, что это было, просветление или осознание того факта, что подобные действия самоубийственны, — пожал он плечами. — А может быть все дело в инстинкте самосохранения? Но взаимное истребление прекратилось. Процесс объединения проходил очень медленно, учитывая крайне сложные условия жизни и отсутствие всяческой связи между группами.

— Кто-то догадался оставлять сообщения у источников воды, местом сбора была небольшая долина, здесь, — Бель-шум ткнул пальцем в крошечное зеленое пятнышко на глобусе.

— Группы, приходившие туда, были очень маленькие, обычно пять-шесть человек, иногда меньше. Одиночек не было, — старик многозначительно хмыкнул, подняв вверх указательный палец. — Самая многочисленная группа насчитывала тридцать пять человек. Но прекратив взаимное истребление и научившись делиться, мы продолжали вымирать. Дети рождались так редко, что это событие воспринималось как чудо.

— Казалось, сам Окатор мстит нам. Всерьез обсуждалась идея коллективного самоубийства. Но это было бы поражением, а проигрывать окаторцы не умели, — слабо улыбнулся он.

— Мы тщательно собирали остатки знаний, стараясь найти хоть что-то, способное помочь выжить.

— И нам повезло! Мы нашли бункер. Сохранилось там немного. — говоря это, старичок оживился, как будто заново переживая старый успех.

— Лаборатория, занимавшаяся параллельными мирами, — за этот шанс ухватились, как утопающий за соломинку. Через десять лет решились на первый запуск. Нашли мир, дотла выжженный войной, два последующих мира были такими же. Четвертая попытка стоила жизни исследовательской группе и принесла в Окатор неизвестную болезнь, сократившую и без того маленькое население, — тяжело вздохнул Бель-шум.

— На пятый запуск решились скорее от отчаянья и были вознаграждены, найдя твой мир, ноэль, — старичок тепло мне улыбнулся.

— Правда, те из нас, кто рассчитывал встретить столь же развитую цивилизацию, какой была наша, были огорчены. Человечество было слишком молодо.

— Все радовались, никто уже не думал о смерти, окаторцы чувствовали себя богами по сравнению с людьми, — он произнес это с горькой улыбкой. — И это вскружило нам голову.

— Ах, ноэль, Окатор так виноват перед человечеством! — с болью в голосе произнес Бель-шум.

— И чем же вы провинились?

— В вашем мире было только одно, чего не было у нас, — он покраснел. — Женщины.

— Надеюсь, никого не принуждали? — отчего-то тоже заливаясь краской, пробормотала я.

— Ты не понимаешь, все гораздо сложнее! На первый взгляд мы очень похожи, но это исключительно внешнее сходство! На самом деле наши виды отличаются гораздо больше, чем можно себе представить. Причем на таком уровне, что разобраться с этим мы смогли спустя многие годы, — старичок уткнулся в свои бумаги и, не поднимая на меня глаз, продолжил.

— Чтобы получить жизнеспособное потомство от союза окаторца и землянки, невеста должна обладать определенным генотипом и формулой крови, — он тяжело вздохнул. — Условий очень много, прошу прощения, за столь интимные подробности, — опять покраснел Бель-шум.

— Так за что вы извиняетесь? — спросила я. — За брошенных женщин, от которых не дождались детей?

— У нас, — Бель-шум, обиженно поджал губы. — Женщин не бросают никогда!

А потом, словно устыдившись, покачал головой, и его лицо приняло скорбное выражение.

— Все гораздо хуже, ноэль. Мне придется быть с вами откровенным, вы должны простить меня за подробности, — он опять повернулся к окну и продолжил глухим голосом.

Если девушка не погибала сразу, во время самого... хм... процесса, - старик закашлялся. - То умирала через несколько часов, от анафилактического шока, а если все же оставалась жива, и зачатие происходило, то смерть матери и плода наступало на первых месяцах беременности. Если мать переживала беременность и рожала, то чаще всего ребенок погибал в первые часы жизни, забирая с собой жизнь матери. Большая часть выживших детей несло на себе печать уродства. Именно такие дети стали источниками человеческих легенд об оборотнях и вампирах. Здоровое жизнеспособное потомство было редкостью, а шансы на рождение второго ребенка были практически равны нулю.

— И как часто это происходило? — спросила я, чувствуя, как дрожит голос.

— Одна из тысячи, — почти неслышно сказал он.

От его слов меня прошиб холодный пот, и я со страхом посмотрела на него.

— Я умру?

— О, простите, что напугал вас, — Бель-шум замахал руками, как ветряная мельница. — Уверяю, к вам это не имеет никакого отношения.

Верилось в это с трудом, но я машинально кивнула ему, и он продолжил:

— Масштаб наносимого ущерба осознали не сразу. А когда поняли, то этот факт никого особенно не трогал. Одни считали, что людей и так слишком много, другие, что раз женщину ни к чему не принуждают, то и волноваться не о чем. Третьи, говорили о том, что если в обмен на материальные блага и знания люди хотят расплачиваться подобным

образом, то и ответственность за это лежит на них самих, — он покачал головой.

— Против подобного отношения к человечеству выступали единицы, и громче всех звучал голос Инкубу Тангара. Помните, я говорил вам о самой большой группе, пришедшей к месту общего сбора? Так вот, ее привел Инкубу, и среди них было десять женщин и четверо детей! — восхищенно добавил Бель-шум.

— Лорд Инкубу предложил свести посещения вашего мира к минимуму, и не контактировать с его представительницами, до тех пор, пока не будет найден способ избежать многочисленных смертей, но его никто не поддержал. И тогда он просто ушел к людям, стараясь искупить тот вред, который мы нанесли вашему миру.

— И что же он сделал? — язвительно спросила я, слабо представляя это «искупление».

— Он старался быть полезным, — спокойно ответил старик. — Своими знаниями в первую очередь. Сначала его боялись, но постепенно, он заслужил доверие и уважение, а став вождем, правил более чем достойно. Старейшины племени заставили его жениться, чтобы сын наследовал ему. Инкубу не собирался пользоваться правами мужа, но... девушка его соблазнила. И у лорда Инкубу и его жены было несколько детей, трое девочек, — Бель-шум многозначительно посмотрел на меня.

— Тангар был человеком очень наблюдательным, он стал собирать сведения обо всех удачных семейных союзах, и ему удалось найти некоторые закономерности. Конечно, он мог опираться только на внешние признаки, — голосом учителя продолжал он. — Но и это позволило сохранить многие жизни, — с подъемом закончил он.

— Все это очень интересно, но какое отношение это имеет ко мне? — пожалала я плечами.

Самое прямое, ноэль! - Бель-шум выхватил из кучи книг на столе толстенный том и раскрыл его передо мной. - Вот! - ткнул он пальцем в портрет на странице.

С пожелтевшего от времени листка на меня смотрела девушка, чуть младше меня самой. Черные, как сажа ресницы обрамляли слегка раскосые глаза, повторявшие изгиб высоких скул. Тонкий прямой носик, чуточку полноватые губы. Девушка была не просто хорошенькой, она была интересной и загадочной.

— Кто это?

— Младшая дочь Инкубу Тангара — Гало или Пропавшая невеста, — с улыбкой ответил Бель-шум.

— Ну и что?

— Эта девушка, — палец старичка уперся в книжную страницу. — Твоя, можно сказать, бабушка, с очень большим количеством «пра» впереди.

— И ты очень на нее похожа, ноэль, — ласково добавил он.

Я вздохнула, да если бы я была похожа на этот портрет хотя бы на четверть, все Светкины кавалеры тут же перебежали ко мне.

— Не думаю! — хмыкнула я. — Но за комплимент, спасибо.

— Позволь не согласиться, — с серьезным видом сказал Бель-шум. — Ты похожа на нее не только внешне, что не столь важно. Главное, что ты даже не Homo sapiens!

— Что значит не человек? — еле выговорила я, приходилось бороться за каждый глоток воздуха.

— Ну, зачем так пугаться? — засмеялся Бель-шум. — Это вполне естественно, быть похожей на своих предков.

— О каких предках вы говорите?

— О ней, — и он снова указал мне на портрет.

— Ее отцом был Инкубу Тангар, как вы поняли, а матерью человеческая женщина. Но Гало, пошла в отца. Полностью. Это вам понятно? — Спросил он, а я автоматически кивнула.

— Мужем этой девушки, стал человек, мужчина. У них были дети, внуки и так далее, в конце концов, на свет появилась ты, — он улыбнулся. — Но, несмотря, на множество человеческих предков, ты — не человек.

— Разве так бывает? — ошеломленно спросила я.

Бель-шум, с улыбкой, кивнул, и принялся собирать бумаги на столе, изредка поглядывая в мою сторону.

Я, конечно, знала, что не такая как все, но не до такой же степени!

— Хорошо, предположим, все, что вы сказали мне, правда.

Бель-шум обернулся и, нахмурившись, посмотрел на меня.

— Предположим! — твердо повторила я.

— Быть может, я и не человек! Вы не ответили на главный вопрос. Почему я здесь оказалась?

— Ноэль..., - начал он, но я перебила его.

— Я не ноэль, не Кирен и не найлек, — разозлилась я. — Меня зовут Кира! Если хотите, можете называть меня Кирой Андреевной или гражданкой Сотниковой, но не всякими этими глупыми прозвищами!

— Я прощаю тебе этот тон, только потому, что ты расстроена и испугана, — сердито ответил мне старик.

Я замолчала и отвернулась, слезы подступили очень близко, не хватало еще по-глупому разреветься!

— И вовсе это не «глупые прозвища», — фыркнул Бель-шум.

Найлек, дословно, «украшение пустыни». Это цветок с тонким ароматом, очень редкий к тому же, - проворчал он. - Из него делают духи, если тебе интересно. Единственные, которые считаются приличными для воина.

Продолжая переключать бумаги и книги на столе, он сказал:

— Ноэль — это титул. В человеческом языке, — он поджал губы, — нет определения для этого слова. Я могу предложить только приблизительное значение — «сердце властелина». Что касается твоего имени, то оно созвучно слову «кираен», что значит «спокойствие», «утешение». И только посмей сказать, что «гражданка Сотникова» лучше! — с вызовом закончил он.

Старичок не на шутку рассердился и уже раскрыл рот для очередной нотации, но в дверь постучали, и вошел Хоранд. Поклонившись, он что-то быстро зашептал на ухо Бель-шуму, изредка поглядывая на меня.

— Мы продолжим наш разговор позже, — сухо сказал он. — Меня просит к себе эр-рех, — и они буквально испарились, оставив меня одну.

— Здорово! Ну, просто класс! — я в сердцах пнула ногой одно из кресел.

Выглянув в окно, я увидела, как эти двое, смеясь, пересекают небольшой внутренний дворик. Резко повернувшись, я почти упала на оба глобуса. И только сейчас поняла, какая между ними разница. На одном из них, в очертаниях двух материков, все же было что-то неуловимо знакомое. Я провела рукой по гладкой поверхности шара, касаясь множества точек и точек, обозначающих города, а потом посмотрела на стоящий рядом.

сила смяла и выкрутила сушу на нем, собрав все в одну кучу и синего на нем было гораздо, гораздо больше. А точек, обозначающих города, было совсем мало, не больше десятка. Рядом с каждой точкой стояло число, чаще трехзначное, было видно, что последние цифры, все время меняются, следы от множества стираний были слишком заметны.

Я долго стояла, рассматривая все это, вспоминая рассказ Бель-шума. За окном стемнело, а я все еще не могла определить для себя, верю я всему этому или нет. На розыгрыш это походило все меньше, но поверить до конца, что я... потомок инопланетянки?

Когда в библиотеке стало совсем темно, я осторожно приоткрыла дверь. Дороги в свою, ставшую почти родной комнату, я не помнила. Мне совсем не хотелось блуждать в потемках в лабиринте дворцовых переходов. Но в коридоре было светло. На стене, через равные промежутки, ярко горело некое подобие факелов, распространяя приятный терпкий запах. Около двери на каменной скамье с несчастным видом сидел Рави. При моем появлении он вздохнул с явным облегчением, и скука на его красивом лице сменилась откровенным нетерпением.

— Ах, да, праздник! Проводишь меня и иди, — сказала я, махнув рукой. Парень, естественно, не понял ни слова, но заулыбался еще шире.

Наверно, он знал более короткий путь, потому что мы оказались на месте очень быстро. Рави буквально втолкнул меня в арку, быстро поклонился и исчез.

— Дом, милый дом..., - без особой радости я огляделась.

На кровати была разложена рубашка, розовая. На небольшом столике несколько блюд, накрытых крышками, и огромный букет белоснежных цветов в изящной вазе.

— Ну да! У меня же свадьба! — горько усмехнулась я.

В саду играла музыка, слышался смех, среди деревьев мелькали огни, но рядом с террасой было темно и тихо. От воды в каменном бассейне поднимался пар, смешиваясь с цветочными ароматами вокруг.

Я искупалась, поела и открыла все сундуки, которые Хоранд и Рави принесли утром. В одном из них оказались бумаги, книги и какие-то странные механизмы.

Два других были доверху заполнены одеждой, обувью, постельным бельем и посудой. А четвертый представлял собой пещеру Али-бабы в миниатюре.

Я не сомневалась, что все камни настоящие, такую красоту невозможно подделать. Они радугой переливались у меня в руках. Красные, как кровь. Зеленые, как весенняя трава после дождя. Синие, в глубине которых сверкали звезды. Бело-голубые, как лед под солнцем. Желто-коричневые, как тигриные глаза, переливающиеся жидким золотом.

Я наугад потянула из этой кучи ожерелье. Темно-синие камни оплетала невесомая серебряная паутина, за нее зацепился широкий браслет с кисточками из мелкого жемчуга.

Кольца, тиары, серьги, браслеты..., я раскладывала все это великолепиие вокруг себя, пока на ковре не осталось свободного места.

Наконец сундук опустел, в моих руках сияла последняя вещица. Брошь или пряжка, похожая на сказочную птицу с хвостом из россыпи разноцветных камней и телом из цельного камня глубокого зеленого цвета.

Я вертела ее в руках, когда вошла Нури.

— Какая красота! — восхищенно прошептала она. — Почему ты просто сидишь, а не примеришь это?

— А зачем? — устало спросила я. — Обвешаться всеми этими цацками и сидеть здесь как новогодняя елка? — я отодвинула от себя сверкающую кучу.

— Ты вернулась домой. — улыбнулась Нури. — Тут твоя семья, ты нужна здесь! А эр-рех? Он так долго ждал тебя.

— Всю жизнь мечтала, чтобы меня похитил рыжий монстр, покрытый шрамами, как заслуженный боевой конь! С чего ты взяла, что он меня интересует? — фыркнула я. — Я была довольна тем, что у меня есть. Может быть, там не было моря и пальм. И вся моя квартира была размером с эту кровать, но мне это нравилось!

Нури обиженно поджала губы и отошла в сторону.

— А что касается всего этого, — я небрежно кинула драгоценную птицу в сундук. — Я не продаюсь!

Она хмыкнула и с преувеличенной тщательностью начала укладывать сокровища обратно.

— Если тебе что-то нравится, возьми, — предложила я.

В голове мелькнула шальная мысль подкупить Нури и сбежать.

— Я не могу, — смущенно вздохнула она.

— Интересно почему? Кто может это запретить?

Нури покраснела.

— Пока нельзя...

— Скажешь, как будет можно, — буркнула я.

Когда все было убрано. Нури спросила:

— Вообще-то я пришла за тобой. Зачем сидеть одной? У нас весело! Эр-рех вернется не скоро.

— А причем здесь он? — сморщилась я. — Он мне совершенно неинтересен, и если бы я захотела пойти с тобой, то о нем бы подумала в последнюю очередь! Иди Нури, развлекайся, скучать я не буду, Бель-шум постарался. Мне есть, о чем подумать.

Она еще некоторое время повздыхала и вышла.

А потом я стояла на террасе и смотрела на звезды, стараясь отыскать знакомые. Раньше, я никогда не обращала на них особого внимания, да и в городе их почти не видно. Единственное на что я была способна, это найти ковш Большой Медведицы. Но сейчас, я не могла даже этого. А после того, как взошли обе Луны, зрелище, прямо скажем, не для слабонервных, смотреть на небо совершенно расхотелось. Так же как слушать музыку и громкие голоса, доносящиеся из сада.

Забравшись в постель, я лежала и думала о том, что рассказал мне Бель-Шум. Можно было ему не верить и считать все это грандиозным розыгрышем, но тогда, возникал вопрос — кому и зачем все это нужно?

Кто я такая, чтобы разыгрывать меня подобным образом? Ни чего особенного во мне нет, заурядный архивный служащий! А эта, «малахитовая шкатулка»? Может, я богатая наследница и все дело в этом? Или в бумагах, которые так настойчиво просил тот дядечка есть нечто важное? А зверюшка! Она точно настоящая!

Я, конечно, все время мечтала оказаться на месте героини приключенческого романа, кто не мечтает!? Но в действительности это совсем не так весело, а страшно. Разговор с Бель-шумом ничего не прояснил, запутав меня еще больше.

Завернувшись в прохладную простыню, я повернулась на бок, надеясь на то, что утро вечера мудренее. Мне снилась какая-то жуть, взрывы, крики, дети с огромными печальными глазами, а под конец я начала куда-то проваливаться. Проснувшись я от собственного крика, так что утро ни в коем случае нельзя было назвать добрым.

Рядом со мной спал Альдо. Он лежал ничком, уткнувшись в подушку, раздетый по пояс, как будто упал на кровать, едва добравшись до нее. Я разозлилась и уже хотела столкнуть его на пол, но он повернулся на бок.

Он улыбался! Лицо выглядело удивительно спокойным, даже шрам не портил общей картины. На скулах лежали тени от темно-коричневых пушистых ресниц, в пухлой нижней губе было что-то детское. Картина была завораживающей настолько, что мне захотелось его поцеловать! Я глубоко вздохнула и заставила себя отвести глаза от его лица, совершив фатальную ошибку.

Я никогда не видела такого тела, как у него. В мягком утреннем свете его смуглая кожа казалась бархатной. Широкие плечи, сильные мускулы — ничего лишнего. Он потянулся во сне, и стали видны скульптурные линии фигуры.

Альдо был большим, темным и красивым. От него пахло дымом, вином и какими-то цветами. Он был притягательным. От этой мысли мне стало жарко, и я отодвинулась, стараясь стряхнуть это наваждение. Но это оказалось очень трудно. Я сидела на краешке кровати, обхватив руками колени, и смотрела, смотрела, смотрела...

На смуглой коже четко выделялось множество шрамов, а один из них начинался от

плеча, наискось пересекал торс до самого бедра и уходил под широкий ремень. Рубец был грубым, неровным и широким.

— Господи, — слезы подступили очень близко. — Как же ты выжил?

Не удержавшись, я осторожно дотронулась до него, едва касаясь кожи. Ох, не стоило мне этого делать — желание большего затягивало, как водоворот. Затаскивало, уносило....

Я придвинулась к нему вплотную и осторожно убрала волосы, чтобы полностью открыть лицо, а он неожиданно схватил меня за руку. Суставы на пальцах хрустнули, и я взвизгнула.

Альдо, не открывая глаз, буркнул:

— А, это ты.... Пойди, принеси мне чего-нибудь выпить, побыстрее.

Сказано было достаточно грубо, но я все еще плохо соображала, поэтому покорно выполнила просьбу. Но он отшвырнул от себя стакан с водой.

— Я просил выпить, а не помыться, — прорычал он, подняв на меня глаза.

Все очарование мгновенно прошло! Налитые кровью глаза, трясущиеся руки и страшный перегар, распространившийся волнами после каждого его слова, убил на корню все мои фантазии.

— Что ты стоишь? — проскрипел он. — Пойди, принеси выпить!

— Спешу и падаю, — быстро ответила я и отскочила.

Тяжелое похмелье значительно замедлило его реакцию, пытаясь схватить меня за руку, он промахнулся и упал с кровати.

Я мстительно рассмеялась, увидев, как его лицо медленно зеленеет.

— Пить меньше надо, — сказала я, и он закрыл лицо руками.

— Прекрати орать! — он еле шевелил губами.

А потом свернулся калачиком прямо на каменном полу и прошептал:

— У Нури наверняка есть то, что мне нужно. Принеси...

— Ладно, — нехотя согласилась я, и пошла искать лекарство.

Это оказалось совсем не сложно. Я просто ориентировалась на голоса, раздававшиеся в глубине дома.

Я нашла Нури в столовой, где обедала накануне, вместе с ней там было несколько женщин разных возрастов. И все они замолчали, как только я вошла.

— Ноэль, — вперед вышла одна из них и жестом указала мне на место во главе стола.

— Это Кара, — зашептала мне на ухо Нури. — Она старшая..., была.

Я села на предложенное мне место и выбрав из вазы с фруктами наименее странный, начала потихоньку есть, наблюдая за остальными.

Поначалу они смущались, но быстро забыли обо мне, продолжая прерванный разговор. Все казались очень раздраженными, и все время нападали на симпатичную молодую женщину с забавными кудряшками.

— В чем дело, Нури? Что сделала эта дамочка? — потихоньку спросила я.

— Это Тамила, ноэль, она отвечает за винный погреб, — шепотом ответила мне Нури.

— Ёе ругают, потому что вино на свадьбе было слишком крепким и теперь наши мужчины больны, — голосом прокурора добавила она.

Тем временем Тамила, что-то быстро заговорила, отмахиваясь от наседавших на нее женщин.

— Что она говорит? — спросила я.

— Говорит, что мужчины сами выкатили эту бочку из погреба, а ее никто не стал

слушать.

— А что теперь? — любопытствовала я дальше.

— Ее все равно считают виноватой, зачем она разрешила это сделать?!

Мне стало смешно, я представила маленькую кудрявую Тамилу, запрещающую что-то Альдо. Я смеялась все громче и никак не могла остановиться, пока Нури не начала дергать меня за рукав.

Общество за столом смотрело на меня с осуждением. Наконец, Кара перевела взгляд на Нури, и та быстро заговорила.

И все дружно переключились на меня!

— Ты не должна смеяться, — быстро переводила Нури. — Мужчины очень мучаются и проболели несколько дней.

— Они не больны, — сморщилась я. — Это называется похмелье и это не смертельно. Пить меньше надо! Все они взрослые мальчики и знали, что делали. А лучшее лекарство от этого — трудотерапия. Пошлите их работать, пропотеют и все пройдет!

— Переводи, Нури, — толкнула я смущенную девушку.

Она перевела, и они закудахтали еще громче. Не обращая внимания на недоброжелательные взгляды, я спросила:

— Ну и когда меня будут знакомить с обязанностями хозяйки?

— Сегодня не получится, ноэль, — Нури засмушалась. — Каре будет некогда, она и другие будут ухаживать за своими мужчинами.

— Замечательно, — я встала и пошла к выходу из комнаты. — У меня сегодня выходной!

Но Кара меня остановила.

— Она спрашивает, как чувствует себя эр-рех, — перевела мне Нури.

— Никак, — пожалала я плечами. — Когда я уходила, лежал на полу, зеленый.

Мои слова вызвали новый взрыв возмущения.

— Ты должна быть рядом, и облегчать его страдания, — шептала мне на ухо Нури.

— С какой стати? Я ему ничего не должна!

— Но ты его жена!

— Правда?

— Вчера была ваша свадьба! — настаивали они.

— А меня там не было! — все больше раздражаясь, ответила я и, не обращая внимания на сердитых женщин, пошла к выходу. Но вспомнила, что обещала Альдо.

— Нури, он просил меня лекарство.

Она тут же сунула мне в руки кувшин и женщины стали возмущаться с новой силой.

— Что теперь?

— Ты не выполнила приказ, нужно было сразу же отнести ему это, — сказала Нури, указывая на кувшин.

— Я не животное, чтобы повиноваться! — рявкнула я, и все тут же замолчали. Вероятно, смысл сказанного был понятен без перевода.

— Если вам хочется лизать задницы вашим несчастным пьяницам, пожалуйста, идите и чешите им пятки. Но я этого делать не буду!

Меня провожали в скорбном молчании, а когда я вышла, закудахтали с удвоенной силой. А я еще надеялась на женскую солидарность! Хотела просить о помощи!

Когда я шла по коридору к себе в комнату, меня догнала Нури и неуверенно заговорила:

— Ты не должна обижаться, все просто расстроены. И я хотела... я думала..., что раз ты будешь с эр-рехом сегодня, то я могу позаботиться об отце и братьях. Но, раз ты не собираешься.

— Нури, не делай из меня чудовище, иди. Я отнесу это Альдо и найду Бель-шума.

Нури вздохнула и покачала головой:

— Сожалею, но Бель-шум...

— Неужели и он тоже?

— Да, ноэль, все кроме часовых... больны, — с виноватой улыбкой сказала Нури.

— Тогда пойду на пляж, — пожала я плечами. — Надеюсь ламар вчера не пил и будет рад моему обществу.

Нури начала меня отговаривать, что-то сбивчиво объясняя, но я ее не слушала. Было ясно, что мое решение оставить Альдо одного, приравнивается к измене Родине, но утешать этого алкоголика я не собиралась.

За время моего отсутствия он переместился в самый темный угол комнаты и сидел там, уткнувшись лбом в стенку. Вид у него и в самом деле был больной.

— Не очень-то ты и спешила, — просипел он из своего угла.

Я молча поставила перед ним кувшин, пеннистая жидкость в нем подозрительно пахла дрожжами.

Альдо с жадностью схватил его, я поморщилась, увидев, как подрагивают его руки. Чтобы не расстраивать себя этим жалким зрелищем, я отвернулась.

На террасе стояла корзинка, которую вчера принес мне Рави, я положила в нее несколько яблок и бросила сверху одну из простыней, стянув ее с кровати.

— Куда это ты собралась? — подозрительно осведомился Альдо.

— Гулять, раз все мои наставники заняты. Один мучается от похмелья, второй держит его за руку.

— Я не против, — хрипло ответил он, выползая из своего угла. — Чтобы ты тоже подержала меня за руку.

Альдо улегся на кровать и похлопал ладонью рядом с собой. На какое-то мгновение мне стало его жалко, выглядел он неважно, желто-зеленый, с влажными от пота спутанными волосами.

— Позови кого-нибудь из твоих женщин, они готовы бегать вокруг тебя на задних лапках. А мне наплевать на тебя и на твои желания, — я постаралась придать своему лицу безразличное выражение.

— Ты — моя женщина. И я никуда не отпускаю тебя — прохрипел он, умудрившись схватить меня за край туники.

— И кто бы говорил, — я с легкостью отбросила его руку и специально уронила на пол блюдо с фруктами.

Металл, ударившись о камень, зазвенел, и Альдо тотчас схватился за голову. Я подняла корзинку и, уходя, «случайно» скинула со стола несколько тарелок, со звоном рассыпавшихся по полу. Рычание Альдо было слышно даже на дорожке, ведущей к берегу.

Мне пришлось постараться, разыскивая брюты на деревьях. Их было мало, и корзинка была заполнена лишь наполовину. И после того, как я скормила их моей зверушке, а потом искупалась, делать мне стало нечего.

Некоторое время я смотрела, как мой черный друг плещется на мелководье, но вскоре он, несколько раз ткнувшись мне в руки, стал плавать кругами, все больше удаляясь от

причала. А потом, его черный плавник в последний раз мелькнул у выхода из бухты. Все, как и предсказывала Нури, он ушел в море, на глубину. Без чудовища мне стало грустно и скучно.

Я еще раз искупалась и съела яблоко. Было очень тихо. Только волны и ветер. Лежа на спине, я думала о доме. Наверное, сейчас там очень жарко. В такие дни в открытые окна вместо свежего ветра тянет запахом раскаленного асфальта и бензина, мои коллеги жалуются друг другу на высокое давление и солнечную активность, а я слушаю их и чувствую, как закипают мозги. Моя блузка уже мокрая от пота, нервы на пределе, а желудок бунтует, требуя чего-то существеннее кофе. А для полноты картины, я представила, как бегаю с ворохом бумаг взад и вперед по лестницам, дергаясь от каждого телефонного звонка.

Меня очень беспокоила Светка, как она там? О Константине я вообще не думала, честно говоря, я даже плохо представляла себе его лицо. Ужаснувшись этому факту, я вздохнула. А ведь я собиралась за него замуж! Эта ошибка стоила бы мне очень дорого, если бы не вмешательство Альдо.

Альдо. В голову снова полезли мысли о его лице и теле. Я закрыла глаза, и мне показалось, что он здесь, рядом со мной. Очень смешно! Но как бы я не старалась, мне никак не удавалось заставить себя не думать о нем.

С ужасом я поняла, что он мне нравится. Я с замиранием сердца вспоминала его прикосновения. То, как он поцеловал меня. Хотелось слушать его низкий голос и чувствовать на себе его руки и губы. У меня было такое чувство, что внутри меня плещется расплавленный огонь, и чтобы хоть как-то унять этот пожар, я опять полезла в воду.

Но долгое купание не помогло, и я решила, что моя реакция на Альдо чисто физиологическая. Я нормальная здоровая женщина, не удивительно, что меня привлекает такой образчик мужественности, как Савар. Это потребность тела, а не души. Как это ни печально, но мне пришлось сознаться самой себе, что и к Константину я ничего серьезного не испытывала, я просто устала от мужского невнимания, вот и бросилась на шею первому кто мне улыбнулся. Меня привлекло его исключительно галантное поведение, но кто знает, что случилось бы потом! Ни Костик, ни его «милый» дядюшка доверия теперь не вызывали.

— Ага, если бы не Альдо, вышла я бы за него как миленькая и терпела бы всю жизнь, в благодарность за внимание! — невесело усмехнулась я.

Что ж мне так не везёт — то?! Все время попадаются гламурные подонки или уроды. Что мешает мне понравиться какому-нибудь обыкновенному парню, средненькому, ничем не привлекательному, но доброму? Я закрыла глаза и начала рисовать свой воображаемый идеал. Через минуту перед моими глазами стоял Альдо — мощный, самонадеянный, грубый, с наглыми зелеными глазами.

— Сумасшедшая, — поставила я неутешительный диагноз и перевернулась на живот.

Шум волн действовал так успокаивающе, что я не заметила, как заснула. А когда проснулась, солнце уже садилось. Ветер усилился и гнал к берегу приличные волны, обещая шторм. Я поежилась, меня немного знобило. Плечи и руки покалывало, я здорово обгорела. Осторожно натянув на себя одежду, я побрела к дому.

Ни на террасе, ни в комнате никого не оказалось. Я, конечно, не рассчитывала на пышную встречу, но создавалось впечатление, что про меня все забыли. Смыв с себя соль, я закуталась в халат, вечер был прохладный. Я не стала зажигать светильники и свернулась калачиком в одном из кресел. Хорошо было бы поужинать, но идти никуда не хотелось, а тем более встречаться с Карой и остальными.

— Почему ты ушла на берег одна? — обманчиво спокойный голос Альдо прозвучал из темного угла так неожиданно, что я вздрогнула.

Он подошел ближе и сел в кресло напротив меня. Кто-то зажег свет, а в комнату набилось множество народа. За креслом Альдо маячили Хоранд и Рави с угрюмыми лицами, испуганная Нури с подносом и Бель-шум, с обиженно поджатыми губами.

Нури быстренько подошла ко мне.

— Ваш ужин, ноэль, — девушка поставила мне на колени поднос с пирожками и молоком. Все смотрели на меня с видом крайнего неодобрения, а я сделала вид, что меня это не волнует и принялась за еду.

Альдо дождался, пока я поднесла кружку ко рту и заорал:

— Ты оглохла? Как ты посмела уйти одна?

Моего самообладания хватило только на то чтобы не пролить молоко на колени. Но глядя в его злющие жуткие глаза, я подумала, что, если он сейчас схватит меня и начнет душить, никто не придет ко мне на помощь. Они и пикнуть не посмеют.

Он поднялся и навис надо мной, а я съежилась в кресле, держа перед собой пирожки, как щит.

— Отвечай! — Альдо схватил меня за плечи и вкусно пахнущая выпечка посыпалась на пол. Я вскрикнула, обожженная на солнце кожа страшно саднила.

Он моментально отпустил меня, брезгливо сморщившись, а я осторожно поправила халат. Кожа на плечах и так горела огнем, а после того, как меня схватил Альдо стало еще хуже. На глаза навернулись слезы.

— Ты можешь встать? — неожиданно спокойно сказал он.

Я осторожно поднялась.

— Бель-шум, — позвал Альдо, нахмурившись.

Когда старичок приблизился, Альдо осторожно отвернул ворот халата, обнажив мое плечо.

— О боже, — ужаснулся тот и сделал шаг назад. — Этого не может быть!

Дальше последовал поток слов понять в котором что-либо было невозможно.

Все вокруг сделались страшно испуганными. Нури хотела подойти ко мне, но Хоранд схватил ее и вытолкал вон вместе с Рави, а потом встал около дверного проема с каменным лицом. Альдо, бережно усадил меня обратно в кресло, заботливо вложив в мои руки кружку и надкусанный пирожок. Я машинально начала жевать, глядя как Бель-шум ходит из угла в угол, бормоча себе под нос.

— Может, вы скажете, что происходит? — покончив с едой и освободив руки, я решила подать голос.

— Как ты себя чувствуешь? — тут же бросился ко мне Бель-шум, заглядывая в глаза.

— Хорошо, только немножко холодно.

Альдо придвинулся ближе и дотронулся до моей руки.

— Она вся горит, — выдохнул он. — Сделай что-нибудь!

Бель-шум прижал руки к груди и покачал головой.

— Я сожалею, но уже слишком поздно.

— Поздно? Что, поздно? — я испугалась.

— А если ее сейчас же переправить? — не обращая на меня внимания быстро сказал Альдо.

— Поздно.

— Да что поздно? — почти крикнула я.

— Ноэль, — неуверенно начал Бель-шум. — Я не знаю, как это произошло и почему заболела только ты.... Мы можем только облегчить страдания..., но дальше будет еще хуже....

— Хватит! — рявкнул Альдо.

— Я ничего не понимаю, вы что, специально меня пугаете?

— Озноб и красная кожа, — снова начал Бель-шум, с ужасом глядя на меня.

— Ах, это, — я с облегчением вздохнула. — Я просто заснула на берегу и немного «сгорела», но от этого не умирают. Это не смертельно, хотя очень неприятно.

— Сгорела..., - лицо Бель-шума выражало крайнюю степень удивления. — Я не понимаю... ты что сделала это специально?

— Да нет же! — отмахнулась я от старика.

— Я решила позагорать, разделась и провела слишком много времени на солнце. Покрасневшая кожа — результат солнечного ожога. Через несколько дней все придет в норму.

— Зачем ты это сделала? — Альдо, прищурившись, смотрел на меня.

Я пожала плечами и сморщилась от боли.

— Это абсолютно естественное желание. Я же на юге все-таки! Море, солнце, пляж, вот я и расслабилась.

— Зачем? — настаивал он.

— Ну, загар — это красиво...

— Ничего глупее я не слышал. Сидеть и поджариваться на солнце! Это извращение! — перебил меня Альдо.

— Это нужно лечить, — добавил Бель-шум, ткнув в меня пальцем — Я попрошу Нури принести мазь.

— Чего вы так испугались? — спросила я. — У вас не загорают?

Презрительное выражение, появившееся на лицах всех присутствующих, говорило само за себя.

— Все это, — Бель-шум указал на меня. — Очень похоже на красную лихорадку. Эта болезнь убивала сотнями. Шанс на выздоровление есть только в самом начале, но, когда кожа краснеет и появляется озноб....

— Можно рыть могилу, — заметил Альдо.

— Простите, что напугала. Но я же не знала.

Бель-шум отмахнулся от меня и вышел.

Я чувствовала себя очень неудобно, не только из-за последствий моего загорания. Альдо сидел в кресле напротив, сверля меня взглядом. Выражение его лица не сулило мне ничего хорошего. Я просто физически ощущала, как он злится. Мы молчали, пока не вернулась Нури.

— Вот, ноэль, — протянула она мне стеклянную чашку. — Это лучшее средство от ожогов, но намазаться нужно несколько раз.

— Спасибо, — кивнула я ей и принялась, зеленая субстанция приятно пахла.

— Иди Нури, — не допуская возражения голосом сказал Альдо. — Кирен так нежно заботилась обо мне утром. Теперь моя очередь, — ехидно добавил он.

Нури вышла, ободряюще улыбаясь мне на прощанье.

— Раздевайся, — его акулья улыбка была устрашающей.

— Представь, что я доктор, — ухмыльнулся он.

Я попыталась ответить, но язык одеревенел и поэтому я замотала головой. Он стоял так близко, что я видела, как его трясет от раздражения. Еще минута и он устанет ждать. А я не знала, как мне поступить и у меня кружилась голова.

— Я привыкла обслуживать себя сама, отдай мне мазь, — прошептала я, но Альдо рассмеялся. Мой страх уступил место злости и захотелось хорошенько его пнуть.

— Да кто ты такой? Возьми глазки в зубы и увидишь, что я не одна из твоих женщин — послушных, покорных, целующих тебя в задницу! — я оттолкнула его, резко встала и тут же пожалела об этом, обгоревшая кожа натянулась до предела, еще одно неосторожное движение и она лопнет.

— Скучна победа над сдавшимся врагом, — подмигнул мне Альдо, сделав крохотный шаг назад.

— Раздевайся, — теперь от его игривой улыбки ничего не осталось, прищуренные глаза и сжатые в тонкую линию губы, не оставляли мне никакой надежды. Он не уступит.

Закрыв глаза, я позволила халату сползти с плеч и повернулась к нему спиной, придерживая ткань у груди.

К моему удивлению он был достаточно осторожен, втирая мазь. Через несколько минут со спиной было покончено, и он тихо поинтересовался:

— У тебя только спина красного цвета?

— Нет, — как я не старалась, но голос предательски дрожал.

— Тогда повернись, — прошептал Альдо мне на ухо.

Я знала, что сопротивляться бесполезно и покачала головой из чистого упрямства.

— Как хочешь, — фыркнул он, одним резким движением срывая с меня халат.

Такого я не ожидала и застыла на месте, боясь даже вздохнуть. Такого унижения я не заслуживала. Я стояла посреди комнаты совершенно голая, демонстрируя всю себя. Это было несправедливо! Это было стыдно! Это было отвратительно! Я стояла, краснела и проклинала Альдо.

Какое-то время он меня разглядывал, а потом разразился потоком непрекращающихся ругательств. Ругался он на нескольких языках, и кое-что я понимала. Утешало только одно, среди многочисленных эпитетов и определений начисто отсутствовали такие, как «жирная», «толстая», «корова», «тушка» и тому подобное. Зато из вышесказанного было ясно, что у меня вообще отсутствует мозг, включая спинной! Несмотря на все гадости, которые он говорил, его прикосновения были нежными.

— Опустит руки, — яростно потребовал он. — Смотри в глаза!

Я сделала это очень неохотно, меня бы убило выражение отвращения на его лице.

— Ты! У тебя тело взрослой женщины, а ум младенца. Ты опасна сама для себя.

— Это не нарочно, — выдохнула я. Дотрагиваться до меня ему было не противно, что не могло не радовать, но зачем так злиться?

— Я не мазохистка. Думаешь, мне приятно? — плакать я не собиралась, но слезы сами потекли у меня по щекам.

Он накинул мне на плечи простыню и дернул подбородком в сторону кровати. Я молча улеглась, стараясь совершать как можно меньше движений. Слезы продолжали литься сами по себе, когда я откинулась на подушку. Альдо опустился рядом, осторожно вытер мое лицо, убрал волосы, намазал его кремом и совсем скоро глубоко и ровно задышал, наверно заснул. Прислушиваясь к его дыханию, я постепенно успокаивалась, а осознав, что кожу уже не так

саднит, окончательно расслабилась. Наверняка в крем намешали обезболивающее и снотворное. Я впала в какое-то полудремотное состояние и безропотно позволила намазать себя еще раз, чувствуя только, как Альдо легко поворачивает меня из стороны в сторону.

Окончательно проснулась я только утром. Рядом, по-детски сложив ладони под щекой, спал Альдо. Это было так трогательно, что я прослезилась, но он неожиданно открыл глаза и я поспешно уткнулась в подушку.

— Тебе легче? — спросил он.

— Да...спасибо, — несмело улыбнулась я.

Он кивнул головой и легко поднялся:

— Еще очень рано, спи.

Спать я не хотела, и мне действительно было намного лучше. Я покачала головой и осторожно привстала, опираясь на подушки.

— Голодна?

— Да.

Альдо одобрительно кивнул и вышел.

Пока он отсутствовал, я успела привести себя в порядок, даже посмотрелась в зеркало. Кожа была кошмарного красного цвета, но я уже не боялась, что она лопнет от малейшего движения.

Ему не понравилось, что я встала без разрешения и он недовольно буркнул:

— Вид у тебя жуткий, будешь сидеть здесь. Я не хочу, чтобы кто-то подумал, что красная смерть вернулась, — Альдо поставил передо мной поднос с неизменными фруктами, теплым пирогом и копченым мясом.

— Ешь.

Аппетит у меня был зверский, но есть перед мужчиной, с таким совершенным телом и который видел всю такую округлую меня, было, мягко говоря, неудобно. Поэтому я взяла только яблоко.

— Это очень вкусно, — вгрызаясь в огромный кусок пирога, — произнес Альдо.

— Спасибо, но мне не хочется.

— Врешь! — потянулся он за новым куском.

— Решайся, найлек, скоро ничего не останется, зачем лишать себя маленьких удовольствий.

— Да на здоровье! — рассердилась я. Этот хам может вечность объедаться сладким, не покрываясь при этом целлюлитом!

— Тебе можно, — проворчала я.

Альдо застыл с недоеденным куском в руке.

— Что вылупился? Доедай!

— А почему тебе нельзя? — его брови удивленно поползли вверх.

— Какое тебе дело этого? Это мои проблемы.

— Дура, — безразлично пожал он плечами и облизал пальцы, а потом хитро сощурился и сказал.

— Ты что, хочешь стать невидимой? Женщину, найлек, красят не углы, а изгибы. А человеческие женщины в последнее время, за редким исключением, состоят из одних выпирающих лопаток, — он послал мне воздушный поцелуй.

— Это модно, быть худенькой, — вздохнула я. — И красиво.

— Красиво? — удивился он. — Так же красиво, как этот твой загар?

— Ешь и радуйся жизни, — он сунул мне в руки кусок пирога. — Ты будешь есть сама или мне затолкать это в тебя?

Он вполне мог это сделать, поэтому позавтракала я плотно, хотя и без всякого удовольствия.

Когда угроза принудительного кормления миновала, а молчание начало действовать на нервы, я спросил:

— Эта красная лихорадка и вправду такая ужасная?

— Да, — угрюмо буркнул Альдо.

— Сейчас это редкость, но не так давно эта болячка косила людей сотнями, — добавил он нехотя.

— А лекарства?

— Наши помогают не всегда, а за ваши приходится платить слишком высокую цену, — зло сказал он.

Больше мы не говорили. Альдо был серьезен и погружен в свои мысли. А я..., он хоть и не вызывал симпатии, но мне было интересно на него смотреть. И еще очень хотелось расчесать его лохмы и выкинуть отвратительный засаленный шнурок, стягивавший волосы на затылке.

Вчера он был достаточно аккуратен, я бы сказала, нежен со мной. Может он и не так ужасен, как кажется на первый взгляд. Я задумалась и не сразу поняла, что со мной соизволили обратить внимание.

— Кирен! Я что, разговариваю со стеной? Очнись!

— Как мне объяснить, чтобы ты поняла с первого раза? — рявкнул он, уничтожая в зародыше мое хорошее отношение.

— Запомни, заруби себе на носу или запиши где-нибудь. Одиночеством ты можешь наслаждаться только здесь. Хочешь пойти на пляж бери с собой Хоранда или Рави, а лучше обоих.

— Что там такого опасного?

— Я знал, что Тангары не особо умны, но ты глупа как пробка! — тут же взорвался он.

— Это не твой благополучный мир, в котором можно не бояться. Здесь есть кое-что пострашнее, чем та зверушка, с которой ты развлекалась!

— Не ори! Это не вежливо и... и не благородно требовать от меня что-то, ничего по-человечески не объясняя!

— Благородно? — Альдо зло рассмеялся. — Я Савар! — сообщил он с таким видом, будто открывает мне страшную тайну.

— Благородный?! — он выплюнул это слово, как грязное ругательство.

— Благородство и вежливость — признаки слабости. А слабость здесь недопустима! Наша природа жестока — только крайности. Выживает сильнейший, разве не этому учат в ваших школах?

Я молчала.

Альдо резко поднялся и, окинув меня презрительным взглядом, процедил сквозь зубы.

— Жди здесь!

Вообще-то я не собиралась сидеть тут в гордом одиночестве целый день, но вскоре после его ухода пришли Нури и Бель-шум.

Они нашли, что явыгляжу лучше, но все-таки недостаточно хорошо для того, чтобы показываться кому-то еще кроме них.

Пока Бель-шум раскладывал на столе книги и бумаги, Нури намазала меня кремом.

— Как ты напугала нас, ноэль. Разве можно быть такой беспечной! Заснуть на берегу? Как такое могло прийти тебе в голову? — шептала она.

— Вынужден согласиться с Нури, это было крайне неосторожно, — подал голос Бель-шум, закончив свои приготовления.

— Итак, на чем мы остановились? — строго посмотрев на меня, спросил он.

— А мы ничего и не начинали, — фыркнула я. — Я. Спрашивала. Почему. Я. Здесь.

— Да-да, именно так, ноэль, — Бель-шум не обратил на мой тон никакого внимания и продолжил ровным голосом.

— Чтобы ты лучше поняла, я дополню свой рассказ некоторыми подробностями. Как я уже говорил, поначалу, все выжившие старались держаться вместе, но с течением времени, а особенно после того, как была открыта «дверь» в ваш мир, положение изменилось.

— Юг Окатора в войне пострадал гораздо больше. Многие тысячи километров пустыни. Огромные районы, кратковременное пребывание в которых несет мучительную смерть. Хищные животные и тасоги — приятного мало. Но тяга к родной земле была сильнее, и тех южан кто захотел вернуться сюда с более благополучного Севера, повел за собой Савар.

— Это вызвало определенные споры, предполагалось, что мы повторяем прошлые ошибки, вновь разделяя Окатор. Поэтому и был заключен Договор, где гарантом выступала Гало, младшая дочь Инкубу Тангара, — Бель-шум заглянул в одну из своих книг и удовлетворенно кивнул.

— За ней был отправлен положенный ее высокому статусу эскорт и посол, который заключил брак от имени эр-реха. На обратном пути их задержал завал на лесной дороге. Пока мужчины освобождали проезд, девушка сбежала. Ее следы привели на берег реки. Было начало зимы, лед на реке был слишком тонкий, а течение быстрое, — скорбно вздохнул он.

— Все указывало на то, что Гало, не желая договорного брака, покончила с собой. Но позже, напротив того места, где Гало, якобы, бросилась в реку, обнаружили следы заранее подготовленной конной переправы. Просека была достаточно широка, чтобы четверка лошадей могла быстро вытянуть легкую лодку. Стало ясно, что Гало жива, а побег тщательно готовили.

Кадарго обвинил во всем Тангара, но вскоре стало понятно, что отец невесты непричастен. Для эр-реха это было страшным оскорблением. Только вмешательство лорда Инкубу и других владельцев смогло остановить его разрушительную деятельность, — он замолчал и внимательно посмотрел на меня. — А Гало так и не нашли.

Я вздохнула и состроила сочувственную гримасу. Если этот Кадарго был похож на Альдо, то понятно почему девушка сбежала. Но какое отношение эта давняя история имеет ко мне? Я сообщила это старичку, Бель-шум недовольно сморщился:

— Савар поклялся на ноже, что ноэль станет только наследница Тангара. Эта клятва наложила определенные обязательства на всех эр-рехов, живших после него, — Бель-шум хмыкнул, — приданное Пропавшей Невесты берегли несколько поколений хранителей.

— Несколько поколений? — удивилась я. — По виду шмоток этого не скажешь.

— Мы хорошо следили за содержимым, — тут же надулся он. — И заменяли утратившие вид вещи по мере необходимости на аналогичные, а драгоценности не подвластны времени, ноэль.

— А бумаги?

— Одно из условий Договора. Обеспечение равных возможностей для обеих сторон, — старичок вздохнул.

— Но теперь это не важно. Один из эр-рехов, Шевхад, был очень одаренным ученым и смог не только создать собственную станцию перехода, но и настроить постоянно действующий коридор между северной частью материка и Суфраэлем, а это значительно облегчает взаимодействие между нами.

У Бель-Шума загорелись глаза и он обрушил на меня лавину технических подробностей, я вежливо кивала головой и восхищалась непонятными мне техническими достижениями, не понимая ни слова. Полезным из всего вышесказанного для меня было только одно: где-то рядом был выход, а значит возможность сбежать.

Моя радость была слишком очевидна и Бель-шум моментально меня рассекретил.

— Не думаю, что вам это удастся, ноэль.

Я промолчала, зачем спорить? Но улыбаться своим мыслям не перестала и быстренько сменила тему разговора.

— Предок Альдо говорите? И как же это получилось, если этот ваш Кадарго поклялся жениться на девушке, которую так и не смог отыскать?

— Для того чтобы иметь наследника не обязательно жениться, разве нет? — хитро посмотрел на меня Бель-шум. — Вы первая ноэль за несколько столетий.

— Мне подсунули незаконнорожденного?! — тут же возмутилась я и заработала еще один сердитый взгляд.

Все что говорил мне похожий на Хоттабыча старичок, было странным, но я ему верила. Может потому что он все время ссылаясь на книги и рукописи? А я уважала печатное слово! Как говорил один из моих преподавателей: «Что не записано, то не наблюдалось!».

Но он так и не ответил на вопросы, которые больше всего меня волновали.

— Хорошо. Предположим, что все, что вы сказали — правда. Почему вы решили, что Гало моя... — бабушка, — на этот раз я собиралась получить внятный ответ.

Нури, до сих пор увлеченно тыкавшая иглой в кусок ткани, подняла голову и уставилась на старичка. Оказывается, это интересно не только мне?

— У нас есть неопровержимые доказательства, ноэль. Начну с того, что вот уже больше сотни лет существование нашего мира не тайна для компетентных лиц, так сказать, — со скорбным выражением лица произнес Бель-шум.

— Неужели? Вот это да! А где люди в черном? — с подозрением спросила я.

— В сохранении тайны заинтересованы обе стороны, — с каменным лицом продолжал Бель-Шум. — О нашем существовании знает очень ограниченный круг лиц, вот с ними мы и договариваемся. Мы получаем то, в чем больше всего нуждаемся, а взамен...

— Вы хотите сказать, что правительство продает вам женщин?

От моих слов Бель-шум посерел, а Нури воткнула иголку себе в палец.

— Ты... ты..., - он задыхался, и я поспешила протянуть ему стакан с водой.

— Как тебе вообще могло прийти такое в голову? — обрушился он на меня, оттолкнув мою руку.

— Мы никогда никого не покупаем! Мы только предлагаем, девушка решает сама! Я уже, кажется, говорил, что мы никогда не бросаем наших женщин и не принуждаем их.

— Неправда! — нахмурилась я.

— И к чему тебя принуждали? — Альдо появился неожиданно и бесшумно, как будто из

воздуха. Определенно, он получает удовольствие от того, что пугает меня.

— То, что я попала сюда против своей воли, не считается? Это не принуждение? Нет?

— Бель-шум предположил, что у тебя, все-таки, есть немного мозгов и поэтому ты не катаешься по полу в истерике, а задаешь вопросы. Но я считаю, что он тебе льстит. От радости. Потому что твое появление избавило его от геморроя, в виде твоих тряпок и твоих побрякушек. Мозгов у тебя нет! Тебе же сказали — ТЫ НЕ ЧЕЛОВЕК! — он проорал мне это в лицо.

— Неправда! — тут же обиделась я. — Ты говоришь это специально, чтобы окончательно запугать и запутать меня. Ты хочешь, чтобы я поверила в этот бред!

Альдо хмыкнул и, переместившись к столу, начал перебирать книги, а потом безразлично сказал, обращаясь к Бель-шуму.

— А она и вправду похожа, — он ткнул длинным пальцем в портрет Гало. — Нужно было только лучше рассмотреть.

— Я так и знала! — взвизгнула я.

— «Представь, что я доктор»! — передразнила я его.

— Ноэль! — завопил Бель-шум.

Я покраснела, а Альдо спокойно посмотрел мне в глаза.

— Ты принадлежала мне с первой минуты своей жизни. Скажу больше, ты стала ей еще до своего рождения, в тот момент, когда прозвучало последнее слово клятвы Кадарго. Ты всегда была собственностью саваров, Найлек. Моей собственностью. И я буду смотреть на тебя, сколько хочу, когда и где захочу. Пока только смотреть, — многозначительно добавил он.

— А теперь слушай внимательно, я скажу это только один раз.

— Это, — он раскинул руки в стороны. — Суфраэль, я эр-рех, ты ноэль. Мы с тобой не люди, я савар, а ты, — его палец уперся мне в лоб, — тангар. Поэтому никакие человеческие законы и правила на тебя не распространяются!

— А теперь, для справки, скажу еще. Это ваши вожди считали своих женщин товаром. Всегда! Так было пятьсот лет назад и сейчас ничего не изменилось. Поверь, они согласны гнать их сюда, как скот, лишь бы оплата поступала вовремя.

— Я не верю, — с ужасом глядя на него, прошептала я.

— Чему?

— Всему!

— Я не дура, — с угрозой в голосе сообщила я и Альдо многозначительно вздохнул. — Вагонами отгружать, говоришь? А чем расплачиваетесь, песком?

— Умница! Песком, золотым. А золото у вас любят! И еще один нюанс, детка, наше прошлое это ваше будущее, ты не забыла? — Альдо был надменен как никогда.

— За макулатуру в твоём сундуке я мог бы купить несколько тысяч женщин, — высокомерно добавил он.

— Так чего не купил?

— Мне не нужны человеческие женщины! — проревел он.

И уселся напротив меня с таким мрачным видом, что я легко представила его в центре Ада, на камне, в позе Врубелевского демона. Он с минуту сверлил меня злыми глазами, а потом спросил:

— Помнишь, как я назвал твоего женишка?

— Ловец, — тихо ответила я и поежилась, воспоминания о моей свадьбе были не из

приятных.

— Он никого не ловит, — каждое его слово сочилось ядом.

— Его задача найти потенциальную невесту и проверить, соответствует ли она всем условиям нашего соглашения с людьми. Если это происходит, то девушка «случайно» знакомится с несколькими молодыми людьми и выбирает, или не выбирает. Это все. Никто никого не принуждает. Мы более чем щедро оплачиваем услуги каждого из Ловцов, но твой «женишок» пожадничал, — усмехнулся он.

— Он решил получить деньги сразу со всех, кто был заинтересован. Платить должны были все — я, твой братец-идиот, ну и Полковник, конечно. Тангар его пожалел, поймав меня на слове. Но предателей-жадин-трусов никто не любит, надеюсь, он сгниет в какой-нибудь вашей тюрьме! — радостно закончил он.

— Неужели ты думаешь, что он не прикасался к тебе из уважения, или каких-то там нежных чувств? — он смеялся мне в лицо!

Мне стало нечем дышать. Для полного счастья мне не хватало именно этих унижительных воспоминаний.

— Выйди с ней в сад Нури, — фыркнул он. — Может там у нее из головы выветриться вся шелуха, которая туда набилась.

Его «милую» улыбку страшно хотелось стереть кулаком, но вместо этого я выскочила на террасу, чуть не упав на ступеньках, и побежала в сад. В себя я пришла только тогда, когда порыв ветра бросил мне в лицо целую пригоршню мелких листьев. Слезы заливали глаза, я почти ошупью нашла скамейку и села.

Права была Светка, тысячу раз права! Разве такая как я могла понравиться очаровашке Константину? Мой потолок — занудные задроты ботаники, вроде этого... Димы. Так что я опять сама все испортила, нечего было обижаться на подругу и воображать себя Венерой Милосской. Я поражалась собственной глупости и слепоте, пока меня не нашла Нури.

Мягко улыбаясь, она опустилась рядом со мной.

— Не надо плакать, все хорошо, — протянула она платок. — Эр-рех бывает немного резок..., - пожала она плечами и быстро опустила глаза. — Но он не хотел тебя обидеть.

Ну да! Он просто душка! Но спорить с ней не имело смысла, Нури, как и все здесь фанатка этого чудовища.

— Я больше обижена на себя, Нури. У меня и в самом деле куриные мозги, раз я подумала, что понравилась кому-то сама по себе.

— Этих Ловцов учат, как втереться в доверие. Я на твоём месте тоже бы попалась, — уверенно сказала она.

Я с сомнением покачала головой, взглянув на нее. Нежная, смуглая кожа, темные миндалевидные глаза и ресницы, похожие на крылья бабочки, делали ее похожей на фею. Вряд ли она купилась бы на показную галантность и пару букетов.

— Ничего подобного, — отвернулась я. — Мне нужно было послушаться Свету, она говорила, что это парень слишком хорош для такой как я...

— Подруги так не поступают! — перебила меня Нури. — Она должна была порадоваться, а не завидовать.

— С чего ты взяла, что Света завидовала?

— А разве нет? — хитро прищурилась она.

Я не нашлась что ответить.

Глядя в мое растерянное лицо, Нури вздохнула.

— Эта Света... у нее злое лицо, она любит только себя.

— Ты не права, — заступилась я за подругу. — Ты что, ее видела?

— Конечно, на фотографии, — кивнула девушка. — Тебя и ее, эр-рех показал ее Бель-шуму, а я подсмотрела.

Теперь я знала, что чувствуют героини триллеров, когда узнают, что каждый их шаг известен сидящему в кустах маньяку. Обида, стыд, унижение, злость! Мне опять стало трудно дышать. Альдо прав, я клиническая идиотка.

— Это не честно, вы все от меня скрываете!

— Ты не спрашивала, — просто ответила Нури и ослепительно улыбнулась.

— Сама виновата, — Альдо стряхнул с моих колен листья.

Я заорала дурным голосом и подскочила на метр, не меньше.

— Не ори! Как тебе можно что-то объяснить, если ты не умеешь слушать? — мерзко улыбаясь, он сел рядом, вертя в руках яблоко.

Нури еще раз улыбнулась и пересела на другую скамейку.

— Ешь больше фруктов, говорят там витамины. А тебе определенно какого-то не хватает.

Я, открыв рот, смотрела, как он ест, потому что ничего более чувственного я в своей жизни не видела. Мне пришлось собрать всю свою волю в кулак, чтобы отвернуться. Рука сама потянулась к ближайшей ветке и начала обрывать с нее цветы.

— Злючка! — восхищенно выдохнул он.

От усилий придумать что-нибудь язвительное заболела голова. Мне оставалось только сидеть и слушать, как за моей спиной Альдо с хрустом грызет яблоко. От этих звуков у меня все мурашками покрывалось. Я обрадовалась, когда к нам подошли Бель-шум и братья Нури.

Хоранд невозмутимо кивнул мне и заговорил с Альдо. А этот малолетний поганец, Рави, смотрел и откровенно скалился.

— Это недостойно, — Бель-шум тяжело опустился на скамью.

— Я слишком стар, чтобы бегать, ноэль!

— Я хочу, чтобы меня называли по имени, — буркнула я, чувствуя, что опять начинаю раздражаться. Какого черта они все таскаются за мной?

— Оставь ее, Бель-шум, — снисходительно протянул Альдо.

— Моя Кирен немного сердита, продолжайте ваш разговор без меня. Увидимся вечером, найлек, — он с выражением посмотрел, я покраснела, а он моментально испарился вместе с Хорандом.

Некоторое время мы сидели молча. Рави откровенно скучал, Нури не поднимала головы от своей вышивки, а Хоттабыч дремал.

А я вдруг подумала о том, что всего этого могло бы и не быть. Мне ведь совсем не хотелось идти на двойное свидание, подстроенное Светой. Нужно было остаться дома и запереться на все замки. И сидела бы я сейчас дома, в халате, с очередным романом в руках, слушая Светкины жалобы на дежурного поклонника. Весело. Я вздохнула.

— У вас не осталось вопросов, ноэль? — Бель-шум проснулся и взглянул на меня из-под очков.

— Я думаю, нужно погулять, а я составлю тебе компанию, — сказал он.

Мы медленно брели по садовым дорожкам. Бель-шум взял меня под руку, ворча, что так я дослушаю его до конца и не смогу сбежать.

— Вопрос по-прежнему один, почему я? — это прозвучало резче, чем хотелось.

— Я, кажется, объяснил причину.

— Нет. Вы рассказали мне историю о сбежавшей невесте. Почему вы все так уверены, что я, именно та девушка? Я совсем не похожа на портрет в книге и, если Константин такой негодяй, как вы говорите, он запросто мог обмануть.

— Не в этот раз, — уверенно ответил старик.

— Все дело в том, каким образом ты попала сюда.

— Меня похитили из собственного дома.

— Да нет же! Далось вам это похищение! И не похищал вас никто! — оживился Бель-шум. — Я имею ввиду последовательность событий, которая привела тебя в Суфраэль.

— Я пошла в клуб и познакомилась с Константином, — обреченно вздохнула я. — Он, непонятно почему, обратил на меня внимание. Ему еще понравилось мое кольцо.

Бель-шум радостно закивал головой.

— Вот-вот, кольцо! Кольцо Инкубу Тангара, которое он дал своей дочери накануне побега. Это кольцо! — он ткнул пальцем в тоненький тусклый ободок у меня на руке. — И это первое доказательство того, что вы та самая, — шурясь от солнца, сказал он.

— Мало ли откуда у меня это кольцо!

— А после? Что-то случилось после? — Он с надеждой вглядывался в меня.

— Я не думала, что Константин позвонит, мне не часто оказывали внимание... такие как он.

Зачем все время бить по больному месту? Если он еще раз напомнит мне о моем позоре я закричу!

— Это не связано с Ловцом, ноэль! — Бель-шум был недоволен. — Вспомните!

— Да ничего не было! Я целую неделю ждала звонка и уже перестала надеяться, а он вдруг объявился. День был такой суматошный. Да еще этот дурацкий медосмотр..., — поморщилась я, а старичок расплылся в улыбке.

— Это стоило довольно дорого, — закивал он. — Я не имею в виду конкретно тебя, ноэль. Нам пришлось пойти на некоторые уступки, чтобы вместе с общим анализом крови проводился еще один небольшой тест. Каждый человек хоть один раз в жизни проходит подобную процедуру. А результаты анализа дают стопроцентную гарантию. Твой тест подтвердил первоначальную версию. Ты — прямой потомок Инкубу Тангара, и ты не человек, — продолжал говорить он, но я его уже не слушала.

Ноги меня не держали, и я без сил схватилась за ветку, чтобы не упасть.

— Кругом один обман, — с ненавистью глядя на клумбу перед собой, сказала я. — Никому нельзя верить!

— Успокойся, — Бель-шум обнял меня. — Иногда, неведение во благо.

— Это вы правильно сказали, — я горько усмехнулась. Теперь мне не так обидно из-за того, что Константин врал мне. Какой смысл обижаться на одного человека, если тебя в темную использует государство!

Я с удивлением огляделась.

— Не понимаю, чем вы могли заинтересовать наших? Все это есть и у нас! — я показала на красные крыши дворца, видневшиеся за деревьями.

— Жадность большая сила, ноэль. Я имею ввиду жадность вообще, и не только к чему-то материальному, — старик стал необычайно серьезен. — Золото, драгоценности, предметы искусства — мы очень щедры.

— Но с каждым годом от нас требуют все больше, а взамен дают все меньше. Мы

соглашались и соглашаемся, слишком много за то, что хочешь, не бывает!

Я молчала и он, покачав головой, продолжал.

— Ваши вожди изобретательны. Здесь устраивали сафари для влиятельных лиц, мы поставляли наемников, делились знаниями. Эр-рех правильно заметил, что наше прошлое — это ваше будущее. Хотя у вас мало кто задумывается о цене прогресса, — скорбно поджал он губы. — Но людям всегда мало, а требований к девушке все больше. С каждым годом им соответствует все меньше потенциальных невест. Хотя теперь, мы, пожалуй, можем и вовсе отказаться от этой практики, — буркнул под конец Бель-шум.

— Требования? — возмутилась я. — Вы еще что-то требуете?

Старик замахал руками.

— Условия ставим не мы! Нам важно, чтобы девушка подходила с физиологической точки зрения, не больше. Ограничения устанавливает ваша сторона. Возраст, образование, социальный статус, национальность, место проживания, наличие родственников и так далее. А ведь есть еще несколько условий, которые мы неукоснительно соблюдаем. Например, потенциальная невеста должна быть свободной в плане сердечной привязанности.

— Теперь, я ответил на твой вопрос? — Бель-шум внимательно смотрел на меня.

Я пожалала плечами, все, что мне рассказали, не совсем укладывалось в голове, но хоть как-то объясняло мое присутствие в этом странном месте. Не совсем верилось в то, что я «пришелец», ничего сверхъестественного в себе я не замечала. Я вздохнула, похоже, вздыхать, краснеть и пожимать плечами вошло у меня в привычку. Остался еще один вопрос, который меня волновал.

— И как долго вы искали ну..., меня?

— Почти шестьсот лет, ноэль.

— Глупость какая! Столько лет искать неизвестно кого неизвестно где!

— По-другому просто не могло быть, — уверенно ответил он. — Девиз Саваров «Иметь и удержать».

А потом добавил.

Савары - воины, это очень глубоко сидит у них внутри. Они защищают то, что им принадлежит. Гало исчезла уже после того, как стала женой Савара. Поэтому, время и средства не имели значения. Ее побег был, как кровоточащая незаживающая рана, заноза, которая сидела в их теле все эти годы.

— А разве вы не савар? — мне показалось странным, что Бель-шум отделяет себя от всех остальных.

— Мой дом Рейвен, ноэль. Я тангар, — с гордостью выпрямился он.

— Я последний, в длинной череде хранителей приданного Пропавшей невесты. Не просто сидеть на сундуках скучно. К тому же, эр-рех прислушивается к моим советам... иногда, — почти с обидой сказал он.

Бель-шум повернулся и сделал несколько шагов в сторону дворца, но неожиданно остановился и заговорил:

— Я должен сказать тебе, предупредить. Я прожил здесь достаточно долго, чтобы понять, если что-то оказывается в руках у савара — это навсегда. Не имеет значения что или кого они получили: оружие, мара или женщину. Это всегда их собственность. Чувства, свои или чужие, они стараются игнорировать как можно дольше. Тебе нужно быть терпеливой и не ждать от эр-реха ухаживаний, привычных для тебя.

Бель-шум ушел, а я осталась сидеть на скамейке в тени неизвестного мне дерева,

усеянного лиловыми цветами.

Меня можно поздравить! Я благополучно возвращенная собственность! «Не ждатель ухаживаний привычных для тебя», можно подумать, я эксперт в этом вопросе! За мной ухаживали, вернее притворялись, два раза в жизни, по необходимости.

Я вздохнула так, что у меня заболела грудь. Ну почему я все время должна разочаровываться!

Совсем недавно я думала о себе, как о камне. Лежу я спокойно около скоростной дороги и наблюдаю, как мимо летит жизнь. Все вокруг меняется, а я нет. Я просто камень, который все больше врастает в землю и покрывается мхом.

Я скривилась, вспоминая тихие вечера, которые проводила в одиночестве, ожидая Светку с очередного свидания. А потом, вдохновленная ее рассказами, мечтала. Мечтала о том, что когда-нибудь встречу своего принца. Но никогда ничего не происходило. Со мной не знакомилась в метро, не приставали на улице, я чувствовала себя невидимкой. Меня игнорировали даже хулиганы в темной подворотне около нашего дома. И это почему-то было обиднее всего.

Моей компанией были книги и фильмы. Иногда попадались истории похожие на мою жизнь, они счастливо заканчивались, а я, по-детски, продолжала надеяться. Воображение давно нарисовало портрет моего рыцаря. Он должен быть веселым светловолосым парнем с добрыми карими глазами, и взглядом, немного беззащитным из-за очков. Я хотела, чтобы он любил книги, был ласковым и нежным.

Наверно меня прокляли! Возможно китайцы. Это же у них самое страшное проклятие — «Чтобы исполнились все ваши мечты!» Но мой недоброжелатель не учел того, что у моего ангела-хранителя или кого-то там, кто присматривает за мной, большая фантазия и черный юмор. Я просила о невинном приключении, а попала в какое-то Зазеркалье, я хотела, чтобы мой избранник был похож на плюшевого мишку, а получила хищника из джунглей.

Для Альдо я никакого интереса не представляю, я всего лишь благополучно «собственность» и «гарант». И если подумать, у него тоже нет выбора. Ему пришлось бы признать меня, будь я кривой и косоглазой.

Фу! И почему я об этом думаю? Я что, уже поверила всему, что мне тут наговорили? А если это вранье? Эта ситуация напоминала коробку, множество коробок, помещенных одна в другую. Каждая новая ложь, скрывала в себе еще один обман и так до бесконечности. Чтобы докопаться до правды мне нужно раскрыть все эти «коробки», а для этого придется сделать вид, что я поверила всему, что мне наговорили

— Мата Хари, блин! — буркнула я, и стряхнула с колен лепестки, сыпавшиеся на меня с дерева.

— Ты расстроена? — раздался голос за моей спиной.

— Это обязательно? Подкрадываться ко мне? — я вскочила, со злостью смотря на улыбающуюся Нури.

— Я не подкрадывалась, — обиделась она. — Пойдем, тебе не нужно сидеть на солнце. Ее улыбка была такой доброй, что я улыбнулась в ответ и пошла рядом.

— Ты не должна сердиться, ноэль. Никто не хочет тебя обидеть, все понимают, что тебе трудно принять все это. Но ты вернулась домой и тебе будет хорошо с нами, а когда родится ребенок..., - вдохновенно начала она.

— Какой ребенок? — от неожиданности я остановилась.

— Твой конечно, наследник эр-реха, — обрадовалась она. — Девочка или мальчик все

равно.

Нури, не останавливаясь, пошла вперед, продолжая рассуждать на эту тему, а я осталась стоять на дорожке с открытым ртом. Ребенок? Они ждут, что я буду рожать детей?!

Нет, против детей я ничего не имела, и точно знала, что, когда-нибудь они у меня появятся. Но становиться инкубатором для этого... этого..., да у меня просто слов не находилось, чтобы обозвать его так как надо.

Нури оглянулась и с обеспокоенным видом подошла ко мне.

— Тебе плохо? Это солнце, ты слишком долго сидела там. Сейчас я позову Зиллу!

— Не надо! — заорала я, и девушка испуганно отшатнулась. — Я хочу видеть Альдо! Сейчас! Немедленно!

— Хорошо, я сделаю так как ты хочешь, — неуверенно пролепетала она.

— Да, хочу! И поскорее! Иди, зови его. Пусть приходит прямо сейчас, — с трудом удерживаясь от крика, прошипела я и бросилась к террасе.

Нури, поминутно оглядываясь, скрылась за деревьями. А я, взлетев по ступенькам, принялась ходить из угла в угол, вспоминая все ругательства, которые знала.

Альдо появился очень быстро, неожиданно и бесшумно, опять меня испугав. Возникнув из воздуха в арочном проеме, он просто стоял и оценивающе смотрел на меня. Он не раздевал взглядом! Он забирался гораздо дальше, чем я могла себе представить.

Одного взгляда на него хватило, чтобы я сдулась, как воздушный шарик. Вероятно, Торквемада моментально засунул бы его в костер. Он был живым воплощением порока, с этими нечесаными лохмами невероятного цвета и колдовскими глазами. Не говоря уже о губах, ресницах (меня на них просто зациклило), квадратном подбородке и фигуре.

Я уставилась на него, как Эллочка-людоедка на ситечко. И неизвестно, чтобы начала делать дальше, если бы Альдо не ухмыльнулся самым безобразным образом.

Наваждение тут же прошло, и я увидела перед собой нагло ослабившегося ублюдка, который естественно догадался, почему я несколько секунд назад пожирала его глазами.

— Скажи мне, только честно, я нужна тебе чтобы родить ребенка? Это настоящая причина, по которой меня так все обхаживают? Мои желания или чувства значения не имеют? А если я не хочу тебя? Если я не хочу ребенка? Если ты мне противен, отвратителен, мерзок! — от душившей меня ярости я не могла кричать и только шептала.

— Ты еще на что-то пригодна? Я действую строго в соответствии с Договором, — безразлично пожав плечами, ответил он. — Я принимаю Тангара как союзника, а ты даешь Саварам наследника. Это твой долг, так же, как и мой. Радости от этого никакой! Ты конечно не совсем урод, но и не красотка, какую я ожидал увидеть. Твоя бабка была гораздо симпатичнее.

Я была готова выцарапать ему глаза, и с сожалением посмотрела на свои коротко остриженные ногти, эх, мне бы такой маникюр, как у Светика!

— Да, ладно, чего смущаться! Если хочешь, мы можем сделать это в темноте, побыстрому. В конце концов, ты не виновата, что родилась такой! — он плюхнулся на кровать и послал мне воздушный поцелуй. — Можем начать прямо сейчас, правда, еще светло, но я закрою глаза, — пообещал мне Альдо.

И тут меня прорвало!

— Ну, ты..., чтоб тебя сволочь такую... а потом... в... Можешь сам себя... в... на... ублюдок чертов!

Сначала Альдо слушал мои вопли с терпеливо-скучающим выражением лица, не меняя

своей расслабленной позы. Но когда я пошла по второму кругу и эпитеты стали более выразительными, мнимое спокойствие сменилось еле сдерживаемым бешенством.

Он поднялся и сделал ко мне несколько шагов. В походке не осталось и следа от той ленивой грации, с которой он появился в комнате. В каждом его движении, в повороте головы чувствовалась рвущаяся наружу ярость. Он был похож на дикого зверя, готового броситься и разорвать в клочки.

Я видела, что с ним происходит, но остановиться уже не могла. Я больше не шептала, я перешла на ультразвук, от которого у меня самой закладывало уши. И только когда я заметила, что его глаза превратились в узенькие щелки, а лицо застыло в уродливой гримасе, только тогда я смогла замолчать.

— Это все? — спросил он, совершенно мертвым голосом.

На негнущихся ногах я подошла к столу и налила себе воды из кувшина, руки так дрожали, что я еле удержала стакан. Залпом, выпив его, я сказала:

— Нет не все...

Но слушать меня Альдо больше не собирался. Его пальцы мертвой хваткой впились в плечо. Он с такой силой встряхнул меня, что я прикусила язык.

— Перестань вести себя, как помоечная дешевка, — и он добавил еще несколько очень-очень-очень плохих слов, которые вернули мне речь.

— Как хорошо ты знаешь наше «варварское наречие», урод! Ты маньяк, тебя нужно закрыть в глубоком подвале и выбросить ключ. Мне противны твои домогательства! Ой..., — он снова начал меня трясти, так, что голова чуть не оторвалась.

— Лучше заткнись! Кто ты такая, чтобы тебя домогаться? Если бы я захотел, я взял бы тебя прямо на полу твоей гнусной квартирке! На глазах у куклы-подружки и идиота-братца. И никто, слышишь, никто, — он с новой силой встряхнул меня. — Никто бы мне не помешал!

— Пошел к черту! — сумела выдохнуть я и снова прикусила язык. — Сам заткнись!

— Заткнуться? — прорычал он. — Как скажешь!

Он так прижался ко мне, что я почувствовала все чем наградила его природа. А она для него ничего не пожалела! Внутри начал подниматься панический ужас. Альдо был настолько больше и сильнее, что с легкостью мог переломить меня пополам, не говоря о чем-то другом, похуже! Я попыталась отбиваться, но это было так же бесполезно, как стеклянной стеной остановить асфальтовый каток.

Он почти вдавил меня в стену и впился в губы. В поцелуе не было ничего милого или романтического. Моя голова запрокинулась, еще чуть-чуть и он сломает мне шею.

Я уже слышала хруст позвонков, когда Альдо резко отбросил меня от себя. Я с размаху шлепнулась на пол. Он наклонился надо мной и его глаза были черными бездонными колодцами.

— Запомни, — железные пальцы подняли вверх мое лицо. — Что Савар хочет, то Савар и берет. Для меня нет никаких законов, кроме собственных желаний!

Он отступил назад, удовлетворенно улыбнувшись. Я осторожно поднялась, потирая ушибленную пятую точку.

— Не смей мне больше возражать, никогда! Твоя смелость придает тебе некоторую привлекательность, но, когда ее становится слишком много, она оборачивается болью в заднице.

Альдо ушел, будто растворился. Но мне показалось, что он изо всех сил хлопнул дверью.

От пережитого ужаса меня затошнило, потом начало трясти, как в лихорадке. А те слова, которые я сама себе говорила, были намного, намного хуже, чем те, что сказал мне Альдо. Я беспощадно ругала себя! Как можно быть такой глупой? Это не человек, это... чужой! В нем нет ничего хорошего! Эти жуткие шрамы, грубый голос, ужасные волосы. И мне никогда не нравились рыжие.

Ужинала я в одиночестве, выслушав Нури, которая передала мне приказ Альдо, найти утром Кару и делать все, что она скажет. Уснула я только тогда, когда мысленно убила монстра несколько раз: Альдо с петлей на шее, с пулей в голове, с ножом в сердце...

Спала я плохо и наскоро умывшись пошла искать Кару, убеждая саму себя, что делаю это не потому что мне приказали, а потому что мне надоело одиночество.

Они все были там, сидели в маленькой столовой и смотрели на меня с плохо скрываемым раздражением. Я тихонько опустилась на свое место и уткнулась лицом в тарелку. Пока я ела, женщины разговаривали. Наверняка обо мне! Нури сидела рядом с непроницаемым лицом, я не посмела просить ее о помощи.

Я сидела так до тех пор, пока ко мне не обратилась Кара. Нури, по-прежнему, не поворачивая головы, перевела:

— Эр-рех хочет, чтобы тебе показали хозяйство, позже придет Бель-шум, и ты начнешь учиться. Я буду переводить... пока.

Это был очень длинный день! Хозяйство оказалось большим. Мне показали кладовые и кухню. Провели по всему дворцу, подолгу задерживаясь в каждом зале, и Кара подробно рассказывала обо всех предметах обстановки. Мы облазили всю крепость от стен до подвалов. Мне устроили экскурсию в сад, где выращивали лекарственные травы, привели в аптеку, где готовились лекарства. Потом были огород, небольшая ферма и многочисленные мастерские. Мне грозил поход к прудам и садкам с рыбьей молодью, но от этого ужаса меня спас Бель-шум, забрав на урок. На следующий день все повторилось сначала.

Теперь я так уставала, что вечером валилась с ног. Нури продолжала дуться на меня, да и все остальные смотрели то — ли с жалостью, то — ли с сожалением.

Раньше я считала, что у меня совсем нет способностей к языкам, но теперь все изменилось. Может Бель-шум был гениальным учителем или это проснулась генетическая память? Но учеба давалась мне на удивление легко. Вскоре я могла улавливать смысл сказанного и Нури перестала быть моей тенью. Бель-шум учил меня кауране, старому языку юга Окатора и шем, общему языку. Я опять чувствовала себя первоклассницей, старательно выводя по вечерам незнакомые буквы.

Суфраэль был столицей Юга. Небольшой городок свободно раскинувшийся у подножия холма на котором стояла крепость. От пустыни его отделяла сложенная из камней стена.

Просторные и прохладные залы крепости служили административным центром. Тут располагались больница, старшая школа, мастерские и библиотека. Были еще казармы с жуткой полосой препятствий и конюшни со странными верховыми животными. Вечером, подавляющее большинство покидало крепость. Народ спешил вниз, в городке их ждали семьи.

Кроме Альдо, а теперь и меня, в крепости постоянно находились все незамужние девушки, по каким-то причинам оставшиеся без родителей, одинокие вдовы, два десятка мальчишек-подростков, которых денно и ночью муштровал Ахлат, Бель-шум, Кара и «рота» охраны, сидевшая в «вороньих гнездах» на башнях и маршировавшая туда-сюда по стене. Остальные приходили утром, как на работу. На закате дворец пустел.

Мне нравилось бродить здесь в сумерках. Некоторые из помещений были своего рода музеем, с аккуратно разложенными книгами и картинами, драгоценными безделушками и остатками каких-то непонятных приборов и инструментов. Все это было собрано Странниками, они путешествовали по радиоактивным пустыням в одиночку, собирая остатки былого величия. Я постоянно плакала, когда смотрела на остатки обугленных игрушек и разорванную семейную фотографию, лежавшую на пережившем все катаклизмы кофейном столике.

остальным.

Вытирая слезы, я забиралась на одну из башен и смотрела на город, слушая шаги часового над головой. Внизу, в небольших домиках горел свет, семьи ужинали, матери звали детей, слышались музыка и смех. В город меня не выпускали, Бель-шум молчал, а Нури и остальные, уставившись в пол, говорили одинаково: «Позже, ноэль».

Я не сразу заметила, что не одинока в своих блужданиях по дворцу, за мной тенью следовал Рави. В последнее время он уже не старался оставаться незамеченным и громко сопел если я подолгу задерживалась. Понятно, что ему до смерти надоели мои шатания, но сидеть одной по-вечерам было невыносимо. Мои отношения с Нури после ссоры с Альдо так и не наладились, а с тех пор как я смогла понимать, что мне говорят, она вообще перестала мной интересоваться.

Утром я получала от Кары порцию ценных указаний и двигалась навстречу очередному позору. Было бы намного легче, если бы мне велели копать канавы или убирать конюшни, но всю тяжелую работу выполняли мужчины. Они чистили и наполняли бассейны, работали на ферме, были подсобными рабочими на кухне, огороде и в саду. И все как один, от дядек, обвешанных оружием, мальчишек-новобранцев и Странников, загоревших до черноты, никогда не отказывались от такой работы. Ими командовал отец Нури — Ахлат, тот самый суровый «араб» на которого я накричала на пляже. Моя наставница, Кара, была чем-то вроде экономки и уверенно руководила женщинами, а меня ужасала мысль о том, что эта строгая дама видит во мне свою замену.

Я познакомилась со всеми женщинами и девушками. Они мне нравились, и я пыталась быть похожей на них. Даже одевалась так же, в простое платье или легкие шаровары и

тунику. Кара была недовольна, да и остальные наверно тоже, но я не хотела выделяться, а роскошные наряды не подходили для ежедневной работы.

Хорошо хоть, что моя комната почти не отличалась от спален остальных, разве что у девушек были какие-то личные вещи, придававшие обстановке домашнюю атмосферу. А, возвращаясь вечером к себе, я чувствовала себя, как в дорогом гостиничном номере, не более.

Каждая из моих новых знакомых была профессионалом. Пухленькая смешливая Тамила была хозяйкой винного погреба. Темнокожая, с царственной осанкой Саша и две ее сестры командовали на огромной кухне и в пекарне. Зилла знала все о лекарственных растениях и вместе с Кешаной и Астрой заботилась о здоровье обитателей Суфраэля. Строгая Юасмина, похожая на тетю Асю из рекламы, и еще трое совсем молоденьких девушек следили за чистотой. Нури и ее подруга Тутта были портнихами, а Шахти прекрасно вышивала. А у меня руки росли не из того места!

Кара, после того, как показала мне все хозяйство, предложила выбрать себе занятие по душе. И я больше двух недель изводила весь Суфраэль, чувствуя себя врагом народа.

Дома я вполне сносно готовила, убирала и стирала, даже могла, под настроение, что-то сшить. Ну а тут все валилось у меня из рук!

Я перепутала бочонки и уничтожила прекрасное вино десятилетней выдержки, повыдергивала в саду неприятно пахнущие растения, оказавшиеся страшно ценным сырьем для лекарств. Моя невнимательность на кухне привела к тому, что пятеро мальчиков два дня чистили котлы, а мерзкий запах подгоревшей каши, пропитал все вокруг. Сметая пыль, я разбила две очень древние статуэтки, пережившие апокалипсис. Сломала ткацкий станок....

Никто из женщин не выражал своего недовольства, меня еще и утешали, мол, с каждым может случиться. А на следующий день не могли скрыть своей радости, когда Кара посылала меня испытывать терпение следующей несчастной.

Но однажды утром, оказалось, что нагадить я успела везде, и когда Кара, начала перечислять дела, которые нужно было сделать сегодня, все притихли, с тоской посматривая в мою сторону. Мне хотелось провалиться сквозь землю, избавив их от своего присутствия. Я видела, что Кара задумалась, не зная, как поступить и тут неожиданно заговорила Тамила:

— Ты хорошо себя чувствуешь, ноэль? Что-то ты бледная!

Я чувствовала себя отлично, но все вдруг начали беспокоиться о моем здоровье! Дошло до того, что Зилла отправилась заваривать мне особый настой для поддержания сил.

— Тебе лучше отдохнуть сегодня, ноэль, — сказала она.

Сидя в пустой комнате, я разревелась. Это было отвратительно, чувствовать себя абсолютно бесполезной и ни к чему не пригодной. И что теперь? Сидеть у себя вечно? Или прохладиться у моря, когда все вокруг работают, изображая из себя «ноэль»? В расстроенных чувствах я бродила по дворцу, делая вид, что страшно занята, когда встречала кого-то.

Мои странствия привели меня в библиотеку и Бель-шум приветливо мне улыбнулся.

— Что-то случилось, ноэль? До урока еще несколько часов.

— Можно я посижу здесь? Мешать не буду.

— Что с тобой? — забеспокоился старичок.

— Ничего, — я судорожно вздохнула, потому что слезы были очень близко. — Оказалось, я абсолютно ни к чему не пригодна. Да вы наверно слышали о моих подвигах или видели их последствия. Сегодня они объявили меня больной, чтобы избавиться от

«помощи». Похоже, заболевание будет хроническим, — я попыталась улыбнуться, но у меня плохо получилось.

Слезы закапали сами собой, оставляя мокрые следы у меня на коленях. Я слышала, как Бель-шум охнул и неуклюже погладил меня по голове. От этой неумелой ласки мне стало еще хуже, и я заплакала по-настоящему, уткнувшись ему в грудь.

— Я совсем не умею утешать, ноэль, — прошептал он. — Но ты поплачь, говорят, от этого становится легче.

Бель-шум сел рядом и обнял меня за плечи.

— Я думаю тебе нужно заняться тем делом, которым ты занималась прежде. Привычная работа вернет тебе хорошее настроение и все проблемы решаться сами собой.

— От моих умений здесь никакого толку, я была обычной канцелярской крысой! — сквозь слезы ответила я. — Моя работа — бумажки перебирать! Кому это здесь нужно!

— Канцелярская крыса — это чудесно! Канцелярская крыса, это совершенно замечательно, ноэль! — вдруг оживился старик.

— Посмотрите какой вокруг беспорядок, мне уже давно нужен помощник, а от этих мальчишек, что присылает Ахлат никакого толку! Для них это худшее наказание! Они южане, а значит, презирают науку! А тут такая удача!

Слезы на моих глазах мгновенно высохли. Я смотрела на Бель-шума с надеждой, и как мне самой не пришло в голову, делать то, что я умею лучше всего?

— Вы серьезно? Я могу вам помогать?

— Конечно! Девушки не желают заниматься этим после школы, а мальчишки, получая в руки свое первое оружие, забывают все, чему их учили.

— Правда?

— Савары не дикари, но книги тут не очень любят, в этом отношении Суфраэль уступает Рейвену. Только не говорите это эр-реху, ноэль, — поспешно добавил он.

— Об этом можете не беспокоиться, — буркнула я.

Мы не сказали друг другу и двух слов после ссоры. Встречая меня в коридорах дворца, он надменно наклонял голову, и почти не разжимая губ, здоровался. В комнате он тоже не появлялся. Поначалу меня это радовало, а теперь нет.

— Ну что ж, начнем! — потирая руки, обратился ко мне Бель-шум. — Для начала разбери вот эти полки. Думаю, что знаний тебе хватит. К тому же, это очень хорошая тренировка в чтении. Я хочу, чтобы ты разложила все по датам. Это заметки Странников, позже может понадобится переписать некоторые из них, почерк у них не ахти, но обижаться на это не следует. Ты можешь устроиться тут, — он указал мне на небольшой столик в углу.

Бель-шум погрузился в свои хроники, потом ушел на урок в школу, вернулся. А я не позволила себе и минуты отдыха. Мне хотелось выполнить задание как можно лучше и быстрее. Я уже почти закончила, когда в двери осторожно постучали, и вошла Нури. Увидев меня за столом заваленном бумагами, она от удивления раскрыла рот.

— А, это ты, — поднял голову Бель-шум. — Тебя не затруднит принести нам чего-нибудь прохладительного. Мне и моей помощнице, — важно сказал он.

— Но уже время обеда, я искала ноэль..., - неуверенно начала Нури.

— Мы пообедаем здесь, — перебил ее Бель-шум, и снова опустил голову. Нури тут же скрылась.

Обедали мы в библиотеке. Впервые за несколько недель я ела с удовольствием, не

ощущая себя нахлебницей. Мне с первых дней стало ясно, что каждый житель Суфраэля трудился в меру своих сил. Только я одна болталась как цветок в проруби.

Ближе к вечеру в библиотеке бесшумно возник Альдо, он кивнул Бель-шуму, невыносимо вежливо поздоровался со мной, а потом с наигранным интересом начал рассматривать что-то в толстенном томе. Я старалась не обращать на него внимания, но это плохо получалось. Буквы расплывались, смысл написанного ускользал, короче, сосредоточиться никак не удавалось.

Я боялась поднять глаза и взглянуть на него, хотя мне этого страшно хотелось. Уже несколько дней я его не видела, а спросить где он не решалась. Все это время я твердила себе, что терпеть его не могу, но стоило ему появиться, и я зачарована, как бандерлоги Каа. Даже не поднимая головы, я знала, что он таращится на меня своими глазищами, похожими на осколки битого стекла.

— Ты ищешь что-то конкретное? — наконец решился подать голос Бель-шум.

— О, я уже нашел то, что искал, правда, не совсем там, где я это оставил, — резко ответил Альдо и с треском захлопнул книгу.

— Эр-рех, аккуратней! Это очень ценный том, — возмутился старичок и буквально выхватил книгу из его рук.

— Да тут у вас просто куча ценностей, не правда ли, баллер?

Я не сразу поняла, что он обращается ко мне, у слова «баллер» было много значений, но чаще всего так обращались к ученому человеку или учителю.

— Я не заслужила, — мне пришлось взглянуть на него.

— Скромница, — ехидно причмокнул он.

— Завидно? — Я разозлилась.

— Ну что ты, нельзя завидовать такому таланту! — отмахнулся он и повернулся к Бель-шуму.

— Забирай ее и избавь меня от вечных просьб прислать кого-то нюхать эту пыль. Она твоя Бель-шум, — все так же мерзко улыбаясь, продолжил он.

Старичок обрадовано прижал руки к сердцу, а Альдо, недовольно дернув плечом, ушел.

После его ухода меня охватило страшное нетерпение, время до ужина тянулось бесконечно. Но я напрасно ждала Альдо и сочиняла речь, он не появился.

Дни, проведенные в библиотеке, окончательно избавили меня от иллюзий. Я действительно была очень далеко от моего дома. Две луны, Ниса и Орм уже не казались глюком. Я усердно училась, а Бель-шум больше не читал лекций, предпочитая, чтобы я сама находила ответы на свои вопросы.

Древние называли свой мир — Окатор, это название было общим для обеих рас населявших его, а больше ничего общего у них не было. Я нигде не нашла названий государств, которые развязали войну. Бель-шум сказал, что никто не помнит их, потому что ни к чему помнить имена двух чудовищ, существовавших только для того, чтобы уничтожить друг друга.

Мое стремление узнать, как можно больше обо всем, что меня окружало, привело к тому, что я говорила, читала и писала на кауране, так же хорошо, как и на шем. Мой учитель говорил, что я становлюсь настоящей южанкой. Даже мое произношение, по его мнению, было исполнено презрения к тангарам. Было непонятно доволен он этим или огорчен. Я не спорила с ним, мне казалось несправедливым, что природа, провидение или судьба, так

жестоко обошлась с югом Окатора.

Судя по книгам и старым картам, до Судного дня, южный континент был райским местом. С умеренным климатом, ласковыми морями и бесконечными пляжами. Сейчас остался только песок.

Южане больше чем их соседи преуспели в различных областях знаний и далеко опередили их. В документах упоминались многочисленные заводы, научные центры и экспериментальные лаборатории. Большинство из них, конечно, принадлежало военным. Но, несмотря на это, до катастрофы южане жили гораздо комфортнее, чем их противники, используя богатые природные ресурсы.

Может именно этим объяснялось их пренебрежительное отношение к знаниям сейчас? Ведь цена прогресса оказалась для них непомерно высокой.

После первой бомбардировки юг Окатора превратился в пылающий ад. Убивало не только оружие противников, но и свое собственное. Странно, что здесь вообще выжили! И тем более невероятно, что потом кто-то захотел вернуться в эту пустыню, из более благополучных северных широт.

Я нашла дневниковые записи одного из тех, кто первым пришел на этот берег, покинув относительно безопасный Рейвен. Его звали Кардок. Сухим и бесстрастным языком он описывал первые годы, которые провели тут несколько мужчин. Голод, отсутствие питьевой воды, нападения животных и загадочных тасогов, пожары, землетрясения, пыльные бури и непрекращающиеся неделями ливневые дожди — все это воспринималось автором, как само собой разумеющееся, вроде восхода и захода солнца. Только тогда, когда он писал о размолвках между своими товарищами, чувствовался легкий намек на сожаление. Жаль только, что автор этого дневника был убит во время одной из таких стычек. Запись об этом была сделана в конце замусоленной тетрадки. Пляшущие, неровные буквы резко отличались от четкого почерка Кардока. Ниже была приписка, о том, что теперь, все кто пришел в Тулут подчиняются эр-реху Савару. Записи на этом обрывались, так как эр-рех считал подобное занятие лишней тратой времени. Я подозревала, что писал это предок Альдо. Небрежный почерк Савара был наследственно корявым, и у него наблюдалось стойкое отвращение к чтению и письму.

Судя по более поздним записям ни один эр-рех никогда не оставлял вызов без ответа, не боясь навязать свою волю. Малейшее неуважение к его Светлейшей персоне влекло за собой быстрое и жестокое наказание. Самое удивительное, что всем это нравилось! Все они, чувствовали себя уверенней, полагаясь на вожака. Это очень напоминало волчью стаю, тем более, что дословно эр-рех — тот, кто впереди.

Вероятно, тогда и появилось знаменитый девиз саваров: «Иметь и удержать». А Савар из имени собственного превратилось в нарицательное, объединяя всех, кто жил на юге Окатора. О, я нашла множество симпатичных выражений, которые определяли их мировоззрение.

Что савар хочет, то савар и берет.

Савары не оставляют за собой ничего ценного.

Савары не бояться.

У савара нет никаких обязанностей, кроме собственных желаний.

Умереть всем, умереть весело.

Были и другие такие же милые высказывания, типа: «хорошо спрятаться можно только в могиле», «мертвые не врут» и «только бесполезные вещи безопасны».

Чтобы управлять людьми, жившими по подобному кодексу, нужно было иметь железную волю и твердую руку. А, судя, по отрывочным сведениям, которые я нашла, у каждого следующего эр-реха рука была все более и более тяжелой.

Описания этих милых привычек занимали львиную долю всех документов, которые я систематизировала. Теперь я хорошо понимала свою прабабку, она поступила очень мудро, инсценировав самоубийство и скрывшись.

А вот подробностей строительства Суфраэля и крепости Тулут в глубине пустыни, того, как год за годом выжженная земля становилась пригодной для жизни, было очень мало.

Савары жили так, как если бы привели в свой дом свирепое животное и притворились, что это комнатная собачка. Постоянно пребывая в состоянии опасности, никогда ни в чем не уверенные, они умудрялись радоваться жизни!

И я выяснила, почему ламар не тронул меня. Этот монстр был выведен искусственно, его предполагалось использовать как биологическое оружие. Ламары должны были нести смерть всем, кроме своих хозяев — северян. Лаборатория была разрушена, звери разбежались. Но до сих пор могли отличить своего от чужого, а это значит, что во мне действительно течет кровь Инкубу Тангара — чистокровного северянина.

Все это было интересно и захватывающе, но вечерами, оставаясь одна, я думала совсем не об истории саваров. Альдо по-прежнему не появлялся в нашей общей комнате, а когда мы случайно сталкивались, он преувеличенно вежливо уступал мне дорогу, обзывал «баллер», каждый раз отпуская язвительные замечания по поводу моей учености. Если бы он был один, я бы заговорила, но за Альдо всегда тянулся хвост из таких же, как и он надутых индюков. И я, смущаясь, не могла произнести ни слова.

Он был похож на яркий огонь в комнате, где царил ледяной холод. Этот огонь привлекал меня, хотя разум кричал об опасности. Если бы я могла поговорить об этом! Но Нури, была холодна как рыба. Кроме нее я ни с кем так и не сблизилась и вместо того, чтобы проводить вечера в компании девушек, сидела на террасе и слушала смех остальных. Я пробовала задерживаться в библиотеке, находя себе все новые и новые занятия, но Бель-шум очень быстро меня раскусил и выгонял, как только звали на ужин.

Вот и сейчас я сидела на ступеньках и слушала, как поет Астра. У нее был очень красивый голос. Я с удовольствием ее слушала, радуясь, что, наконец, понимаю каждое слово.

Горечь любви довелось мне испить до дна,
Сердце в крови. Глубока моя рана, но не видна,
Ночи без сна, муки любви.
О горе мне... Сердце молю, не плачь.
Время любви...
В моей жизни осталась лишь боль одна...

Хотя слова песни были печальны, мелодия была живой. Я вспомнила, что уже слышала ее, когда не могла уснуть в первые дни своего пребывания в Суфраэле.

И я ничего не могла поделать с тем, что мне не хватало Альдо. Мне всегда казалось, что когда тебе кто-то нравится, то ты как-бы слепнешь, и это уже случалось со мной. Дважды. Я была настолько очарована, что многого не замечала. С Альдо все было по-другому, его

недостатки просто резали глаза. Но именно они меня и привлекали. Может я извращенка? Я ненавидела себя за то, что рядом с ним я чувствовала себя как пустыня после дождя. Я ненавидела его, за то, что у него такая фигура, необыкновенные глаза и чертовы длинные ресницы!

Я уговаривала себя, что в этом нет ничего особенного, нельзя не увлечься таким мужчиной, как Савар, если только ты не слепая и глухая. Это было невыносимо! Я представляю, как смеялся бы Альдо, если бы узнал, что я чувствую. Вот если бы на моем месте была красивая длинногая блондинка, как Света, или жгучая брюнетка с томными глазами, как Нури. Ну и ладно! Раз он не считает меня привлекательной, и я для него только приз, успешно возвращенная собственность, то у меня и так достаточно причин для печали.

Когда последние аккорды песни прозвучали, я поняла, что не одна. Сердце бешено заколотилось, я ждала, чтобы Альдо первым начал разговор.

— Ноэль, почему здесь темно?

Меньше всего я ожидала увидеть Кару.

— Люблю сидеть в темноте, — я очень надеялась, что разочарование в моем голосе было не слишком заметно.

— И ты не проводишь вечера с девушками, — мягко сказала она, усаживаясь рядом. — Может тебя что-то мучает?

Она что — издевается? Я сосчитала про себя до десяти и ответила.

— Ну, если не считать, что я живу в чужом мире, говорю на чужом языке и не могу связаться с близкими людьми, то нет, меня ничего не мучает!

— Ты не выглядишь настолько подавленной, — Кара была невозмутима.

— Я что, должна целыми днями плакать? Или вынашивать планы побега из этой песочницы? Или, может, я должна жалобно стонать, что очутилась одна в незнакомом месте и меня держит здесь человек, презирающий меня?

Она как будто не слышала меня.

— Собственно, я пришла, чтобы поговорить об этом человеке, — ровно продолжала она. — Ноэль, я знаю о причине вашей ссоры.

Кара встала, и, подойдя к стене начала зажигать лампы одну за другой. Может, Альдо послал ее на переговоры? Теперь я смотрела на нее с надеждой.

— Скажи, ты не любишь детей?

Вот этого вопроса я совсем от нее не ожидала!

— Люблю, — пожала я плечами. — Но причем тут это?

— Счастье стать матерью выпадает у нас не каждой, а ты отказываешься, — с горечью сказала она.

Так вот почему все женщины смотрели на меня с таким осуждением!

— Я не отказываюсь от детей, просто Альдо и я..., - Господи, да как же объяснить ей, что чувствую?

Кара внимательно смотрела на меня, а я мучительно краснела. Через некоторое время ее глаза округлились, и она улыбнулась.

— Бедная девочка, — сочувственно качая головой, сказала она. — Это все слишком быстро для тебя, а эр-рех не отличается терпением. Представляю, как ты испугана! Я поговорю с ним. Ты не должна бояться близости, Альдо будет нежен с тобой, я обещаю, — твердо сказала она.

Я чуть не задохнулась, когда представила, как она рассказывает ему о том какая я

наивная дурочка, а он корчиться от смеха. Я тут же схватила ее за руки и с жаром сказала.

— Не надо, пожалуйста, не надо! Не надо ему ничего говорить, он только посмеется, я для него не больше чем потерянная вещь.

Кара с сомнением посмотрела на меня, но пообещала:

— Хорошо, ноэль, я не буду ничего говорить эр-реху. Но постарайся сделать так, чтобы он больше не ночевал в саду, это недостойно.

Она встала и поплыла к выходу, а потом обернулась и сказала:

— Сегодня уже поздно, но завтра мы обязательно поговорим с тобой о супружеских обязанностях, и ты поймешь, что бояться совершенно нечего, и это даже приятно.

От перспективы ликбеза на сексуальную тему, у меня неприятно засосало под ложечкой, но все это отошло на задний план, когда я вспомнила, что сказала Кара. Альдо в саду и теперь я могу поговорить с ним наедине.

Как только шаги Кары стихли, я сорвалась с места и заметалась по комнате, не зная, что одеть и как причесаться. После нескольких неудачных попыток сделать из себя женщину-вамп, я бросила это бесполезное занятие и оставила все как есть. Темнота — мой помощник и надежно скроет все мои недостатки. Нужно только найти где именно ночует Альдо, сад был большим, и я могла блуждать там до самого утра.

У меня так дрожали руки, когда я снимала со стены светильник, что он упал, чуть не подпалив ковер. Пришлось несколько минут посидеть на ступеньках, стараясь успокоиться.

Я спустилась в темный сад и остановилась в нерешительности. От террасы в разные стороны уходило, по меньшей мере десятков дорожек, по какой из них идти? Оставалось положиться на удачу.

Моя удача, как всегда, спала. Я бродила между темными деревьями целую вечность совершенно безрезультатно. Я уже никого не искала, я потерялась сама. К тому же я умудрилась сойти с дорожки и ломилась сквозь кусты, напролом. И по закону подлости, исцарапанная, в разорванном платье и с застрявшими в волосах листьями нашла Альдо.

Прорвавшись через невысокие кусты, густо облепленные сладко пахнущими цветами, я чуть не свалилась на него. Мой светильник давал немного света, но его было достаточно, для того чтобы увидеть его.

С самого детства я мечтала о великом приключении. Представляя себя принцессой, похищенной пиратом или бандитом с большой дороги. Я усмиряла злодея, и он делал мне предложение, сторя от любви. Все заканчивалось страстными объятиями на фоне араукарий и пальм. И вот все как я хотела — злодей, пальмы, лунная ночь, только я не принцесса! Вздохнув пару раз, я решила уйти, чтобы не нарушать красоту момента.

И тут моя нога зацепилась за выступающие корни, и я свалилась в кусты. Особого вреда это не принесло, ветки смягчили удар. Но шуму я наделала много!

Когда я свалилась, светильник упал и погас. Я возилась в темноте, стараясь выпутаться из тонких веток, и только через мгновение увидела, что на меня смотрят зеленые светящиеся глаза.

Незаметно оказавшись рядом, он легко выдернул меня из кустов, словно я была невесомой, и осторожно поставил на ноги, продолжая удерживать. Я чувствовала себя подурачки, не в состоянии отвести от него глаз. У меня кружилась голова, а он методично выбирал из моих волос листья и мелкие веточки.

Альдо улыбнулся и мне показалось, что он вот-вот поцелует меня. Касаясь губами моей щеки, он недовольно сказал:

— Зачем ты бродишь тут по ночам? Пыталась сбежать?

— Я идиотка, — еще немного и я закричу от разочарования.

— Ну не стоит так расстраиваться, найлек, — мягко ответил Альдо. — Все мы не совершенны.

— Отпусти меня, — оттолкнула я его. — Я уйду, мне не зачем было приходить!

— О, смотрите! Всего несколько минут и такой прогресс!

Он отпустил меня и нагнулся за светильником. Подняв его повыше, он принялся разглядывать меня.

— Как хороша! — восхитился он.

Врун, подлый врун!

Я прошептала одно из подслушанных выражений, смысл, которого был достаточно оскорбителен. Под окнами библиотеки часто собирались мальчишки, воображавшие из себя бывалых вояк. Сами того, не подозревая, они значительно пополнили мой словарный запас.

— И язык освоила в совершенстве, — похвалил меня Альдо, взяв за руку.

— Нам, в ту сторону, — указал направление он.

Некоторое время мы шли молча. Я сердилась, он ухмылялся.

— Зачем ты искала меня? — вдруг спросил он.

— Кара попросила, «недостойно эр-реха ночевать в саду», — попыталась я скопировать ее интонацию.

— И, правда, — неожиданно согласился Альдо. — И как я сам не догадался.

Я посмотрела на него, освещение было слабым, но не похоже, что он издевается. Он был серьезен, если не сказать, торжественен, как будто только сейчас вспомнил о своем статусе. Я шла с левой стороны и украдкой любовалась безупречным медальным профилем и гладкой кожей. Впечатлившись, я буркнула:

— Я хотела извиниться, что наговорила лишнего...

Альдо повернулся и испытующе посмотрел на меня исподлобья, смешно было видеть его колеблющимся. Определенно он ждал от меня подвоха.

— Ты передумала?

— Что? Что передумала?

— Ты готова выполнить свой долг? Ты признаешь, что я твоя судьба?

— Я хотела извиниться, — фыркнула я, — Никакой судьбы нет, есть только действия и последствия этих действий.

— Какая умная, — скривился он. — Это написано в тех книгах, что ты прочитала?

— Вот еще! — вырвала я свою руку из его пальцев. — Речь шла только о том, чтобы не ночевать в саду.

— А как же мое обещание твоему братцу? Я не предъявляю на тебя прав до тех пор, пока ты не освоишься и не выучишь язык. По-моему, ты привыкла, а произношение вполне сносное, — он опять взял меня за руку.

— Ты ничего не можешь сделать против моей воли! — злорадно засмеялась я. — Я знаю, это написано в тех книгах, что я прочитала.

— Конечно, какая умная, — протянул он нараспев. — Бель-шум прям нарадоваться не может! Как удачно, что ты сидишь в библиотеке и не разрушаешь Суфраэль.

— Моя работа так же важна, как и любая другая! И я не чувствую себя бесполезной, — оттолкнула я его. — Не трогай меня, мне наплевать, где ты спишь!

— Да ну, — шагнул он ко мне. — Ты являешься ко мне среди ночи, будишь меня, а

теперь заявляешь, что тебе все равно? Врунья! И знаешь, теперь я не смогу вернуть тебя обратно, даже если захочу! Ты, как говорится, слишком много знаешь!

Альдо резко притянул меня к себе и обнял. Да, именно этого я и хотела, но, когда так близко от меня оказалось все его напряженное тело, мне стало страшно.

Я попыталась оттолкнуть его, но как-то так получилось, что он прижал меня к себе еще крепче. И тут страх куда-то улетучился, сменившись спокойствием, чем-то вроде желания уступить. «Пора сдаваться!» — прошептал у меня в голове Светкин голос. Я вздохнула и расслабилась. Я больше не хотела думать, только чувствовать.

Я была убеждена, что отпусти он меня, я упаду прямо на траву под ногами. Все что я могла сейчас, это молчать, тупо уставившись на его грудь. Очевидно, Альдо принял мое бездействие, как слабость, потому что по-хозяйски положил руку на плечо и провел ладонью от шеи до бедра, легким скользящим движением.

— Почему бы не прекратить эту глупую борьбу? Ты уже проиграла, — прошептал он мне на ухо.

Теплые сильные пальцы массировали мне шею и плечи. Мне страшно хотелось забыться и просто плыть по течению, ни о чем не думая. Пусть это случится.

Каким-то образом его руки уже успели пробраться мне под платье, и это вернуло меня к действительности. Нахлынувший поток ярких ощущений напугал меня настолько, что я поспешно отскочила, рефлекторно врезав ему коленкой.

Альдо шумно выдохнул, согнувшись пополам. Я, почти в панике, обхватив себя руками, смотрела, как он поднимает голову.

— Ты, — свистящим шепотом произнес он. — Ты нарочно это сделала! Ты специально заводишь меня, а потом строишь из себя жертву!

Потом, он выпрямился, резко дернув плечом, и шагнул ко мне.

— Я не хотела, — замотала головой я. — Сам виноват! — стараюсь оказаться подальше от него, я отступала в темноту.

— Стой, где стоишь! — скомандовал Альдо и сделал еще шаг.

— Не указывай мне, что делать! — я сделала еще шаг, земля подо мной закончилась и я рухнула вниз.

Это была довольно глубокая яма. Осторожно проведя руками вокруг себя, я нащупала только землю и мелкие камушки. Я попробовала встать, но резкая боль в ноге не дала мне этого сделать.

Через секунду ко мне легко прыгнул Альдо, держа в руках светильник. Не говоря ни слова, он сунул мне в руки фонарь и, подхватив, помог встать. Мне ничего не оставалось, как прижаться к нему.

— Нога, — пожаловалась я.

Альдо выругался.

— Которая?

— Правая.

Он взял меня на руки.

— Обними меня за шею.

Легко приподняв, он усадил меня на край ямы и выбрался сам. Я заметила крупные камни на дне, мое падение могло быть очень неудачным, свались я под другим углом. Проследив направление моего взгляда, Альдо еще раз ругнулся и потащил меня через темный сад.

Он донес меня до ближайшей скамейки и осторожно опустил на нее. Делая вид, что стряхивает песок и мелкие веточки, Альдо откровенно лапал меня. Я еще не успела собраться с мыслями, а он уже добрался до груди.

— Ты что делаешь? — сказала я неожиданно хрипло.

— Проверяю, вдруг ты что-то сломала, — рассеяно ответил он

— У меня коленка болит, — сдавленно ответила я, не способная на большее, его руки все еще были у меня на груди.

В ответ послышалось ворчание, но руки он убрал, вызвав у меня вздох облегчения (или сожаления?). Альдо встал передо мной на колени и завернул подол, обнажая колено. Я тут же попыталась вернуть его на место.

— Хватит!

Я заорала, не дожидаясь пока он прикоснется к ноге.

— Уже больно?

— Я готовлюсь заранее.

— Так болит? — его тон был резким и сердитым, но он очень осторожно ощупывал мне ногу.

Я покачала головой, и Альдо продолжил осмотр. Его руки были удивительно теплыми и, хотя, Альдо был осторожен, каждое его прикосновение отдавалось болью. Он чуть-чуть повернул ногу, я дернулась, но удержалась от крика. Я понимала, что он хочет помочь, но это не уменьшало страданий. Когда он оставил меня в покое, я была рада, что в темноте он не видит моего перекошенного лица.

— Ты врач? — выдавила я из себя, изо всех сил стараясь не показать, как дрожит у меня голос.

— Хирург, — нехорошо ухмыльнулся он и снова поднял меня на руки.

— Это ни к чему, я смогу идти сама.

— Неужели? — фыркнул он, быстро шагая по дорожке. — Почему ты не послушалась меня! Ты оглохла? Я сказал — стой на месте!

— Нечего на меня орать! Какого черта тут накопаны ямы? — огрызнулась я.

Пока он нес меня к дому, мы успели обвинить друг друга во всех смертных грехах.

Терраса была ярко освещена, в комнате тоже горел свет. Когда мы подошли ближе, как будто из воздуха появились Хоранд и Рави, а навстречу, по ступенькам уже бежали Нури и Кара. И как интересно они узнали?

— Она умудрилась свалиться в яму, из которой брали камень для стены, — быстро сказал Альдо.

— Я позову Зиллу, — кивнула Кара и исчезла.

К этому времени боль в ноге стала такой сильной, что я воспринимала все происходящее, как в тумане.

Альдо опустил меня на кровать и, нахмурившись, встал рядом. Прибежала Зилла с ворохом полотняных бинтов и коробочек с лекарствами. Меня заставили выпить мерзкий отвар и обмазали ногу грязюкой с отвратительным запахом. Как только я начинала протестовать, Альдо ухмыляясь, говорил:

— Будешь знать, как пинаться!

Я смотрела на него и лихорадочно придумывала какой-нибудь язвительный ответ, но в голову ничего не лезло. Все что мне оставалось — стиснуть зубы и смотреть в потолок.

— Все в порядке, — суетилась вокруг меня Нури. — Еще минута и тебе будет лучше.

Меня обмотали бинтами, как мумию. Глядя на свою ногу, я испуганно прошептала:

— Я не смогу ходить.

— Конечно, — кивнула Зилла. — Ноге нужен покой. Думаю, дня три-четыре. Чтобы сошла опухоль.

Мысль о том, что мне опять придется сидеть здесь в одиночестве, страшно раздражала.

— Я не буду этого делать! — решительно заявила я.

Альдо наклонился надо мной с бесстрастным выражением лица.

— Если Зилла говорит, что ты должна лежать.... Значит. Ты. Будешь. Лежать. Не найду тебя здесь, привяжу.

— Это отвратительно, угрожать раненому, — прошипела я.

— Это не угроза, — с милой улыбкой ответил он и отодвинулся от меня.

Прислонившись к стене, он стоял и ждал, пока Зилла устраивала мою ногу на подушках, а когда все ушли, сказал:

— Видишь ли, несмотря на твою непривлекательность, мне нравится прикасаться к тебе. Думаю, мне так же понравится мастерить с тобой наследника. Ты ведь искала меня в саду для этого?

— Ты озабоченная свинья! Пошел ты...! — я задохнулась от злости и закашлялась.

— Водички? — невозмутимо поинтересовался он, а когда я послала его еще дальше, чем в первый раз, заметил.

— И тебе не удастся отделаться от меня даже после того, как появится малыш. Спокойной ночи, мой нежный цветок. Если тебе что-то понадобится позови. Я буду здесь, — и он плюхнулся рядом, закинув руки за голову.

Широченная кровать показалась мне до смешного узенькой. Я не решалась пошевелиться, как я вообще буду спать? А что я буду делать, если он ко мне повернется? Я собралась с духом и осторожно посмотрела на него. Альдо, расслабившись, лежал на спине, закинув одну руку за голову и... спал. Сволочь!

Жалея себя подобным образом, я и не заметила, как заснула.

Утром, первое, что я увидела, была наглая ухмылка Альдо. Она не слезала с его лица все утро. Он ухмылялся, когда носил меня к бассейну, где Нури помогла мне умыться и переодеться. Усмехался в столовой, завтракая вместе с женщинами. Сначала они смущались, а потом, чуть не задавили друг друга, стараясь ему угодить. А потом он помог мне добраться до библиотеки и обращаясь к Бель-шуму, сказал:

— Вот ваша баллер. Я приду за ней вечером.

Старик молча наклонил голову. Когда за Альдо закрылась дверь, Бель-шум прошелестел:

— Это очень опрометчивое решение, бродить ночью в саду. И к тому же одной.

— Не думала, что в саду есть ямы, — обиженно ответила я.

— Вы очень далеко забрели, ноэль. Почти к самому кладбищу, — Бель-шум испуганно посмотрел на меня и тут же положил рядом толстенный растрепанный том.

— Вот. Надеюсь, вам это будет интересно. В дальнейшем нужно будет переписать эти хроники, а пока просто прочтите.

Словно опасаясь вопросов, он быстро отошел от меня и зашуршал бумагами в дальнем углу. Не успела я открыть книгу, как пришли Зилла и Нури. Первая осмотрела мою ногу и ушла, оставшись довольна процессом выздоровления, а Нури устроилась рядом с шитьем.

Сначала я лениво перелистывала страницы, не понимая, почему Бель-шум дал мне именно этот том. Ведь начиналось все как всегда, с восхваления саваров. Больше двух десятков рукописных страниц были заполнены примерами их мужества, доблести, силы, ума, хитрости и умения убивать врагов ста семьюдесятью пятью способами. Но потом, чтение так захватило меня, что я совсем перестала обращать внимание на тупую, ноющую боль в ноге.

Благодаря этой книге у меня на многое открылись глаза.

Например, мне с детства не давал покоя вопрос, зачем всем мифическим существам в сказках и легендах, требовались молодые, преимущественно красивые, незамужние девушки. А теперь все стало на свои места. За всей этой мистикой стоял Окатор, он же Авалон, Керис, Шамбала, Эльдорадо и Атлантида. Они были с нами всегда, прикидываясь богами, чертями и барабашками.

Что они вытворяли в Древней Греции и Риме! Но когда человечество покончило с язычеством, им стало значительно труднее пудрить нам мозги. Но появились демоны, вампиры, оборотни, инкубы и суккубы, на которых можно было спихнуть что угодно. А потом настало время Зоны 51 и инопланетного вторжения. У людей не было шансов противостоять подобному размаху! Удивительно, как человечество не вымерло, «помогая» братьям по разуму.

Где-то в начале двадцатого века произошел контакт. Лидеры Окатора объявили о своем существовании представителям нескольких стран. Они быстро договорились. Оплата исправно поступала, а Ловцы шныряли по всем уголкам Земли. Но, как всегда это бывает, сверхсекретная информация потихоньку просачивалась к заинтересованным лицам и очень скоро про этот мир узнали различные силовые структуры, мафия, террористы и преступники мирового уровня. И как следствие, в Договоре появились новые пункты. К жажде денег

прибавилась жажда власти и мирового господства.

Для военных и террористов этот мир представлял особую ценность и дело даже не в новых (старых для Окатора) технологиях, или месте где можно было спрятаться, вынашивая планы мести всему человечеству. Все дело было в расе, населявшей этот мир. Любой окаторский мальчишка мог дать фору самому тренированному бойцу элитной воинской части. Они были сильнее, выносливее и быстрее, чем люди — это было намертво впечатано в гены. Их изменившийся мир позволил остаться в живых только самым лучшим и не прекратил своего жестокого естественного отбора сейчас.

Когда-то, и на Земле существовали, такие как они. Этнические солдаты — расы, специализировавшиеся на войне, способные воевать где, с кем и как угодно, с одинаково высокой боеспособностью. Правда наши гунны, готы, сарматы и скифы были жалкой пародией на воинов Окатора.

Неудивительно, что наши вояки мечтали заполучить небольшой отряд таких бойцов, исключительно для поддержания мира во всем мире, конечно.

Альдо говорил правду, слишком много за то, что хочешь, не бывает, и солдаты Окатора оставили свой след в наших «горячих» точках. Я усмехнулась, прочитав о том, что никто из них не убивал больше, чем было необходимо.

Я почти добралась до конца книги, когда увидела строчки, написанные знакомой рукой. У Бель-шума был почти каллиграфический почерк. Стиль, описывавший победы Саваров стал менее восторженным и более беспристрастным.

Мой наставник мало писал о воинской доблести, уделяя больше внимания повседневному укладу жизни. Рассказ о Тулуте, крепости саваров в глубине пустыни, был для меня гораздо интересней, чем описание военных побед.

Сюда же была вложена копия того самого Договора, о котором мне рассказывал Бель-шум. Моя несчастная, черт знает сколько «пра» бабушка должна была стать гарантом выполнения его пятнадцати пунктов.

На мой взгляд, Кадарго Савар, чьей женой должна была стать Гало, слишком заиклился на своем уязвленном самолюбии, раз поклялся самой страшной клятвой отыскать ее или ее потомка. Но с другой стороны, если бы не это, савары и тангары снова бросились бы убивать друг друга.

На мгновение меня переполнило сознание собственной значимости, а потом стало страшно. Я могла выбирать, между перспективой утопить Окатор в крови и жизнью с Альдо. В первом случае меня замучает совесть, а во втором сведет с ума бессердечный наглец. И тут я наткнулась еще на один, очень интересный документ.

Я не поверила своим глазам! Требования, изложенные в нем, были настолько отвратительны, что просто не укладывались в голове. Злые слезы застилали глаза, и я с силой захлопнула том.

— Осторожнее, ноэль! — поднял голову Бель-шум. — Это очень ценный экземпляр.

— Как вы могли? — меня, так и распирало от бессильной злости. — Почему вы согласились с этим, — я размахивала листком бумаги, как флагом.

— Что? — удивленно сощурился Бель-шум.

— Наши требования, то есть... их требования! Это же гадко, подло, не по-человечески, это низко, в конце концов! — от переполнявших меня эмоций я подпрыгнула на кресле, моя многострадальная нога тут же съехала с подушки на пол. Удар был очень болезненный и я взвыла.

— Ноэль! — всплеснул руками старичок.

— Кирен! — бросилась ко мне Нури, бросив свою вышивку.

— Что случилось? — дверь распахнулась, и в библиотеку, вытаскивая нож, влетел Рави, вероятно ожидая увидеть здесь парочку чудовищ.

— Чертова нога! — завозилась я, укладывая кучу бинтов на место. — Ничего страшного, Рави, — улыбнулась я юноше. — Все хорошо!

— Как вы это терпите? — ткнув в бумагу пальцем, снова завопила я. — Это аморально, наживаться на несчастьях целого народа!

— Ах, вы об этом? — хмыкнул Бель-шум.

— Напротив, это очень по-человечески! Мы, в глазах ваших правительств всего лишь горстка варваров, не больше. Вот уже долгое время мы балансируем на грани полного вымирания. Почему бы не подтолкнуть нас в пропасть, освободив таким образом для человечества новый мир?

— Савары не сдаются! — рявкнул Рави и с грохотом захлопнул дверь.

— Дверь, — Бель-шум хитро мне улыбнулся. — Дверь — единственное, что сдерживает вторжение. Дверь, ноэль, открывается только с нашей стороны.

Он уткнулся в свои бумаги, показывая, что разговор закончен. Нури, подобрав нитки, снова принялась за рукоделие.

Я не имела никакого отношения к той бумаге, что держала в руке, но мне было мучительно стыдно. Меня просто убил тот факт, что подписал его человек, за которого я голосовала на прошлых выборах. Как это все отличалось от лозунгов, с которыми он победил!

Бумажка в моих руках могла похоронить всю мировую политическую элиту, попади она к газетчикам. Но что изменится если все узнают правду об Окаторе? Вполне возможно, что прогрессивное человечество потребует крови в уплату прошлых долгов. Окатор не сдастся и его уничтожат.

В этом смысле Альдо был честнее человеческих правителей, он и не думал скрывать, что он тиран и деспот, так же, как и его предшественники. Он поддерживал дисциплину железной рукой, но, похоже, никто не жаловался. Законы здесь были просты и предусматривали только два наказания — смерть или изгнание в пустыню, осужденные сами решали, как быстро им умереть.

Я закрыла книгу и отложила ее в сторону, вид у меня, вероятно, был совсем потерянный, поэтому что Бель-шум оставил свои бумаги и опустился в кресло напротив меня.

— Что теперь вас огорчает?

— Я не знаю, кто хуже, наши вожди с их змеиными языками, или Альдо. Он хотя бы, не продает своих людей....

— Конечно, после всего, что вы прочитали, вы просто не можете думать по-другому. Я ничего не могу вам сказать по-поводу ваших вождей, но Альдо..., у всех саваров жуткая репутация. И, ноэль, это писали люди, а они склонны преувеличивать, — мягко улыбнулся он.

— И они очень постоянны в своих преувеличениях! Речь не только об Альдо, я говорю обо всех его славных предках. И по моим наблюдениям он мало чем отличается от своих предшественников. Мне иногда кажется, что у него нет ни сердца, ни души. Он признает только собственные желания. А еще, он так же холоден, как его ножи.

— Вы ошибаетесь, ноэль, очень ошибаетесь. Все это глупости, страшилки для врагов и глупая похвальба. Чистое преувеличение. Ни один из саваров никогда не убивал для собственного удовольствия, — он помолчал, а потом торжественным голосом произнес. — Альдо великий воин, такой же, как и все эр-рехи до него. Это правда! Он умен и справедлив, не жесток, а суров, в отличие от некоторых своих предшественников, — торопливо добавил он.

— Вы уже многое о нас знаете, ноэль. После всего, что случилось с Окатором, мы очень тщательно выбираем правителей, — как-то неуверенно сказал Бель-шум. — Эр-рех добр... по-своему. Мы уже долгое время живем в достатке и мире, исключительно благодаря таким как Альдо.

— Что-то верится с трудом!

— В таком случае вы не верите своим глазам. Оглянитесь! В Суфраэле всем заправляет жестокое чудовище? А люди вокруг? Никто не будет так искренне радоваться жизни, петь и улыбаться, когда кровожадный тиран приказывает им. Вы же обошли весь дворец вместе с Карой, вы все видели, разве кого-нибудь наказывали или кто-то работал по принуждению или из страха?

— Да, наша история полна жестокости, — кивнул он. — А храбрые и благородные воины могут казаться жадными до крови монстрами, особенно тем, кто слишком поспешно судит об этом. Немногие знают о нашем существовании, а еще меньшее количество считает нас достойными внимания. Человечество роется в нашем прошлом и охает от восхищения, но смотрит с презрением, — Бель-Шум поднялся и подошел к окну.

— Окатор — гордый, загадочный и удивительный мир. Он, красив и ужасен, он слишком глубок, чтобы разглядеть истину с первого взгляда. И совсем не так прост, как кажется. Он подобен вершине айсберга. Иногда, ноэль, истина, оказывается совсем не такой, какой мы ее себе представляем.

Я кивнула, старичок говорил слишком вдохновенно, чтобы ему возражать.

— Милая Кирен, — продолжил Бель-шум. — Спросите себя, стоит ли жалеть о том, что вы покинули? Полностью изменить свою жизнь..., такой шанс выпадает не каждому. Позвольте себе наслаждаться этой жизнью, принимая ее такой, какая она есть. Хотя бы на мгновение, подумайте, быть может это ваша судьба?

— Никакой судьбы нет.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Если так, то ваша жизнь может быть настолько хороша, насколько вы ей сами это позволите. Но не забывайте, что это своего рода обмен. Жизнь очень плохо обходится с теми, кто только берет, ничего не отдавая. Если с ней не делиться, разочарование и досада будут только усиливаться.

Больше в этот день мы не разговаривали, я листала хроники, Нури вышивала, а Бель-шум корпел над своими бумажками.

После обеда я даже задремала в своем кресле. Ближе к вечеру пришел Альдо и отнес меня в спальню. Зилла осмотрела мою ногу и даже сняла часть бинтов, пообещав, что если все будет идти так и дальше, то мне разрешат понемногу ходить.

Лежа на прохладных простынях, я рассматривала резные каменные завитушки на потолке и думала над тем, что сказал Бель-шум. Случай изменил мою судьбу, поменяв одну жизнь на другую, только равноценный ли это обмен? Если оценивать по квадратным метрам, то я определенно в плюсе!

Я хмыкнула, квартирный вопрос даже здесь не давал мне покоя. Очень долго опостылевший интернат оставался единственным домом, который я знала. Как мне хотелось вырваться оттуда! Все время ждала, что на тетку снизойдет озарение, она прозреет и заберет меня. Я была такой глупой!

Когда мне было пять лет, я придумала себе сказку. Я воображала себя потерянной принцессой, часами смотрела в окно, ожидая, что меня вот-вот найдут и вместе с бабушкой увезут в прекрасный дворец. В двенадцать, почему-то решила, что как гадкий утенок превращусь в такую же симпатичную девочку, как Светка. Что мои волосы посветлеют, а глаза станут ярко-голубыми. Но когда увидела свою фотографию в паспорте, поняла, что во ничего не изменится, родителей у меня нет, бабуля больна, а тетка про меня забыла. И перестала верить в сказки. Розовые мечты поблекли и превратились в серые будни.

Потом были съемные квартиры с потрепанной хозяйской мебелью, скрипучие шкафы, жесткие диваны и унылые холодные вечера, когда я в одиночестве ждала Светку со свидания.

Светка..., как она там? Наверняка забыла заплатить за квартиру! Как бы мне хотелось поговорить с ней о том, что со мной происходит. Хотя..., она вероятно, сказала бы мне тоже что и всегда: «Смотри на вещи реальной, детка. Уж больно смазливый...». Почему жизнь так несправедлива? Чтобы там не говорили о душевной красоте, роковые красавцы предпочитают видеть рядом с собой длинноногих милашек.

Я повернула голову и посмотрела на него. Альдо картинно раскинулся рядом, закинув руки за голову. Осторожно поднявшись, я сползла с кровати и похромала на террасу. Большое зеркало поймало мое отражение, и я застыла, рассматривая себя.

— Баба Яга в молодости, — другие определения, толпой прущие в голову, были нецензурными.

— Чего стоим? — недовольно прозвучал за спиной его голос. — Завтра еще не наступило!

Пререкаться с Альдо совсем не хотелось, и я покорно кивнула.

Он улыбнулся и подмигнул моему отражению.

— Любуешься?

Издевается.... На что здесь любоваться? Я, мягко говоря, упитанная. Какое-то время я вообще не смотрелась в зеркала, а потом привыкла и больше не питаю иллюзий по поводу своей внешности. И не то чтобы я не старалась это исправить, на диетах сидела и занималась, но без особого результата. Мое тело никак не хотело становится похожим на идеал женской красоты, какой все время мелькал у меня перед глазами, в смысле Свету.

— Смейшься?!

— Не веришь? — усмехнулся он.

— Ты сам сказал мне это.

— Сама виновата.

— Я хочу спать, — чтобы закончить этот пустой разговор я похромала обратно.

— Эй, — он поймал меня за руку и развернул. — А я? Про меня, что и сказать нечего?

Я искоса взглянула на его отражение и вздохнула. Опять издевается?

— Ну, ты... симпатичный.

А еще великолепный, захватывающий и... самоуверенный.

— Точно, — ухмыльнулся он. — Здесь есть на что посмотреть.

Павлин! Я показала ему язык и отвернулась.

Не говоря ни слова, Альдо подхватил меня на руки и как мешок картошки потащил обратно. Уложив меня на кровать, он сосредоточенно начал поправлять одеяло и подкладывать подушки под больную коленку. Образ заботливой мамочки так не вязался с его пиратской внешностью, что я засмеялась в голос.

Его обиженный вид еще больше рассмешил меня.

— Ты такой ми-и-илый, — фыркнула я.

— Правда? — Альдо бросил свое занятие и улегся рядом. — Меня называли как угодно, но милым!? Альдо Савар, Крылатый как Ветер — милашка? — скривился он.

— Такой позор можно смыть только кровью, найлек.

Альдо наклонился и легко чмокнул меня в щеку. Чтобы как-то отвлечься от захвативших меня ощущений я спросила:

— Ты же не всегда был Крылатым — Как — Ветер, — я пожала плечами. — Когда-то ты был как все дети, милым и смешным, — фраза была абсолютно невинная, но он сразу, же напрягся. Что я не так сказала?

— А какой ты была в детстве? — после долгого молчания спросил Альдо.

— Скучной и толстой заучкой, — нехотя ответила я. Воспоминания о моем детстве были не очень приятными.

Альдо сжал мою руку.

— Это не правда, ты не могла быть такой. Ты не такая.

— Спасибо, — тихо сказала я.

— Не говори никому, — буркнул Альдо и отвернулся, но мою руку так и не выпустил.

Оказывается, у монстра есть какие-то чувства? Это как-то не вязалось с тем, что я читала о саварах. Им свойственно сначала брать, а потом спрашивать разрешения, чисто для смеха.

И если быть совсем честной, мне понравился его алчный пиратский взгляд, и быть пиратской добычей мне бы тоже понравилось.

В этом не было ничего удивительного, меня всегда привлекали отрицательные персонажи. Драконы, темные эльфы, демоны, колдуны... Так же, как и Альдо они не были связаны никакими правилами, моралью или законами, все как один неудержимые и опасные. Мне нельзя думать об этом! Стоит Альдо почувствовать мою слабость, он проглотит меня с потрохами, выпотрошит и выбросит. Я осторожно высвободила свою руку и отвернулась.

Зилла, заметив мои красные от бессонной ночи глаза, и решив, что меня мучила боль, хотела оставить меня в постели. Мне с трудом удалось убедить ее в том, что со мной все в порядке.

Я позавтракала с остальными, будто со стороны слушая их болтовню и смех, а потом совершила подвиг, самостоятельно добравшись до библиотеки. Бель-шум уже ждал меня с кипой бумаг, которые нужно было переписать. День тянулся бесконечно долго. Я как дура ждала вечера, надеясь на продолжение вчерашнего разговора, но Альдо явился после полуночи, буркнул: «Чего не спишь?», свалился на кровать, а через секунду уже храпел.

Через несколько дней я уже почти не хромала, таская за Бель-Шумом огромную амбарную книгу. Они с Карой проводили очередную «ревизию» содержимого складов и кладовых. Честно говоря, у меня уже мозг кипел от их рассуждений и лекций на тему «только строгий учет позволяет правильно использовать запасы и не голодать». Как будто я была слабоумной и ничего не соображала!

Огненная шевелюра Альдо постоянно мелькала поблизости, отвлекая меня от ценных указаний и ровных колонок цифр в гроссбухе, я путалась и ошибалась. Бель-шум ворчал, Кара недовольно фыркала, а я, проклиная себя за слабоволие, снова искала его глазами, изо всех сил стараясь, чтобы никто этого не заметил.

Наконец, инспекция закончилась, и, продиктовав мне последнюю цифру, мои наставники облегченно вздохнули.

— Отнесите книгу в библиотеку, ноэль, — попросил меня Бель-шум. — Я задержусь, — и он покосился на Кару.

Судя по взглядам, которыми они обменялись, будут говорить обо мне и о том, что как только я стану отдавать приказы, крыша дворца рухнет на пухнувший от голода народ.

Мне было все равно, после целого дня монотонной работы на жаре я мечтала только о том, чтобы добраться до прохладной библиотеки. Но чтобы туда попасть мне придется пересечь раскаленный внутренний двор, а это очень неприятная перспектива. Покидать относительную тень небольшого навеса не хотелось, но пришлось.

Посреди залитого солнцем двора, как раз на моем пути, собралась толпа мужчин. Все они кого-то дружно подбадривали, постоянно двигаясь, их круг то расширялся, то сужался. Внутри явно что-то происходило, мне было любопытно, но подойти ближе и посмотреть я не решилась.

То, зачем они наблюдали, доставляло им всем огромное удовольствие, они кричали, смеялись и одобрительно свистели. Что они там делают, на жаре? В футбол играют, что-ли? Меня просто распирало от любопытства, и я взобралась на кучу камней, чтобы посмотреть. Видно было все равно плохо, но в футбол они там, определенно не играли.

Круг зрителей неожиданно разорвался. Внутри был Альдо в одних штанах, босой. Держа в обеих руках по длинному изогнутому ножу, он отражал нападение сразу нескольких противников. Один за другим они выходили вперед, обмениваясь ударами. Все было повзрослому, царапины и порезы сочились кровью. А у Хоранда в крови был весь бок, господи, да он стоял в луже крови! Но это никого не волновало, слышны были комментарии, советы, рассуждения и смех.

Нападения на Альдо не прекращались, его противники постоянно менялись, испытывая свое мастерство и ловкость. А он, я видела, получал удовольствие от всего этого!

Его глаза постоянно меняли цвет, от зеленовато синего до черного. Волосы бились за спиной беспорядочной огненной гривой. Как бы мне хотелось запустить руки в этот костер! Ну, причесать хотя бы?

В этот момент толпа взорвалась, выражая свой восторг, и в круг вступили еще несколько человек. Даже я поняла, что это не мальчишки вроде Хоранда, а настоящие мастера. То, что они делали, было настоящей игрой со смертью.

Несколько быстрых выпадов и к моему облегчению, в кругу не осталось никого кроме Альдо. Он стоял, опустив руки с окровавленными ножами, свежий как майская роза, будто и не было нескольких десятков поединков. Увидев, что никто больше не выходит ему навстречу он по-мальчишески довольно улыбнулся.

— Эй, Кирен! — крикнул он мне. — Слезай со своего насеста, завтра ты идешь в город с Бель-шумом!

От неожиданности я почти упала. Но сумела удержаться, совсем не грациозно схватившись за ветку, нависавшую над камнями. Толстый гросбух выскользнул у меня из рук и полетел в пыль, теряя листья.

К тому времени, когда я спустилась, книгу уже подняли, кое-как засунув туда выпавшие страницы.

— Теперь Бель-шум до смерти меня запилит, — обреченно прошептала я, забыв, что у окружающий слух, как у летучей мыши.

Мой страх перед старичком вызвал приступ гомерического хохота у окружающих.

— Ноэль, поверьте, я не дам вас обидеть, — захлебываясь смехом, сумел сказать Хоранд, зажимая ладонью рану в боку.

— Я думаю, дополнительная охрана не помешает, — глубокомысленно заметил Альдо. — Как ты думаешь, Ахлат?

— Бель-шум..., - нахмурил брови отец Нури. — Это серьезный противник, а вдруг он начнет... говорить?

— Так что? Дать тебе охрану? — Альдо свирепо нахмурился. — Если ты боишься, у нас есть надежные повязки, заткнуть ему рот!

— Как вам не стыдно, смеяться над стариком! — обиделась я. — Пустите меня, — прошипела я, пробиваясь через окруживших меня мужчин.

— Осторожнее, — кричал Альдо. — Ноэль страшна в гневе. Посмотрите, там нет ям? Когда она сердиться, то все время падает.

Оттолкнув последнего из насмешников, я крепче прижала книгу к груди, повернувшись к смеющимся окровавленным идиотам.

— Не бейте друг друга по голове! Мозги — вот ваше слабое место!

Мои слова вызвали у них новый приступ смеха.

Бель-шум пришел, когда я уже исправила тот урон, который нанесла драгоценному тому.

— Вы не знаете, ноэль, что так развеселило наших мужчин? Там, во дворе? — с порога спросил он.

— Придурки! — буркнула я себе под нос, а громче сказала. — Не имею понятия.

Весь вечер я прилежно писала и считала под чутким руководством старика, и подняла голову, только когда он торжественно перевернул последнюю страницу.

— Ну что ж, ноэль, наша работа на сегодня закончена. Завтра мы с вами отправляемся в город. Эр-рех хочет, чтобы вы ближе познакомились с людьми. Идите, отдыхайте, — он ласково мне улыбнулся. — Вы знаете, это большая удача, что вы проявили интерес ко всему этому, — он махнул рукой на заваленный бумагами стол.

— Впереди много работы, а я уже не так молод..., да еще эти поездки!

Я хотела спросить, что он имеет ввиду, но Бель-шум приложил ладонь к груди:

— Завтра, ноэль. Завтра.

у меня было приподнятое и нежась в душистой воде, я решила выйти в сад, к остальным, отпраздновать конец моего заключения, так сказать. Я даже одела нарядное платье, заплела в косу сильно отросшие волосы и нацепила серьги.

Но услышав веселые голоса за деревьями, остановилась в нерешительности. Я столько времени игнорировала эти посиделки, отказывалась, когда приглашали. Может уже слишком поздно туда идти?

Все еще сомневаясь, я сделала несколько шагов по садовой дорожке и наткнулась на Хоранда и Тутту.

— Ноэль, тут ноэль! — закричала она и потащила меня за руку в небольшую, ярко освещенную беседку. Бежать и прятаться было уже поздно.

Я зря боялась, меня встретили теплыми улыбками, усадили, придвинули ближе большое блюдо с фруктами и удивительно вкусными пирожными. Зилла, наклонилась ко мне и сказала:

— Хорошо, что пришла, мы тут, как раз говорили о том, что устроили наши мужчины. Ну, ты же была там? Как дети, честное слово! — кивнула она в сторону переминающегося с ноги на ногу Хоранда, обмотанного полотном.

— Ты правильно сказала про их мозги, ноэль, — поддержала ее Юасмина.

А Кара махнула рукой в сторону Тутты:

— Да иди ты уже, вон парень ждет.

Хоранд с такой нежностью смотрел на девушку! Подал ей руку, и они медленно пошли по дорожке к небольшой скамейке, почти спрятанной в невысоких кустах.

— После того, как Хоранд вернется из Тулута, она наденет его браслеты, — сказала мне Саша.

— Даже удивительно, — со вздохом наклонилась ко мне Нури. — Еще вчера, я меняла ему пеленки, а сегодня он ведет за руку невесту...

— Он твой младший брат? — я была искренне удивлена.

— Я сама иногда не верю. С тех пор, как они с Рави стали выше меня ростом, все изменилось.

— Хотите я спою? — Предложила мне Астра. — Я знаю, тебе нравится меня слушать.

— Почему.... В смысле, откуда ты знаешь? — удивилась я.

— О, мы много знаем, ноэль, — обняла меня за плечи Тамила.

— У нас есть глаза, — подмигнула Нури. — Тебя очень хорошо видно отсюда. Смотри..., вон там твоя терраса.

— Что спеть, ноэль? — перебила ее Астра, настраивая свой инструмент.

— Мне нравятся все твои песни.

Горечь любви довелось мне испить до дна,

Глубока моя рана, но не видна...

Это было как раз то, что я чувствовала....

— Почему ты так часто поешь это, — спросила я Астру, когда все закончилось.

— Любить, пусть и безответно, так сладко! Даже если эта сладость имеет горьковатый привкус, — хитро улыбнулась мне она.

Я мало говорила этим вечером, больше слушала. И узнала много нового, например, что Саша — мать Тутты, а ее отцом был Странник, погибший несколько лет назад. Что Кара — бабушка, но хочет жить вместе с сыном и невесткой в городе и часто навещает их, потому, что очень скучает по двум совсем маленьким внукам. Что Тамила замужем, ее муж несет службу в Тулуте, и она считает дни до отправления каравана. А Нури, оказывается, побывала в пустыне множество раз, вместе с отцом и братьями.

Разговор тек медленно, плавно перетекая из одного в другое и касаясь всего на свете. Иногда я ловила на себе любопытные взгляды, но никто не проявлял желания устроить мне допрос. И, слава Богу, исповедоваться мне не хотелось, а вот поделиться с кем-нибудь, дело другое. Но с кем? Может с Нури, она ближе ко мне по возрасту или с Карой, она старше и наверняка опытнее в таких делах?

Я задумалась, и очнулась только тогда, когда Нури потянула меня за рукав:

— Уже поздно, нам пора...

От беседки в разные стороны расходились женщины.

— До завтра, ноэль, — Нури протянула мне светильник. — Сумеешь найти дорогу?

Я пожалала плечами.

— Пойдем, — засмеялась она.

— Мне больше нравится, когда мы собираемся во дворце, так приятно смотреть на живой огонь.

— На огонь? — мне не верилось, что в такую жару кому-нибудь может это понравиться.

— Конечно! Когда с моря дует холодный ветер и идет дождь, это здорово.

— Что-то не верится, что здесь может быть холодно, — сомневалась я.

— Очень холодно! Снега, как на севере нет, но.... Да ты сама убедишься, в пустыне ночью можно замерзнуть насмерть! Хотя тебе, это точно не грозит, — смеялась она.

Желание разговаривать с ней об Альдо мгновенно пропало, и я покраснела.

— Ну вот, — Нури остановилась у знакомой лестницы. — Пришли.

Год назад нам со Светой, совершенно случайно, достались билеты в театр. Знаменитая труппа представляла «Сон в Летнюю ночь». Светка Шекспира не читала и ожидала совсем другого. Она портила все впечатление, комментируя наряды дам в партере и фигуру Оберона, а я смотрела только на Титанию — она была такой, какой хотела бы быть я. Но Нури..., сейчас, в лунном свете, с этой лукавой улыбкой.... Она была самой настоящей Королевой фей.

— Что с тобой? Что-то не так?

Все не так! Ну почему мне так не везет! Глупо на что-то надеяться, когда даже там, в беседке, я была, как гадкий утенок в стае лебедей. Да каждая из этих девушек сможет победить в любом конкурсе красоты. А такая как Нури, Астри или Тутта сможет остановить драку десяти мужчин, просто улыбнувшись и глубоко вздохнув. А мне для этого пришлось свалиться с кучи камней!

— Да что с тобой такое? — беспокоилась Нури.

— Я просто чувствую себя... такой...невзрачной. А вы... ты такая красивая! А я...!? Какой мужчина посмотрит на меня дважды? Это на мне только по необходимости, — я кивнула на свои браслеты.

— Ты говоришь глупости, — спокойно возразила мне она, — с чего ты это взяла? Каждая красива по-своему, одинаковых нет.

— Я не красивая, — чуть не плача, говорила я. — Я маленькая, толстая уродина!

— Ты действительно так думаешь? — она недоверчиво посмотрела на меня. — Поэтому так мало ешь?

Я кивнула, а она скривилась.

— Ты должна научиться смотреть на себя своими глазами, а не глазами тех, кто внушил тебе это! — Строго сказала мне Нури, повернулась и ушла.

Слезы на моих глазах моментально высохли, что это со мной? К чему была эта истерика? Я чувствовала себя ужасно глупо. А вдруг она передаст наш разговор Альдо? А может он и так в курсе, лежит на кровати и ухмыляется? Мне не хватило смелости посмотреть так ли это, и я минут десять ходила по террасе, чтобы успокоиться. Мне повезло, его не было.

Со стороны коридора раздались быстрые шаги, предмет моих мечтаний влетел в комнату, и я тут же натянула простыню на голову. Мне было слышно, как на каменный пол со звоном упали ножи и ремень, глухо ударились сапоги и босые ноги прошлепали по направлению к купальне. Только тогда я осмелилась выглянуть, не думая, что он может

вернуться так скоро.

Похоже, это был мировой рекорд, всего минута или две. И вот Альдо уже вытирает голову полотенцем, совершенно голый. Я забыла, как дышать, а когда вспомнила, то со стоном уткнулась подушку.

— Скажите, пожалуйста! — ворчал Альдо, возясь и укладываясь на своей половине.

— Мне что, нужно пробираться сюда тайком, забраться под одеяло и только тогда вылезти из штанов? — шипел он.

А мое воображение услужливо рисовало мне картины того как именно он сейчас выглядит, это продолжалось до тех пор, пока мои измученные мозги не отключились, и я заснула.

— Вставай! — заорал Альдо мне прямо в ухо, через несколько мгновений. — Что забыла, ты сегодня идешь в город!

Я уселась на кровати, ничего не понимая:

— Уже утро?

— День, — отрезал он. — Давай пошевеливайся, тебя все ждут.

Я двигалась с предельно возможной для меня скоростью, все мои сборы заняли не больше пяти минут, но Альдо все время торопил меня, выкрикивая язвительные замечания.

Чуть не подавившись куском пирога, я выскочила во двор и облегченно вздохнула, его нигде не было видно. Зато в тени дерева, у ворот, стоял Бель-шум в длинной белой хламиде с капюшоном.

— А вот и вы, ноэль, — рассеяно пробормотал он, исследуя содержимое карманов.

— Я вечно что-то забываю, а это очень неудобно, возвращаться во дворец за какой-нибудь мелочью. Волнуетесь? — Поднял он на меня глаза, и его улыбка тут же погасла.

Обеспокоенная его видом, я спросила:

— Что-то не так?

— Да все не так! — раздался за моей спиной голос Альдо. — Вчера ты болтала с женщинами целый вечер, но тебе и в голову не пришло поинтересоваться, как правильно одеться.

— Что не так?! — с вызовом ответила я.

На мне была обычная одежда, туника и свободные штаны, чистые. Волосы аккуратно причесаны — что еще ему надо?

Хуже всего то, что Альдо был не один. Рядом переминалось с ноги на ногу полтора десятка мрачных красавцев. Высокомерных, с презрительными улыбками, затянутых в черную кожу и с невероятным количеством холодного оружия, заткнутого и подвешенного где только возможно.

— Ты должна переодеться. Браслеты на месте? Голова должна быть закрыта, это твое слабое место, найлек! И не отходить от Рави и Бель-шума. Они говорят, ты делаешь — без лишних слов. Самые жаркие часы проведете у сына Кары — Таира, там и пообедаете, он предупрежден. И ты вернешься обратно до захода солнца, — он говорил это, не глядя на меня, методично затягивая многочисленные пряжки и ремни на своей одежде.

— Обалдеть! — не выдержала я. — Ты все предусмотрел, что мне одеть, куда мне идти и даже что и где мне есть, может, скажешь, как мне дышать?

— Спокойно и глубоко, — невозмутимо ответил он. — Отправляйся, тебя ждет Нури, она поможет тебе переодеться. Я подожду.

Я могу не слушать его, но тогда не видать мне выхода в город, как своих ушей!

Пришлось подчиниться и вернуться в спальню.

Нури ждала меня, размахивая ожерельем. Я застегнула его на шее, но это было еще не все и мне пришлось переодеться в длинное платье без рукавов совершенно гадкого розового цвета.

— Тебе очень идет, — заметила Нури, расправляя складки и накидывая на меня нечто с широкими рукавами и капюшоном, тоже нежно розовое.

А как же! Все очень к лицу, только пяточка не хватает и можно хрюкать от счастья!

Когда я снова появилась во дворе, там кроме Рави и старичка Бель-шума никого не было. При виде меня они заулыбались.

— Идемте, ноэль, — кивнул в сторону ворот Рави. — Эр-рех догонит нас по дороге в город.

Перед нами открылись тяжелые створки, и я сделала шаг вперед. В лицо сразу же ударил горячий, пахнувший разогретой хвоей ветер. Широкая дорога полого спускалась вниз, к городку. По ее краям росли небольшие колючие деревца похожие на крымские сосны.

Бель-шум шел неспеша, и нам с Рави пришлось приноравливаться под его черепашью походку. Мы почти дошли до города, когда резкий окрик заставил меня обернуться.

Прямо на нас надвигались клубы пыли, наполненные топотом и звяканьем металла. Облако разорвалось и из него на бешеной скорости вынеслись всадники, похожие на фантастических существ.

— Эр-рех, — с завистью вздохнул Рави.

А Бель-шум неодобрительно покачал головой и отвернулся.

Я стояла, открыв рот, то на чем они ехали, можно было назвать лошадьми с большой натяжкой. Альдо так резко осадил «это» около меня, что бедная скотина почти уселась на внушительную черную задницу. Он легко соскользнул с седла рядом со мной.

— Теперь другое дело, — ворчливо сказал он, набрасывая мне на голову капюшон.

— Тебе было велено прикрыть голову.

Рукой в толстой кожаной перчатке с металлическими накладками он легко застегнул крохотную пуговку на шее.

— Я говорил тебе, чтобы ты не смела возражать мне на людях? Никогда больше не создавай мне неудобств, ноэль, — так, чтобы слышала я одна, прошептал он.

— Мне нет дела до того, удобно тебе или нет.

— В эту игру можно играть вдвоем, Кирен, — Альдо прищурил глаза и яростно впился мне в губы.

Через несколько мгновений он, вместе с остальными умчался, а я осталась на дороге. Рави и Бель-шум старательно отводили от меня глаза, пока я выбиралась из «елок», в которые свалилась, когда Альдо отпустил меня.

Я сделала вид, что ничего не было и спросила:

— Эти животные... на которых они ехали...?

— Мары, ноэль, — пряча усмешку, ответил Рави.

— А они были у вас всегда или появились после? — я изобразила заинтересованность.

— После изменилось все, — сказал Бель-шум. — И мары тоже, нам пришлось заново их одомашнивать.

— Те, что вы видели, это мелкая — верховая порода, — Рави пренебрежительно пожал плечами.

Да уж — мелкая! А крупная, величиной со слона, так что ли?

— Вчера около полей заметили двух песчаников, — продолжил Рави с серьезным видом. — Наверно, молодые. Ищут новые территории для охоты, если успеют здесь окопаться, сложно будет избавиться.

— Я думала, что они водятся только в глубине пустыни.

— В этом году их слишком много, ноэль. На прошлой неделе, Талив и Икар завалили одного прямо на нашем пляже. Эти тварям нужны очень большие территории для охоты.

— Никто не пострадал?

— Все обошлось, ноэль, — улыбнулся юноша. — В вас на пляже уже не было, когда...

А я побледнела, вспомнив, как настойчиво меня просили уйти с пляжа, а я отказывалась.

— У тебя очень длинный язык, мальчик! — резко сказал Бель-шум.

Рави испуганно охнул и пробормотав:

— Я пойду впереди, — обогнал нас.

— Я ничего не знала. Почему мне не сказали?

— Иногда случается, что у песчаников слишком много детенышей, тогда они приходят сюда, на побережье, — он внимательно посмотрел на меня. — Давайте поспешим, солнце уже высоко, ноэль.

Песчаники были самыми страшными хищниками Окатора. Бронированная, зубастая смерть. Рисунки, которые я видела, были очень впечатляющими, зверюги напоминали наших вымерших динозавров. Охотились они небольшими стаями и по одиночке, выпрыгивая на жертву из засады и раздирая акульими зубами. И убивали они не только ради пропитания, вид крови приводил их в неистовство.

— Я давно хотела спросить. Почему вы не возьмете у нас современное оружие? Выходить против таких хищников с ножом и арбалетом глупо, их можно было бы убить издалека, с одного выстрела.

— Убивая врага, нужно смотреть ему в глаза, — не оглядываясь, сказал Рави. — И потом, если промажешь, то уже и ничего не поможет.

— Убить на расстоянии, из укрытия, так чтобы не осталось и следа. Взорвать, задушить, отравить... Мы уже делали это. Нет, ноэль. Никто не хочет повторения прошлых ошибок.

— Но вас и так мало, а песчаник сильнее. Зачем умирать напрасно?

— Смерть не бывает напрасной. Даже песчанику сохранят жизнь, если он уступит дорогу. Мы хотим жить в мире с пустыней, а не воевать с ней. Песчаники полезны, по-своему, — добавил старичок.

— Ага, — согласился с ним Рави.

А потом они прочитали мне лекцию о пользе этой ходячей смерти. Оказывается, из костяного нароста на голове этих чудовищ, получались замечательные луки. Исключительно крепкая шкура шла на изготовление упряжи и обуви, а из толстой, почти бронированной кожи на хребте, шили нечто вроде защитных доспехов. Мясом песчаника кормили маров, а их жир был основой для горючей смеси в лампах и светильниках, он не давал дыма и копоти при горении и приятно пах.

— Не волнуйтесь, ноэль, — весело крикнул мне Рави. — Эр-реху ничего не грозит.

— С чего ты взял, что я переживаю? Я вообще о нем не думаю, — я сказала это с такой злостью, что испугалась сама.

— Да, да, — поспешно кивнул он. — Я это так, к слову.

Остаток пути мы прошли молча. Мои провожатые шли впереди, тихонько

переговариваясь друг с другом. Я все-таки дура! Зачем было сердиться на мальчишку?

«Елки» у дороги исчезли, уступив место фруктовым деревьям, дававшим больше тени, рядом были небольшие, тщательно обработанные огороды. Пройдя еще метров сто вдоль аккуратного молодого сада, мы очутились на оживленной улице.

Я не прошла и нескольких шагов, как меня начали приветствовать все вокруг. Создавалось такое впечатление, что все меня знают и страшно рады видеть. Мужчины были вежливы, одобрительно мне улыбались, наклоня голову и здороваясь. Но в разговор не вступали и отходили в сторону.

Женщины заговаривали со мной, как со старой подругой и всегда что-то предлагали. Я с удовольствием выпила холодного, чуть кисловатого напитка, надкусила крупное желтое яблоко, попробовала свежий хлеб с хрустящей корочкой. Неизвестно откуда у меня в руках оказалась небольшая корзинка, и в ней уже лежало несколько подарков — виноградная гроздь, букет цветов и перламутровая брошка.

Я принимала все это, с каждым разом все больше и больше смущаясь. Мне хотелось плакать, было такое чувство, что я попала домой, где меня ждали. В семью, которой у меня никогда не было.

В конце концов, я бы разревелась у всех на глазах, но положившая мне в корзинку вышитое полотенце девчушка, заговорила с Бель-шумом. Я потихоньку отошла в тень и села на скамейку, вытирая мокрые глаза.

— Почему ты плачешь? — раздался сзади меня встревоженный голосок.

— Я не плачу, просто что-то в глаз попало, — быстро сказала я и обернулась.

Из-за дерева осторожно вышел мальчик и строго посмотрел на меня.

— Врешь! Ты плакала.

— У тебя что-то болит? — на скамейку рядом забралась девочка в голубом платье.

Она с таким участием смотрела на меня, что я поспешила ее успокоить. Вдруг ей вздумается позвать взрослых!

— Нет, нет, у меня совсем ничего не болит.

— Тогда и реветь нечего, — заявил серьезный мальчик.

Чтобы как-то задобрить этого сурового мужчину, я предложила ему яблоко.

Ловко разломив его пополам, мальчишка тут же протянул половинку моей соседке.

Через мгновение я была окружена стайкой детишек. Малышей было больше всего, а ребята постарше, серьезный мальчик и девочка в голубом, вроде как присматривали за этим детским садом.

Я никогда не испытывала трудностей в общении с детьми. И совсем скоро меня начали тянуть в разные стороны. Смотреть на зеленую черепаху и недавно родившихся крольчат, хромого мара, который любит дыни и распутившийся утром кактус. Окружившие меня со всех сторон дети водили меня от дома к дому, рассказывая обо всем вокруг. Мне было хорошо с ними, потому что это были очень счастливые дети.

Иногда я видела Бель-шума, и он кивал мне. Рави, важничая, следовал за нами с собственной свитой, десятком мальчишек, чуть младше его самого.

Тени стали совсем короткими, когда он, растолкав детвору, подошел ближе и сказал:

— Ноэль, нам нужно идти в дом Таира.

— Мы знаем, — закричали все. — Мы проводим.

Домик, к которому нас привели, был очень симпатичным, как, впрочем, и все остальные дома в городке. Одноэтажный, с покатой черепичной крышей, утопающий в

пышной зелени и цветником под окнами, он был в точности таким как в моих мечтах.

— Прошу вас, ноэль, — мне улыбнулся невысокий, коротко подстриженный молодой мужчина. — Моя хозяйка уже волноваться начала. Проходите в дом, Бель-шум уже здесь.

— А вы, — кивнул он детворе. — Бегите по домам, сейчас слишком жарко для игр.

Мальши заулыбались и бросились врассыпную.

— Ты им понравилась, ноэль, — навстречу мне вышла молодая женщина.

— Они обязательно вернуться вечером.

— Нармин, проводи нашу гостью, — обратился Таир к своей жене. — Пошли Рави, женщины позовут нас, когда придет время садиться за стол.

— Идемте же, не стойте в дверях, ноэль, — взяла меня за руку Нармин, звеня ажурными браслетами.

Она показала мне дом. Несколько прохладных комнат, кухня и терраса, вся увитая диким виноградом. Небольшой ручей, протекавший в саду, наполнял неглубокий выложенный плиткой бассейн и тек дальше, петляя между деревьями.

— Искупайтесь ноэль, — предложила мне Нармин. — А я посмотрю, как мои малыши.

А после мы сидели под большим старым деревом и не торопясь обедали. Нармин рассказывала мне о своих близнецах, о том, как ей нравится Суфраэль и как ей повезло с мужем.

Я не завистлива по натуре, но сейчас, я завидовала. У нее было все, чего мне хотелось и чего всегда не хватало. Помогая ей убирать со стола и укладывая малышей спать, я представляла себя хозяйкой вот такого же домика, женой и матерью...

— Ты грустишь, ноэль? — голос Нармин вернул меня на землю.

— Нет, просто подумала, что вы очень счастливы...

— Да, — широко улыбнулась она.

— Хотите, я покажу вам, чем занимается Таир? Он настоящий мастер, ноэль! — Она просто светилась от гордости.

Я кивнула. Мы пошли вглубь сада, в мастерскую. Тут было холодно, тихо капала вода, и пахло землей. Мне всегда нравилась керамика, но такого я никогда не видела. Вдоль стен стояли огромные глиняные кувшины, в которых мог поместиться не один мешок зерна, пузатые бутылки для масла и воды, величиной с бочку. Маленькие изящные стаканчики для питья и крошечные бутылочки. Тарелки, блюда, глубокие миски, горшочки с крышками и без. Множество затейливых фигурок, шкатулок и коробочек, вазы всех форм и размеров.

Большая часть всего этого великолепия имела золотисто-коричневый цвет, была и оранжево-красная и красно-коричневая посуда. Но больше всего мне понравились вещи, имевшие необычные для обожженной глины оттенки синего и зеленого.

— У меня нет слов, Нармин, — я говорила искренне. — Твой муж не просто мастер, он настоящий художник, все это очень красиво!

— Его знают и на Севере. Ваш брат, Тангар, каждый год увозит с собой работу Таира и просит еще. Все что вы видите здесь приготовлено для него.

— И как он собирается это забрать?

Она загадочно улыбнулась.

— Вы скоро увидите с братом, ноэль, — пообещала Нармин. — Вы наверняка скучаете. Мои родные в Тулуте и мне их очень не хватает. Но пока малыши не подрастут я не смогу навестить их.

— Вот, — она вложила мне в руки небольшую сине-зеленую фигурку. — Возьми, ноэль,

ты не должна уйти от нас с пустыми руками.

— Что это? — я с удивлением рассматривала фантастическое существо у себя на ладони. — У Таира богатое воображение, не каждый может придумать такое.

— Ну, он не совсем придумал, — засмеялась Нармин. — Это феррай, они скрытные и осторожные существа. Считается хорошей приметой их увидеть.

— Не смейтесь, ноэль, — почти сердито добавила она в ответ на мою улыбку.

— Я увидела такого, а через два дня в Тулут с караваном пришел Таир. И он вылепил эту фигурку с моих слов. Берите ноэль, у вас грустные глаза, феррай вам поможет.

— Нармин, приметы сбываются, только если в них веришь!

— Так что вам мешает поверить!? — серьезно взглянув на меня, спросила Нармин.

Я повернулась, чтобы еще раз помахать рукой детям, провожавшим нас до окраины Суфраэля.

— Вы довольны, ноэль? — спросил Бель-шум.

— Да, я не ожидала, что меня так встретят... как родную, — немного помолчав, добавила я.

— По-другому и быть не могло, — пробормотал старичок. — И я рад, что вы понравились детям.

— А что, это имеет какое-то значение?

— Да, у эр-реха не будет повода отказать мне. И я могу надеяться на вашу помощь в школе, пока не уйдет Караван.

Услышав это, Рави застонал и пошел вперед, со злостью сбивая ногой маленькие кактусы на обочине.

— Мальчик злится, — пояснил мне Бель-шум. — Ему придется сопровождать нас.

— Вот-вот, я буду бродить по дороге, а другие в это время...

— Можешь этого не делать, — перебила я его. — Дорогу мы знаем.

— Скажите это эр-реху, — зло рассмеялся Рави и еще быстрее пошел вперед.

— Оставьте, ноэль, — покачал головой Бель-шум. — Он совсем недавно получил оружие и рвется в бой.

— Ну, я вообще-то тоже не горю желанием быть учительницей, одно дело играть с детьми и совсем другое учить их.

— У вас все получится, — уверенно заявил он и замолчал.

Мы добрались до ворот крепости на закате, и я удивилась, не найдя там Альдо. Может он еще не вернулся? Я крутила головой во все стороны, пытаюсь увидеть кого-нибудь из тех, кто уехал с ним утром.

— Ну как прошел день? — к нам спешила Кара. — Тебе понравился город? Как там мои внуки?

Я быстренько передала ей сверток, приготовленный Нармин, минут десять восхищалась малышами и домом ее сына, а потом пожаловалась на усталость и сбежала к себе. Немного успокаивала тишина — если бы что-то произошло, суеты было бы намного больше.

Я буквально влетела в свою комнату и с облегчением выдохнула. На полу, около кровати валялись знакомые перчатки с металлическими бляхами.

— Ты как раз вовремя, — раздался голос Альдо из купальни.

— Иди сюда.

— Помоги снять, — бросил он через плечо, указывая на перетянутую ремнями кожаную

куртку. — Нужно ослабить пряжки, вот здесь и здесь. Только без нервов! — предупредил он меня.

Он стоял ко мне спиной и вроде как раздевался. Рядом исходила паром горячая вода.

— Нервничать? Да мне больше делать нечего! — возмутилась я и ворча подошла ближе.

Но увидев, что толстая кожаная куртка была разорвана, как бумага, и покрыта засохшими бурыми пятнами, я невольно охнула.

— Я же сказал, без нервов! Просто помоги снять и все.

— Может лучше позвать Зиллу. Это ужасно выглядит.

— Не надо никого звать, кровь не моя. Сними эту чертову куртку! — все больше раздражаясь, шипел Альдо.

То, что кровь не человеческая я поняла сразу, как только начала расстегивать пряжки. Она была слишком густая, склеивала пальцы и отвратительно пахла.

Справившись с ремнями, я спросила:

— Теперь что?

— Бери нож и распори шов, — он поморщился. — По-другому не получится.

— А ты не боишься? — спросила я его, взяв в руки один из его ножей.

— Очень, — хмыкнул он. — Режь.

Мне пришлось повозиться, шва почти не было видно из-за засохшей крови. К тому же Альдо все время переминался с ноги на ноги и ругался. Мне это надоело, и я просто разрешила липкую кожу. Отбросив истерзанную куртку в сторону, он облегченно выдохнул и сказал:

— Теперь возьми тот белый порошок и высыпь его в воду.

— Что это? — спросила я, разглядывая крупные белые кристаллы в чашке.

— Соль, — буркнул он, осторожно залезая в бассейн.

Я поспешно отвернулась.

Он лежал там долго. Я убрала то, что осталось от его одежды, и сходила за ужином. На кухне, Хоранд, захлебываясь от восторга, рассказывал, как они выслеживали и убивали стаю песчаников. Рави, кусая губы, сидел рядом.

Вернувшись, я чуть не выпустила поднос из рук. Альдо, в чем мать родила, стоял посреди комнаты.

— Ты должна помочь мне еще раз.

— А ты не мог бы прикрыться? — я зажмурилась. — Ты специально это делаешь!?

Альдо фыркнул, и я услышала слабый шорох.

— Ну вот, ты пропустила все самое интересное.

— Извращенец! — я осторожно приоткрыла один глаз. Он обернулся полотенцем.

— Мне нужно, чтобы ты намазала меня мазью и перевязала. И это лучше сделать с открытыми глазами, найлек, — он указал на широкую полотняную полосу и стеклянную чашку с коричневой массой. И повернулся ко мне боком, немного приподняв руку. Я снова охнула, его бок был ужасного фиолетово-красного цвета.

— Ты уверен, что у тебя не сломаны ребра? Может все-таки позвать Зиллу?

— Не надо, к утру все пройдет. Давай же, Кирен, я голоден. И мне надоело стоять с поднятой рукой!

Я осторожно начала втирать мазь, стараясь делать это как можно легче. На багрово-синей коже четко выделялся ряд ровных вертикальных надрезов, и я с ужасом поняла, что это моя работа. Я порезала его, когда распарывала шов на куртке! Я и подумать не могла, что

этот нож настолько острый!

Альдо дернулся, мазь попала на ранку.

— Жжет, зараза!

— Прости, я не думала.... Почему ты не сказал, что я поранила тебя? — Альдо скосил глаза вниз.

— А, это? Ты опять пустила мне кровь, найлек? — усмехнулся он. — У тебя интересные привычки!

— Я не хотела, правда! Тебе очень больно? — я чувствовала себя виноватой.

Но он не обращал на мои извинения никакого внимания.

— Хватит мази, теперь плотно и потуже, — скомандовал он.

Я обмотала его широкой полосой, и, закрепляя концы на груди, подошла совсем близко. Я чувствовала, как от его дыхания шевелятся волосы у меня на макушке.

Пальцы не слушались, и мне никак не удавалось завязать узел, я наклонилась и в этот момент Альдо глубоко вздохнул. Мои губы на мгновение прижались к его груди, впечатление было такое, будто я поцеловала раскаленную сковородку. Кое-как заправив непослушные концы, я поспешно отошла в сторону. Губы горели, как в огне.

Все еще смущаясь, я решила посмотреть на него. Обмотанный полотном, с полотенцем на бедрах он выглядел несколько комично, и мне стало немного легче.

— Из тебя получилась очень симпатичная барышня, — усмехнулась я.

— Я девушка не стеснительная и запросто могу раздеться, — осклабился он. — Вот тогда и посмеемся.

Стараясь не обращать внимания на полуголого Альдо, я накрыла на стол.

— Ты говорил, что голоден. Ужин на столе.

— Ты такая заботливая, с чего бы это?

— Это расчет! Ты начнешь есть и заткнешься!

Это наверняка плохо кончится. Уже дважды я пошла на поводу у своих не вовремя разыгравшихся гормонов. И чем все кончилось? Болью, разочарованием и пустотой. Я буду законченной идиоткой, если наступлю на те же самые грабли в третий раз. Разница только в том, что сейчас искушение просто... дьявольское!

Проще всего было бы не мучиться, а плыть по течению, но очень скоро меня прибьет к берегу и треснет о камни. Будет больно...

— Я не хочу, чтобы было больно!

— Этого не будет, — спокойно сказал Альдо за моей спиной.

Я сказала это вслух?! Какой ужас! Я сжалась в комочек и замерла. Мы молчали целую вечность.

— Зачем ты так поступаешь с собой? — голос Альдо был как мед и бархат. — Ты что, совсем себя не любишь? Почему?

— Я слышал, как ты говорила с Нури, — он понизил голос до хриплого шепота, и я судорожно вздохнула. — Это самая большая глупость, которую я слышал от тебя.

— Посмотри на меня, найлек. — Он легко толкнул меня плечом.

— Ты храбрая, ты умная, ты хорошая, ты..., - если он скажет «красивая» я разревусь! Но он вздохнул и сказал:

— Ты... не толстая.

— Я не хочу об этом говорить.

— Я сказал правду. Если тебе нравится жить, сомневаясь в себе, пожалуйста, — Альдо

недовольно дернул плечом. — Но не требуй этого от меня, — глядя на меня потемневшими глазами, закончил он.

Я села, кутаясь в одеяло.

— Мне уже говорили нечто подобное, а потом... было очень больно, — тихо ответила я.

— Ловец, да? — Альдо вопросительно поднял бровь. — Если он умрет, тебе станет легче?

Я покачала головой.

— Дело не в нем.

— Тогда кто? — буркнул он.

Мне было трудно говорить об этом, но сопротивляться его глазам было невозможно.

— Грустная история... С такой толстой занудой, как я никто не хотел общаться..., — пожалала я плечами, а Альдо пренебрежительно фыркнул.

— В интернате со мной дружили только книжки, ну и Светка. Было весело, но на танцы с ними не пойдешь! Даже на выпускном никто не пригласил, — озвучила я старую обиду. — В институте было так же..., пока я не встретила Антона.

— Кого? — Альдо подозрительно прищурился и подобрался ближе.

— Самый симпатичный мальчик на потоке, — выдохнула я. — Когда он впервые подошел и заговорил, я чуть в обморок не упала. Он вел себя так, как будто ему наплевать, что я нескладная, бесформенная ботанша. На свидание я собиралась в полуобморочном состоянии, — я замолчала, продолжать не хотелось, но в то же время хотелось выговориться.

Альдо сидел молча, но с презрительно-мрачным выражением лица.

— Ради него я была готова на все. На все, понимаешь?! А он использовал меня... Мажорный мальчик сильно отставал в учебе, еще чуть-чуть и прощай институт! Я ночами сидела над его курсовой, а он зажигал по клубам. Глупая влюбленная дурочка... Как только угроза вылета миновала, Антон бросил меня, при всех... смеялся, что я должна быть признательна ему, если бы не он, то я так бы и умерла старой девой. А теперь у меня есть что вспомнить..., — я говорила все тише, а слезы сами текли по лицу и капали мне на руки.

— Мне хотелось умереть, — тихо добавила я. — Светка неожиданно вернулась...

Альдо смотрел на меня, не моргая, он как будто окаменел.

— Она вызвала скорую, наплела им, что я отравилась колбасой. Фельдшер промыл мне желудок, вкатил снотворное и уехал.

Ну да..., а когда я проснулась, сказала: «Что толку от твоих соплей? В конце концов, все живы и никакой особой трагедии не произошло. Подумаешь, бросили ее! Неужели ты на что-то надеялась? Днем раньше днем позже, какая разница? И потом, говорят он хорош в постели. У тебя есть что вспомнить, подруга!»

Конечно, мы поссорились, и я даже вещи собрала, но потом... а куда мне было идти? Одиночество пугало меня больше.

— Ты думаешь, что я такой же как этот... эти..., что обидели тебя?

Я подняла голову и посмотрела на него.

— Все дело в Договоре, ведь так?

Он медленно поднялся и меня обдало волной холодного презрения.

— Что для тебя важнее Кира? Быть оставленной или никогда не быть любимой?

Не сказав больше ни слова, он вышел в сад и будто растворился в темноте. Мне очень хотелось позвать его, но я уткнулась в подушку и приказала себе не думать о нем.

Следующие несколько дней Альдо меня попросту игнорировал. И если бы не тот факт, что большую часть дня я проводила в городе, возясь с малышами, то я запросто могла провалиться в жесточайшую депрессию. Моя не очень умелая педагогическая деятельность отвлекала и выматывала меня. Вечером я была способна только на то чтобы немного пожалеть себя перед сном.

Понадобилось совсем немного времени, чтобы понять, что дети самое главное в этом мире. Их никогда не наказывали, не били и не ругали. Каждый взрослый был рад помочь, утешить, посоветовать и с радостью отвечал на любой вопрос. Наверное, поэтому, даже самые маленькие были очень уверены в себе, исключительно самостоятельны и ничего не боялись.

Это был самый большой минус такого воспитания. Детвора была вездесуща, и не давала расслабиться. Малыши всюду совали свой нос, их приходилось вытаскивать из множества опасных мест. Но никто не кричал, не сердился, им с улыбкой предлагали игрушку, отвлекали и уводили в сторону. Если бы не помощь всех жителей Суфраэля, одной уследить за ними было бы проблематично! За двумя десятками малышей незаметно наблюдало множество глаз.

Интересно, как при таких методах воспитания мог получиться Альдо? Или он исключение, лишь подтверждающее правило? Я спрашивала о его семье, но все вежливо уходило от ответа. Отсылали меня к самому эр-реху или притворялись, что не понимают вопросов.

Я бы спросила, но он опять спал в саду. Все вечера я проводила на террасе, приводя в порядок его куртку. Я отчистила ее от крови песчаника. Нашла куски подходящей кожи для заплаток, но работа продвигалась очень медленно. Это было настоящим мучением раскроить все как нужно, а потом правильно сшить. Но залатанная куртка замечательный предлог для того чтобы подойти и заговорить.

Я думала об этом, медленно поднимаясь по пыльной дороге вслед за Рави, когда Бель-Шум поравнялся со мной и сказал:

— Мне неудобно вмешиваться, ноэль. Но эр-рех! Он меня беспокоит. Я знаю его очень давно, но таким не видел никогда. Вы причина того, что он, в последнее время, находится в очень неуравновешенном состоянии, ноэль.

Я удивленно посмотрела на него.

— Только от вас зависит, станет ли эр-рех похожим на своего отца.

— А что не так с его отцом?

— Он умер десять лет назад, — Бель-шум медлил с продолжением несколько минут.

— Мне жаль.

— Не думаю, что вы сказали бы это, если бы знали его лично, — хмыкнул Бель-шум.

— Шарухин считал, что эр-рех должен быть тверд, независим и уверен в себе. Он вбивал это в Альдо с утра до вечера. Проявления чувств были недопустимы и недостойны. Эмоциональность, искренняя привязанность и любовь считались проявлением малодушия. Я никогда не видел эр-реха Шарухина смеющимся. Он был способен на презрительные улыбки, не больше, — старичок покачал головой и вздохнул.

— Мне иногда казалось, что сердце у него — обледеневший булыжник. Он воспитывал сына больше двенадцати лет, а это достаточный срок, чтобы превратить ребенка в жестокое чудовище, но Альдо каким-то чудом таким не стал, — он задумчиво посмотрел на меня.

— До вашего появления он улыбался еще реже, чем его отец. По-моему, вы в силах сделать так, чтобы эр-рех хотел смеяться, а не убивать, — Бель-шум внимательно посмотрел на меня. — От этого зависит не только ваша судьба, ноэль.

Ну конечно! Альдо, после нашего последнего разговора выглядел, как сумасшедший лунатик, постоянно гоняясь по пустыне за песчаниками. А когда случайно выжившие чудовища попрятались и преследовать стало некого, он начал слоняться по крепости с убийственной меланхолией во взгляде, сменявшейся дьявольским безумием, когда находил к чему придраться, а ведь при желании это совсем не трудно. А желания у него было, хоть отбавляй! В глазах загоралось яростное зеленое пламя и голос гремел на весь Суфраэль.

Просто замечательно! Савар не привык получать отказы и так всех достал, что старичка уполномочили ненавязчиво намекнуть, для чего я тут.

При таком раскладе, моя сикось-накось зашитая куртка уже не казалась гарантией его хорошего настроения. К тому же бросать себя любимую под танк по имени «Альдо», даже ради мира во всем мире, не хотелось.

Я остановилась, вывихнутая нога после целого дня беготни разнылась не на шутку.

— Что-то не так? — мой верный спутник, Рави, остановился рядом со мной.

— Нога немного болит, так, ерунда, — ответила я.

В этот момент мимо нас на полном скаку пролетели несколько всадников во главе с Альдо. Он лишь немного повернул голову в мою сторону.

— Конечно, ехать лучше, чем идти! — буркнула я себе под нос, глядя на тяжело отдувающегося после долгого подъема Бель-шума.

Я сказала это, забыв о том, насколько острый слух у тех, кто меня окружал! И на следующее утро передо мной фыркала и прижимала уши расплата за неосторожность.

Мары, только общими очертаниями походили на лошадей. Четыре ноги, короткая грива и хвост — это все, что было у них общего. Даже «мелкая», верховая, порода была гораздо больше обычной лошади. К тому же, мары были всеядными хищниками. Их желтые глаза с вертикальными зрачками прозрачно намекали на их коварную и склочную натуру.

Те «мелкие», что ходили под седлом, были злобными и упрямыми созданиями. Требовалось очень долгое время, чтобы научить животное хоть немного подчиняться приказам. Ахлат как-то сказал, что, если бы они не жили так долго, приручать их не было бы никакого смысла, они умирали бы прежде, чем могли усвоить хоть что-то.

Правда были и другие, еще более громадные. Но эти великаны были так флегматичны и настолько послушны, что даже дети легко управлялись с ними. Жаль, что исключительная медлительность позволяла использовать этих «слонов» только как вьючных животных.

— Вот! — мне широко улыбнулся Рави, сидя верхом на маре совершенно дикой полосатой расцветки. — Мы выбрали тебе самую спокойную скотинку.

— Неужели? — Верилось в это с трудом, особенно, когда скотинка оскалилась и прижала уши.

— А как ее зовут?

— Зовут? — удивился Рави. — Скотина, она скотина и есть.

Я осторожно обошла вокруг животного.

— Я ей не нравлюсь, — сказала я.

— Им никто не нравится, — пожал плечами юноша. Он легко спрыгнул с седла и подошел ко мне. — Давайте посажу тебя, ноэль.

Я испуганно попятилась.

— Я не могу.

— Почему? Вы же сами этого хотели! — удивился Бель-шум, уже сидящий на злобно грызущем удила пятнистом страшилище.

— Я думала про повозку или что-то в этом роде. Я не умею ездить верхом!

— Повозку? Но какой в этом смысл? В повозке мы тащились бы с такой же скоростью, с какой шли бы пешком, ноэль.

— Ты, правда, не умеешь? — удивлению Рави не было предела.

— Правда, — ответила я и Рави расхохотался.

Вокруг нас понемногу начали собираться любопытные. И этот противный мальчишка просвещал всех желающих о причине своего смеха. Моей вины в этом не было, но от стыда я готова была провалиться сквозь землю.

— В чем задержка? — грозный окрик Альдо заставил всех разойтись.

— Ноэль не умеет ездить верхом, — тут же наябедничал Рави.

— А что тут уметь? Если я могу водить ваши машины, — голос Альдо был полон презрения. — То ты в состоянии ездить на этом.

— Оно живое, — возразила я. — А с вождением у меня проблемы. Два раза проваливалась на экзамене, не могу нормально повернуть, не видно колес.

Ну зачем я это сказала? Кто меня за язык тянул?

— У тебя, я вижу, везде проблемы, — фыркнул Альдо и посадил меня в седло.

— Здесь с поворотами проблем не будет.

В одно мгновение земля оказалась далеко внизу и была ужасно твердой на вид. Впечатление было такое, как-будто я сижу на вершине высокой качающейся лестницы. Я тут же судорожно вцепилась в поводья. Альдо тем временем укорачивал стремяна, совершенно не обращая внимания на клацающие длинные зубы в миллиметрах от своих рук. Сообразив, что Альдо не прекратит раздражающие его манипуляции, мар принялся топтаться на месте, стремясь отдавить ему ноги.

Я болталась на спине у этого чудовища, как флаг на ветру, мертвой хваткой вцепившись в поводья.

— Расслабься, — буркнул он мне. — Мы проводим вас до города, хочу показать тебе кое-что.

Вскочив на своего мара, Альдо первым выехал из ворот.

Больше всего я боялась опозориться и упасть прямо тут, во дворе крепости, поэтому старалась повторять движения тех, кто ехал рядом, но это мне плохо удавалось.

Моя «скотинка» двигалась рывками, совершенно не реагируя на мои робкие просьбы и подергивание поводьев. Она шла вперед только потому, что сама этого хотела.

Вереница всадников свернула с уже знакомой мне дороги, но ни о каком любовании окрестностями не могло быть и речи. Я сосредоточилась на равновесии, стремянах, поводьях и скотине нежно голубого цвета, которая отчаянно крутила шейей. Седло было страшно неудобным, спину пекло, а задница, наверняка уже была такого же цвета, как шерсть моей «лошадки».

— Как же мне тебя называть? — взвизгнула я, чуть не вылетев из седла. На ум приходило нечто вроде Сколопендры, Сальмонеллы или Сатаны.

И тут я вспомнила про яблоки в своем кармане. Взятка! Вот что поможет мне наладить контакт. Все три яблока были сожраны на ходу и мне чудом удалось сохранить все пальцы, но это ничего не изменило. А потом мы выехали на горную дорогу и исчадие ада, на котором я ехала, не пожелало топтать по середине дороги, все время смещаясь к краю. Эта сволочь подходила так близко к обрыву, что вниз сыпались камни. Мар очень удивлялся этому и отскакивал назад. Было не только страшно, но и больно. При каждом таком маневре я все больше съезжала на бок, вероятно, я настолько не нравилась этому животному, что оно решило меня убить. На мои мучения никто не обращал никакого внимания и помогать не собирался. Я пробовала разговаривать с животным, сначала ласково, потом обозлилась и начала ругаться, толку от этого было — ноль.

Каким-то чудом мне удалось остановить мара и осторожно сползти вниз. Почувствовав под ногами землю, я так осмелела, что схватила уздечку, повернула большую синюю морду к себе и обругала ее последними словами, глядя прямо в наглые желтые глаза.

хохот моих спутников эхом носился вокруг, но мне было все равно. Трясущимися руками взяв мара за повод, я пошла вниз по дороге.

Конечно, когда мы спустились, никто и не подумал помочь мне снова сесть в седло. Пришлось найти большой камень. Влезая на него, я шепотом пообещала своему «коню» все блага мира, только чтобы он вел себя смирно, и я смогла избежать позора. Мар все время скалился, но стоял, как вкопанный.

Дальше мы двигались по ровной дороге, но «лошадка» развлекалась по-прежнему, изображая испуг при каждом шорохе. Я дергалась в седле, добавляя в свою коллекцию еще один синяк.

Альдо вообще не обращал на меня внимания, держась на своем черном маре с небрежной грацией, с каждой минутой вызывая у меня все большее раздражение. Уж он точно был способен ездить на чем угодно, укрощая «это» одним взглядом.

Петляя между холмами, дорога вывела нас на край пустыни. Тут глазу не за что было зацепиться, вокруг, до самого горизонта тянулись бесконечные волны дюн. Мой мар остановился, пригнувшись к ветру.

Совершив безупречный разворот, ко мне подъехал Альдо.

— Я хочу, чтобы ты увидела кое-что, — сказал он, спрыгивая на песок и отдавая поводья очень смуглому мужчине, кажется, Таливу.

— Слезай, — сказал он мне, положив руки мне на пояс.

Он осторожно опустил меня рядом с собой и обнял. А потом он развернул меня лицом к горизонту и встал за спиной.

— Сейчас ты увидишь это, — прошептал он.

— Что...?

И тут солнце как будто взорвалось. Его лучи отразились от белого песка, и над дюнами вспыхнуло северное сияние. Свет разливался по небу, как растопленное золото, раскрашивая все в яркие неожиданные цвета. Все вокруг стало разноцветным и сияющим, как в детских снах.

Это было так красиво, что я не могла произнести ни слова, сжимая его руку.

— Я хотел показать тебе, как красив мой мир, — шепнул Альдо и его губы легко коснулись моих волос. — Тебе нужно только захотеть...

Неожиданно он замолчал и отстранился. Мне сразу стало холодно.

Фейерверк в небе постепенно стихал и совсем скоро передо мной был только песок.

Талив, словно пушинку, закинул меня в седло и умчался вслед за остальными. На краю дороги остались только я, Бель-шум и Рави.

— Будут объезжать границы, — вздохнул мальчишка. — Я состарюсь, пока смогу поехать ними!

— У тебя очень важная работа, — возразил ему Бель-шум.

— Да уж! — хмыкнул Рави.

— Ты отвечаешь за ноэль, разве это не важно? — хитро прищурился старик. — Смотри, мы на краю пустыни, а ты единственный, кто носит оружие.

После этих слов, парень надулся как индюк и с важным видом обернулся ко мне.

— Пока мы будем ехать, ноэль, я научу вас, как справляться с вашей скотиной.

— Я назову его Голубым Облаком, — со вздохом ответила я.

— Что? У него же шерсть голубая. И нечего на меня так смотреть.

Мар, получив имя, вел себя на редкость примерно. А Рави держался рядом поминутно давая мне ценные указания.

Теперь я гораздо быстрее добиралась до малышей, но взамен получила непрекращающуюся боль и ломоту во всем теле. Мы с Облаком все больше привыкали друг к другу и еда, которую я ему скармливала, играла в этом не последнюю роль, но Рави считал мои успехи исключительно своей заслугой. Альдо я почти не видела, он исчезал, когда я еще спала, и появлялся глубокой ночью.

Я узнавала новости из рассказов Тугты, Рави и Хоранда. И почти закончила латать куртку, слушая многочисленные подробности охоты на песчаников и стычек с тасогами.

А через несколько дней, когда мы возвращались в крепость, нас догнала эта «веселая» компания.

— Мы решили проводить, вас, — крикнул мне Ахлат. — Эр-рех заметил разведчика тасогов очень близко от крепости.

— Ноэль ничего не угрожало! — помрачнел Рави и подъехал ближе.

— Не переживай, — улыбнулась я. — Может этот разведчик спрячется и решит испугать меня завтра утром?

Но Рави не оценил шутки и буркнул что-то о моей глупости.

Голубое Облако с трудом выносил общество двух своих собратьев, полосатого мара Рави и коричневой злюки Бель-шума. Я подозревала, что мое Облако, в добавок к своим многочисленным недостаткам, еще и социопат.

Он некоторое время фыркал и прижимал уши, а потом неожиданно принялся кусать всех, до кого мог дотянуться. Мне с трудом удалось удержаться в седле, когда мы пробивались сквозь строй. Оказавшись на обочине дороги, он вдруг присел на задние ноги и понесся в сторону пустыни. Упасть на такой скорости, означало верную смерть. И поэтому я сосредоточилась на том, чтобы удержаться, не обращая внимания на крики за спиной.

Он даже не дал мне время перевести дух. Его голос загремел так, что Облако шарахнулся в сторону и мне пришлось успокаивать его яблоком. Только через несколько минут, я, наконец, разобрала, что именно рычит мне Альдо.

— Из всех глупых, идиотских.... Сумасшедшая..., ты набитая дура! Когда ты поумнеешь? Мне нужно было догадаться, что у тебя мозги набекрень! Зачем отправлять с тобой десяток мужчин, чтобы охранять? Ты все равно сделаешь так, как хочешь!

— Все не так! Облако испугался. Но он привез меня к тебе! И здесь нет ни холмов, ни

деревьев. Даже кустов нет. Здесь негде спрятаться, — я заставила себя улыбнуться с большим трудом.

Он выслушал меня не перебивая, но его глаз дергался при каждом моем слове, как от нервного тика.

— Перестань! Неужели мне грозит смертельная опасность посреди белого дня? Враги спустятся с неба или вылезут из-под земли? — попыталась я пошутить.

Альдо с шумом втянул в себя воздух и сдернул меня с седла.

— Мне хочется тебя задушить, — произнес он с ледяным спокойствием.

Это было намного страшнее, чем тогда, когда он кричал и ругался.

— Взгляни еще раз! — развернул он меня лицом к дюнам. — Этот песчаник забрел далеко от своих охотничьих территорий и вроде как не голоден. Но кто знает, что у него на уме?

Он молчал, пока я ошарашено смотрела на неясную фигуру недалеко от нас.

— А вот змея, — Альдо носком сапога отбросил в сторону длинное черное тело. — Она пугает твою нервную скотину! Тварь только и ждет случая цапнуть кого-то. Когда до тебя дойдет, что человек, не единственное опасное существо здесь!

— Я виновата, — быстро сказала я, стараясь держаться подальше от змеи.

— Отлично! Так какого черта ты тут делаешь?

— Я не специально! Облако испугался и понес, а я не смогла справиться, — начала я оправдываться, но потом передумала и сказала. — Не ори на меня, может вокруг и бродят всякие чудовища, но тебя я не боюсь!

Зря я это сказала. Это прозвучало, как вызов и в то же мгновение я оказалась на спине, а сверху навис Альдо.

— Значит, не боишься? — со зверской улыбкой спросил он.

— Я тебе не позволю, ты не можешь...

— Это ты не можешь остановить меня! До тебя не дошло? Ты сама позаботилась об этом. Здесь нет Кары или Бель-шума с его законами, мы одни. Сейчас я твоя единственная защита, — он плотоядно усмехнулся. — А кто защитит тебя от меня?

Я молчала, стараясь оттолкнуть его.

— Ты пугаешь меня.

— Да! — злорадно осклабился он. — Я беру все что хочу и убиваю за это право.

— Маньяк!

Я сопротивлялась все слабее, а потом и вовсе перестала. Мне действительно было очень страшно. Но он сам отпустил меня и, отодвинувшись, сел рядом. Это было не понятно и поэтому пугало еще больше.

— Тебя мало пороли в детстве, — со злостью прошептала я, отползая от него.

— Заткнись, — прорычал он.

Я быстро схватила повод его мара и взобралась на Голубое Облако. Альдо смотрел на меня, пока я все это проделывала. Бросив ему арбалет, я сказала:

— Тебе не мешает проветрить мозги и до крепости недалеко. Жду тебя к ужину, — я умчалась, оставив его одного.

Всю дорогу я злорадствовала и веселилась, но потом все мое веселье сошло на нет. Миновав ворота крепости, я уже тряслась от страха. Я не могла оставаться одна, я дергалась от каждого шороха, ожидая, что зеленоглазое чудище придет и страшно отомстит мне.

Уже стемнело, а он не появлялся. Девушки разошлись, я не могла занимать их

разговорами вечно. Я зажгла все лампы и сидела на террасе, делая вид, что зашиваю куртку, вздрагивая от каждого шороха. Он появился совершенно неожиданно и бросил к моим ногам нечто бесформенное. Я замерла, обхватив себя руками.

— Мне нужно..., никогда не смей..., - начал он и замолчал.

Он стоял передо мной с закрытыми глазами, и я чувствовала, что внутри него все кипит.

— Я пытался успокоиться пока шел, — глаза он так и не открыл. — Потом бежал, потом убил это, — он пнул кучу у себя под ногами. — Не помогло!

— Может все-таки стоит свернуть тебе шею? — открыл он глаза и вздохнул.

— Я была не права, — быстро сказала я. — Я вела себя по-дурацки, прости.

— Ладно, — он произнес это уже спокойнее.

— Но и ты виноват, что так орал на меня. Так что мы квиты.

Альдо дернул плечом, соглашаясь. Он стоял и смотрел, не отрываясь. Я попыталась сделать так же, но стало только хуже. Всего несколько часов назад он прижимался ко мне, обнимал.... От этих воспоминаний у меня по коже бегали мурашки размером со слона.

И ощущение было такое, что, глядя на меня, он думает о том же. Я отвела взгляд, а когда подняла голову, Альдо все еще смотрел. Разве бывает так, чтобы чьи-то глаза волновали, оставаясь при этом абсолютно бесстрастными?

— Умоюсь, — буркнул он, и ушел, волоча за собой свою добычу.

Я с облегчением вздохнула, разглаживая на коленях его куртку.

Когда он вернулся, я сделала вид, что мне все равно. Он искупался, на коже блестела вода.

— Я могу остаться? — небрежно спросил он, рассматривая то, что мне подарили в городе. — Смешной уродец, — хмыкнул он, вертя в руках подарок Нармин.

Я молчала, борясь с сердцебиением. Он некоторое время бесцельно бродил по комнате, а потом спросил.

— Мне остаться?

— Как хочешь, — пожала я плечами и тут же пожалела о своих словах.

Альдо хмыкнул и моментально оказался в постели.

Было страшной ошибкой позволить ему это. Я отложила свою работу, погасила все лампы, кроме одной и легла на самый краешек, плотно обернув себя одеялом.

Альдо наблюдал за мной с каким-то садистским выражением на лице, а потом вдруг повернулся и вытряхнул меня из моего кокона.

— Убирайся, — прошипела я, снова натягивая на себя одеяло.

Но он меня не слушал, хладнокровно задрал рубашку и ткнув пальцем в самый болезненный синяк на бедре.

— Почему ты не сказала? Строишь из себя героиню?

— Ничего я не строю! Я дала слово и должна выполнить обещание. И у меня уже хорошо получается, а синяки... пройдут! Болит совсем чуть-чуть.

— Чуть-чуть?! — у него задергалась щека, а глаза почернели. — Ты вся... синяя! — гремел он. — Я зову Зиллу.

— Нет! — вцепилась я ему в руку. — Не надо! Пожалуйста!?! Это стыдно. Я же тебе помогла, когда ты попросил, — краснея, я одернула рубашку, прикрывая ноги.

— Разве нельзя обращаться со мной не так бесцеремонно?

— «Не так бесцеремонно» значит «безразлично», — скривился он, — А мне не безразлично какого цвета моя ноэль.

— Расист! — фыркнула я.

Он немного помолчал, а потом кивнул мне.

— Я буду лечить тебя сам. Ложись.

В его руках каким-то образом оказалась баночка со знакомой мне коричневой мазью.

Это было глупо, просить его, но я все же попросила:

— Только не сильно....

Почувствовав его ладони на своих плечах, я напряглась и закрыла глаза. Альдо медленно прошелся пальцами по моему позвоночнику, как будто что-то искал, а потом начал массаж нежными уверенными движениями, облегчая боль в усталых мышцах. Постепенно давление его ладоней, скользивших по спине, усиливалось, пальцы глубоко впивались в тело. Медленно двигаясь, он нашел сведенные мышцы на плечах и шее.

Мне было так хорошо, что я со страхом ждала момента, когда он остановится. И облегченно вздохнула, когда он все так же медленно, начал продвигаться вниз.

Я лежала, уткнувшись лицом в подушки, а он наносил мазь осторожными, легкими движениями, растирая бедра и ягодицы. Я ощущала это как ласку, и мне стоило большого труда не урчать от удовольствия.

Альдо все время бормотал что-то себе под нос и наконец, одним движением обвернул меня одеялом.

— Ты ходячее несчастье, Кирен. И завтра ты остаешься. Я тоже нуждаюсь в твоей помощи. Один день Бель-шум обойдется без тебя, баллер. Не надо мучить свое и так измученное тело, — многозначительно добавил он.

Я кивнула и приподнялась, подложив под спину несколько подушек. Альдо сел рядом, осторожно отведя волосы от моего лица. А потом неуверенно погладил меня по плечу.

Поддавшись какому-то необъяснимому импульсу, я приподнялась и поцеловала его в скулу, рядом с ухом, где дрожал огненно-красный камень

— Ты ни на кого не похож, — смущаясь, призналась я. — Я думала, что, такие как ты, бывают только во сне или в сказке...

Он самодовольно улыбнулся.

— Я принц?

— Ну, уж нет, — усмехнулась я. — Только не принц! Дракон! Не представляю, как можно жить рядом с тобой?

Альдо легко опустил меня на одеяло.

— Приручишь? — нагнувшись, он поцеловал меня в основание шеи. — И может... тебе понравится жить с драконом.

— Может это уже случилось? — я зажмурилась, не веря, что произнесла это вслух.

А он рассмеялся:

— Это хорошо, а то, знаешь, драконы терпением не отличаются.

Я молчала, и он воспринял это, как сигнал к действию, лишая возможности двигаться. Это было слишком!

— Да ты...

— Ты же этого хотела?

— Чего? — пролепетала я.

— Я хочу тебя поцеловать. — Это прозвучало как приказ.

Я попробовала вырваться, но это было глупо, все мои синяки заныли с новой силой.

— Ты не спрашивал, хочу ли я этого — выдохнула я, стараясь выглядеть спокойно.

Пусть Альдо думает, что у меня все под контролем, что поджилки не трясутся, что сердце не выскакивает из груди.

— Я хочу поцеловать тебя, — повторил Альдо. Губы его приблизились и замерли совсем рядом.

— Сначала попроси.

Я, конечно, не рассчитывала, что он попросит. Савары не из тех, кому требуется разрешение. Но сейчас мне хотелось, чтобы он умолял о поцелуе.

— Попроси, — упрямылась я и чуть-чуть повернула голову. — Скажи хотя бы «пожалуйста».

Пальцы Альдо легко сжались на моей шее.

— Пожалуйста, — процедил он сквозь зубы и прищурил глаза. Ему это не нравилось.

— Согласна, — вздохнула я и приготовилась умереть.

Мне и в голову не могло прийти, что поцелуй окажется таким горячим и настойчивым. Жесткая щетина царапала подбородок, зубы покусывали губы. Мне казалось, что ему стоит невероятных усилий сдерживаться, чтобы не искушать меня в кровь. Может и правда, что он дракон?

Дыхание восстанавливалось с большим трудом, а он, отстранившись, как будто обиженно смотрел на меня и ждал. От недостатка кислорода мозг отключился, и я снова обняла его. Пусть мне будет хуже!

— Не уходи...

Он был сильным, теплым и нежным. И он был согласен подчиниться. Я знала, что в любой момент смогу остановить его, но не хотела, чтобы он останавливался. Я так долго ждала этого. Он был нужен мне. Весь. Со всеми его недостатками и достоинствами. С еле сдерживаемой мощью, с его огромной самонадеянностью, со звериной грацией движений. С наглыми глазами, полыхающими зеленым пламенем и громыхающим низким голосом, который мог вот так шептать, царапая душу.

Его руки быстро устраняли все препятствия. Я ничего не слышала кроме звука рвущейся ткани. Когда с простыней было покончено, он отбросил обрывки в сторону, и, не спуская с меня глаз, разделся сам. Он был похож на языческое божество, широкоплечий, узкобедрый... и нерешительный.

— Мне снова попросить тебя? — хрипло спросил он.

— Издеваешься? Тебе приятно мучить меня, — мой голос срывался. Я представила, как я выгляжу сейчас рядом с этим идеалом мужской красоты и уже готова была бежать и прятаться.

— Ну, нет! — Альдо обнял меня за плечи. — Это ты мучаешь меня! Ты единственная кто может вывести меня из себя выражением лица!

Я глубоко вздохнула и произнесла вслух то, что чувствовала в этот момент.

— Ты, все чего я хочу сейчас.

Глаза Альдо на мгновение вспыхнули, когда он медленно наклонялся ко мне. Меня никогда не целовали, так искренне. Я почти не сомневалась, что он делает это потому, что я нравлюсь ему.

Но он был безжалостен! Он ни разу не заговорил о чувствах, ни разу не сказал о любви, даже не предположил, что это чувство ему знакомо. Он не был мягок, он был требователен, властен и непреклонен. Только страсть и желание.

Я проснулась одна и была благодарна ему за это. Не представляю, чтобы я делала, если бы он остался. Смотреть на него после всего, что случилось, было выше моих сил.

Он определенно не из тех, кто после ночи любви приносит кофе в постель. И если бы он сделал это, я возненавидела бы его за обман. Еще хуже было бы проснуться и увидеть его рядом с виноватым выражением лица, хотя... вряд ли с Альдо такое возможно. И мне было бы невыносимо тяжело видеть его самодовольную улыбку, а его молчание оскорбило бы меня. Ну а если бы он снова захотел близости..., об этом я боялась даже подумать.

В голове не осталось ни одной связной мысли. Я подобрала обрывки простыни и целую вечность тупо смотрела на них. Я искупалась, оделась и причесалась, но боялась выходить из комнаты. Казалось, стоит на меня посмотреть, все сразу догадаются, чем я занималась прошлой ночью. Все валилось у меня из рук, и я никак не могла решить для себя, правильно я поступила или совершила роковую ошибку.

Я упорно не поднимала глаз и старалась меньше разговаривать, бесцельно бродя по крепости.

У меня болели такие места, о которых я и подумать не могла, что они могут болеть. И меня постоянно преследовали воспоминания. Каждый раз, когда порыв ветра заставлял отводить волосы от лица или шеи, мне казалось, что это губы Альдо касаются кожи. Шорох песка под ногами казался мне его шепотом. Расшитые цветами занавеси в библиотеке, напоминали мне о постели и о теле Альдо, лежащем на ней. А это тянуло за собой мысли о том, как он выглядел ночью, когда свет двух лун освещал его плечи, как играли мышцы на его руках, когда он наклонялся надо мной.

Меня пугала быстрота, с которой все это произошло. Альдо был совсем не тем мужчиной, которого я хотела бы видеть рядом с собой, он вызывал во мне слишком противоречивые чувства. То приводил меня в бешенство, то заставлял смеяться и самое главное разбудил такое, что пугало меня до чертиков. Еще чуть-чуть и Альдо заберется мне под кожу. А ведь все это было неправильным самого начала! Он ворвался в мой дом, разрушил мою жизнь, закинув меня в Зазеркалье, а теперь подбирается не только к телу, но и к душе.

Я сидела в библиотеке, уставившись в какую-то хронику, в которой не прочитала ни слова. И так ушла в свои мысли, что не сразу поняла, что хочет от меня Нури.

— Да что с тобой такое? — потрясла она меня за плечо. — Тебя ищет эр-рех, скоро суд.

— Что? Какой суд?

— Эр-рех сказал, что вы обо всем договорились еще вчера. Ты должна помогать ему, — удивилась Нури.

— Нет! — выкрикнула я, покраснев от одного упоминания о «вчера». — Я не могу, — замотала я головой.

Одна мысль о том, что придется выйти к людям в таком разобранном виде, а потом еще и находиться рядом с Альдо — ужасала.

Но она меня как будто не слышала и схватила за руку. Пришлось вылезти из спокойного темного угла и идти с ней. Нури привела меня в один из нижних залов, где Альдо вместе с Ахлатом и Таливом что-то обсуждали. Она выпустила мою руку, толкнула в спину и заорала.

— Я нашла ее.

Альдо улыбнулся так, что мое сердце начало отбивать бешеную дробь о ребра, а потом подошел и по-хозяйски обнял. Вид при этом у него был крайне самодовольный. Вот этого — то я и боялась!

— Убери руки, — прошипела я.

Ахлат, многозначительно хмыкнул и отошел в сторону, потянув за собой хихикающего Талива. Мне тут же пришло в голову, что темой их оживленного разговора, минуту назад, была я. От этой мысли меня затошнило.

— Если девушка разрешает прикасаться к себе наедине, — зашептал мне в ухо Альдо. — То возражать против невинных объятий глупо. А ты разрешила мне больше, чем прикосновение. Тем более и так ясно кому ты принадлежишь.

«Принадлежишь»? Почему это слово меня не оскорбляет? И почему его низкий голос уничтожает все мысли в моей голове?

— Найлек, ты все еще хочешь, чтобы я убрал руку?

С трудом стряхнув с себя это наваждение, я высвободилась.

— О каком суде говорила Нури?

— Одна из моих обязанностей, — дернул плечом Альдо. — Я говорил вчера, что забираю тебя у Бель-шума. Будешь записывать мои слова, для истории, — хмыкнул он. А потом снова привлек меня к себе и жарко зашептал:

— У нас еще есть время...

Я замерла, и, глядя в пол, ответила:

— Нет.

— Что случилось? — он резко приподнял мой подбородок и внимательно изучал выражение моего лица.

— Жалеешь?! Я виноват? Посмотри на меня!

— Ты ни в чем не виноват, я сама хотела этого, и эта ночь... доставила мне удовольствие. Я благодарна, — не поднимая глаз, ровным голосом ответила я.

Он почти отбросил меня.

— Ты должна быть во дворе через два часа, — безжизненным голосом сказал Альдо, повернулся и ушел.

А я, совершенно обессилев, сползла по стене и опустилась на пол. Я только что разрушила все хорошее, что было между нами. Я унизила его..., он не простит. «Чего ты хочешь, быть оставленной или никогда не быть любимой?» прозвучали в голове его слова.

сидела в своем темном углу, проклиная свой язык и свой характер. Из оцепенения меня вывел голос Рави.

— Ноэль, — орал мальчишка. — Уже пора, все собираются! Где вы, ноэль?

Я с трудом поднялась и постаралась улыбнуться, но моя вымученная улыбка не понадобилась. Рави был слишком возбужден, чтобы замечать что-то.

— Ты должна торопиться. Нам еще нужно зайти в библиотеку, — он вопил, как резаный. — Бель-шум оставил там все, что может понадобиться.

— Пойдем, — кивнула я. У меня появился безумный план — копаться в бумагах, до тех пор, пока суд не закончиться.

— Знаю, — важно добавил он. — Я покажу.

Я старалась делать все как можно медленнее, но Рави это очень быстро надоело. Он почти отнес меня в библиотеку, сунув мне в руки толстый том и принадлежности для письма. Я рассеяно принялась листать страницы, с виду это было похоже на обычный протокол. В голове, тем временем, созрел план «Б», пойти к себе, чтобы привести себя в порядок и делать это до посинения.

— Ты отнесешь все это? Я должна умыться, — попросила я Рави.

Паренек внимательно посмотрел на меня и спросил.

— А с вами все в порядке? Может...

— Я в норме, только умоюсь! — грохнув книгой о стол, я выскочила из библиотеки.

Но сегодня был определенно не мой день, в комнате меня ждала Нури.

— Ноэль, да что с тобой такое! — возмутилась она. — Где ты ходишь? Времени почти не осталось.

— Оденешь это? — она показала на платье винно-красного цвета. — Тебе очень пойдет и эр-реху будет приятно.

Я сомневалась, что после того что я сказала и сделала, он обратит внимание на цвет моей одежды, но согласилась и на платье, и на прическу и даже на серьги. Я бы согласилась на что угодно, лишь бы вернуться назад на пару часов и заткнуть себе рот.

Нури убежала, чтобы тоже привести себя в порядок, а я никак не могла справиться с застежкой ожерелья.

— Тебе они не нравятся, найлек, — грустным голосом сказал Альдо за моей спиной.

Я повернулась. Таким его я еще не видела.

Вечно растрепанные волосы, кое-как завязанные засаленным шнурком, были гладко причесаны и схвачены заколкой. Свободная белая рубаша, расшитая золотой нитью, черные узкие штаны. Пояс, состоящий из множества кованых пластин, свободно лежавший на бедрах. На шее массивное золотое ожерелье, широкое как скифская пектораль, а оба запястья закованы в тяжелые наручи. А поверх всего этого великолепия... моя коряво залатанная куртка. Та самая, над которой я издевалась целую неделю.

Открыв рот, я смотрела, как он наклоняется, чтобы подтянуть ремешок на высоком, до колен, сапоге из мягкой кожи.

— Ты не ответила, — его голос был непривычно тихим.

— Что?

— Они не нравятся тебе, — он прикоснулся рукой к моим браслетам, лежащим на столе.

— Нравятся, — быстро сказала я и защелкнула их на руках.

Альдо поморщился.

— Это очень старые вещи, их сделал Кадарго... для Гало.... Если хочешь, я заменю их.

— Не нужно. Я просто не привыкла носить такое, и вообще мне кажется, что это не для меня, я слишком... простая для этого. Недостойна, — совсем неслышно прошептала я, но он услышал.

— Не смей говорить, что ты чего-то недостойна, — прошипел он. — Или не красивая, или толстая!

— Идем, — он кивнул головой в сторону двери. — Пора.

Я, вздохнув, пошла за ним.

Большой двор крепости был заполнен до отказа. Я не ожидала, что придет так много народа, все были одеты по-праздничному, смеялись и шутили. Это еще больше меня удивило, ну суд все-таки.

На небольшом возвышении в глубине двора стояло кресло, а сбоку еще одно, с придвинутым к нему столиком. Место секретаря, догадалась я. Рави уже был там, широко улыбаясь, и махая рукой. Альдо уселся в кресло и заморозил всю толпу одним движением руки. Народ замолчал и придвинулся ближе.

А ему идет, подумала я, через некоторое время, когда судилище было в самом разгаре.

Он возвышался над всеми и выглядел не живым человеком, а каменной статуей. Глаза смотрели, не мигая, лицо не выражало никаких эмоций. И о чем он сейчас думает? Мне казалось, что ему это занятие удовольствия не доставляет.

Дела он решал быстро, а из толпы ни одного слова против. Только молчаливое одобрение. Что, все так уверены в его справедливости? Удивительно, насколько ему доверяют! Все осужденные безропотно принимали свой приговор, а некоторые даже улыбались, когда их уводили.

Я немного отвлеклась, размышляя об этом, и не заметила, как вперед вытолкнули молодого, обнаженного по пояс мужчину, со связанными за спиной руками. Впервые с начала суда люди заволновались, перешептываясь друг с другом. К Альдо подошел Ахлат и, наклонившись к нему, быстро заговорил.

— В чем дело? — обернулась я к Рави. Мальчик посмотрел в сторону связанного и плюнул.

— Это Виго.

— И...?

— Наш дозор напоролся на засаду, а этот, — Рави плюнул опять. — Струсил и спрятался. После того как тасоги ушли, вернулся — проверял, мертвы ли те, кто с ним был. Хотел, чтобы думали, он единственный кто выжил.

— И как же узнали правду?

— Один из раненых выжил и вернулся в крепость, — глаза Рави сузились, и он нехорошо улыбнулся.

— Его будут судить?

— Зачем? — скривился он. — Все и так ясно. Но он потребовал поединка. Если победит, ему позволят уйти в пустыню живым.

Я взглянула на Альдо, тот все еще слушал Ахлата и после недолгого колебания кивнул.

— Пусть выберет противника.

Веревки были сняты, Талив протянул Виго длинный нож. Остальные задвигались, образуя свободное пространство вокруг него.

— Сейчас он выберет того, с кем будет драться, — возбужденно зашептал мне на ухо Рави.

— До первой крови? — неуверенно спросила я.

Мальчик посмотрел на меня как на умалишенную.

— До смерти, ноэль, — и в этот момент нож полетел к ногам Альдо.

Толпа удивленно охнула.

— Уверен?

Виго медленно наклонил голову, Альдо поднялся со своего места и потянулся, как большой кот. Медленно снял с себя наручи и ожерелье, сбросил с плеч куртку и рубашку, поднял лежащее у ног лезвие и бросил его противнику. Тишина была такая, что я слышала, как ветер за стеной пересыпает песок в дюнах.

Поначалу они медленно кружили по площадке, оценивая друг друга. Осужденный совершил несколько выпадов. Цели они не достигли, но были очень близки. Альдо ответил и его нож вонзился в правую руку Виго, чуть пониже плеча. Тот резко повернулся, и у Альдо появилась длинная красная царапина поперек груди.

Потом они снова начали двигаться, Виго бросился на Альдо, целясь в грудь. Но Савар, молниеносно уклонившись, ударил его в предплечье, так сильно, что клинок наткнулся на

кость. Виго выронил нож, ошеломленно уставившись на рану. Тяжелая пощечина тут же свалила его на землю.

Альдо позволил ему подняться и подобрать оружие, а потом снова пошел в атаку. Его противник был умелым бойцом. Но долго противостоять Альдо он не мог.

Острие ножа снова и снова вонзалось в него, и через несколько минут Виго был покрыт кровью, льющейся из бесчисленных ран. Наконец, небрежно, со скучающим видом, как будто устав от игры, Альдо одним движением перерезал ему горло.

Я охнула, зажав ладонью рот, с ужасом глядя на то, как Альдо спокойно втыкает лезвие в песок, чтобы очистить его от крови.

— У него не было шансов победить эр-реха, — негромко сказал Рави.

Вокруг все пришло в движение, но я не могла отвести глаз от крови, от запаха меня мутило. И я никак не могла выбросить из головы скучающее выражение на лице Альдо, когда он убивал.

— Ты переживала за меня, ноэль? — он стоял рядом и улыбался. — Что скажешь?

— Что некоторым, наверно, нравится убивать.

Он резко выдохнул, и, расталкивая всех, кто был рядом, ушел прочь. Я уткнулась в свои бумаги, чтобы не видеть с каким осуждением все смотрят на меня. Люди шли мимо, и кто-то сказал:

— Она же Тангар! Другого от нее и ждать нечего.

Я не двигалась с места до тех пор, пока все не разошлось. Тело Виго положили на носилки и унесли, вложив ему в руки оружие.

Мне казалось, что рядом никого не осталось, но поднявшись, я увидела черные, как угли глаза Рави. Мальчишка был страшно бледный и очень сердитый.

— Вы обидели эр-реха, ноэль!

— Я сказала то, что думала, — тихо ответила я и попыталась пройти, но он загородил мне дорогу.

— В умную голову такие мысли не приходят, — выпалил Рави и застыл с круглыми от ужаса глазами.

Судорожно сглотнув, он упрямо задрал подбородок и буркнул:

— Теперь можете наказывать меня.

— За что? — удивилась я.

— Я назвал тебя дурой, ноэль.

— Я не обижаюсь, ты тоже сказал то, что думал. — Я обошла стоящего в растерянности мальчика, и направилась в библиотеку.

Очень скоро он догнал меня.

— Ноэль, ты же ничего не понимаешь! — Он дернул меня за руку. — Виго струсил, из-за него погибли пятеро, а если бы он вовремя поднял тревогу, то у всех был бы шанс. Когда все открылось, его могли бы убить на месте, как скот, но ему дали возможность умереть достойно! Он и сам знал, что заслуживает смерти, поэтому и выбрал эр-реха. Виго не мог победить. А эр-рех мог не принимать вызова, но он оказал Виго честь, — Рави произнес все это на одном дыхании, и, не отпуская моей руки, продолжил. — Разве ты не увидела, не поняла, что эр-рех поддавался! Он мог прикончить его сразу, одним ударом, а вместо этого позволил ранить себя. Эр-рех сделал это нарочно, чтобы... чтобы...помочь..., - Рави беспомощно посмотрел на меня, не в силах подобрать нужное слово

— Сохранить лицо, — обреченно выдохнула я.

Некоторое время пацан смотрел на меня, не понимая, а потом улыбнулся и кивнул.

— В самую точку. Вы же — баллер! — теперь его взгляд выражал восхищение.

— Вы придумали самое правильное слово!

— Слова придумать легко, а вот взять их обратно..., - пожала я плечами.

— Идите к эр-реху, — воскликнул мальчик, — и... поцелуйте его.

— Что?

Рави стал таким красным, что я испугалась, как бы он не загорелся!

— Для начала его нужно найти, — я изо всех сил старалась не улыбаться.

— Я знаю, — быстро сказал он, отводя глаза. — Пошли.

Мы свернули на одну из садовых дорожек и петляли по ней, пока не забрели в настоящую чащу.

— Вон там, видите. — Рави вытянул руку в сторону невысоких кустов.

Приглядевшись, я заметила огненную шевелюру Альдо.

— Идите, — яростным шепотом заговорил паренек. — А книжки отдайте, я отнесу.

Выхватив у меня из рук толстый том, он скрылся за деревьями.

Оставшись одна, я некоторое время стояла, пытаюсь придумать, как начать разговор. Но в голову не приходило ничего, кроме фразы: «Язык мой — враг мой».

Осторожно, стараясь, чтобы под ногами не хрустнула ни одна ветка, я продвигалась через заросли.

Альдо сидел на невысоком, поросшим жесткой травой холмике и смотрел на другие такие же холмики на большой поляне прямо перед ним. Он смотрел на них так внимательно, как будто ждал, что они заговорят с ним. И выражение лица у него было такое, потерянное что-ли?

Я стояла, смотрела и молчала, не решаясь заговорить. Когда Альдо, не поворачивая головы, сказал:

— Может, подойдешь?

Обрадовавшись, что он заговорил первым, я подошла.

— Садись, — он сбросил с плеч зашитую мной куртку.

— Альдо, я... Рави объяснил... Мне жаль, что я сказала...

— Ты теперь тоже савар, Кира, — вновь резко оборвал меня Альдо. — А савары никогда и ни у кого не просят извинений. Они действуют. А что касается моих... задетых чувств, — он произнес это с пренебрежительной усмешкой. — То с ними я уже расстался и больше о них не вспоминаю. Поступи так же.

Я не нашлась что ответить, заморожено наблюдая, как его длинные пальцы поглаживают рукоятку ножа.

— Что это за место? — Он не хочет моего сочувствия, но может, оценит любопытство?

— Кладбище.

— Чья это могила? — указала я на ближайший холмик.

— Эта? Матери...или эта, — хмыкнул он. — Одна из них... я не могу сказать точно. Не знаю.

— Как это? А твой отец?

— Я спрашивал, но он не смог вспомнить. Это понятно, вон их сколько, — он махнул рукой в сторону могил.

Мне отчего-то стало трудно дышать.

— Так не бывает...

— Почему же? Каждый эр-рех искал Потерянную невесту по- своему. Шарухин решил, что если каждую ночь у него будет новая человеческая женщина, то рано или поздно в его постели окажется наследница Гало.

— Это ужасно!

— Для савара не существует никаких законов, кроме собственных желаний, не

забыла? — Альдо зло посмотрел на меня, и в его руках хрустнула ветка.

Мне стало не по себе от этого взгляда, и я уставилась на свои руки, они дрожали.

— Но тогда... у тебя... наверно должны быть братья... или сестры, — робко сказала я. — Где они?

— Здесь.

Подняв голову, Альдо, не мигая, смотрел куда-то поверх деревьев. Я придвинулась ближе.

— Ты не обидишься, если я спрошу...?

Альдо дернул плечом, отстраняясь.

— Я вырос далеко отсюда. Плохо помню..., я не был похож на тех людей, но они любили меня, наверно. А потом за мной приехали. Ночью. Один из людей отца. Просто схватил меня за шиворот и поднял на седло впереди. Мы ехали целую ночь не останавливаясь. А утром он бросил меня на песок, вон там, видишь? — он указал на просвет между деревьями.

— Мне было десять, может, девять лет..., и я впервые увидел таких как я. Волосы, глаза. Рядом со мной сидел совсем малыш, лет шесть, не больше, и улыбался, — он глубоко вздохнул. — Были и постарше, такие как Рави и Хоранд.

— Нам велели встать в ряд и не разговаривать. Тогда я и увидел его... отца. Он долго смотрел на нас, а потом сказал, что он эр-рех. И что сейчас он будет выбирать наследника. Тот человек, что привез меня, вложил в руки каждого это, — Альдо воткнул в землю перед собой один из своих ножей.

— Этот, что был рядом смотрел на кохар как на новую игрушку, — почти прошептал он.

— Потом эр-рех отошел в сторону и махнул рукой. Старшие сразу поняли, что это значит. Малыш умер одним из первых. Все еще улыбаясь, — его пальцы сжались в кулаки с такой силой, что побелели костяшки. — И тогда я забрал его нож. — Альдо воткнул в песок еще одно лезвие с такой силой, что оно почти полностью ушло в землю.

— Все кончилось очень быстро, — пожал он плечами.

— Я хорошо помню, как лежал на мокром песке, а отец перевернул меня носком сапога и сказал: «Этот? Не ожидал».

— Меня лечили. И как только я смог стоять самостоятельно, отец забрал меня..., - его щека задергалась.

Я вспомнила наш разговор с Бель-шумом, тогда я не придавала его словам большого значения, зато сейчас испугалась до холодного пота. А ведь старик сказал правду! Того, кто сидел рядом со мной, воспитывал одержимый навязчивой идеей маньяк, убивший собственных детей и множество несчастных женщин. Не знаю, кем была мать Альдо, но если в нем и была доля ее человечности, то она была загнана глубоко внутрь. Сейчас, его холодные, пустые глаза были похожи на пустыню — бесплодную, жестокую и выжженную.

Я взглянула на небольшие могильные холмики перед собой и задала очень важный для меня вопрос.

— А ты? Ты... искал так же, как твой отец?

Мой вопрос застал его врасплох, он напрягся и сел неестественно прямо.

— По сравнению с ним, я чист, как младенец, ноэль, — глухо сказал он.

Я уже раскрыла рот, чтобы спросить снова, но он, глядя мне в глаза, медленно покачал головой, приложив палец к моим губам.

Мы молча, сидели рядом и, заметив, что Альдо расслабился, я спросила снова:

— А где могила твоего отца?

— Ты сидишь на ней, — хмыкнул он.

Я подскочила, как ужаленная.

— Шарухин не выскочит оттуда, сядь! — рывкнул он. — Савары не боятся.

Я присела на самый краешек. Я не боялась, но считала это неправильным.

— Твой отец был чудовищем, но может, это слишком..., - я не успела закончить.

Альдо развернулся и, схватив меня за плечи, прохрипел.

— Чудовищем? А кто сделал его таким? Кто виноват в смерти всех этих людей? В том, что сотни лет ни один эр-рех не знал покоя? — он уставился на меня сумасшедшими глазами.

— Не знаю, — от страха я начала заикаться.

— Гало, — с отвращением произнес он и выпустил меня. — Гало! Ее трусость! Она струсила, — выкрикнул он мне в лицо.

— Она испугалась....

— Она струсила! Страх и трусость, разные вещи Кира. Она боялась признаться, что не хочет этого брака, а ведь законы с тех пор не изменились, баллер, — прошипел он. — Одно ее слово и Кадарго не стал бы настаивать. Но она струсила и месяцами готовила побег. Готовила, понимаешь! Прекрасно понимая к чему это приведет!

— Она была совсем молоденькой и глупенькой, влюбилась..., - возразила я, мне почему-то было жаль свою родственницу.

— Молода? Согласен! Глупа? Нет! Эта трусливая дрянь все рассчитала!

— Влюбилась? Как она могла наслаждаться любовью, если знала, что ее отцу грозит опасность? Что тех, кто приехал за ней, посла, охрану — наверняка казнят за нее? А как насчет ее избранника? Он был человеком, а Кадарго сжег три человеческие деревни вместе с жителями, прежде чем его остановили. Он занимался с ней любовью на костях своей семьи? Даже мой отец не додумался бы до такого! — Альдо зло расхохотался мне в лицо.

— Она могла остановить все это. Наверняка пряталась поблизости, все видела и все знала. Какой сильной должна быть любовь, чтобы это выдержать? Она струсила и ее мужчина вместе с ней. Выбирает всегда женщина — это закон! Никто не стал бы возражать! Конечно, тангарам долго бы вспоминали этот отказ, но до драки дело бы не дошло.

— И о Клятве она знала, наверняка, знала, и все равно трусливо скрывалась, — произнес он уже гораздо спокойней.

— Ты ненавидишь ее?

— Я ненавижу ее трусость.

— Поэтому мстишь мне?

— Мертвым мсть не нужна, — с горечью в голосе ответил Альдо. — Я не хочу, чтобы ты струсила, найлек. Прошу, не повторяй ее ошибок.

Не отрывая взгляда от могильного холма, Альдо взял мою руку и прижал к своему лицу. Его глаза закрылись, длинные ресницы четким полукругом легли на побледневшие щеки, а лицо стало трогательно беззащитным.

Я провела свободной рукой по его волосам. Он повернул ко мне голову и открыл глаза.

Я могла только смотреть на него, не решаясь заговорить. А может как раз и надо сказать ему сейчас, что я чувствую?

Я опоздала, он хмыкнул, скривился и поднялся, увлекая меня за собой. Момент был упущен. Передо мной стоял настоящий... савар.

Солнце садилось, разгулявшийся к вечеру ветер гнул к земле ветки деревьев. Верхушки пальм качались, как большие веники, разгоняя облака. Мне стало зябко в открытом платье, выбранном Нури.

Альдо взял из моих рук куртку и набросил ее мне на плечи, улыбнулся, и я рискнула обнять его.

— Не обольщайся, — легко отводя мои руки, — фыркнул он. — Я могу о себе позаботиться. Я не распускаю соплю, я действую. Савары не сентиментальны. Я не стесняюсь защищать себя.

— Тебе нравится внушать страх?

— Да, — он сказал это так, как будто ставил мне пятерку за правильный ответ.

— И если мне нужно внушить страх, то я делаю это с удовольствием! А теперь пошли, — и он подтолкнул меня к тропинке.

Но я осталась на месте. Ноги, как будто вросли в землю.

— Кирен, — строго сказал он. — Не обращай внимания на яркое солнце. Окатор мрачный мир. Пора бы уже понять! Приспособиться, — он взглянул на меня и встряхнул. — И не делай такое несчастное лицо! Очнись! Тут все на пределе! Нет никакого смысла сначала делать, а потом ненавидеть себя за это. Я хочу наслаждаться каждой минутой жизни. Пошли, — и он потянул меня за собой.

— Нет.

Альдо поджал губы и помрачнел. Ему страшно не нравилось, когда я не слушалась его. Он прищурился и сказал:

— А знаешь, я могу заставить тебя... с удовольствием.

— Хорошо, я иду, — отбросила я его руку. — Знаешь почему? Я тоже люблю получать удовольствие от жизни, а дразнить тебя — просто праздник какой-то!

Он усмехнулся, ему было наплевать на мои пренебрежительные взгляды и рассерженный вид. Альдо был монстром, который гордился тем, что он монстр!

Мы подошли к знакомой лестнице почти в темноте. Кто-то, скорее всего Нури, зажег светильники в комнате. Их мягкий теплый свет обещал покой, уют, вкусный ужин и.... После недолгой борьбы с собой я протянула руки и обняла Альдо. Я даже осмелилась прикоснуться губами к колючему подбородку, привстав на цыпочки. От него пахло чем-то нежным и пряным, возбуждив меня до такой степени, что, не удержавшись, я лизнула его.

Он ответил на мой поцелуй, становившейся с каждой секундой все глубже. Он прижимал меня к себе все крепче и вдруг остановился.

Я готова была разрыдаться, когда он легко отстранился. Альдо был поразительно красив сейчас, обворожителен до дрожи в коленках, мне страшно хотелось обнять его снова, только я не смела.

— Я хочу быть уверен, что ты не боишься, найлек. Что когда взойдет солнце, ты не струсил и смело посмотришь мне в глаза, что пойдешь со мной до конца.

— Я не хотела! Сегодня утром, я просто..., - слова путались, и я никак не могла сказать.

— Тогда не целуй меня больше.... Пока не захочешь, — он ласково тронул меня за подбородок. — Спокойной ночи, Кирен.

Я почувствовала себя ужасно одинокой, а он был так ласков со мной.... И ушел ни разу не обернувшись. А ведь это было так просто, остановить его, позвать, признаться.... Неужели я действительно трусиха и боюсь жить?

Спала я ужасно! Слова Альдо о том, что он «чист, как младенец» по сравнению с отцом,

не давали мне покоя. Что это значит? Скольких женщин он успел погубить, пока не нашел меня? И если я узнаю правду, что это изменит?

Я ворочалась, даже поплакала немножко, а потом еще и проснулась от своего собственного крика. Солнце только показалось над горизонтом, когда я сбежала на пляж и долго плавала в прохладной воде.

Днем я была рассеяна, постоянно прокручивая в голове наш разговор. Анализируя каждую интонацию, взгляд, движение, но для себя ничего не решила. Мое тревожное состояние было слишком заметно, и я постоянно ловила на себе удивленно-сочувственные взгляды.

К вечеру это стало невыносимым! Я сидела в темной библиотеке и таращилась на один из пейзажей, груды черных камней, полусасыпанных песком.

Мне нужно было узнать правду, какой бы страшной она не была. Я заставила себя встать и пошла, искать Бель-шума.

Он был в одном из внутренних двориков, обложившись, как всегда, какими-то бумагами.

— Я знаю, как искал Потерянную невесту эр-рех Шарухин, — выпалила я без предисловия. — Я хочу знать, как искал меня Альдо.

Бель-шум выронил все, что было у него в руках.

— Простите?

Я повторила свой вопрос, и он зашелся в долгом, искусственном, конечно, приступе кашля. Я ждала.

— Ноэль, — медленно начал он. — Вы очень вовремя... нашли меня. Я плохо себя чувствую и хотел просить вас, — старичок судорожно вздохнул, как-будто не мог на что-то решиться. — Поехать завтра в один из поселков... там возникли некоторые проблемы...

— Вы не ответили! Зачем мне ехать?

— Не кричите, ноэль, — шикнул на меня он. — Это важно! И вы справитесь лучше, чем я.

— Почему?

— Потому что там живут... переселенцы из вашего мира, — быстро сказал Бель-шум и поднялся. — Тесное общение с эр-рехом портит ваш характер, ноэль, — буркнул он и быстро вышел, оставив все свои записи.

Я некоторое время стояла, пытаюсь осмыслить сказанное. А потом рванула за ним и буквально врезалась в Альдо.

— За тобой кто-то гонится? — проворчал он, хватая меня за руки.

— Почему мне не сказали, что тут есть, такие же, как я?

— Наглая ложь, найлек! Таких как ты, больше нет! Тебя одной больше чем достаточно.

— Я о переселенцах, — отлепившись от него, сказала я.

— Это тебя не касается. — Отрезал Альдо и схватил меня за плечи.

— Молчи и слушай. Я уезжаю, меня не будет... некоторое время. Постарайся вести себя хорошо, читай книги, зашей что-нибудь или откорми свое Облако до размеров Тучи, но сиди в крепости — поняла? Я запрещаю тебе ездить в город, пока я не вернусь. — Он для убедительности несколько раз встряхнул меня и отпустил.

Только сейчас я заметила, что он одет в свой походный костюм и в дополнение к ножам, как обычно заткнутым за пояс, обвешан кучей холодного оружия.

— Я не шучу, Кирен. Поверь мне, наказываю я тоже с удовольствием!

— Ты не приказываешь мне, — процедила я сквозь зубы. — Ты не говоришь, что и когда мне делать, куда я могу или не могу идти.

Альдо сощурился, и я моментально оказалась в кольце его рук, абсолютно лишённая возможности двигаться.

— Я все это делаю, — мурлыкнул он, целуя меня. — А если ты покинешь крепость, я убью твой Синий Пузырь.

Не знаю, как мне удалось вывернуться, скорее всего, он сам отпустил меня. Я тут же постаралась выщарапать ему глаза, но Альдо легко поймал мое запястье.

— Сохрани это настроение до моего возвращения, Нежный Цветок, и я поверю, что ты не боишься, — хриплым шепотом сказал он, целуя мою ладонь.

Вся моя злость тут же испарилась, а он, осторожно прислонив меня к стене, Подмигнул, и по-военному четко развернувшись, ушел.

Надо ли говорить, что стало еще хуже, чем раньше? Нет, я, конечно, спрашивала и о прошлом Альдо и о том, куда он отправился сейчас. Мой интерес к первому игнорировали или обходили, зато о втором могли говорить часами, не скрывая радости.

Оказывается, в Суфраэль должен был прибыть мой «брат» Трай Тангар, так сказать, с официальным визитом, и Альдо отправился его встречать... в пустыню. «Почему в пустыню?», спрашивала я и мне загадочно улыбаясь, отвечали: «Спросите об этом у эр-реха, ноэль, когда он вернется». Эти тайны мадридского двора разволновали меня до такой степени, что у меня пропал аппетит, и я отправилась спать без ужина, к большому неудовольствию Кары.

Солнце еще не встало, а вся крепость уже была на ногах, готовя Тангару грандиозную встречу. На меня в общей суматохе никто не обращал внимания, и я проскользнула в конюшню.

Голубое Облако радостно затопал ногами. Я очень быстро поняла характер этой скотины. Все его послушание держалось исключительно на моих подачках. И мне еще повезло, что мар был всеядным и непривередничал.

— И совсем ты не толстый, — гладила я его по мощной синей шее, скармливая шестой пирожок. — И совсем не Пузырь.

Я немного запуталась в упряжи, самостоятельно седлать мара мне еще не приходилось, но он благосклонно отнесся к этому, получая яблоко за каждую мою ошибку.

Нам осталось потихоньку выскользнуть из крепости, когда в конюшню влетел Рави. В раздражении я топнула ногой, времени мне не хватило совсем чуть-чуть! А теперь меня закроют на замок, и в этом я могла винить только себя. Если бы я не возилась так долго...

— Ноэль, — закричал мне мальчишка. — Вы должны меня подождать! — И заметался по полутемному помещению, с дикой скоростью седлая своего мара.

— Но я не виноват, — быстро говорил он. — Бель-шум, совсем недавно нашел меня и сказал, что я должен проводить вас. Я сразу побежал сюда, честное слово!

Я облегченно вздохнула.

— Все в порядке, я ждала совсем недолго, — и улыбнулась.

Вернусь, скажу спасибо Бель-шуму.

На нас никто не обратил внимания, и мы благополучно миновали ворота.

— Нам туда, ноэль, — указал Рави на едва заметную дорогу, уходящую в сторону от Суфраэля. — Мы спустимся по ней к морю и поедem по берегу, так быстрее и безопаснее.

Бель-шум предупредил, что дело срочное, и вы должны вернуться до возвращения эр-реха.

Я повернула Облако вслед за маром Рави, мысленно аплодируя предусмотрительному старичку.

Дорога, по которой мы ехали, была узкой и заваленной острыми камнями, что очень не нравилось моему скакуну, мне даже пришлось задобрить его куском сыра. Хорошо, что карманы моего плаща были, как хозяйственные сумки, а на кухне царил неразбериха.

после, мы неслись по самой кромке воды, и я впервые с тех пор, как села в седло получала удовольствие от езды верхом. Кстати, Голубое облако, тоже был не против галопа и почти не уступал в скорости своему менее упитанному собрату.

Ближе к середине утра мы остановились у небольшого родника.

— Надо напоить их, — сказал Рави. — Дальше поедем по дюнам, пески будут до самой деревни.

Пока мары пили, он внимательно рассматривал меня.

Мне хотелось выглядеть как можно лучше при встрече с земляками и поэтому, под широким плащом из светлой плотной ткани, была вышитая Шахти длинная свободная туника и узкие шелковые штаны. Я нацепила на себя не только браслеты, ожерелье и серьги, но и пояс, состоящий из множества цепочек, скрепленных цветами из драгоценных камней. Вообще, я блестела и переливалась, как звезда индийского кино. Можно было смело начинать петь: «Джимми, Джимми — ача-ача!». Рави это очень понравилось.

— Закройте голову, — посоветовал он. — И старайтесь не смотреть на песок, берегите глаза. Ваш мар будет следовать за моим, доверьтесь ему.

— А за кем пойдет он? — указала я на недовольное полосатое животное.

— Моим глазам пустыня не страшна, ноэль, — рассмеялся мальчишка, и вскочил в седло.

Стоило нам проехать по песку несколько сот метров, и я тут же потеряла направление. Одинаковые волны дюн текли во все стороны. На белый песок смотреть было невозможно. Отраженный от него свет ослеплял, и глаза постоянно слезились.

Но Рави уверенно вел нас, а Голубое Облако следовал за ним, на ходу жуя сухари. Его движения были такими плавными, что я почти задремала, опустив голову.

Так жарко мне не было никогда! Пот заливал глаза, смешиваясь со слезами на моем лице. Ветра не было, но на зубах противно скрипел песок. Плотная ткань плаща душила меня, и я рванула ворот.

— Не делайте этого, ноэль! — крикнул мне Рави. — Будет еще хуже, нам осталось совсем немного, мы почти добрались. Вон там, видите?

— Издеваешься? — прохрипела я. Язык распух и совершенно не слушался. Но голос мальчишки звучал так уверенно, что я все-таки рискнула поднять голову. И что я надеялась увидеть? Дубай? Слезы с новой силой хлынули из глаз, и я снова уставилась вниз, на толстые ноги своей «лошадки».

Сначала эти ноги шлепали по песку, потом по торчащим из него сухим колючкам, потом опять по колючкам, но уже не сухим, а с веточками болезненно-зеленого цвета. А потом колючки уступили место жесткой траве с узкими листьями. Я решила поднять голову, когда травы под ногами мара стало больше, чем песка.

От пальм тени было не очень много, но достаточно для того, чтобы свет не резал глаза. Голубое Облако перешел на шаг, пробираясь между гладкими стволами. Рави, улыбаясь, обернулся ко мне, на ходу разматывая подобие чалмы у себя на голове.

— Здесь есть вода, ноэль. Хотите, остановимся, чтобы умыться?

— Ты еще спрашиваешь! — обрадовалась я.

Через минуту мы подъехали к небольшому круглому озерцу. Ручей, питавший его, исчезал между пальмами, а берега густо поросли тростником.

— Я буду рядом, ноэль. — Смущаясь, Рави помог мне спешиться и, взяв у меня повод, увел маров вглубь пальмовой рощи.

Я скинула плащ, сбросила сапожки, подтянула штаны и забрела в воду почти покалено. Можно было бы искупаться, но я ограничилась только умыванием. Смыв песок с лица и рук, я выбралась на берег и начала одеваться, собираясь позвать Рави, как вдруг тростники на противоположном берегу как-то подозрительно закачались.

— Рави, — тихонько пискнула я, и в тот же момент в мое плечо ткнулась большая голубая морда. А голос парня раздался, откуда-то сбоку.

— Ноэль, я здесь, просто пряжка отлетела. Держите там свое Облако, он пошел к озеру.

Мар, оттолкнув меня, подошел к воде и подозрительно уставился на заросли тростника. Уши встали торчком, ноздри широко раздувались, исследуя запахи. Простояв в таком напряженном положении несколько секунд, Облако тряхнул головой и стал с шумом пить воду.

Я тут же успокоилась, моя «лошадка» избавила меня от позора. Наверняка в кустах сидит какой-нибудь мелкий зверек, не представляющий угрозы. Теперь меня разбирало любопытство, и я решила посмотреть на это существо. Когда я двинулась в обход, мар недовольно посмотрел на меня и снова засунул голову в воду по самые глаза, наверняка нашел там, что пожевать.

Я медленно шла по берегу, с максимальной осторожностью раздвигая качающиеся стебли. Неровная цепочка маленьких следов передо мной, бежала по мокрому песку и уходила вглубь зарослей. Теперь я была совершенно спокойна, такие следы в принципе не могут принадлежать ничему опасному. Наверняка это какой-нибудь крупный грызун, пришедший сюда в поисках пищи. Я потихоньку двинулась дальше и застыла. Я была поражена, шокирована, изумлена, я выпала в осадок и на меня нашел столбняк от того, что я увидела.

Сидя на корточках, спиной ко мне, в грязи копался ребенок. Он был совсем маленьким и сосредоточенно выковыривал из ила толстые желтоватые корешки, небольшая кучка которых лежала рядом. Дитя было до невозможности худым и одетым во что-то вроде мешка с дыркой для головы. Ему не могло быть больше пяти лет. Но меня ужаснуло не это! Короткие непослушные кудряшки на его голове, были знакомого мне цвета догорающего пламени! Ребенок Альдо?

Я громко ойкнула и чуть не свалилась в грязь, а маленький Рыжик стремительно рванул в заросли, даже не оборачиваясь, успев на ходу прихватить несколько корней. Ребенок исчез так быстро, что я начала сомневаться, был ли он вообще!

Шумно дыша, ко мне притопал Облако и страшно обрадовался, увидев свежерыкопанные корни. Я подошла ближе. Рядом с местом, где они лежали, виднелся четкий след маленькой детской ножки.

— Вот вы где, ноэль! — ко мне верхом подъехал Рави. — Опять его кормите? И как он не лопнет? — ворчал он, подсаживая меня в седло.

— Нам нужно ехать, если хотим успеть до того, как вернется эр-рех. Не знаю, что у вас

за дело к тем людям, но я лично, им не доверяю.

Я ничего ему не сказала о ребенке, может, в этой деревне все рыжие? К тому же, Рави заметно нервничал и все бубнил о доверии.

Пальмовая роща незаметно кончилась, и мы оказались на дороге, по обеим сторонам которой тянулись ровные поля с какими-то злаками. Сама не знаю почему, но я все время крутила головой и мне иногда казалось, что между колосьями мелькает что-то ярко-красное.

— Ну, вот она, эта деревня, — буркнул Рави, указывая вниз.

С такого расстояния все казалось не настоящим, а каким-то нарисованным. Расчерченные, как по линейке улицы, сходились на идеально круглой площади с аккуратной церковью посередине. На здании не было крестов и куполов, но то что это церковь не вызывало у меня никакого сомнения.

Жители Окатора не были религиозны, вернее, после Судного дня они не принимали никакой религии, считая произошедшее с ними не карой богов, а последствием собственной глупости. Они, конечно, чертыхались и взывали к небу, но это были обороты речи, выражающие эмоции, не больше. А я, как и большинство моих соотечественников была атеисткой, православной и язычницей одновременно. И отсутствие культа у саваров меня абсолютно не трогало. Поэтому меньше всего я ожидала увидеть посреди пустыни Дом Божий.

Мы медленно приближались к игрушечным домикам с зелеными лужайками, на которых паслись местные овцы. Мирная, библейская картина. Сходство с иллюстрацией из Ветхого Завета стало еще более полным, когда навстречу нам вышла группа молодежи, размахивающая пальмовыми листьями. Все в белом, юноши и девушки, что-то пели со счастливыми лицами.

— Нас ждали? — обернулась я к Рави, но его лицо превратилось в маску.

Мы въехали в деревню, как Иисус в Иерусалим, прости Господи! И эскорт с ветками проводил нас на площадь, где на ступенях церкви стоял Первосвященник в тиаре, окруженный благообразными бородатыми мужчинами и завернутыми в легкие покрывала женщинами. Вокруг резвились дети, похожие на херувимов. Я опять вспомнила Библию, один в один с картинкой «древние халдеи в быту».

Лицо Рави приняло еще более невозмутимое выражение, когда он помог мне спешиться.

— Успокойся, — шепнула я ему.

В этот момент патриарх поднял посох, и радостное возбуждение понемногу улеглось, толпа разошлась, и он двинулся к нам, как невеста к алтарю.

И чем ближе он подходил, тем меньше мне нравился. Его движения были какими-то суетливыми, улыбка слишком сладкой, бороденка гаденькой, а маленькие глазки слишком хитрыми для священника.

Он воздел руки к небу и приторным голосом провозгласил:

— Благословен день и час, когда Господь в милости своей, привел вас в Эдем! — а его глазки в это время шарили по ожерелью и браслетам.

— Аллилуйя! — тихонько прошептала я и помахала рукой.

— Приветствую тебя, сестра наша во Христе! — осклабился он. — Тебя и твоего спутника, — легко поклонился он Рави.

Но противный мальчишка только презрительно поджал губы. Как будто не замечая этого, священник протянул мне руку, как женщина для поцелуя.

— Приятно познакомится, — я с чувством пожалала конечность, она была влажная и холодная, как рыба.

Он задержал мою руку в своей ладони, а его пальцы скользнули по браслету, будто он на ощупь хотел проверить золото ли это. Рави это заметил и демонстративно положил руку на рукоять ножа.

— Ваше величество, — еще более сладко заулыбался священник. — Я Моисей, смиренный пастырь этих божьих людей.

— Господь свидетель, — повернулся он к счастливым мирянам. — Сколько молились мы, чтоб смягчились сердца властителей и пришли они в лоно Церкви Господней. Как просили мы, чтоб Свет Истины загорелся в их душах! И вот оно, свершилось! Сбылось пророчество, — указал он рукой на меня. — И соединятся цари земные с Царем небесным!

Моисей, ведя меня за руку, поднялся на паперть и начал вещать. У этого неприятного человечка, ко всему прочему был еще и словесный понос! Но деревенские внимали ему, открыв рот.

— У этого человека змеиный язык, — тихо сказал мне Рави. — Не отходите от меня далеко, ноэль. Я им не доверяю.

Я повернула к нему голову. Смешливый, с вечной проказливой улыбкой на полных губах, он выглядел сейчас гораздо старше своих пятнадцати и был серьезен как никогда.

— Если вдруг..., - он поморщился. — Постарайтесь добраться до своего мара, чужих к себе он не подпустит и сумеет привезти вас в Суфраэль.

Эта «радушная» встреча беспокоила и меня. Захотелось убраться отсюда как можно скорее, но я должна была выяснить, что за ребенок копался в грязи у озера, и какое отношение он имеет к Альдо.

А у священника рот не закрывался, он безостановочно вещал о «благой вести», вызывая на лицах пейзаж чистый восторг. Я не слушала его, разглядывая толпу. Меня интересовали дети. Но стоящие рядом с родителями розовощекие ангелочки с ясными глазами не имели ничего общего с тем заморышем у озера.

Рави уже несколько делал мне страшные глаза, намекая, что пора закругляться, и я решила вклиниться в бесконечную речь Моисея.

— Благодарю вас за теплый прием... Преподобный, — выпалила я и он заткнулся.

— Я приехала сюда познакомиться с такими же, как и я... жителями Земли. И узнать о ваших нуждах, чтобы впоследствии помочь... чем смогу, — это короткая речь отняла у меня десять лет жизни.

Но, видимо, я все сказала правильно, Моисей благосклонно мне кивал, а селяне одобрительно улыбались.

— Но мы не можем отпустить вас просто так! Мы должны в полной мере проявить гостеприимство, — немного обиженно сказал священник. — Женщины уже готовят праздничную трапезу...

— У ноэль есть время до вечера, — бесцеремонно прервал его Рави. — Если с последними лучами солнца она не въедет в ворота Суфраэля, эр-рех встретит восход Нисы в вашей деревне, — в его словах отчетливо звучали металлические нотки.

Он подошел ко мне вплотную и прошептал.

— Я бы не стал здесь есть, даже если бы умирал с голоду.

Рави был прав, чем скорее мы уйдем отсюда, тем лучше. Искать замурзанного ребенка в этой вылизанной деревне бесполезно, нужно еще раз хорошо обшарить пальмовую рощу. Это

же пустыня, куда ребенок денется от воды?

— Увы, Преподобный, — я со вздохом улыбнулась. — Нам действительно пора. В следующий раз я проведу у вас больше времени.

Я уже почти сделала шаг, когда уловила намек на движение. Что-то очень маленькое метнулось за угол ближайшего дома, сверкнув на солнце ярко-рыжей головой.

— Но у меня есть еще несколько минут, — быстро сказала я. — И прежде чем я вас покину, мне хотелось бы поближе увидеть вашу деревню. Она такая... красивая, как картинка... из Библии, — развивала я свой успех.

— Конечно, дитя мое, мы покажем тебе, как живем! — торжественно сказал священник. — Дабы перед твоими глазами был достойный пример.

Моисей, надувшись, как индюк, повернулся к церкви:

— Вы должны осмотреть Дом Господень, — указал он на открытые двери.

Это меня не устраивало, и я сбегала по ступенькам вниз, бормоча на ходу:

— Это слишком важно, чтобы делать второпях, Преподобный. Это было бы явным неуважением. Вот та улица кажется мне самой красивой, — указала я на ряд домов, за которыми скрылся ребенок. — И у меня хватит времени, чтобы осмотреть ее.

Моисей глубокомысленно кивнул, и, соглашаясь, двинулся следом.

Я беспрерывно восхищалась цветами, деревьями, кустами, беленькими домиками и посыпанными песком дорожками. Короче всем, что видела вокруг, вертя головой во все стороны, чтобы не выпускать из виду малыша. Странно, что никто больше не замечал его передвижений. Наверно потому, что все были слишком заняты: Моисей, проповедуя, а Рави сверля недовольным взглядом мой затылок. Селяне, идя за нами «шумною толпою» потихоньку рассосались, остались только четверо молодых мужчин, которые шли на почтительном расстоянии от нас.

Так как слов восхищения архитектурными «шедеврами» у меня почти не осталось, и я быстренько сменила тему.

— Скажите, Преподобный, а к какой именно конфессии принадлежит ваша община?

— Я ждал этого вопроса, — приторно заулыбался тот. — Видите ли, старая церковь погрязла в грехе, перекраивая Святое Писание к своей выгоде. И только мы, — торжественно возвестил он. — Истинно верующие, смогли отделить зерна от плевел и обратиться к Свету, отринуть Мрак!

Я хмыкнула, сворачивая в узкий проулок, вслед за Рыжиком, мелькнувшим у низкой ограды.

— А ты, дочь моя, — Моисей подошел вплотную. — Веруешь — ли?

— Честно говоря, не очень. — Призналась я.

— Невежество, дитя мое, ведет к Мраку, — глубокомысленно изрек он. А потом продолжил. — Мы горячо молились, чтобы король Альдо, обретя по воле Господа законную супругу, отрекся от своих заблуждений.

Моисей заглянул мне в глаза.

— Ты ведь русская?

Я кивнула, и он продолжил на моем родном языке:

— Ты могла бы сделать для Окатора то же самое, что сделала некая византийская принцесса, — сказал он почти без акцента.

— Вы говорите о Крещении Руси?

— Совершенно верно, — быстро закивал он головой. — Этому миру не хватает веры в

Создателя, смирения и покорности. Нашим мольбам, эр-рех не внемлет, но ты — другое дело! Я вижу в тебе Искру Божью...

Моисей, не переставая, говорил о благе, которое принесет его учение «измученным» жителям Окатора. Ведь все что им нужно для обретения гармонии, это «искреннее покаяние». В своих мечтах он наверняка видел себя, по меньшей мере, епископом, а то и Папой. Я слушала его краем уха, следуя за крадущимся в тени домов малышом, до тех пор, пока мы не оказались перед небольшим сараем, с запертой на висячий замок дверью.

Я видела, как малыш, буквально ввинтился между его стеной и каменным забором и сейчас мог быть только внутри.

— Что там? — Оборвала я изливания Моисея. И он несколько минут удивленно смотрел на меня, как будто не понимая, как он здесь оказался.

Его лицо помрачнело и он, поджав тонкие губы, буркнул:

— Сарай.

— О, мы так увлеклись беседой, госпожа, что не заметили, как забрели сюда. Здесь нет ничего интересного.

— Вы не могли бы открыть эту дверь? — тут же попросила я.

— Желание гостя, закон! Но... зачем вам это? Клянусь, там ничего нет!

В этот момент внутри сарая раздался глухой звук. Рави подошел ближе и стал внимательно прислушиваться.

— Но у меня нет ключа, — в голосе Моисея зазвучали панические нотки. — Мы можем сходить за ними, если вам будет угодно.

Ага, а когда вернемся, внутри точно ничего не будет!

— Нет, пошлите кого-нибудь за ключом. Я подожду.

— А вы разве не торопитесь? — гаденько улыбнулся Моисей.

— Ты сможешь открыть эту дверь, Рави? — повернулась я к парню.

И прежде, чем кто-то успел помешать, он одним ударом сбил замок. Не мешкая ни секунды, я буквально влетела внутрь. Священник проскользнул за мной и закрыл дверь перед лицом парнишки.

— Ноэль! — обеспокоенно крикнул мой охранник.

— Все в порядке, проследи, чтобы никто сюда не входил, — отозвалась я, оглядываясь по сторонам.

В этот момент в крохотное низкое окошко, прямо на кучку корней, ужом протиснулась худенькая фигурка. Увидев нас, ребенок метнулся в угол и зарылся в кучу соломы.

— Госпожа, — быстро заговорил Моисей по-русски. — Это недоразумение, и вы не должны беспокоиться...,- взвизгнул он.

Я, не слушая его, подошла ближе и присев на корточки, осторожно разгребла прелую солому.

Вжавшись в стену и обнявшись, там сидело двое малышей! Рыжик обнимал совсем маленького, светловолосого, который очень быстро запихивал в рот принесенные с берега корни.

— Вы морите детей голодом? — вне себя от злости, прошипела я.

— У меня есть право наказывать, — быстро ответил Моисей.

— И чем же они провинились?

— Это порожденье Сатаны! — вдруг выпалил он. — Их привезли год назад. Эр-рех хотел, чтобы мы вложили свет в их души! И я поселил их в своем доме, рядом со своими

детьми, полагая, что они чисты... Но они заостенели в своих грехах! На них печать Порока! Такие волосы и глаза не могут принадлежать человеку! Эту мы остригли, надеясь, что усердная молитва смягчит цвет, — указал он на неровные рыжие пряди. — Но они отросли снова! — взвизгнул он так громко, что младшая девочка испуганно застыла. Сине-зеленые, колдовские глаза Альдо наполнились слезами.

— Видите!

— Вижу, — улыбнулась я малышке.

— Хорошо, что вы не выкололи ей глаза, надеясь, что Господь даст ей другие! — прошипела я, отталкивая Моисея.

— Только умертвляя плоть можно очистить душу, грех у них в крови! И я грешен, — вопил он. — Я поселил в своем доме плоды греха!

Священник с горящими «праведным» гневом глазами говорил об очищении заблудших душ, а я все больше и больше хотела, чтобы Кара Господня поразила его самого.

— Я забираю их.

— Нет! — Моисей с неожиданной силой оттолкнул меня.

Оставить тут детей я не могла, но силой мы с Рави вряд ли чего-нибудь добьемся. И тут меня осенило!

— А ведь дело не в наказании грешников, — усмехнулась я. — Не знаю, почему Альдо отдал вам их, но приняли вы детей в надежде, что когда-нибудь они будут наследовать своему отцу. Воспитанные вами, они должны были помочь пробраться в Суфраэль. Вы же спите и видите себя Папой Римским! Вам, как духовному лицу нужно быть скромнее! Неужели вы думаете, что я не заметила взглядов, которые вы бросаете на мои драгоценности! И вы врали о молитвах за Альдо, вам было выгодно, чтобы он никогда не нашел потомка Гало. Тогда бы эти две малышки помогли бы распространять бред, который вы проповедуете, — Моисей смотрел на меня с ненавистью, значит, я попала в самую точку.

— А когда вы узнали, что Альдо женился, эти дети перестали представлять ценность. Вы и раньше не любили их, а теперь просто ненавидите. Они для вас, олицетворение несбывшихся надежд и только. Вы мстите им, потому что не можете отомстить Альдо. Но убить вы их все же не решились, поэтому держите здесь. Что вы скажете отцу, сообщая о смерти — Господня воля?

— Я не отдам их, — прошипел Моисей.

— Знаете, что я сделаю? Я выйду и расскажу все Рави. И что он сделает, когда увидит девочек? Я расскажу все вашим прихожанам, наверняка среди них остались разумные люди. А потом, я приведу сюда саваров. Останется ли после этого здесь хоть что-то?

И не дав ему опомниться, я заорала:

— Рави!

Парень ворвался в сарай как ураган и некоторое время стоял неподвижно, оценивая степень опасности, а потом его взгляд переместился с моего лица на кучу соломы в углу... И когда до него дошло, что именно он видит, Рави стал белым как бумага. Медленно развернувшись, и в ярости казавшийся в два раза больше, он по-волчьи оскалился, глядя на Моисея.

Признаться, я отчаянно трусила, когда встала между ними.

— Мы должны позаботиться о детях, Рави, — медленно и спокойно сказала я. — Мы должны увезти их как можно скорее.

— Я не отдам их, — пискнул Моисей.

— Вы продержитесь пару минут, ноэль? — Рави протянул мне один из своих ножей. — Я приведу маров.

— Но его люди, там на улице? Их четверо...

— Проще всего всадить нож ему в брюхо, ноэль, — спокойно сказал он. — Вы не промахнетесь, — парень выскользнул наружу, и мне очень не понравилась его улыбка.

— Я не отдам их, — снова заныл Моисей.

— Зачем они тебе?

— Это порождение дьявола! Постом и молитвой....

— Это дети, — крикнула я, с трудом удерживаясь, чтоб не ткнуть его ножом.

— А тебе они зачем? — Вдруг взвился священник. — Это дети его любовниц, ты будешь держать рядом с собой ублюдков?

— Это дети! Они ни в чем не виноваты!

Моисей рассмеялся злым неприятным смехом.

— Посмотрите на нее, прямо святая мать Тереза! И думаешь, я поверю! Каждая из них стоит огромных денег, разве нет? Ты на себя посмотри — на тебе годовой бюджет какой-нибудь банановой республики!

— Если дело только в этом, подавись! — и я швырнула ему под ноги пояс и серьги, как раз в тот момент, когда дверь широко распахнулась и Рави сказал:

— Уходим.

Обойдя, ползающего на коленях Моисея, он шагнул к детям. Те в испуге вжались в стену.

— Нет- нет, не надо бояться, — на лице Рави появилась знакомая мне обезоруживающая улыбка.

— Мы поедem домой.

— А это кто? — строго спросила рыженькая девочка, тыкая грязным пальцем в мою сторону.

— Это... мама, — произнес Рави после некоторого колебания. — Она долго вас искала и нашла.

— Пойдем? — Протянула я руки.

Малышка кивнула, и, почувствовав невесомую ладошку в руке, я чуть все не испортила, разревевшись, но проглотила слезы, наткнувшись на тяжелый взгляд Рави, подхватившего на руки вторую малышку.

Не успел он сделать и шагу, как девочка отчаянно разрыдалась.

— Она не хочет оставлять миуру, — шепнули мне на ухо.

— Савары не оставляют за собой ничего ценного. Где она? — оскалился Рави.

— Вот, — размазывая грязь на лице, малышка указала на мешок в углу.

Я с трудом волокла его, вероятно, это были корни, выкопанные раньше. И весила эта миура раз в десять тяжелее, чем сама девочка.

В этот момент, Моисей оторвался от своей добычи и загородил нам дорогу.

— Эй, это плата только за одну, — прокаркал он и указал на браслеты и ожерелье. — Жадничать грешно, — захихикал он.

— Ты прав, — сказал Рави и ударил.

Моисей, отлетел в сторону и, уткнувшись лицом в грязную солому, затих.

— Он жив?

— Жив, — мило улыбаясь, ответил Рави. — Они все живы. Я не имею права убить их.

Только эр-рех.

Он поднял меня на Голубое Облако и привязал к седлу мешок с миурой. Облако забеспокоилось, приняюхиваясь.

— Это еда, которую он не может достать, ноэль, — успокоил меня парнишка и протянул мне Рыжика.

— Ты не против ехать со мной, маленькая госпожа? — спросил он у младшей из девочек.

— Меня зовут Лика, — важно кивнула малышка.

Рави кивнул, моментально оказываясь в седле.

Мы проехали через деревню быстрым шагом, вызывая недоуменные взгляды, но никто не кричал и не требовал остановиться. Оказавшись на окраине, мы понеслись галопом и притормозили только когда въехали в знакомую пальмовую рощу.

— Давай ненадолго остановимся. Дети, наверняка хотят пить и хорошо бы искупать их, — крикнула я Рави.

Он кивнул:

— Только быстро.

— Ты думаешь, будет погоня?

— Вряд ли, — пожал он плечами. — Маров у них нет, а пешком им нас не догнать.

— Я не хочу, чтобы мы ехали по пустыне в темноте, ноэль. Это слишком большой риск, для вас и девочек.

— Мы поторопимся, — я осторожно поставила на песок старшую девочку, и она сразу же понеслась к сестре, уже плескавшейся в озере.

Рави достал из своей седельной сумки большой кусок полотна и разорвал его на две половины.

— Их нужно завернуть, надеюсь, этого хватит, чтобы убереечь их от солнца и песка, — он поджал губы и посмотрел на меня так, как будто это я была пятнадцатилетним подростком, а не он.

— Любая мелочь может оказаться решающей, — хмуро заметил Рави.

Наконец упряжь маров была подтянута, девочки были относительно чистыми и закутанными в полотно, а фляги наполнены водой.

— Мы поедem быстро, — говорил Рави, прижимая к себе Лику. — Держись крепче и ничего не бойся.

— Ноэль, — повернулся он ко мне. — Времени на уговоры у нас нет, поэтому, если ваша скотина заупрямится, ткните ее ножом, и посильнее.

— Его не нужно будет подгонять, Рави, — ответила я. — Он все понимает.

— Конечно, — усмехнулся тот.

Мы неслись по песку, как будто за нами гнались черти. И Голубое Облако подгонять было не нужно. Вытянув морду вперед и поминутно огрызаясь на полосатого мара Рави, он так быстро перебирал ногами, что казалось не бежал, а летел.

Я крепко прижимала к себе худенькое тельце, и, чувствуя, как быстро бьется под ладонью ее сердце, придумывала для Моисея все новые и новые попытки.

Взлетев на вершину очередного бархана, Рави неожиданно осадил свою «конячку» и закрутил головой.

— Мы заблудились? — ужаснулась я.

— Нет, ноэль. Но нам нужно спешить, погода портится. Будет буря.

— Спешить? Еще быстрее?

— Еще быстрее! — закричал Рави. — И отпустите повод, ноэль, теперь он будет спасать свою жизнь, а не вашу.

Теперь моей главной задачей было удержаться на Голубом Облаке самой и удержать ребенка. Песчинки, поначалу клубившиеся под ногами мара, постепенно заполнили все вокруг. Наше счастье, что ветер дул в спину! Я как можно плотнее закутала девочку, стараясь, чтобы не осталось ни одного участка обнаженной кожи. Песок, чиркал по рукам, будто крохотные лезвия.

Я не видела даже шею своего мара, отчаянно надеясь, что он знает куда бежит, а в пустыне нет ям. Бешеная скачка продолжалась уже целую вечность и Облако начал уставать. Нет, скорость движения не изменилась, просто я чувствовала это. Жутко испугавшись, я начала его уговаривать:

— Мой хороший, ну пожалуйста, ну постарайся! Осталось совсем немного. Я знаю, что ты устал, что тебе тяжело везти меня — толстую жирную корову, но ведь девочка совсем легкая! Я буду баловать тебя, я скормлю тебе целую корзину яблок и пирожков, твоих любимых, с мясом. Пожалуйста! — Я говорила и говорила.

Вряд ли мар слышал хоть что-нибудь, этими словами я пыталась успокоить себя, заглушить муки совести, которая грызла меня все сильнее. Зачем было возвращаться сегодня, мы спокойно могли дожидаться утра, переждав бурю в оазисе!

А потом я уже ничего не говорила, усилившийся ветер нес с собой столько песка, что открывать рот нельзя было ни в коем случае. Я закрыла глаза и доверилась судьбе. Прижимая к себе ребенка, я представляла, что вокруг меня не песок, а мягкие пушистые снежинки, которые так весело тают на ладони.

Неожиданно нас бросило вперед, на шею Облака и мы чудом удержались в седле, когда такой же толчок отбросил нас назад. Впечатление было такое, как будто мар съезжает по крутому склону, осев на задние ноги.

Через какое-то время все кончилось, животное выпрямилось и понеслось дальше, время от времени всхрапывая.

Вдруг совсем рядом из песчаного вихря вынырнул Рави и прокричал:

— Мы выбрались, ноэль.

Я подняла голову и увидела впереди огни.

Мы влетели в открытые ворота на плечах у бури. Теперь я поняла, зачем в крепости такие высокие стены. Ветер не поднимал песок выше нескольких метров и стены Суфраэля были надежной защитой.

Навстречу нам сбежалась куча народа. Все говорили и кричали одновременно. А я смотрела на Рави. Его лицо покрывала сплошная корка песка, руки были в бесчисленных мелких порезах и сочились кровью, но он счастливо улыбался, протягивая Икару, закутанную в плащ Лику.

Я передала Хоранду малышку, и мне даже удалось самостоятельно спешиться. Голубое Облако шумно дышал, низко опустив голову. В его шкуру набился песок, и он был не голубым, а светло-коричневым. Вот только его задние ноги были жутко ободраны.

— На него кто-то напал?

— Нет, ноэль, это песок. Не волнуйтесь, за ним будут хорошо ухаживать, он молодой и быстро поправится, — улыбнулся мне Талив. — Я присмотрю за Облаком, а вам нужно

позаботиться о себе и детях.

— Я приду навестить тебя, — погладила я мара. Он легонько ткнулся мне в плечо и побрел вслед за Таливом.

— Кира, — подбежала ко мне Зилла. — Говорят, вы привезли детей, где они?

— Вот, — указала я на двух малышей, на руках у Хоранда и Икара.

Увидев детей, Зилла побледнела и велела нести их в дом. Я пошла сзади. Странно, почему нигде не видно Альдо? Я думала, он будет стоять у ворот, и угрожать мне смертью.

Я была так измучена, что не сразу поняла, куда мы пришли, с трудом узнав свою спальню. Казалось, что я не видела ее очень давно. Как во сне я отвечала на вопросы Зиллы и Кары, улыбалась девочкам и все ждала появления Альдо. Но он не приходил и тогда я спросила:

— А где он?

— Кто, ноэль? — удивилась Нури.

— Альдо, конечно. Почему его здесь нет?

— Они недавно вернулись, Кира. Вместе с посольством Тангара. И наверно, еще не знают о том, кого вы привезли. Эр-рех вместе с вашим братом внизу, ужинают, — весело щебетала Нури, расчесывая чистые волосы Лики.

— Ужинают? — моя усталость тут же куда-то испарилась.

— Ты куда? — встрепенулась рыженькая девочка.

— Обрадовать папочку, — улыбнулась я ей.

Наверно это и есть второе дыхание, думала я, шагая по коридорам. Я так разогналась, что чуть не врезалась в двери, но кое-как затормозив, остановилась, схватившись за тяжелые створки.

— Ужинать изволите, — шипела я. — Чтоб ты подавился!

— И все же, я хотел бы видеть Киран, Альдо. Это странно, что она не встречала нас, — услышала я низкий красивый голос. — Почему нельзя позвать ее?

— Вот и мне интересно! — прошептала я.

— Утром она была не в духе, — лениво протянул Альдо.

— Знаешь, Тангар, твоя сестра очень капризна! Я был немного резок с ней, вот она и дует. Потерпи до утра, и ты увидишь ее, обещаю, — хмыкнул он. — Она будет весела как птичка!

Тут я не выдержала, пинком распахнув дверь.

— Чтоб ты подавился! — заорала я не своим голосом.

— Я же говорил, — не оборачиваясь, пожал плечами Альдо. — Она все еще дует.

Трай, сидевший лицом к двери, смотрел на меня так, как будто увидел привидение.

— Кто это? — побелев, спросил он.

— Как кто? — по-прежнему не оборачиваясь, буркнул Альдо. — Ноэль. Признайся, она стала еще красивее! Воздух Суфраэля ей на пользу!

— Скотина! — прошипел Трай и нанес Альдо страшный удар в челюсть.

Тот отлетел на несколько метров, сдернув со стола скатерть. Осколки посуды брызнули по всей комнате.

Оглушенный неожиданным нападением, Альдо сумел быстро подняться и потряхнул головой.

— Какого черта ты делаешь? — выдохнул он, и был сбит новым ударом.

Но на этот раз он все же успел схватить Трая за ноги и, падая увлечь за собой. Обхватив

друг друга, они катались по полу, круша мебель и ругаясь.

Я отошла в сторону и молча смотрела на драку.

Вскоре, Альдо все же удалось подмять под себя Трая и наградить его хорошим тумаком. Тот взвыл от боли и, согнув ноги в коленях, отбросил от себя противника. Но Альдо, как кошка отпрыгнул в сторону, успев ударить еще раз и так сильно, что у Трая запрокинулась голова.

Я тихо ахнула, мне показалось, что моему единственному «родственнику» угрожает смертельная опасность. Поэтому я подобрала ножку от стула, и врезала Альдо по спине. Он обернулся, увидел меня, и так удивился, что отпустил Трая. «Братик» сразу же этим воспользовался, сильно врезав ему поддых, и Савар, согнувшись, покатился по полу, хватая ртом воздух, как рыба.

Теперь мне казалось, что опасность угрожает Альдо. Поэтому отбросив деревяшку, я вцепилась Траю в волосы, право на убийство рыжего демона было моим.

Через несколько минут они стояли рядышком, Альдо согнувшись и все еще хрипя, Трай осторожно ощупывая руками голову. Я некоторое время смотрела на это жалкое зрелище и наконец, сказала:

— Хватит изображать из себя чахоточного, Альдо. Отлепись от стены и пошли. А ты, — кивнула я Траю. — Не трогай скаल्प, он на месте. Иди спать, завтра поговорим.

Они переглянулись и Трай, криво усмехнувшись, сказал:

— Ты сам хотел этого... Спокойной ночи, Кира. Рад видеть, что с тобой все хорошо.

Он сказал это так вежливо, что мне стало неловко за то, что я сделала.

— Прости, не хотела. У тебя очень красивые волосы.

— Из них получится симпатичная метелка, — прошипел Альдо.

Я, не оборачиваясь, вышла из комнаты, Савар топал за мной и ругался.

— Почему из тебя сыплется песок? — фыркнул он.

— Состарилась! — огрызнулась я.

— И что я здесь не видел? — прошипел Альдо, входя в нашу комнату. — Ты устроила все это, чтобы заманить меня в постель?

— Ты будешь спать в саду!

— Почему?

— Потому! — я указала на спящих детей.

Часть одиннадцатая

— Ты забрала их? Почему? Они должны были оставаться там.

— Это не твои дети?

— Мои, — поджал он губы.

Мне хотелось кричать и топтать ногами, поэтому я вытолкала Альдо на террасу и зашипела:

— Зачем ты их туда отправил? Их держали в темном сарае, морили голодом....

Он просто молчал и смотрел куда-то мимо моего плеча.

— Не важно. Можешь не отвечать.

— Ты права, Кира, — голос Альдо был тих и печален. — Я проявил малодушие достойное Савара.

— Что?

— Думаешь, у моего отца рождались только мальчики?

После этих слов на меня навалилась страшная усталость. Я ничего не хотела, ничего не чувствовала. Внутри образовалась пустота. И эта черная бездна увеличивалась до тех пор, пока не поглотила меня целиком.

Я проснулась от того, что кто-то настойчиво тряс меня за плечо.

— Меня опять постригли!

С трудом открыв глаза, я сфокусировалась на рассерженном личике Пирры.

— Вот! Смотри! — вертела она головой во все стороны.

Я села, больно дернув себя за волосы. Обернувшись, чтобы посмотреть, я увидела Лику, заплетающую мне нелепую косу.

— Все хорошо, — глядя в сердитые синие глаза, сказала я. — Твои волосы подровняли и теперь они будут лучше расти.

— Вы хорошо спали? Хотите есть?

Я забрала у Лики свои волосы и пересадила ее к себе на колени.

— Мы уже ели, и купались и гуляли в саду, — быстро сказала Пирра. — А ты все спишь и спишь!

— Вы не знаете, кто это сделал? — указала я на свои забинтованные руки.

— Зилла, — тихо сказала Лика. — Тебе не больно?

Я покачала головой.

— Мы не спали, — шепнула она мне на ухо. — Папа принес тебя и позвал Зиллу.

— Он велел, чтобы мы вели себя тихо. Он сердился..., - ее нижняя губа задрожала.

— И Зилла тоже сердилась, — обиженно сказала Пирра. — А мы сидели тихо! А они все равно кричали! — Жаловалась она.

Это было что-то новенькое! Зилла открыто возражала Альдо?

— Вы ни в чем не виноваты, — уверенно сказала я. — Давайте лучше пойдем, посмотрим, что там с Голубым Облаком.

— А можно? — девочки произнесли это почти хором.

— Нужно!

Я посадила Лику на подушки и слезла с кровати. Судя по солнцу, время приближалось к обеду, и желудок настойчиво требовал обратить на него внимание.

— Планы меняются, — сказала я. — Сначала мы пообедаем, заодно захватим чего-нибудь вкусенького для Облака.

Малышки все время были рядом, с любопытством наблюдая за мной, пока я приводила себя в порядок.

— Тебе нравится прическа? — застенчиво улыбнулась Лика.

— Очень, — улыбнулась я своему растрепанному отражению.

— Ты красивая, — погладила меня по руке Пирра.

Детской одежды в крепости не было и на обеих девочках были какие-то подобию римских тог, сооруженных из полотенец.

— Нам нужно пойти к Нури и попросить ее помочь мне сшить для вас одежду, — сказала я. — А пока..., -немного подумав, я подошла к сундукам, стоявшим у стены. В моей голове постепенно созревал коварный план.

Безжалостно уничтожив аккуратно сложенные стопки, я вытянула две парадно-выходные рубашки Альдо. Тонкое белое полотно приятно холодило кожу. Каждая из этих рубашек была настоящим шедевром рукоделия. Наверняка, Тутта или Шаhti не один день трудились над ними. Но Альдо не заслуживал такой красоты!

— Теперь, мы сделаем из вас настоящих принцесс, — злорадно усмехнулась я.

— Сначала Пирра.

Мужская рубашка совершенно скрыла девочку, но легкая ткань хорошо драпировалась, немного подвернув рукава и заколов их на плечах двумя брошками, я добилась желаемого. А потом, найдя в куче драгоценностей широкое ожерелье из переливающихся ярко-голубых камней, застегнула его на животике Пирры.

Чтобы оценить свою работу, я отошла немного в сторону. Мерцание синих и голубых камней, приглушенное складками белой ткани, удивительно шло девочке, немного приглушая яростный цвет волос. Она была похожа на маленькую греческую богиню, и когда я осторожно опустила на огненно-красные кудряшки небольшую тиару, эффект получился ошеломительный.

— И я! И мне! — прыгала вокруг меня Лика, с восторгом глядя на сестру.

Через несколько минут я соорудила из нее нимфу. Вся увитая жемчужными нитями она стояла перед зеркалом рядом с Пиррой.

Пока девчонки разглядывали себя, я обдумывала следующую проблему — обувь. Укоротить или обрезать сапоги Альдо мне не удастся, а босиком им идти нельзя. Я, конечно, могу их понести...

— Ноэль! — негромко позвали меня из-за задернутой занавески. — Это я, Рави. Мне можно войти?

— Конечно, — обрадовалась я. Вот кто мне поможет.

Юноша нерешительно отодвинул плотную ткань и вошел, опустив глаза.

— Ты чего смущаешься, мы одеты! — улыбнулась я ему.

— У нас новые платья! Мы красивые, — закричали девчонки.

Рави поднял голову и замер, глядя на малышей. Его глаза стали совсем круглыми, как у совы, а рот смешно приоткрылся. Ему потребовалось несколько минут, чтобы справиться с

собой.

— Я принес..., вот, — Рави протянул мне две пары крошечных сандалий. — Хоранд вчера снял мерки, и Икар сшил их.

— Ты как всегда вовремя, — я чмокнула парня в щеку, и он страшно покраснел.

— Не делайте так больше, ноэль, — буркнул он, опускаясь на колени, чтобы обуть Лику.

Мы с триумфом прошли через всю крепость. Женщины вздыхали и украдкой вытирали глаза при взгляде на девочек, суровые лица мужчин, становились мягче от улыбки, а стайка только что получивших оружие мальчишек следовала за нами, открыв рот. Рави, переключившись на охрану детей, бросал убийственные взгляды на всех, кто заговаривал с ними.

На кухне наше появление вызвало небольшую панику, малышки были в центре внимания и вся команда Саши, наперебой предлагала им угощение.

Меня все забыли, даже мой верный страж, Рави. Он стоял рядом с детьми с мрачным лицом и с подозрением смотрел на всех, кто дольше минуты держал их на руках.

Тихонько пробравшись в уголок, я смогла спокойно поесть. Когда я заканчивала свой обед, явились Кара и Зилла. Не обращая внимания на суету вокруг малышей, они уселись рядом со мной.

— Давайте-ка, я перевяжу ваши руки, ноэль, — по-деловому начала Зилла, доставая свои снадобья.

— А что с ними не так? К чему эти бинты, ничего же не болит, — я немного осоловела от еды.

— Не болит, потому что я намазала вас бальзамом, — снимая повязки, проворчала она. — Такие мелкие ранки, обычно очень болезненны, хотя и не представляют угрозы.

Я с удивлением уставилась на множество крошечных порезов, густо покрывавших мои руки от основания пальцев до локтя. Вид был такой, как будто меня искусал миллион мышей.

— Песок. — Вздохнула Зилла, ответив на мой немой вопрос. — У Рави то же самое. Только он отказался от бальзама, и у него останутся шрамы, а у вас их не будет, — она ловко наложила новую повязку и закрепила концы.

— А девочки? У них все нормально?

— Не беспокойтесь, вы успели вовремя, — улыбнулась она. — Дети, конечно, голодали, но непоправимого вреда это не нанесло. Хорошее питание, мой настой на ночь, забота, и все будет хорошо!

— Не брать рубашки эр-реха, — внезапно сказала Кара. — Все уже знают о них, — кивнула она в сторону веселящихся девочек.

— Из Суфраэля привезли подарки. Одежда, игрушки. Мы сможем устроить комнату для них рядом с вашей спальней.

— Они останутся со мной, — неожиданно резко ответила я. — Кровать достаточно большая и им еще рано оставаться одним по ночам.

— Но Кира, — удивленно вскинулась Кара. — Эр-рех...

— Спит в саду! — отрезала я и встала. Зилла старательно прятала усмешку.

— И кстати, где Альдо? — нахмурилась я.

— Уехал еще до рассвета, ноэль, — официальным тоном, поджав губы, ответила Кара.

— Куда?

— Ох, деточка! — покачала головой Зилла и тоже встала.

Ясно! Мне никто ничего не скажет.

— Вас хотел видеть эр-рех Тангар, — буркнула Кара. — Сообщить ему, что вы готовы говорить?

— Мы будем около конюшни, — я сказала это так высокомерно, как только могла. Нечего смотреть на меня как на преступницу!

— Девочки, нам пора навестить Голубое Облако, — крикнула я и кивнула Рави.

Он, молча забрал Пирру у одного из помощников Саши и слегка подтолкнул ко мне.

— Иди к маме, малышка, — сказал он и тут же повернулся к Лике.

Но она отстранилась, стараясь удержать в руках несколько пирожков, большое яблоко и кусок желтого сыра. Продукты выскальзывали и падали на пол, это очень расстраивало девочку, несколько слезинок уже катилось по ее щекам. Пирра вернулась к сестре и принялась помогать ей.

— Это для друга, — нахмурившись, буркнула она.

Я вздохнула, понятно о каком «друге» шла речь. Дети попросту боялись остаться голодными, вот и старались прихватить про запас. В очередной раз, пожелав Моисею долгой и мучительной смерти (мне действительно вредно тесное общение с Альдо), я кивнула:

— Давай я помогу тебе? О друзьях забывать нельзя.

Но меня опередил Рави, судя по плотно сжатым губам, он тоже все прекрасно понял. Сняв с крючка на стене одну из многочисленных корзинок, он поставил ее перед Ликой.

— Так будет легче нести.

— Я могу предложить для твоего друга вот это, — Саша протянула девочкам симпатичный круглый пирог. — А может ему понравится жареная курочка? — и она положила в корзинку несколько румяных кусочков. — Что любит ваш друг?

— Он ест все! — улыбнулась Лика, сияя бирюзовыми глазами. — Спасибо.

— Когда твой друг проголодается, у меня всегда найдется, чем угостить его, — покачала головой Саша и отвернулась.

Пока девочки и Рави укладывали недельный запас еды, на кухне повисло напряженное молчание. На лицах окружающих меня людей было сочувствие и готовность помочь. Здесь должен был быть Альдо! А вместо этого он сбежал, нагло осуждая мою прабабку в трусости! Как я могла верить ему? Этому двуличному, жестокому монстру. Да он просто не способен на человеческие чувства, все, что он любит — это страх в глазах напротив, пустыня и он сам. Себялюбивое самовлюбленное чудовище.

— Ноэль, — раздался шепот Кары. — Что с вашим лицом?

Сумев выбраться из тумана чистой ярости, застилавшего мое сознание и глубоко вздохнув, я криво улыбнулась.

— Все в порядке, мы уходим.

Мне даже удалось тепло попрощаться со всеми, кто был на кухне. Но как только мы вышли, мне на глаза попался Талив. Весь в черном и обвешанный оружием с ног до головы. Злость на Альдо вновь затопила меня.

Чтобы не пугать девочек выражением своего лица, я шла сзади. Рави тащил корзинку, Пирра и Лика бежали впереди, здороваясь со всеми, кто попадался навстречу. Правда их улыбки были несмелыми, а Лика к тому же все время опускала глаза, но они не выглядели напуганными, а это главное.

Я шла за ними на автомате, от души желая, чтобы черти в аду втыкали вилы в распрекрашенную задницу Альдо до тех пор, пока она не превратится в сито.

Прохладный полумрак конюшни вернул меня на землю, но мне пришлось сделать над собой усилие, чтобы не отвлекаться на крутящиеся в голове проклятия и слушать, что говорит мне Икар.

Он уверял меня, что с моей скотиной все в порядке, хотя вид у Облака был не очень. Мара почистили, и его шкура снова переливалась всеми оттенками синего и голубого, и он, конечно, съел все, что я ему предложила. Но он буквально висел на пропущенной под животом толстой сетке, закрепленной под потолком, а его задние ноги густо покрывала желтая мазь.

— Не волнуйтесь, — Рави наклонился ко мне. — С ним все в порядке, он такой тихий из-за лекарства. Мары не очень хорошо переносят боль, ноэль. С моим, то же самое, — указал он вглубь помещения. Там на сетке висела еще одна тушка.

— Хорошо, — его объяснение меня успокоило. — А почему ты не хочешь лечиться? — дотронулась я до его рук сплошь покрытых ранками.

— Это пустяки, ноэль, — отмахнулся он. — Есть кое-что поважнее! — его голос стал тише.

— Что случилось?

— Мешок с миурой, ну тот, что не хотела бросать Лика. Он пропал.

— Ну и что? Ты думаешь, она вспомнит? Неужели ей захочется корней, а не того, что лежит в корзинке?

— Нет, вы не понимаете, — настаивал Рави. — Если бы его нашли пустым, то я так бы не волновался, но он действительно пропал. Не могли же мары сожрать его? Они обжоры и едят все, но съесть сам мешок?

— Да валяется этот мешок где-нибудь в углу, чего ты так разволновался? — пожала я плечами.

— А вдруг миура, это вовсе не корни? — он подозрительно сощурился.

— А что это? Шпион тасогов? Рави, не накручивай себя..., - я хотела успокоить мальчишку, но меня окликнул Ахлат.

— Ноэль, эр-рех Тангар, просит разрешения поговорить с вами, — церемонно произнес он.

— Ты присмотришь за девочками? — улыбнулась я Рави. — И не думай ты больше про мешок!

Парнишка задумчиво кивнул мне и повернулся к девочкам, самозабвенно глядящим апатичное Голубое Облако.

После полумрака конюшни, солнце показалось мне особенно ярким. В тени дерева стоял Трай и двое его людей. Стоило мне шагнуть на каменные плиты двора, они склонились в глубоком поклоне, а Тангар легко наклонил голову и скользящим шагом двинулся ко мне. Тут же за моей спиной выросли Ахлат и Талив.

Я недовольно сморщилась, а Ахлат, не спуская глаз с моего «брата», сказал.

— Приказ эр-реха. Мы должны присутствовать при вашем разговоре.

— Можно обнять тебя? — улыбаясь, спросил Трай, игнорируя откровенный вызов, демонстрируемый моей охраной.

Я кивнула, разве можно отказаться от такого? Даже фиолетовый синяк, украшавший его скулу, был пикантным штрихом, дополнявшим общую картину. Красавчик! Я невольно

вздохнула. Он был слишком... идеальный, и не выдерживал никакого сравнения с Альдо. Потому что моему извращенному вкусу не хватало холодной безжалостности, сквозившей в каждом движении Савара. К тому же, у Трая были не такие красивые ресницы. Поэтому его объятия не произвели на меня абсолютно никакого впечатления, я не воспринимала его, как мужчину. Наверно, это было заметно со стороны, потому что мой эскорт заметно расслабился и отстал на несколько шагов.

— Ты похорошела, Кира, — с восторгом сказал Трай. — Я рад видеть тебя.

— Взаимно, но ты должен извинить меня за вчерашнее и за... синяк.

— Пустяки! Это было весело, — его серые глаза смотрели с восхищением (вот если бы Альдо посмотрел на меня так!)

— Что у тебя на голове? — вдруг спросил он.

— Лица постаралась, — отбросила я косу за плечо.

— Дочь Альдо?

— Да, — подтвердила я. Мне показалось, что Трай достаточно осведомлен о них, чтобы рассказать мне все. Я уже приготовилась спрашивать, но он покачал головой.

— Сначала, я должен передать тебе это.

Он протянул мне плотный коричневый конверт с логотипом строительной фирмы, в которой работала Света. Когда я взяла его, руки у меня дрожали.

Светка! Никогда не думала, что мне так будет не хватать ее. Радуюсь письму, как долгожданному подарку, я разорвала конверт. Минуту, может больше, я вникала в смысл нескольких торопливых злых, наполненных обидой строчек и витиеватым проклятием в конце, а потом отчетливо услышала, как что-то внутри меня с треском лопнуло. Листок выпал из неверных пальцев и мне страшно захотелось лечь рядом с ним на песок.

Удивительно, как обыкновенные чернильные закорючки на листе бумаги смогли разорвать все, что связывало нас. Боль от этого была такой сильной, что я покачнулась и почти упала на руки Ахлату. Мгновение, и Талив вырос рядом, держа нож у горла Трая. А те, что пришли с ним, лежали на каменных плитах лицом вниз, раскинув руки, а над ними возвышались непонятно откуда взявшийся Хоранд и Икар. Рави у входа в конюшню, одной рукой крепко держал Пирру за шиворот, а другой сжимал рукоять ножа. Побелевшая от страха Нури прижимала к себе Лику. И все смотрели на меня.

— Ваше слово, ноэль, — глухо сказал Ахлат.

Больше всего на свете мне хотелось забиться куда-нибудь в темный угол и рыдать, но я понимала, что, если я прямо сейчас не начну дышать, двигаться и говорить, случится непоправимое. Серые глаза Трая смотрели на меня тепло, понимающе....

— Не нужно, — шевельнула я рукой в сторону Талива. Медленно высвободившись из объятий Ахлата, я встала рядом с Траем и Талив неохотно отступил. Хоранд и Икар одновременно сделали шаг назад, позволив подняться остальным.

— Вы уверены, ноэль? — голос Ахлата был ровным и холодным, как лед на стекле.

Я старалась сдерживать слезы, но они безостановочно текли по щекам. Сумев улыбнуться перепуганным детям, я сказала:

— В комнате вас ждут подарки, подождите меня там.

Рави, совсем как Альдо, дернув плечом, подхватил упирающуюся Пирру. Нури и Лику двинулись следом.

— Нам нужно поговорить, — сквозь заливающие лицо слезы я смотрела на Трая. — Наедине.

— Нет, — голос Ахлата стал еще холоднее. — Эр-рех был против всего этого.

— Она должна знать правду, — протягивая мне руку, вздохнул Трай.

— Наедине, — повторила я. — Я хочу говорить со своим братом. И мне нужно сесть.

После некоторого колебания Ахлат сдался и согласился оставить нас вдвоем.

Мне с трудом дались несколько метров до растущего рядом дерева, и я с облегчением опустилась на скамью. Трай устроился рядом. Остальные отошли на несколько шагов.

Некоторое время я сидела, наблюдая, как ветер гоняет по двору «привет от лучшей подруги».

— Сожгите его, — тихо попросила я.

Икар ловко поймал письмо и конверт, небольшая вспышка и остался только пепел, который кружась, поднимался все выше, пока не растаял совсем.

— Ты знал?

— Письмо было не запечатано, — виновато улыбнулся Трай.

Значит и Альдо знал.

— Почему, Трай? — Я повернула к нему голову. — За что?

— Забудь, — его голос звучал резко. — Она не стоит твоих сожалений.

— Расскажи, хуже все равно уже не будет, — потребовала я. — Откуда у тебя это письмо?

— Видишь — ли, — осторожно начал он. — В вашем мире живут люди, которые помогают нам.

— Шпионы, — констатировала я и он поморщился.

— Не совсем, они не скрываются. Некоторые из них твои соотечественники, другие уроженцы Окатора, которые предпочли жить в вашем мире, — он протянул мне платок и продолжил. — Альдо хотел, чтобы твоей подруге кое-что передали.

Я вытерла слезы и удивленно посмотрела на него.

— Брошка. С большим зеленым камнем.

— Ах да, я сказала Нури, что эта вещь могла бы исполнить все наши мечты..., - криво улыбнулась я.

— Мой человек передал твой подарок и попросил написать несколько строк для тебя. Света писала очень долго, тянула время. В вашем доме была засада, — резко выдохнул Трай и отвернулся.

— Ее наверняка заставили! — я ухватила за эту мысль, как за соломинку.

— Нет, — покачал головой Трай. — Она сделала это добровольно. Она вышла замуж за Константина и работает... с Полковником.

— Это не правда! Она не могла! Ее заставили! — я повторяла это снова и снова, а он только презрительно усмехался.

Ахлат и Талив немедленно подошли ближе.

— Тот..., твой посланник, он жив? — уже тише спросила я.

— Да, но он был ранен.

— Она не могла предать, она не такая.

— Ты недостаточно хорошо ее знала, Киран.

— Знала, — прошептала я.

Конечно знала. Все я знала! Знала, что на людях, она была исключительно хорошенькой и приятной в общении девушкой. А дома устраивала грандиозные истерики, впадая в уныние из-за множества скоротечных романов. Приступы плохого настроения были бурными и

продолжительными. Она могла наговорить мне кучу гадостей, одновременно требуя постоянного внимания.

Конечно, потом она извинялась, просила прощения и если я не торопилась это сделать, то долго дулась. Светка была до смешного обидчива, но сама грубила не задумываясь. Я жила с ней как на вулкане и терпела, потому что лучше так, чем тосковать в одиночестве. Я была готова выносить все ее капризы, но никогда не могла подумать, что она пойдет так далеко!

— Почему ты ее защищаешь? — Трай носком сапога вдавил в песок крохотный уголок конверта.

— По привычке, — мне очень тяжело дались эти слова.

— И что?

— Она... — я долго не могла подобрать нужных слов — Мы дружили..., она была всем для меня.

Обидно, но это все, что я могла сказать о наших отношениях. У меня была подруга, о которой я заботилась, утешала, слушала ее жалобы, а она... ну, жила она со мной.

— А ты была всем для нее? — язвительно поинтересовался Трай.

— Она принимала меня такой, какая я есть! — обозлилась я.

— И что с тобой не так? — он взглянул с удивлением. — Ты благодарна ей за то, что она тобой пользовалась?!

— Все не так.

— А как?

— У нас было и хорошее...

— И сколько его было? Столько, — он широко развел руки. — Или столько, — скривившись, Трай дунул на крошечную частицу пепла.

— Не твое дело!

Подобные мысли иногда тревожили и меня, но я загоняла их в самый темный угол сознания. И теперь они кучей вывалились оттуда! Я взглянула на Тангара, его лицо было непроницаемо.

— Она была единственным человеком, который хоть немного любил меня, — простонала я.

— Это ты так считала, — холодно возразил Трай. — Но это не правда, и ты сама это знаешь. Для нее очень легко было быть твоим другом. Она была рядом с тобой, потому так было проще, выгоднее. Для нее. А потом все изменилось, и она решила, что ей проще тебя ненавидеть. Это правда, которую ты просто не хочешь принять.

— Но почему?

— Зависть и жадность, я думаю.

— Завидовать? Мне? Смешно!

Трай улыбнулся и вздохнул, как будто подбирая мне менее обидный эпитет.

— Смешная...

— Так и скажи, дура!

— Зачем так резко?

— Так получается..., - вздохнула я.

— Почему, Трай?

Он тепло улыбнулся и положил руку мне на плечо.

— Может потому, что она столько лет была на первом плане, а ты была удобной,

незаметной и безотказной? И вдруг все меняется! У тебя появляется шикарный кавалер, он смотрит на тебя, а «королеву красоты» игнорирует. Потом, делает предложение, опять все тебе. Потом появляемся мы и ты опять в центре внимания. Не сомневаюсь, что Полковник подлил масла в огонь, рассказав, кто ты такая. Он в этом профессионал, уж можешь мне поверить. Принцессой оказалась ты, а не она. А потом к зависти добавилась еще и жадность.

— Причем здесь жадность?

— Ноэль, — Трай покачал головой. — Ты послала ей королевский подарок.

— Брошку, — отмахнулась я.

— Ты удивишься, если я назову количество нулей в цене этой вещицы, — высокомерно заметил он.

— Ну и что?

— А того что я назвал мало? — Трай мягко улыбнулся. — Когда до тебя дойдет, что до сих пор ты жила не для себя, а для другого человека. Очень долго! Твоя Света и представить себе не могла, что ты когда-нибудь избавишься от своей зависимости.

Я давно знала, что если не шевелить головой и не моргать, продолжая смотреть прямо перед собой, то можно скрыть свои эмоции и не разреветься в самый неподходящий момент. Трай говорил со мной спокойным, ровным голосом, тепло улыбаясь, но мне от этого было только хуже.

— Хватит прятаться от жизни, Киран.

С трудом проглотив слезы, я сумела сказать:

— Я не прячусь. И мне нравилась моя прежняя жизнь...

— В углу за печкой, — хмыкнул он.

— Ты меня так утешаешь?

— Кира, ты сама загнала себя в этот угол, тебе решать, как долго ты собираешься там сидеть.

Я уже открыла рот, чтобы ответить, но не успела. Во двор с диким гиканьем влетели всадники. Трай поднялся, увидев Альдо.

— Договорим позже, — Тангар склонился к моей руке.

— Успокой детей, ты их напугала.

Меня вежливо отсылали, и я покорно кивнула. Продолжать наш разговор в присутствии Альдо не имело смысла.

— Киран! — Окликнул меня Трай. — Альдо не хотел, чтобы ты читала письмо, он знал, что тебе будет больно.

— Неужели?

— Я похвалил его. Я сказал, что теперь он не холодная сволочь, раз беспокоится о чувствах других.

Мне стало немного интересно.

— И что он сделал?

— Приставил нож к моим..., к шее. И сказал, что для него важна только ты, а на других ему по-прежнему наплевать.

— Зачем ты говоришь мне это?

Трай не ответил. Церемонно поклонившись, он не спеша двинулся в сторону конюшен.

— Ноэль? — Хоранд тронул меня за плечо. — Я провожу вас.

Провожатые мне были не нужны. Но я смогла отделаться от него только перед входом в комнату. Нури обеспокоенно вглядываясь в мое лицо, показала мне подарки для детей,

присланные из Суфраэля.

— У девочек теперь есть все необходимое, ноэль, — щебетала она. — Дети растут быстро, и у каждого нашлось что-то для вас. Смотрите как красиво! — протянула она нечто, покрытое затейливой вышивкой.

Пирра и Лика счастливо улыбались, сидя перед кучей игрушек. Но радоваться вместе с ними я была просто не в состоянии.

— Нури, мне нужно побыть одной. Хотя бы немного. Я могу рассчитывать на тебя?

Она вздохнула.

— Мне жаль.... Я могу помочь?

— Ты уже помогаешь, — я легко обняла ее и вышла в сад.

Ноги сами принесли меня на пляж, и я долго сидела на теплых досках, бездумно наблюдая за волнами, набегаящими на берег.

Слова письма как будто были выжжены у меня в мозгу, и я все время повторяла их. Я чувствовала себя выпотрошенной. Я осталась совсем одна. Стянув с себя одежду, я шагнула в воду.

Жаль, что рядом нет моей зверушки! Я бы уцепилась за нее и уплыла бы далеко-далеко, ни о чем не думая, ни о чем не жалея. Раскинув руки в стороны, я лежала, качаясь на волнах. Я хотела все забыть, но мысли билась в моей голове как прибой.

Альдо. Он не хотел, чтобы я читала письмо, и приказал Ахлату быть рядом. Но зачем он сделал это? Он... он мог бы меня утешить, помочь справиться со всем, что на меня навалилось. И нам для этого совсем не нужно было бы разговаривать....

— Найлек?

От неожиданности я ушла в воду с головой, а вынырнув, увидела на берегу Альдо. Я убрала мокрые пряди с лица и пошла ему навстречу. Выражение его лица было удивительно мягким, улыбка — нежной. Вода доходила мне до пояса, когда я сообразила, что раздета. Развернувшись на месте, так, что вокруг моих ног образовался маленький водоворот, я повернулась к нему спиной.

— Опять боишься? Или думаешь обо мне гадости? — эти слова прозвучали очень обиженно.

— Я ничего такого..., - и правда, зачем я так. Как будто он раньше этого всего не видел!

— Ну, нет, ты думала!

— Альдо, я не думала, — я почувствовала себя совсем несчастной. — Я просто...

— Опять та же ошибка. Как тогда, в саду. Ты дразнишь меня?

— Нет! — почти закричала я.

— Боишься?

Я вздохнула.

— Меня или себя?

Я молчала, что я могла ответить ему? Если я и сама не знаю, кого и чего я боюсь.

— Я могу подождать твоего ответа, пока, — с угрозой в голосе произнес он и вошел в воду.

Альдо накинул что-то мне на плечи и развернул к себе. Он выглядел очень соблазнительно в облепившей его мокрой рубаше. Я подняла руки и обняла его. У него были теплые мягкие губы, раскрывшиеся мне навстречу.

— Мне жаль, найлек, — прошептал он. — Ты плакала... мне жаль....

Обнявшись, мы стояли в воде очень долго. Он не произнес больше ни слова, осторожно

прижимая меня к себе.

Неожиданно, где-то совсем рядом, звонким колокольчиком прозвенел смех Пирры и Альдо мгновенно отстранился.

— Ты правда хочешь чтобы они остались?

— Конечно. Это же твои дети. Им нужен отец и мать. Где их мать Альдо?

Он резко повернулся. Уходит?

— Альдо?

Он не поворачиваясь молча пошел к берегу.

Одиночество, отступившее от меня, мгновенно вернулось. Меня опять, вот только что, снова бросили! Я почти заревела, но с шумом втянув слезы внутрь, схватила проплывающую мимо деревяшку и запустила ее в Альдо. Не попала, конечно, но он даже не оглянулся.

Я уложила девочек, сложила все что им подарили, но Альдо так и не появился. Нури, помогавшая мне, ушла. Я умылась и переоделась. Разобрала прическу, которую соорудила Лика. День был ужасным, я устала, но сон не шел. И я просто сидела на темной террасе, слушая, как где-то в саду поет Астрада.

Рядом, на ступеньках, материализовался Трай, и если бы я испугалась хоть немного меньше, то уже кричала бы от ужаса. Он тихо стоял, ожидая, пока речь вернется ко мне.

— Ты... я чуть не умерла! — прошипела я. — Уходи немедленно!

— Мне показалось, что ты хотела поговорить, — Трай опустился на ступеньку рядом со мной. — Меня никто не увидит.

— А как же, Ускользящий- в- Ночь, и все такое! Мог бы прийти по-человечески. А если бы я заорала?

Трай снисходительно улыбнулся, и я подумала, что Прекрасный Принц совсем не так очарователен, как кажется. Альдо был прав, когда говорил, что опасность только тогда опасность, когда она за чем-то скрыта.

— Я прояснить кое-что. Ты слишком увлеклась прошлым, а твоего внимания требует настоящее.

— Окатору нужен мир, Кира. И если твой союз с Альдо будет неудачным, все потеряют очень много.

— Ну да, — усмехнулась я.

— Я просто откровенен и говорю прямо. Альдо, мягко говоря, не слишком приятный союзник. С ним почти невозможно договориться, но он не станет интриговать или бить в спину.

— Он, так же, как и я, отвечает за множество людей и преследует высокую цель. И если вы посмотрите в глаза друг другу и забудете взаимные обиды, всем будет хорошо.

Я усмехнулась, ну да, как же!

Я отвернулась, сейчас он будет убеждать меня в моей исключительности. Но Трай надолго замолчал, а потом придвинулся ко мне ближе и тихо сказал:

— Альдо не идеал, но у тебя тоже есть недостатки. Думаешь, нет? Неожиданно оказалось, что ты упряма, темпераментна, своевольна и не любишь, чтобы тобой командовали. Ты больше не желаешь подчиняться и хочешь решать все сама, — он подмигнул и с восхищением заметил. — Настоящая Тангар!

— Но ты так обрадовалась обретенной свободе, что забыла кое-что.

— Ух ты, я оказывается, свободна?

— А разве нет? — Трай усмехнулся. — Ты уже не та испуганная мышка в нелепом

белом платье. Ты стала настоящей, Киран. Даже вчера, когда ты ворвалась к нам, как пыльная буря, ты была очаровательна. А сегодня ты разишь наповал, — и он одарил меня томной улыбкой.

— Все это не просто так.

— Ты это к тому, что все имеет свою цену? — презрительный тон у меня получился не очень. Я была под впечатлением от комплимента.

— Ты принадлежишь Окатору, Киран, — в его голосе не осталось и следа нежности.

— Кроме того, ты не только красивая женщина, ты, носитель древней крови. Тебя невозможно заставить, только уговорить или убедить. Чем я сейчас и занимаюсь.

Ага, мало того, что красавица, так еще и принцесса! Я скорчила гримасу, закатив глаза и приставив два пальца ко рту, изображая рвоту. Трай тут же схватил меня за плечи и встряхнул.

— Не знаю, как ты жила раньше, но сейчас у тебя появились обязанности, которые иногда не совпадают с твоими желаниями. Ты здесь, чтобы окончательно примирить всех нас! И тебе придется думать не только о себе.

— Можно подумать раньше было по — другому!

Он некоторое время смотрел на меня холодными стальными глазами.

— По- другому. И ты сама это понимаешь. Все изменилось! Сейчас от тебя зависит слишком многое. Процветание, мир или уничтожение всего, что создавалось с таким трудом. Твой союз с Альдо должен быть настоящим, ноэль эр-рех Кирен, — добавил он тише. — И принести свои плоды.

— У Альдо уже есть плоды, — хмыкнула я.

— Мне тоже жаль этих девочек. Но ты ведь забрала их от тех людей? Теперь им ничего не угрожает. Хочешь оставь их, нет любая семья будет рада принять детей. А у тебя будут свои дети.

— Что? — я почти сорвалась на крик. — Тебя послал Альдо?

— Ты не слушаешь меня! — Трай опять сел на ступеньку и его плечи опустились.

Мы опять замолчали. Я злилась, а он вздыхал.

— Как ты поступишь, если Альдо захочет удалить девочек из Суфраэля? — негромко спросил он.

— Я не могу их отдать, Трай! — я вытерла злые слезы. — Я нашла их, я видела, как Пирра роется в грязи. Я видела тот сарай и готова была убивать. Мы попали в бурю и Голубое Облако пострадал. Мои руки...и Рави..., - я всхлипнула. — Я обещала им! Я обещала! Как я могу их отдать, если меня саму всю жизнь бросали? Как можно вообще спрашивать меня об этом?

Я уже плакала, не стесняясь, и Трай обнял меня.

— Почему ты пришел уговаривать меня, а не ту бесчувственную скотину?

— Потому что дело в тебе, а не в нем. Поверь, Альдо и правда бесчувственная скотина, но он хочет добра своим детям. Он хочет защитить их.

— Конечно!

— Киран!

— Я не могу их отдать, — я уже не плакала и смотрела ему в глаза. — Я могу отказаться от Альдо и уйти в любую минуту. Выбирает всегда женщина.

— Баллер! — фыркнул он и, помолчав, добавил. — Ты все можешь. Ты даже можешь вернуться в свой мир, только я не советую.

— Это почему?

— Ты забыла. Ты в некотором роде не человек, в тебе многие заинтересованы. Полковник, например. Есть и другие. Прежней жизни уже не будет.

— Меня что, сдадут на опыты?

Трай пожал плечами и то, как он это сделал, мне очень не понравилось.

— Ты серьезно?

— Тебе знакомо такое понятие, как дигибридное скрещивание? Встроить нечеловеческую ДНК в зародыш человека, голубая мечта Полковника. У него вообще множество различных идей — метизация, клонирование...

— Зачем?

— Идею создания универсального солдата никто не отменял!

— Они что, хотят, чтобы я...

— Не волнуйся, ты нужна им, как поставщик генетического материала.

— О..., это конечно совсем другое дело!

Я немного помолчала, переваривая полученную информацию, а потом спросила:

— Это... то, что ты мне сказал, это официально? Ну, на государственном уровне?

— Конечно, нет! — хмыкнул он. — Все спонсируют несколько полуофициальных инвесторов.

— Я не понимаю?

— Чего? Того что одержимые идеей мирового господства всеми силами стараются создать идеальную машину для убийства?

Я вздохнула.

— Вот у нас такая уже есть, — доверительно сообщил он, наклоняясь ко мне.

— А давай отдадим Полковнику этого злобного урода? — мне было ясно о ком он говорит.

— А вдруг у них получится его клонировать?

— Ладно, — после некоторого молчания сказал Трай. — Какое бы решение ты не приняла, ты моя сестра и Рейвен твой дом. Я буду счастлив, принять тебя там, но... ты не сможешь жить, как тебе захочется Кира. У тангаров немного другие обычаи. Я буду обязан выдать тебя замуж, предупреждаю сразу.

— Насильно?

— Конечно, нет! Выбирает всегда женщина, — Трай широко улыбнулся. — Мы устроим турнир, ты же принцесса! Иначе никак. Ты, естественно, достанешься самому лучшему. Победителю. Савару.

— Издеваешься? — взвилась я.

— Каждый мужчина, носящий оружие, может претендовать на невесту. Альдо очень сильный противник и ему «нравиться убивать», сама сказала. Я вне игры, значит, он победит, — спокойно сказал Трай.

Я с ненавистью посмотрела на него, видимо, у этого очаровашки повсюду шпионы. Он затыкает мне рот моими же словами!

— Ты еще хуже, чем он! Альдо, по крайней мере, не прикидывается добрым!

Трай встряхнулся как собака и сказал.

— Извини меня. Наверно я переборщил и несколько сгустил краски, но суть верна. У тебя есть несколько вариантов, — он вздохнул.

— Ты можешь найти девочкам приемных родителей. Ты можешь оставить их, и Альдо

всю жизнь будет спать в саду. Ты можешь покинуть Окатор, тогда Альдо сам найдет для них семью. Ты можешь уйти со мной в Рейвен, но дети останутся здесь. Если ты выберешь первое или второе, Договор не будет нарушен. Третий и четвертый варианты одинаково губительны, в первую очередь для тебя.

— Почему? — спросила я тихо.

— Вернешься в свой мир и тут же окажешься в руках у Полковника. Он постарается вытянуть из тебя все, что можно любыми способами, а потом..., - Трай выразительно посмотрел на меня.

— Что касается Рейвена и турнира... я не шутил. Савар будет драться за тебя, — Трай опустил голову.

— Любой счел бы это оскорблением. Он не даст тебе надеть другие браслеты, пока жив.

— И что же мне делать?

— Уступи, — тихо сказал Трай. — Это лучший выход. Никто не пострадает. И будущее будет не только у Пирры и Лики. У всех детей. Внуки Кары, например. И твой юный страж — Рави, он, в сущности, еще ребенок.

— Я не понимаю почему девочки не могут жить тут, с отцом? Почему вообще их отдали, Альдо боялся, что я буду злобной мачехой? И где их мать?

Трай грустно посмотрел на меня и покачал головой.

— Не мать. Матери.

Стоило мне на мгновение опустить глаза, и он исчез так же неожиданно, как и появился. После его ухода мне стало совсем плохо. Я не знала, что мне делать. Я злилась. Я была в ужасе от перспектив, которые мне нарисовал Тангар. Я подозревала, что и Светкино письмо он отдал мне, потому что хотел оборвать все что связывающие меня с моей прежней жизнью, интриган! И я догадалась, кто шпионил для него — Бель-шум! Этого божьего одуванчика я не видела уже два дня, наверняка выжидает и ждет, чтоб все закончилось. А ведь это он послал меня в Эдем!

Я резко поднялась. Сидеть на одном месте было просто невыносимо. Я умылась, стараясь не смотреть на свое опухшее от слез лицо. Чтобы как-то сосредоточиться, я начала ходить в темноте.

Если старик знал о детях и послал меня туда, то он, вероятно, предполагал, что я увижу их, пойму, кто они и привезу в Суфраэль. И он знал, как Альдо к этому отнесется, а я захочу, чтобы они остались. Бель-шум отлично понимал, к чему это приведет! Но он патриот Окатора и больше всего хочет, чтобы старые обиды были забыты. Тогда почему он это сделал? Зачем ему создавать лишние проблемы? Бель-Шум сказал мне, что я справлюсь лучше, чем он. С чем я должна справиться лучше?

В изнеможении я прижалась лбом к прохладной каменной стене. Что я должна сделать? Как мне добиться от Альдо того чего хочу я? Он же упрямый, как... мар! Я резко выдохнула. Он же не Облако, готовый продать Родину за пирожок. Альдо наплевать на еду, ему вообще на все наплевать. Я же не могу отнять у него пустыню, запретить точить ножи и грозно смотреть в бесконечность.

Я обхватила себя руками. Он так смотрел на меня сегодня. Он нашел меня и утешил. Несколько минут я просидела неподвижно, а потом мстительно улыбнулась. Если у меня все получится, то довольны будут все. Девочки останутся со мной, Договор не будет нарушен, а братец-интриган утрется.

Вернувшись в комнату, и устроившись рядом со спящими детьми, я улыбалась, веселье

просто распирало меня. Правда, в моем хитро-коварном плане было одно слабое место....

— Я гений, и я не боюсь, — сказав это темноте вокруг меня, я заснула.

Утром мой план уже не казался таким идеальным. Но взглянув на заспанные мордочки Пирры и Лики, я отбросила последние сомнения.

К неудовольствию девчонок, я одела их без излишеств, а после завтрака мы пошли на поиски Кары. Мне нужна была свобода маневра, и я хотела просить ее взять девочек в гости к своим внукам.

Я волновалась, когда говорила об этом, но Кара, на удивление быстро согласилась. Поздравив себя с успешным выполнением первого пункта моего плана, я перешла ко второму.

На это ушло довольно много времени, несмотря на помощь Нури и Тутты. Я не посвящала их в детали, туманно намекая на некий сюрприз. Был почти полдень, когда мы закончили. Девушки ушли, и я, наконец, решилась взглянуть на себя в зеркало.

что ж, я определенно похудела. И это было хорошо! Я улыбнулась, вспомнив, как вытянулись лица у девушек, когда они увидели платье. Красно-коричневый шелк облегал меня, как вторая кожа, если бы декольте было хоть на сантиметр глубже, это было бы первое в мире платье без лифа. Для усиления эффекта я распоролла длинные широкие рукава, теперь, они почти полностью обнажали руки. Этого мне показалось мало. Легкое движение ножниц и сбоку появился разрез, открывавший ногу почти до середины бедра. Фактически, платья на мне почти не осталось.

Нури, дрожащими руками, сотворила мне высокую прическу. На моей шее, в ушах, запястьях и волосах, каплями крови горели красные камни, оправленные в желтый металл. Девушки утверждали, что это золото, но мне верилось с трудом, веса того, что на мне надето я совершенно не чувствовала.

И я, наверно, окончательно сошла с ума, раз решилась не только одеть такое, но и выйти в этом из комнаты.

Я закрыла глаза и представила, что я... Светка. У меня ноги от ушей, грудь пятого размера и объём талии сорок сантиметров. И характер у меня соответствующий!

— Я — стерва, я — стерва, я — красивая стерва! — повторяла я как мантру.

Было немного страшновато, но мосты были сожжены и, подмигнув своему отражению, я приступила к выполнению третьего пункта плана.

— Эр-рех на тренировочной площадке, — шепнула мне Нури. — Но он там не один. Может, лучше позвать его сюда? Это платье....

— Глупости, — я решительно шагнула из полумрака галереи на залитый солнцем двор.

Мне хотелось верить, что никто не видит моей нерешительности, я уверяла себя, что выгляжу, как настоящая королева, что у меня легкая танцующая походка и все вокруг замирают от восхищения, а не падают в обморок от ужаса и отвращения к моим телесам, выпирающим из платья.

По плану, я должна была застать Альдо одного. Но рядом с ним торчал Трай. Они стояли и смотрели вниз, на тренировочную площадку, время от времени отдавая приказы и комментируя происходящее. Оба были так увлечены, что не заметили, как я подобралась ближе.

— Милый!? — пропела я, легко дотронувшись до Альдо.

Честное слово, он подпрыгнул вверх не меньше чем на метр и, развернувшись в воздухе, почти рухнул на землю, открыв рот. А я хлопала ресницами и улыбалась, наблюдая, как Трай, выпучив глаза, отступает от меня все дальше. Как жаль, что здесь совершенно нет ям. Я глубоко вздохнула, чуть не вывалившись из платья, Трай издал какой-то булькающий звук и устоял на песок перед собой.

— Дорогой, — переключилась я на Альдо. — Мне нужно поговорить с тобой. Сейчас, — промурлыкала я как можно более томно.

Я смотрела, как его прозрачные, как морская вода глаза превращаются в угли и улыбалась.

— Возвращайся к себе, Кира, — странным, скрипучим голосом сказал он. — И жди меня там.

— Нет, — игриво протянула я и поцеловала его в изуродованную шрамом сторону лица. — Я хочу здесь и сейчас.

Трай перестал булькать и захрипел. Смеялся? Альдо шагнул в сторону, и теперь стоял между мной и Тангаром.

— Я прошу тебя, — сказала я и положила руку ему на грудь.

Альдо шумно выдохнул и сузил глаза.

— Оставь нас, Трай.

Мой братец тотчас испарился.

— Найлек, — прошептал Альдо, прижимая меня к себе. — Зачем ты здесь?

— Мне нужно поговорить, — настаивала я.

— Говорить? О чем? Разве ты оделась так, чтобы говорить?

— Альдо, — как можно мягче сказала я, осторожно поглаживая его плечи. — Скажи мне, почему ты не любишь своих детей?

Он мгновенно напрягся, и я пожалела о своих словах. Я дура, слишком рано! Зачем я поспешила?!

— Давай поговорим, — попытавшись его обнять, прошептала я.

— Я не хочу, — он смотрел не мигая. Его руки превратились в тиски.

— Ты меня пугаешь.

— Приятно слышать.

— И ты сердисься, стоит мне заговорить о девочках.

Он не ответил, просто повернулся и ушел. Я не могла поверить, что он оставил меня вот так, даже не оглянувшись. Исчез, как приведение. Как он может? Я сделала из себя посмешище, нацепив это и выставив на всеобщее обозрение всю себя, а он делает вид, что меня нет?

Я больше не позволю себя игнорировать и начну прямо сейчас! Сорвавшись с места, я ринулась за ним, крича во все горло:

— Альдо! А ну стой! Мне все равно хочешь ты слушать или нет!

Но он не обращал на мои вопли никакого внимания. Даже его спина мной пренебрегала, и это стало последней каплей.

— Стоять! — рявкнула я. — тебя..... по... и..... в твою.....! — всплыли в моей памяти нужные слова. Но он задержался только на мгновение, а потом еще быстрее начал спускаться.

Я попыталась догнать его, но склон оказался слишком крутым. Чудом, удержавшись на ногах и не успев вовремя остановиться, я проломилла легкий заборчик, ограждающий

тренировочную площадку, и оказалась в самом центре учебного боя.

— Простите, — сказала я первому в кого врезалась.

Он меня не услышал, но почувствовал толчок. Уверенный, что на него напали сзади, он развернулся, подняв руку с длинным ножом. Я инстинктивно пригнулась, и это сохранило мне жизнь. Лезвие, описав широкую дугу, прошло в миллиметрах от моей макушки. Я замерла. Второй клинок остановился, почти касаясь моей шеи. Секунду мы смотрели в глаза друг другу, а потом он заорал не своим голосом. Это оживило меня, я отскочила в сторону, столкнувшись с другим бойцом. Мое робкое «извините» опять никто не услышал и рукав моего платья упал на песок. Теперь орало уже двое.

Я не знала, куда мне деваться, застыв на месте, окруженная тяжело дышащими потными мужиками, продолжавшими с увлечением избивать друг друга, размахивая при этом разнообразным холодным оружием. Они, казалось, забыли, что дерутся не всерьез.

Время от времени, кусочки моего платья падали вниз, кто-то удивленно смотрел на меня и тут же старался отодвинуться, завывая от ужаса. Я беспрерывно извинялась.

Но тут послышалась резкая команда Альдо. Опустив оружие и уставившись на меня, как на инопланетянку, орало и ругались все.

— Мне очень жаль. Я не хотела... Наверно, мне лучше уйти. Разрешите? — невнятно бормотала я, не зная, куда деваться от стыда.

Но все вокруг будто окаменели, Савар рыкнул во второй раз, и они разморозились, освобождая мне проход.

На другом его конце с белым лицом и горящими глазами радостного убийцы стоял Альдо, а у Тангара дергалась щека.

Я, опустив голову, побрела к ним. Сцена была унижительна, и в этом был виноват Альдо.

— Тебя могли прикончить! Дура! — Трай заорал так, что у меня заложило уши, а в толпе послышался согласный ропот. Альдо молчал.

— Мне нужно было поговорить, — пробормотала я.

Савар соорудил такую гримасу, от которой я едва не упала в обморок.

— Это ты виноват, — ткнула я в него пальцем.

По-бычьи нагнув голову, Альдо ринулся на меня, схватил за руку и поволок за собой. И хотя на один его шаг, приходилось три моих, я старалась не отстать, поминутно заправляя в остатки платья все, что из него вываливалось.

Альдо буквально бросил меня на кровать и, схватив попавшийся под руку цветочный горшок, швырнул его о стену. Он метался по комнате, ломая и разбивая все, что видел вокруг.

— Прекрати немедленно, — взвизгнула я, прижимая к груди статуэтку феррай. — Горшки не виноваты, что ты не хочешь со мной разговаривать.

— Ах, вот оно что! — Альдо оказался рядом и схватил меня за шею.

Я и не думала сопротивляться, зачем? Просто закрыла глаза и приготовилась умереть. Но минуты шли, а я все еще дышала.

— А почему ты не кричишь и не вырываешься? — вкрадчиво спросил он, и я приоткрыла один глаз.

Я прислушалась к себе и поняла, что... не боюсь? А кричать и вырываться? Это все равно не поможет.

— Не хочу.

— А если тебя душат?

Я фыркнула, и Альдо закатил глаза.

— Сколько времени ты меня знаешь?

— Я вообще тебя не знаю.

— Не изображай идиотку! — он хмыкнул. — Ты сообразила, что я ничем не могу навредить тебе, но все время нарываешься. Тебе нравится играть со смертью?

— Это тебе нравится пугать меня, а когда я не пугаюсь, ты ведешь себя как психованный идиот! — когда я это говорила, я смотрела на его губы. Они мне тоже очень нравились, почти так же, как и ресницы.

— Я что, должна трястись от страха? И если я этого не делаю, то подрываю твой авторитет?

Он отодвинулся и внимательно посмотрел на меня, с непроницаемым выражением лица. Я рассердила его или он осознал свои ошибки?

— Ты сначала провоцируешь меня, а потом используешь силу. Ежу ясно, что ты сильнее. Ты что садист? Тебя это... возбуждает? — я почти прошептала последнее слово.

— Я все еще держу тебя за горло, — Альдо нехорошо улыбнулся. — А ты говоришь мне гадости. Думаешь, ты умная?

Я закрыла глаза и улыбнулась, его руки были не согласны с его словами. Он едва удерживал меня, нежно массируя шею. Я улыбнулась и пожала плечами.

— Это точно! Ты единственная, кто....

— Не прыгает по свистку?

Альдо презрительно сморщился.

— Ты самонадеянный и высокомерный. Ты думал, я испугаюсь, и буду смотреть тебе в рот?

— Я тебе нравлюсь, — неожиданно сказал он. — Иначе ты бы не доводила меня до белого каления. Тебе нравится изводить меня, найлек? — Альдо легко оторвал остатки рукава и отбросил его в сторону.

— Ты же не боишься? — Он легко прикоснулся ко мне своим ножом, лезвие двинулось вверх по бедру, увеличивая разрез на платье.

Мне было весело и страшно одновременно, первый раз в жизни я флиртовала и не чувствовала себя ущербной.

— Чему ты улыбаешься, — он с раздражением отбросил кохар в сторону. — Ты ничего не выиграла, я позволил тебе это. Никогда не играй со мной в подобные игры. Тебе не победить.

Я села и показала ему язык.

— Я готова рискнуть.

— Не шути так! — он снова опрокинул меня на спину.

улыбалась. Никогда не думала, что словесные перепалки с мужчиной приносят столько удовольствия. Особенно с таким как Альдо. Особенно, когда он так целует меня. Подумать только, когда-то я мечтала о парне, похожем на плюшевого медвежонка. Глупые мечты наивной девчонки!

Но он наотрез отказывался говорить о детях. Потребовал, чтобы я «пристроила» их того, как Караван уйдет в Тулут, намекая, что времени у меня оставалось совсем немного.

Критически осмотрев все, что осталось от моего платья, Альдо велел мне не появляться в таком виде нигде кроме этой комнаты и ушел, оставив меня посреди устроенного им

погрома.

Я до темноты провозилась с уборкой, не желая, чтобы дети видели, что сделал их папочка.

Пирра и Лика, вернувшись, щебетали, как птички, но очень скоро заснули, утомленные поездкой и впечатлениями. Я сидела рядом с ними, напевая старую, знакомую с детства колыбельную. Что не так с этими милыми девочками? Не понимаю, почему Альдо отказывается от них?

— Киран? — прошелестел рядом тихий голос. На террасе, едва различимый в сумерках, стоял Трай.

Оглянувшись на обнявшихся сестричек, я подошла к нему.

— Опять будешь уговаривать?

— Я думал, ты захочешь попросить прощения, — холодно бросил мне он.

— У тебя? А ты тут причем?

— Я не вторгаюсь во владения других мужчин, — презрительно поджав губы, ответил Трай. — Но ты могла погибнуть сегодня.

— Я пыталась найти решение проблемы.

— Нашла?

— Он не хочет со мной говорить. Вернее, хочет..., но не говорить, и как только я вспоминаю детей..., - я в отчаянии топнула ногой.

Трай устало опустил на ступеньку.

— Он не передумает, Кира, можешь мне поверить. Даже если ты явишься к нему обнаженной, он не передумает.

— Ты прав, это был плохой план, — теперь мне было стыдно. Большинство обитателей крепости видели мои обильные прелести, как я посмотрю им завтра в глаза? Все дело в моей общей непривлекательности.

— Корова она и в Африке корова, не важно, раздета она или одета.

Трай нахмурился, а потом сказал.

— Не понимаю, что ты хотела этим сказать, но очень хорошо понимаю ярость Альдо. Он жутко ревнует, Киран. И если он застучает меня здесь..., - он выразительно провел рукой по горлу.

Это было не очень убедительно, но я кисло улыбнулась.

— Брось, Трай. Скажи мне, наконец, в чем дело?

Он тяжело вздохнул.

— Не уверен, что вправе говорить тебе это...

— Это почему? — я вцепилась ему в руку. — Говори!

— Ладно, — с явной неохотой протянул он. — Только ради собственного спокойствия.

Я кивнула, а Трай уселся на ступеньки рядом.

— Савары очень трепетно относятся к своим клятвам, а клятва Кадарго висела над ними слишком долго. Для некоторых это стало непосильным бременем.

— Альдо не хотел стать похожим на своего отца и не допускал в свою постель человеческих женщин. Он заключил договор сразу с двумя вашими структурами, причем, конкурирующими друг с другом. Они обязались найти потомка Гало, а он пообещал им за это технологию Перехода. Он считал это очень хитрым планом, воображал, что люди из кожи вон вылезут, чтобы достать то, чего больше всего хотят. Многие из нас были против

этого. Но меня Альдо не хотел слушать из принципа, а советы его собственных старейшин пропускал мимо ушей. «Я Савар, я не думаю, я знаю!», — передразнил его Трай, и я согласно кивнула.

— Первым нашел Невесту твой «дядя Родион», очень влиятельный человек, между прочим, — покосился он на меня. — Девушка, которую он привез, выглядела ожившим портретом Гало и говорила на шем, как будто выросла в Рейвене. Твердила, что ей с детства рассказывали о прародительнице, и она должна смыть пятно с чести рода. Вообще, несла всякую чушь о генетической памяти и реинкарнации. А когда Альдо, не помня себя от радости, уже собрался передать Полковнику обещанное, чуть не убила его, воткнув нож в спину.

Я охнула, а Трай продолжил:

— Савары буквально разорвали тех, кто был вместе с Полковником. Самого «дядюшку» выдворили в ваш мир. К сожалению, он слишком заметная фигура, чтобы убить. Девушка осталась, казнить женщину, да еще и беременную, нельзя. Беременность была исключительно тяжелой, никто не думал, что она продержится до конца. Поначалу она храбрилась, угрожала.... Но когда стало совсем плохо, начала говорить. Оказалось, что ее готовили специально, даже внешность изменили, чтобы добиться более полного сходства. Она должна была сделать все, чтобы Альдо поверил, а потом устранить его. На вашей стороне сигнала ожидали силы вторжения. О том, что она может забеременеть, никто не подумал, — вздохнул Трай. — А может, сочли, что она справится гораздо быстрее...

— Женщина знала, что умирает и просила только об одном, чтобы ребенка, если он выживет, оставили в Окаторе.

— Ты знаешь, что значит полное имя девочки? — спросил Трай, через минуту.

— Нет.

— Пирратаэкэйрин. Смерть, ради искупления. Но для Альдо, это дитя все равно остается напоминанием о предательстве. А предательства савары не никому не прощают..., — Трай искоса взглянул на меня и спросил. — Если Альдо увидит нас вместе, в темноте, он сочтет, что его предали. Ты не боишься?

— Нет. А ты?

Трай поджал губы и замолчал, мне пришлось толкнуть его, чтобы он продолжил.

— Почти сразу после фиаско Полковника, объявился его конкурент. Ты, кстати, тоже с ним знакома. Это тот, кого ты так исключительно виртуозно обругала, ноэль.

— Профессор?

— Ну да! У него была своя кандидатка, абсолютно не похожая на Гало. Нежная, хрупкая белокурая девушка с огромными голубыми глазами. Плюс мешок заверенных документов, подтверждающий кровное родство с Тангарами. Бель-Шум неделю разбирался в них и вынужден был признать их подлинность. Но сомнения остались. Понимаешь, — Трай в задумчивости поднял голову к небу. — В Окаторе нет светловолосых. Поэтому было странно, что потомок Гало — блондин. И потом, девушки такого фенотипа исключительно редко физиологически совместимы с..., ну вообще ты понимаешь. Но девочку угораздило влюбиться в Альдо, и она ходила за ним буквально по пятам. Он бесился, она улыбалась. Она была такой милой и светлой, что даже Савар не смог устоять, — Трай замолчал, а я почувствовала резкую неприязнь к этой несчастной.

— Она, в самом деле, была потомком Гало, но человеческим потомком, — вздохнул он. — У нее не было шансов, никаких, совсем... Несчастливая доверчивая дурочка, которой

очень профессионально промыли мозги.... Потом Савар обвинил себя в ее гибели, Профессору все сошло с рук, но той несчастной было уже все равно.

Он хмуро взглянул на меня и сказал:

— Ликайрин, означает — любовь к смерти.

— Он сдвинутый на смерти маньяк! — разозлилась я.

— Вот поэтому у него есть ты — Кирен, — он ласково дотронулся до моей щеки. —

Утешение.

— Пойми, он не может принять этих детей до конца. Одна, напоминание о предательстве, другая, свидетельство его вины. Он отослал их не потому, что не любит, а потому, что ему слишком больно их видеть.

— И он отослал их Преподобному?

— Это казалось правильным. Божьи люди, — Трай вздохнул. — И потом, никто не знал, как ты отнесешься к детям. Старались чтобы твоя адаптация была успешной.

— У вас получилось.

— Альдо был там, — глухо сказал Трай и у меня по спине побежали мурашки.

— Не волнуйся, трупов не было. Их достаточно вежливо попросили убраться. Остались только присягнувшие на верность Саварам.

— Много?

— Пять семей, — Трай вздохнул. — Мы очень осторожно впускаем в наш мир людей, но рано или поздно большую часть приходится отправлять их обратно. Окатор не такой как Земля. Он слишком суров и безжалостен. Для людей Окатор, как большая проверка, — он замылся, — на «вшивость». Большинство ее не выдерживает. И очень немногие понимают, что стоят гораздо больше чем считали.

— Я был просто счастлив, что ты так быстро освоилась. Договор вступил в силу. Он не уступит, будь умнее и подчинись.

— Как у тебя все просто! Я уже устала повторять, что не отдам девочек. Ты не понимаешь, что такое жить с чувством, что тебя бросили, а я знаю. Больше всего, когда это делает человек, которому ты доверяешь, — в сознании всплыли слова Светкиного письма, и я с трудом сдержала слезы.

Мы сидели в темноте и молчали. Ночь была ласковая и теплая, наполненная густым, пряным ароматом цветов. Ветер едва-едва шевелил листья на деревьях вокруг. В нем слышался тихий смех и осторожные вздохи, идеальная декорация для любовного свидания, чуть-чуть подсвеченная яркими звездами.

Но лицо моего собеседника было начисто лишено какого-либо выражения.

— Скажи мне, — решила я на вопрос. — У тебя есть кто-то, кого ты любишь? Родители, друзья, жена или подруга, дети, ну хоть кто-нибудь?

— Это слишком большая роскошь для меня, сестренка, — усмехнулся он. Не знаю, что подействовало на меня сильнее, горечь, с которой это было сказано или обращение «сестренка», но мне захотелось утешить Трая, и я взяла его за руку.

Он накрыл мою ладонь своей.

— В нашем положении позволить себе любить, можно только убедившись, что все, кто несут угрозу, истреблены. Иначе, каждый, кого ты любишь — заложник. Малейшая привязанность, — он хмыкнул, — ослабляет бесстрашие и туманит рассудок.

— Да, ты прав, — я осторожно отстранилась. А ведь я почти поверила Альдо. Ведь знала, предчувствовала, что этим все закончиться. Какая уж тут любовь, сплошная

государственная необходимость!

— Нет, ну что ты! — вдруг, спохватился Трай и заставил меня посмотреть на него.

— Мы ведь говорили обо мне, Киран. Альдо совсем другой. Савар только и делает, что носится вокруг Суфраэля, убивая все, что представляет потенциальную опасность для тебя. Он приставил к тебе десяток своих бойцов. Он никому не доверяет, не удивлюсь, если за тобой и сейчас присматривают. Так что постарайся не сердиться на меня, твоего недовольствия будет достаточно, чтобы всадить нож мне в сердце.

— Ну, ты и врун! — я истерично рассмеялась. — Бойцы, говоришь? Мой единственный телохранитель — Рави, по твоим словам, почти ребенок. И он совсем не горит желанием меня охранять. Присматривают? Мы беспрепятственно смылись из крепости в пустыню, и за целый день нас никто не хватился!

— А зачем тебе знать, что за тобой таскаются вооруженные до зубов головорезы? Наверняка это заставило бы тебя нервничать. А Рави совсем другое дело, и к тому же неплохой актер. Вспомни, когда я передавал тебе письмо, тебя не удивило, откуда в пустой конюшне столько народа?

Я фыркнула, мой «братец» изворачивался, как уж на сковородке. Веры его словам никакой, но почему-то стало не так обидно.

— И кроме этого, — до ужаса убедительным голосом продолжил Трай. — Меня официально уведомили, что как только в Рейвен, через Переправу, пройдет груз с зерном, Двери закроют — навсегда. Савары получили все что хотели. Альдо заявил, что его тошнит от людей, и он больше не хочет связи с вашим миром. Я думаю, он не стал бы так торопиться, если бы не опасался, что ты воспользуешься своим правом и сбежишь от него.

— Ну, это мне понятно, — усмехнулась я. — «Иметь и удержать», правильно?

— Зря ты так! По моим данным...

— Кстати, о данных, — перебила я. — Что, без шпионов никуда? Только что-то твой Штирлиц, уже второй день носа не показывает. Герой невидимого фронта, блин! Ну, ничего, я подожду! Пусть только появиться, и я ему... старому... козлу, такой..... в... его... тощую... вставлю! — С чувством произнесла я.

Трай медленно выпрямился и теперь возвышался надо мной как скала. Он был в ярости. Я тоже встала.

— Прошу заметить, — он неожиданно перешел с кауране на шем. — Эти слова недостойны, вас, леди. Его голос был таким холодным, что я внезапно озябла.

— Леди Киран Найлек Тангар ан ноэль эр-рех Савар, — высокомерно заявил он. — Вы ведете себя непозволительно развязно, появляясь на глазах у подданных в наряде, предназначенном исключительно для глаз Светлейшего Альдо Савар Шареб эр-реха. Это недопустимо, вы должны быть примерно наказаны, несмотря на то, что вы женщина и ноэль. У меня нет власти над вами, но у вашего супруга и лорда ее достаточно, — надменно закончил он.

Я несколько минут переваривала всю эту средневековую фигню.

— А не пошел бы ты... феодальный... на..... вместе со светлейшим..... Саваром? — устало спросила я, не обращая внимания на готового закипеть Тангара. А потом снова уселась на ступеньки.

Он немного постоял рядом, а потом, вполголоса прошептав заковыристое проклятие, опустился рядом со мной. Мы снова надолго замолчали. Время уже давно перевалило за полночь, усилившийся ветер принес свежий морской запах и прохладу.

— Мне пора, Кира, — Трай поднялся. — Уже поздно.

— Почему ты приходишь ночью?

— Спокойно поговорить бы не удалось, рядом с тобой всегда кто-то есть. Рави или та симпатичная девушка, которая помогает с детьми. Да и Альдо все время поблизости. Как ты думаешь, смог бы я рассказать тебе все, что ты хотела, днем?

— Ты думаешь, Рави или Нури шпионят для Альдо?

— Не надо так плохо думать о них, Кира. Просто, если бы он приказал рассказать, что они слышали, у них не осталось бы выбора. Он эр-рех, — Трай пожал плечами.

Трай улыбнулся и обнял меня.

И еще, - он наклонился ближе. - Не иди напролом, Кира. С Альдо это не пройдет. Твой выход был исключительно эффективным, можешь мне поверить. Это было отчаянно смело, как лобовая атака в бою. Но с такой тактикой ты ничего не добьешься, силы слишком не равны. Попробуй быть хитрее. Кстати, девиз Тангаров «Никогда не сдаваться», - Трай чмокнул меня в нос.

— Спокойной ночи... братик, — я обняла его.

Он медленно отступал от меня, пока не растворился в темноте.

А я еще некоторое время оставалась на ступеньках, пытаюсь сообразить, что мне делать дальше. Но мозги совершенно отказывались работать, и я пошла спать.

Сквозь мой сон настойчиво пробивались странные чавкающие звуки, не то чтобы они были неприятны, они были необычны. Потом, к этому чмоканию прибавились другое: быстрое легкое дыхание, щелканье когтей по каменным плитам, фырканье. Я отчетливо слышала, как кто-то чешется рядом с кроватью. Одно время, у нас со Светой жила собака, так вот, она издавала точно такие же звуки! Но в Суфраэле нет собак! После Судного дня в Окаторе не осталось домашних животных. Когда эта мысль оформилась в моем заспанном мозгу, глаза открылись сами собой.

Ли́ка и Пирра удобно устроились около меня и так сладко спали, что я не решилась их потревожить. Я осторожно приподнялась и огляделась, стараясь определить источник странных звуков.

Всего в нескольких шагах от постели, возвышалась гора подушек. Я могла поклясться, что ее не было, когда я ложилась! Но я недолго размышляла, кто и зачем их сюда притащил. Цокая когтями, с очередной подушкой в пасти, в поле моего зрения появилось НЕЧТО. И ОНО действительно напоминало собаку. Шерсти на этом создании не было вовсе, тело покрывали плотно пригнанные друг к другу мелкие чешуйки, даже хвост был чешуйчатым и оканчивался чем-то похожим на еловую шишку. Мощные лапы с блестящими когтями, поддерживали почти квадратное туловище. Мутант!

Почувствовав на себе мой взгляд, ОНО немедленно село и уставилось на меня бездонными черными глазами без зрачков. На фоне светло песочной морды, они казались дырами вникуда. Мне стало не по себе от этого взгляда, и я стала потихоньку отползать от края кровати, стараясь, чтобы девочки оказались у меня за спиной.

Больше всего я боялась, что малыши, проснувшись, испугаются, закричат и ОНО нападет. Но едва открыв глаза, Ли́ка выскользнула из-под одеяла и бросилась ЭТОМУ на шею.

Она, счастливо улыбалась, глядя существо по большой треугольной голове. Судя по выражению на чешуйчатой зубастой морде, ЕМУ это нравилось. ОНО довольно жмурилось и

стучало хвостом, оставляя вмятины на каменных плитах.

— Ты что, боишься? — дернула меня за рукав Пирра.

— Боюсь, — честно призналась я. — Никогда такого не видела. Кто это? — шепнула я ей.

— Это — Миура, — повернулась ко мне Лика. — Ей нравится, когда ее гладят.

С этими словами, девочка встала и подошла вплотную к кровати, а следом за ней подтянулась и Миура.

— Погладь ее, — выглянула из-под моей руки Пирра.

ЭТО положило голову на край кровати и несколько раз моргнуло. Передняя часть животного была совершенно неподвижной, зато задняя ходила ходуном.

— Ты ей нравишься, — успокоила меня Лика.

Собравшись с духом, я легко коснулась широкого лба. Я ожидала почувствовать под рукой холодные, жесткие чешуйки, но это было нежнее, чем бархат! Вернее, как бархат, натянутый на металл. Я глажу собачьего Терминатора, подумала я.

— Значит, это она ехала с нами? — судя по размерам этого существа, чтобы поместиться в мешок, ей нужно было сложиться в несколько раз.

— Ага, — согласились со мной девочки.

— А почему сразу не сказали?

— Мы думали, что вы ее бросите. В деревне все ее боялись и чуть не убили, — Пирра показала мне кривой, покрытый крошечными чешуйками шрам на боку животного.

— А она хорошая и мне с ней не страшно. Ты же не прогонишь Миуру? — заглянула мне в глаза Лика.

— Не прогоню, — успокоила я ребенка. Интересно, как бы я это проделала, даже если бы захотела?

Тем временем, «милая собачка», получив свою порцию ласки от меня и от девочек, принялась носиться по комнате. Если бы не ее устрашающая внешность, это было бы забавно.

— Она есть хочет, — хмыкнула Пирра. — Она всегда голодная.

— И я, — забралась ко мне на колени Лика. — Я тоже есть хочу.

— Тогда быстренько умываться, и пойдем завтракать, — скомандовала я. — Ваша подружка сможет посидеть тут немного? И вообще, где она была столько времени? — пришла мне в голову неожиданная мысль.

— Миура хорошо прячется и, если захочет, ее никто не найдет! — с восторгом ответила Пирра.

Мы быстренько привели себя в порядок и отправились добывать еду для ацкой собачки. Нам нужно было торопиться. Миура, с задумчивым видом, начала жевать одну из подушек.

Девочки, подпрыгивая от нетерпения, бежали впереди, и я еле успевала за ними. Судьба в очередной раз продемонстрировала свой черный юмор, сделав меня многодетной матерью с «небольшим» бонусом. Мне срочно нужна была помощь, а единственный человек способный помочь разыгрывал из себя партизана.

В конце галереи показался Альдо и, увидев нас, немедленно скрылся в одном из боковых проходов, полоснув меня сердитым взглядом. Трус! После этого настроение испортилось не только у меня, девочки притихли и больше не улыбались.

— Он сердится на нас? — Дернув меня за руку, спросила Пирра. — Мы ему не нравимся? Мы плохие?

— Нет, вы очень хорошие, самые лучшие, — я постаралась улыбнуться. — Он... должен... привыкнуть к тому, что вы рядом. Ваш папа очень сильный и... добрый, только он пока не может в этом, признаться.

— Почему?

— Он боится, что он... вам не понравится, — я несла всякий бред, лишь для того, чтобы успокоить малышей, но у меня плохо получалось!

Они конечно маленькие, но достаточно взрослые для того чтобы понять, что родной отец их избегает.

— А почему он убежал? — Пирра продолжала меня допрашивать.

— Савары не убегают, Пирра. Они уходят от столкновения и накапливают силы, — криво улыбнулась я.

— Папа устал? — забеспокоилась Лика.

— Очень, — сказала я, провожая взглядом неестественно прямую спину Альдо.

— А ты нас не бросишь? — вдруг спросила она. — Мы будем слушаться и Миура тоже, — быстро добавила девочка.

Я внимательно посмотрела в серьезные глаза и сказала:

— Никогда. Я вас никогда не брошу.

— И Миуру?

— А куда мы без нее?

На кухне, как всегда крутилось множество народа. Приготовление еды, было единственной религией у саваров.

Как только мы вошли все побросали свои дела и столпились вокруг нас. Девчонок тут же подхватили на руки. Саша принялась угощать их чем-то специально приготовленным, громко сетуя на худобу малышей и проклиная Моисея.

Я скромно уселась в уголке и только начала есть, как рядом появилась Кара, со скорбным выражением на лице.

— Кто-то умер? — не поднимая глаз от тарелки, спросила я.

— Ты сняла повязки, — прокурорским голосом ответила она.

— Они мне мешают, а царапины уже подсохли.

— Ну, как знаешь, — недовольно проворчала она.

— Ты опять не пришла на завтрак, — после короткого молчания продолжила она.

— Проспала, — пожалала я плечами, — а что, мое присутствие там обязательно?

— Ты ноэль, — поджав губы, сказала Кара. — У тебя есть обязанности. И ты уже несколько дней не была в Суфраэле.

— Сейчас вроде каникулы, Бель-шум говорил мне, что пока не закончиться уборка зерна, занятий в школе не будет. И у меня появились более важные дела, чем сидеть с умным видом за завтраком и кивать головой, когда ты объясняешь, что и когда нужно сделать.

Я говорила все это, не спуская глаз с девочек, по уши измазанных вареньем. Лицо у Кары стало совсем несчастным, а губы превратились в одну тонкую линию.

— Я теперь — мама. Вы же сами этого хотели и это важнее, так?

Кара вздохнула и покачала головой.

— Я пришла сказать, ноэль. Девочкам нашли дом. Мой сын и невестка с радостью примут их. Я говорила с эр-рехом, он одобрил мой выбор.

— Ни фиги себе! — завопила я так громко, что все, кто был рядом повернулись к нам.

— Тимея, — позвала я одну из помощниц Саши. — Не могла бы ты помочь девочкам умыться?

— Да ноэль, — быстро среагировала она и увела их.

— Как вы можете предлагать такое? — Я едва себя сдерживала.

— Как вы можете соглашаться с ним? Вы же вроде нормальная или у вас вместо сердца камень?

— Эр-рех страдает, — гневно глядя на меня, ответила Кара. — Он спит в саду, он почти не ест и все время в плохом настроении.

— И кто ему доктор? Перебьется, сам виноват!

— Я не могу смотреть, как страдает мой мальчик! — взвизгнула Кара.

— Кто еще не может смотреть на это? — я повернулась к остальным. Все молчали, пряча глаза. Саша скорчила гримасу.

— Ну, вообще-то, когда эр-рех в плохом настроении....

— Глупости, он уже вырос, ваш мальчик!

— Я нянчила его, ноэль. Его отец был так жесток..., - запричитала Кара.

— А теперь вы делаете то же самое с девочками, только чтобы ваш драгоценный малыш

лучше кушал? Так вот, я детей не отдам! И мне наплевать, где Альдо спит и что он ест, а если он не сможет примириться с этим, то вот, — я бросила на стол один из своих браслетов. — Я с детьми. Мы вместе остаемся или вместе уходим. Передайте ему это.

Я выпрямилась и посмотрела на них, как настоящая леди Киран Найлек Тангар ан эр-рех Савар, с удовлетворением заметив, что это сработало.

— И пусть он думает быстрее, иначе я уйду на Север, с братом. И девочки уйдут со мной, раз отец отказался от них.

В огромном помещении кухни стояла гробовая тишина. Я аккуратно собрала в салфетку остатки роскошного завтрака девочек и вышла.

Дети и Тимея ждали меня за дверью и, судя по их виду, слышали, что я говорила.

— Спасибо, — поблагодарила я девушку. — Пошли, — кивнула детям.

— А куда мы бежим? — через несколько минут спросила Пирра.

Я остановилась и огляделась. Девочки стояли рядом, тяжело дыша.

— Простите меня, — вздохнула я и опустилась на одну из каменных скамеек.

— Мы разве не пойдём кормить Миуру? — заглядывая мне в глаза, поинтересовалась Лика. — Это для нее? — маленький пальчик коснулся свертка на моих коленях.

— Для нее, конечно. Только сначала нам нужно найти одного человека.

Мои проблемы росли, как снежный ком. Теперь мне было нужно добиться не только признания детей, а признания вместе с «милым домашним животным». Плюс мой ультиматум, который я сгоряча объявила Альдо. Снять один браслет, все равно, что подать заявление о разводе. Мне срочно нужен был Бель-шум, сидевший сейчас в какой-нибудь норе!

— Пойдем в библиотеку, — решила я.

— А что это такое? — спросила Лика.

— Это самое интересное место в крепости.

— А вот и нет, — возразила Пирра. — Самое интересное место, это Оружейная. Рави водил нас туда.

— Я оторву ему голову. Он не должен был этого делать, — разозлилась я.

— Он говорил, что ты рассердишься и мне там не понравилось, — наябедничала Лика и показала сестре язык.

Пирра надулась и молчала пока мы шли по бесконечным коридорам.

Я толкнула тяжелые двери и крикнула:

— Есть кто живой? Бель-шум, вы тут? Мне нужно с вами поговорить, и мне нужна ваша помощь, баллер! Я сердита на вас, но не настолько, чтобы от меня прятаться. Бель-шум! — закричала я громче.

Но старика, похоже, здесь не было уже очень давно. Даже книга с протоколами судебных заседаний и письменные принадлежности лежали там, где я их оставила в прошлый раз.

Пока я срывала голос, девочки с круглыми от удивления глазами бросились изучать все, до чего смогли дотянуться. Им все хотелось потрогать и рассмотреть. Через несколько мгновений на полках и столах царил хаос. Аккуратные стопки были уничтожены, в воздухе кружились отдельные листки бумаги. А Пирра и Лика с увлечением раскручивали оба глобуса у окна.

— Если вы сейчас же не появитесь, Бель-шум, — крикнула я еще раз, не особо надеясь

на успех, — От вашей симпатичной комнатки останутся только воспоминания!

— Ну, зачем так кричать, — раздался недовольный голос слева от меня. Один из шкафов отъехал в сторону, на мгновение открывая уютный маленький кабинет.

— Кошмар! — заверещал старичок, дикими от ужаса глазами оглядев библиотеку. — Немедленно остановите это, ноэль! — Бель-шум, коршуном кинулся к своим драгоценным книгам.

— Будете знать, как прятаться от меня, — хмыкнула я. — А также шпионить и посылать меня в пустыню за приключениями.

— Ноэль! — заламывая руки, страдал Бель-шум.

Девочки, оставив в покое глобусы, подошли ближе.

— Это кто? — нахмурившись, спросила Пирра.

— Это самый умный человек в Окаторе, баллер Бель-Шум, — представила я его.

— А почему у него такая маленькая голова? — неожиданно спросила Лика.

— Он же старый! — фыркнула Пирра. — Вот она и усохла.

— Положите на место книги, которые вы раскидали, — с каменным выражением лица произнес Бель-шум. — И подберите листки с пола.

Пирра вопросительно взглянула на меня и принялась за уборку только после того, как я кивнула.

— Вы сказали, что вам нужна моя помощь, ноэль. Что я могу для вас сделать?

— Идемте с нами, — я решительно подтолкнула Бель-шума к выходу. — Порядок можно навести и потом.

— Удивительно! — уже почти час он твердит это, уставившись на Миуру.

С удовольствием съев все, что ей предложили, и с шумом обняв Бель-шума, она устроилась на остатках подушек, а потом заснула, время от времени дергая лапами.

Девочки тихонько играли на террасе, выстроив целый город из подаренных кубиков.

— Удивительно! — восхитился Бель-шум еще раз. — Настоящий феррай!

— Кто?

— Феррай, ноэль. Считается, что он приносит удачу.

— Это? — я поднялась и взяла с полки подаренную Нармин глиняную фигурку. Действительно, сходство было очевидным.

— Многие считают их выдумкой. Но это потому, что эти существа исключительно скрытные. Живут в глубине пустыни, в Черных Проходах и Долине теней. Человеку там не выжить..., - Бель-шум ненадолго замолчал и вдруг спросил. — Как вы думаете, она позволит измерить себя?

— Думаю да, — отмахнулась я от этого вопроса. — Что еще вы знаете?

— Ну, не много, — протянул он. — Случаев нападения на человека не описано, но кто знает? Это определенно хищник. Детеньш, и я думаю, безопасен, раз так долго пробыл рядом и не напал.

— Детеньш? Безопасен? — я чуть не задохнулась. — И каким ОНО вырастет?

— Точных данных нет, ноэль. Тем более это самочка. Самый крупный феррай, увиденный Странниками, был примерно вот таким, — его рука взлетела над полого метра на полтора.

— Кошмар, — прошептала я.

— Дети не говорили, как она попала к ним?

— Пирра нашла ее у озера в оазисе, обессиленную и взяла с собой, — пересказала я короткую историю. — Им пришлось прятать ее, после того как сектанты ее испугались и чуть не убили.

Слушая меня, старичок согласно кивал головой, задумчиво наблюдая за играющими детьми и феррай.

— Я думаю, вам не стоит бояться... Миуры, ноэль. Это существо никогда не нападет на детей. О лучшем защитнике можно только мечтать. Один из Странников, дошедший почти до границы Долины Теней, рассказывал, что взрослый феррай без труда справляется с песчаником.

— И что еще интересного рассказывал этот Странник?

— Что они живут большими семейными группами, заботясь друг о друге. Не бросают своих раненых, что они всеядны и никогда не нападают первыми. Я думаю, этот детеныш, — он махнул рукой в сторону сопящей Миуры. — Заблудился или отстал от своей семьи. Некоторые источники указывают, что феррай иногда мигрируют. Теперь вы и девочки его стая. И Миура считает себя равной по положению детям, а вот вы стоите на ступень выше.

— Да бросьте!

— Я наблюдал, ноэль, — важно ответил мне Бель-шум. — Она слушалась вас, а не девочек и принялась за еду, только когда вы разрешили ей.

— И что мне теперь с этим делать?

— Ничего, — пожал плечами Бель-шум. — Похоже, феррай очень привязчивы. Странно, что никому не пришло в голову их одомашнить.

Старик смотрел на животное с академическим интересом.

— Замечательно! Мне никак не удастся уговорить Альдо «одомашнить» девочек. Как я уговорю его принять еще и ЭТО?

Бель-шум вздохнул:

— Я... слышал об этом.

— Да что вы говорите? А кто заварил эту кашу? Кто послал меня в эту деревню? Зачем вы это сделали?

Старик встал и начал ходить из угла в угол, каждый раз переступая через Миуру. Ей было все равно.

— Это... я не планировал, ноэль. Было очень мало шансов на то, что вы найдете детей и захотите забрать их. Но я должен был попытаться. Я чувствую себя виноватым перед ними.

— А вы причем?

— Я ошибся и не один раз, — старик съежился рядом с феррай, усевшись на одну из разодранных подушек, взирая на меня несчастными глазами.

— Видите ли, я с самого начала знал, что план эр-реха обречен на провал. Я знал, что нас обманывают.

— Почему же не вмешались?

— Альдо радовался как ребенок, — жалко улыбнулся Бель-шум. — У него в жизни было так мало доброго, что я не посмел отнять от него и это.

— Вы все тут помешаны на вашем дорогом мальчике, — скривилась я.

А Бель-шум съежился еще больше, вцепившись сухими пальцами в край халата.

— Она была очень похожа на Гало, — глядя куда-то мимо меня, продолжал он. — Говорила на шем..., выглядело очень убедительно. Но я сразу понял, что она лжет.

— Почему?

— Украшения, ноэль, — усмехнулся он.

— Эти? — дотронулась я до ожерелья на своей шее.

— Что вы чувствуете, когда они на вас?

— Я? Ничего не чувствую, — пожала я плечами. — Я считала, что золото намного тяжелее.

— Вот именно! — восхитился он.

— Так значит это не золото?

— Золото. Самое настоящее, — кивнул он мне. — И бесценные рубины, «кровь пустыни», из Черных Проходов. Ваше ожерелье, ноэль, весит больше двух килограмм, каждый браслет почти полтора, в переводе на человеческую систему мер.

— Да ну! — отмахнулась я от старика. — Я бы почувствовала это. Я бы шею себе натерла и руки бы давно отвалились.

— О, вы опять забыли? Вы не человек, ноэль. Вы же знаете, как отличаются наши виды.

— Сильнее, быстрее...?

— Наконец-то! Для вас эти украшения — пушинки, а для той девушки они были кандалами. Она с трудом носила их, а вскоре сняла совсем. Я не решился говорить об этом эр-реху, а потом было уже поздно.

— Ясно, — буркнула я, с удивлением разглядывая свою руку.

— Но на моей совести не только мать Пирры, — Бель-шум тяжело вздохнул и закрыл лицо руками. — Та, что пришла с Профессором..., как только я увидел ее, понял, что она обречена. И молчал...

— Кира, я виноват перед этими детьми, я, можно сказать, погубил их матерей. Одно мое слово и женщины были бы живы. Я не мог повлиять на Альдо и его решение удалить детей от себя, но потом появились вы. И у меня появилась надежда.

— Надежда?! Я почти развелась с Альдо и Трай гарантирует Окатору мрачное будущее. А я не знаю, что еще придумать. Я пробовала... Меня никто не поддерживает.

— Ноэль?! — Бель-шум смотрел на меня как побитая собака.

— Вы не должны винить себя, — вздохнула я, — в том, что случилось, виноваты Полковник и Профессор. Мать Пирры была профессионалкой и знала, на что идет, ну, а мама Лики..., - умерла за свою любовь, мысленно продолжила я. Еще чуть-чуть и со мной будет тоже самое.

— Это не уменьшает моей вины, — вздохнул он. — Вам нужно поговорить с ним, — настаивал старик.

— Он не хочет!

— Ноэль, единственный с кем он будет разговаривать это вы. Только вы.

— Он. Не. Хочет. Как я его заставлю? — я без сил опустилась рядом со стариком.

Мы сидели и смотрели, как девочки возились на залитой солнцем террасе. Миура перевернулась на спину, раскинув в сторону все четыре лапы, пасть приоткрылась, и из нее вывалился длинный нежно-розовый язык.

Вдруг, небольшие ушки феррай встали торчком, а через минуту она исчезла, осталась только вмятина на подушке где она лежала.

— Наверно, кто-то идет сюда, — предположил Бель-шум, поднимаясь.

Занавески разлетелись в сторону и в комнату ворвался Альдо. Остановился на пороге, дернув плечом в сторону Бель-шума.

— Мы договорим позже, ноэль, — прошелестел старик и вышел.

Альдо стоял и смотрел. Неподвижный, невозмутимый, мрачный. Я сосчитала до десяти.

— Чего приперся?

Сморщившись, он поднял руку с моим браслетом и снова уставился на меня, а потом на девочек, бегавших вокруг цветущего розового куста.

— Ты можешь думать, что хочешь. Но то, что ты делаешь... Не ты решаешь, когда и как тебе уходить, — он задумчиво покрутил в руках браслет и нехорошо улыбнулся.

— Я тебя не боюсь.

— Правда? — спокойно спросил он, сделав шаг вперед.

— Не боюсь, — сказала я, как можно тверже, сцепив руки за спиной, чтобы не было видно, как они дрожат.

— А теперь? — Альдо стоял почти вплотную.

— У тебя холодное сердце.

— Дурочка, у меня вообще нет сердца, — рассмеялся он мне в лицо.

— Не глупи, — протянул он мне браслет. — Верни его на место, и я забуду все, что ты говорила.

— Нет, — отступала я, держа руки за спиной.

— Я заставлю, — пожал он плечами.

— Пошел вон, — прошипела я, вжимаясь в угол.

— И что дальше? — ехидно поинтересовался Альдо, упираясь руками в стену по обеим сторонам от меня.

— Не вздумай пинаться! Будь умницей и дай мне свою руку, пока я не выдернул ее из тебя, — ласково попросил он.

— Недостойно эр-реха получить то, в чем тебе не могут отказать. Нет никакого удовольствия, сломить слабого и незащитного, — раздался рядом спокойный голос Трая.

— Смотри, — не оборачиваясь, улыбнулся мне Альдо. — Он тебя защищает? Что-то рановато сегодня, Тангар. Не можешь дождаться темноты, чтобы зайти поболтать?

— Отойди от нее, Альдо. Ты не можешь заставить ее.

— Не могу, — фыркнул он. — Она всегда делает что хочет.

немного отодвинулся, убрав руки. Я тут же выскользнула из угла и заняла стратегическую позицию у выхода на террасу.

Трай и Альдо стояли друг напротив друга, играя в гляделки.

— Это снаружи твоя сестра — нежный цветок. А внутри, — Савар подбросил в воздух глиняную фигурку феррай. — Что-то вроде этого.

— Я должен прослезиться или обидеться? — нахмурился Трай.

— Обидься, — улыбнулся Альдо.

Так «мило» улыбаться могут только киношные злодеи. Дракула или Фредди Крюгер, например. Улыбнулся разок, и потенциальная жертва тихо лежит в обмороке. Трай тоже показал класс, усмехнулся, и выражение его лица было в точности, как у Ганнибала Лектора. С его сказочной внешностью это было жуткое зрелище. Они столкнулись взглядами, стальные глаза и ярко зеленые. Я вдруг поняла, что они меня уже не видят. Создавалось такое впечатление, что я добыча, на которую претендуют двое охотников. А мнением добычи не принято интересоваться.

Было видно, что Траю очень хотелось «обидеться», но он вовремя передумал, Альдо успел уловить этот момент и ухмыльнулся. Он выглядел обманчиво-расслабленным, но его выдавали глаза, холодные, как у змеи. Трай вздохнул и сделал шаг назад.

— Умница, — мурлыкнул Альдо и кинул мне браслет, который я машинально поймала.

— У тебя два дня, Кира. Больше я ждать не буду. Одень браслет. Отвези детей к Таливу. Собери вещи. Встречай меня с радостью, — приказывал он, направляясь к выходу. Коснувшись рукой, расшитой цветами ткани, он обернулся.

— И хватит шляться сюда по ночам, Тангар. Как там сказала моя ноэль? А не пошел бы ты... феодальный..., на.....

— И что мне делать? — спросила я у Миуры, которая появилась сразу же после того, как мужчины ушли.

Пирра и Лика увлеченно крыли окоп на клумбе и не подозревали о том, что их милый папочка только что приказал убрать их с глаз долой.

А я действительно не знала, что предпринять и сидела, тупо уставившись на детей, до тех пор, пока Миура не начала кусать мои пальцы. Очнувшись, я осторожно вынула руку из ее акульей пасти и позвала девчонок.

Отмывая их от земли, обедая с ними, укладывая их спать, я все время думала, что делаю это в последний раз. И от этого на душе становилось невыразимо тошно.

Когда они заснули, я выстирала детские вещички, развесив их на солнышке.

— Охраняй их, — велела я Миуре и она, оторвавшись от вылизывания своей миски, забралась под кровать, оставив на виду только мокрый черный нос.

— Сиди и не высовывайся, — погрозила я ей пальцем, и нос исчез в складках покрывала.

Вымыв на кухне посуду, я бесцельно слонялась по крепости, пока не забрела на конюшню. Облако уже не выглядел безжизненной тушкой и активно требовал подношений. Я скармливала ему очередную морковку, когда мимо, с отсутствующим видом прошел Рави, нагруженный седлом и кучей вещей.

Выглянув из стойла, я увидела, как он седлает черного мара с налитыми кровью глазами — «симпатичную лошадку» Альдо.

— Куда он едет? — остановила я мальчишку, который волок очередную порцию тюков.

Рави открыл рот, покосился на мою руку и хмыкнул:

— Думаете, я вам скажу?

— Я Савар, я не думаю, я знаю! — рявкнула я. — Куда едет эр-рех? Ну?

— К ручью Тиамат, — отчего-то заикаясь, ответил он.

— Зачем?

— Охотиться и ловить рыбу.

— Один?

— Да... ноэль.

— Иди. И не болтай, что я спрашивала тебя, понял? — нахмурилась я.

Он, подобрав свои тюки, быстро пошел вглубь конюшни, но я остановила его снова:

— Эй, Рави, Голубое Облако уже здоров?

— Да, мары быстро поправляются.

— Спасибо! — крикнула я и выскочила из конюшни, стараясь удержать в голове едва оформившийся план.

— Это очень опасно, — как попугай твердил мне Бель-шум. — Это очень опасно, вы не

понимаете всего...

— Что опасно? — возмутилась я. — Рави проводит меня до этого ручья, к этому времени будет уже темно. Ну не потащит меня Альдо обратно! Идеальная возможность поговорить. Другой не будет.

— Деточка, — погладил меня по коленке Бель-шум. — У Альдо темперамент, как у песчаника. Он спокоен пока все идет так, как ему хочется. Но при малейшей попытке оспорить его решение или пойти против его желания он начинает плевать огнем.

— Я не боюсь, — весело ответила я, хотя сердце предательски провалилось куда-то вниз.

Он посмотрел на меня и покачал головой.

— Не отговаривайте меня. Все что я прошу — присмотреть за девочками. Закройте их в библиотеке, проводите опыты с Миурой, делайте что хотите. Только не позволяйте увезти их из крепости, пока я не вернусь. Больше мне не к кому обратиться. Пожалуйста!

Я дождалась неуверенного кивка и, чмокнув старика в щеку, отправилась дальше — плести интриги.

Спрятавшись за деревьями, рядом с конюшней, я наблюдала, как Альдо покинул крепость, сидя на своем маре, как будто кол проглотил. Едва ворота за ним закрылись, я проскользнула внутрь здания.

Там, кроме Рави, была куча народа и все смотрели на меня, как на врага народа. Мне пришлось сделать вид, что я страшно занята Голубым Облаком, мило улыбаясь в ответ на укоризненные взгляды.

Время шло, а поговорить с Рави все не удавалось. Скоро проснуться девочки, Миура проголодается, а мне еще нужно собраться. Короче, больше ждать я не могла и решила действовать.

Душераздирающе вздохнув, я без сил повисла на дверце стойла, но в общем шуме и суете этого никто не заметил. Тогда я принялась стонать, картинно сползая по стене, прямо под ноги Облаку.

Это тоже заметили не сразу, противный мар успел облизнуть меня.

— Ноэль, — кинулся ко мне Ахлат. — Что случилось? Он вас ударил?

— Нет, — слабым голосом ответила я. — Просто голова что-то закружилась и тошнит, — на ходу выдумывала я.

Возле меня, потихоньку собралась толпа из жаждущих помочь.

— В последнее время мне как-то нездоровиться, — пожаловалась я.

— Верни эр-реха, Талив, — тут же приказал Ахлат.

— Нет, не надо! — испугалась я. — Пусть едет, ничего страшного. Полежу, и все пройдет. Пусть мне помогут дойти до комнаты, Рави..., — протянула я ему дрожащую руку и закусил губу.

Это сработало!

— Помоги ноэль, сынок, — мягко подтолкнул его Ахлат.

— Я позову Зиллу, — сорвался с места Икар.

Меня подняли с засыпанного соломой пола, как хрупкое стекло.

— Может лучше отнести вас? — сочувственно произнес Рави. — Не нужно стесняться.

— Ну что ты, я дойду сама, — ответила я, крепко сжав его руку.

Когда нас скрыла густая зелень, мне сразу стало легче и я, отстранив Рави, сказала:

— Давай присядем, есть разговор.

— Вы притворялись! — завопил он.

— Сядь рядом и не ори. Так было нужно.

Парень фыркнул, но послушался и сел.

— Мне нужна твоя помощь. В конюшне поговорить не удавалось, вот и пришлось импровизировать.

— Что вы придумали? В пустыню я больше вас не повезу! Эр-рех не стал наказывать меня, а вот от отца досталось.

— Ты знаешь дорогу к ручью Тиамат?

— Знаю.

— Проводи меня туда.

— Нет! — Рави вскочил и сердито уставился на меня. — Я не буду нарушать покой эр-реха.

— Тебе и не надо. Нарушать буду я. Ты проводишь и вернешься в крепость.

— Зачем это вам?

— Затем! Поговорить мне с ним нужно, а тут все время кто-то мешает.

— Точно, — вдруг согласился со мной парень. — Эти тангары все время суют нос не в свои дела. А брат ваш, та еще язва, все время приказывает! «Подтяни подпругу, юноша. Как можно так пренебрегать своими обязанностями», — передразнил он Трая.

— Так ты поможешь?

— Нет. Вернется эр-рех и поговорите.

— Будет слишком поздно. Я ведь хочу говорить о детях..., - мальчишка насупился и замолчал.

— Тебе ведь нравятся девочки? Лика? И ты видел, как с ними обращались. Разве ты не хочешь помочь?

— Вы сняли браслет, — буркнул он.

— Я одену его. Поможешь?

Рави долго молчал, внимательно изучая облака над головой.

— Хорошо, но у меня есть условия.

— Говори.

— Вы, сейчас же надеваете браслет, и один я вас провожать не буду. Я скажу отцу.

— Зачем? — удивилась я.

— Если я поеду один, мне точно отвернут голову, сначала эр-рех, а потом, если что-то останется отец и брат. Когда вы хотите ехать?

— Я должна попасть туда ближе к вечеру.

— Тогда, — Рави посмотрел на солнце. — Нам нужно выехать часа через два.

— Я приготовлю все что нужно. Жду вас. И ничему не удивляйтесь, ноэль, — подмигнул он мне.

Я успела вовремя. Девочки только начали просыпаться, а Миура встретила меня радостным ворчанием и успокоилась, получив оставшуюся от Облака морковку.

Мы только закончили умываться, когда ко мне заявила целая делегация во главе с Зиллой. Они радовались изо всех сил.

— Тебе уже лучше? — взяла мою руку Зилла.

— Талив сказал, что ты упала в обморок, — заглядывая мне в глаза, беспокоилась Кара.

— Не нужно держать ее на руках, тебе это вредно, — забрала у меня Лику Нури.

— Пойдемте со мной, детки, — ворковала Саша. — Пусть наша мамочка отдыхает. У меня есть кое-что вкусное для вас.

— Можно? — спросила Пирра. И я кивнула.

Когда детей увели, меня окружили плотным кольцом и устроили допрос.

— Говори, что с тобой. Только правду.

— Ты часто нервничаешь...

— Глаза красные. Плохо спишь?

— Капризничаешь...

— Хочешь оставить детей...

— Забрала на кухне маринованные овощи, а раньше нос от них воротила...

— Позволь осмотреть тебя...

— Эр-рех будет счастлив...

— Немедленно одень браслет...

— А к конюшне и близко не подходи!

— Тебе вредно ездить верхом...

— Надо послать за эр-рехом. Такая радость!

— Устроим праздник!

— И ее брат тут! Такая удача!

— Нужно сказать Саше, чтоб начала готовить угощение...

Стойте! - взвизгнула я, когда до меня дошло, чему они так радуются. Сама того, не желая я дала повод думать, что беременна.

— Мне не о чем рассказывать Альдо, — покраснела я. — И праздника никакого не нужно. Это совсем не то, о чем вы думаете.

— Как жаль, — вздохнула Нури.

— Извините меня, что потревожила вас всех. Спасибо! — я чувствовала себя жуткой обманщицей, как будто подвела этих милых женщин в чем-то очень важном.

Постепенно все разошлись, сочувственно мне улыбаясь. Одна Кара выглядела скорее обиженной, чем разочарованной.

— Ноэль..., - укоризненно покачала она головой и вышла.

Со мной осталась одна Зилла.

— А теперь скажи мне правду. Что ты задумала? К чему весь этот переполох?

Зилла мне нравилась и к тому же, была единственной, кто осмелился возражать Альдо, когда я привезла девочек. Почувствовав в ней союзницу, я все рассказала. Она слушала не перебивая.

— Тебе нужно быть терпеливее. Наскоком ты ничего не добьешься. Чтобы добиться от мужчины того чего хочешь ты, нужно не давать ему того, чего хочет он, — подмигнула мне она. — А о девочках не беспокойся, присмотрим.

Зилла ушла, а я переоделась и собрала небольшую сумку со сменой одежды, туалетными принадлежностями и теплой шалью (на всякий случай). Миура наблюдала за мной с мрачным видом, видно ей до смерти надоело прятаться.

Девочек я нашла в саду, с Нури и Астрой. Предупредила их, что уезжаю к папе и вернусь через два дня, потом поцеловала, шепнув, чтобы не забывали про Миуру. И они проводили меня к конюшне. Там меня ждал внушительный эскорт из пятнадцати гвардейцев и сияющего Рави.

— Все готово ноэль, — подсаживая меня в седло, сказал он. И улыбнулся, взглянув на мои руки, закованные в браслеты. — Не удивляйтесь ничему, просто кивайте, — посоветовал он мне.

Кивать пришлось долго. Все пятнадцать мужчин поздравляли меня и желали всех благ, туманно намекая на приятную новость, которую я хочу сообщить Альдо. Даже Ахлат благосклонно отнесся к моему отъезду, сказав, что нарушить уединение эр-реха, в этом случае не только можно, но и нужно.

Противный мальчишка, создав мне в будущем кучу проблем, всю веселился, упорно не замечая, как я потихоньку показываю ему кулак.

Из крепости я выехала, окруженная плотным кольцом охраны и бесконечными напоминаниями о том, что мне нужно беречься и «не позволять своей скотине переходить в галоп».

Мы спустились к морю, Голубое Облако весело шлепал по набегавшим волнам, почти не обращая внимания на мелких морских птиц и только изредка огрызался на своих собратьев, топавших рядом.

Потом, дорога начала забирать вправо, все дальше уводя нас от побережья. Мы поднимались все выше в холмы, оставив позади небольшие участки обработанной земли и несколько небольших домиков.

— Там живут рыбаки и охотники, ноэль, — ответил на мой вопрос Хоранд. — Те, кто захотел жить отдельно. Но про них не забывают, — махнул он рукой в сторону одного из гвардейцев, снимавшего с седла какие-то свертки.

Мы забирались все выше и выше. Вдоль дороги, на выжженной красно-коричневой земле, кучками и поодиночке росли брюты с перекрученными стволами. Стайки таких же деревьев взбирались на каменистые склоны вокруг.

Все ехали молча, только Рави тихонько разговаривал со мной, показывая каких-то смешных грызунов, шнырявших у самых корней или больших хищных птиц, летавших высоко над нами.

Постепенно дорога так сузилась, что превратилась в тропу. Мы бесконечно петляли между огромными каменными глыбами, то спускаясь, то поднимаясь. Вокруг были только камни и ничего больше. Ни одна травинка не оживляла пейзаж, но он не выглядел однообразным.

Как будто перемолотые в чудовищной мясорубке, камни вокруг меня, создавали бесконечное разнообразие цветов и оттенков. Было похоже, что землетрясения, извержения, наводнения и неизвестно что еще, происходили тут одновременно и не один десяток лет. Это была ужасная красота.

Из задумчивости меня вывел голос Талива, остановившего движение.

— За этим поворотом, начинается спуск в долину Тиамат, ноэль. Рави поедет с вами и убедится, что эр-рех заметил вас. Мы будем ждать здесь.

Он взмахнул рукой и несколько мужчин заставили своих маров сойти с тропы, освобождая нам дорогу.

— Удачи, — желал мне каждый, когда я проезжала мимо.

Обогнув сверкавший на солнце валун, мы начали спускаться по довольно крутому склону. Облако осторожно ступал, опустив голову и поминутно принюхиваясь. Он обходил не только острые камни, но и мерзкого вида кустики с мелкими колючками.

Рави усмехнулся.

— Это варай. Жуткая гадость. Колючки маленькие и очень острые, пробивают даже шкуру песчаника, а потом начинают расти там.

— Как расти?

— Обыкновенно. Чтобы вырезать колючку, иногда приходится отрезать руку или ногу, — просвещал меня он. — Один из рыбаков, там, на берегу, сел на такую. Хорошо, что его быстро привезли в Суфраэль. Правда, мяса у него на заднице почти не осталось. Но лучше кощавый зад, чем могила. Правда?

Теперь я с ужасом смотрела на редкие кустики противного желтого цвета, разбросанные вдоль тропы. Облако скалился, и я была с ним солидарна.

Постепенно, склон стал более пологим, появилась трава и здоровенные алоэ. Было слышно, как шумит вода.

— Ручей Тиамат, — негромко сказал Рави, указывая на нагромождение черных и красных камней, утопающих в яркой зелени.

— Вам туда. Вон видите, мар эр-реха, — указал он рукой.

С трудом различив большую черную тушу, полускрытую листвой, я кивнула.

— Удачи, эр-рех вас видит, — уверенно произнес Рави и лихо развернувшись, начал подъем.

Я подождала, пока мальчишка окажется наверху, и помахала ему рукой. Потом осторожно тронула повод, и Облако двинулся к ручью, обходя очередной валун.

Было совсем тихо. Ничто не шевельнулось в тени деревьев. Никого. Я оглянулась. Там, откуда я приехала, нагромождение камней казалось мерцающим хрусталем в голубом дрожащем мареве. Впереди, в мягких сиреневых сумерках, за полускрытыми темно-зеленым бархатом скалы садилось солнце.

Я заметила его не сразу. Обнаженный по пояс, он стоял в тени деревьев с широкими резными листьями. Лезвие ножа в опущенной руке, на мгновение сверкнуло. Если бы не этот блеск, я бы проехала мимо, даже не заметив его.

Свет и тень переливались на его коже тысячью незаметных переходов от золотистого до шоколадного. Я уже сожалела, что оказалась здесь. Как будто я без разрешения вторглась на запретную территорию, некое личное пространство, тайное убежище. Он смотрел на меня, а я не знала, что мне делать, броситься ему на шею или попытаться догнать Рави. У него был вид зверя, застигнутого на зыбкой границе между покоем и атакой. Опасность и спасение, возбуждение и спокойствие, плен и свобода. Все это напоминало перемолотые катастрофами камни наверху. Переплетенное и перетекающее друг в друга, как свет и тень на его теле.

— И зачем ты здесь?

— Чтобы поговорить. Спокойно.

— Ты приехала одна? — он задавал мне вопросы безразлично-безобидным тоном, чуть склонив голову набок.

— Вниз спустилась с Рави, а наверху ждет отряд, — быстро добавила я на всякий случай.

Альдо сделал шаг вперед.

— Можно мне остаться?

Оказавшись рядом, он легко снял меня с седла. И хотя все произошло очень быстро, мне понравилась небрежная сила, с которой он это проделал, теплые жесткие руки и блеск его глаз.

— А ты не так безнадежна, как кажется, — буркнул он и отпустил меня.

— Ты меня хвалишь?

Но Альдо неопределенно хмыкнул, ухватил за руку и повел вглубь рощи. Облако топал следом, время от времени толкая меня мордой в спину.

С каждым нашим шагом шум воды слышался все яснее и совсем скоро мы оказались на песчаном берегу. Тиамат был скорее небольшой речкой, чем ручьем. Невдалеке от воды бесформенной кучей были свалены вещи.

Альдо расседлал Облако и снял с него поклажу, бросив ее к остальному имуществу. Освобожденный от груза, мар тут же направился к своему черному собрату, с ходу цапнув его за зад. Толкаясь, и огрызаясь друг на друга, они с треском углубились в кусты, оставив нас одних.

— С ними все будет в порядке? — неуверенно спросила я.

— Они не уйдут далеко, особенно твой, — ухмыльнулся Альдо.

Солнце уже почти зашло за зубчатые вершины и по песку протянулись длинные тени. Воздух стал плотнее, холоднее и приобрел заметный синий оттенок.

Пока я оглядывалась по сторонам, Альдо, незаметно для меня, разбивал лагерь.

Он делал это легко, без всяких видимых усилий, такими точными скупыми движениями, что я, пытаясь помочь, чувствовала себя кем-то вроде слона в посудной лавке. Всего несколько минут и уже горит костер, поставлена палатка, а рядом аккуратно сложены наши вещи. Я не фанатка турпоходов и пикников, общаться с природой я предпочитаю через окно уютной комнаты.

— Что мне делать?

— Улыбайся мне, найлек, — ответил Альдо, не отрываясь от работы.

— Это не помощь.

— Как сказать, — стоя на коленях, он потихоньку подкармливал костер мелкими веточками.

Я ходила вокруг, подбирая выброшенные быстрым течением сухие хворостины.

— Не думала, что ты привезешь с собой палатку. Разве ты не должен сливаться с природой и спать на камнях?

— Я бы так и сделал, но подумал, а вдруг ты решишь сливаться вместе со мной? Но если тебе хочется спать на камнях...

— С чего ты взял, что я буду здесь?

— Были другие варианты? — не отрываясь от костра, засмеялся Альдо. — Я и на минуту не думал, что ты послушаешься. Все что угодно, только не это!

— Я что, так предсказуема? — обиделась я.

Альдо хмыкнул и дернул плечом, в последнее время эта его привычка стала мне ненавистна.

— Ты поступила правильно. За это я тебя и похвалил. А могла бы уговорить Трая, провести себя через Переправу..., - и он улыбнулся как голодная акула.

Я отвернулась, это было невыносимо. Неужели я настолько глупа и наивна? Предаваясь невеселым мыслям, я исподлобья наблюдала за Альдо, колдовавшим над костром.

Положив на плоские камни три металлических прута, он бросил на них несколько

кусков, сочащегося кровью мяса.

— Твоя добыча? — вкусный запах заставил меня подобраться ближе.

— То, что ужинать я буду не один, стало понятно, как только Рави подал мне сигнал, — он указал рукой на восток, где в темнеющем небе поднималась тоненькая, но ясно различимая, струйка ярко-желтого дыма.

— Он зажег сигнальный огонь прежде, чем выехать из крепости, — старательно пряча улыбку, ответил он.

— ...! — прошипела я.

— Умный мальчик, — согласился Альдо.

— И кто это? — я указала на истекающее соком мясо.

— Тебе так интересно?

— Ну, не знаю? — пожала я плечами. — Вдруг это какая-то змея или... песчаник.

— Я не ем змей и песчаников, — фыркнул Альдо, переворачивая наш ужин. Жир капал в огонь и разлетался множеством искр.

— Посмотри, что там собрала Саша, — кивнул он в сторону корзинки.

Я подтянула ее к себе. В ней оказался хлеб, сыр, несколько мешочков с солью, перцем и пряными травами, фрукты, а на самом дне, глиняная бутылка.

— Вино, — не поднимая головы от жаркого, прокомментировал мою находку Альдо. Глаза у него, что-ли, на затылке?

Это был самый лучший ужин в моей жизни. Мясо было восхитительным. На моих коленях лежала плоская глиняная тарелка, на которую Альдо все время подкладывал сочные кусочки. Мы запивали все это великолепие густым, терпким вином, слегка отдающим черной смородиной.

Есть такую вкуснотищу, соблюдая все правила, было совершенно невозможно, и я ела руками, стараясь не причмокивать слишком громко, время от времени облизывая липкие пальцы.

Случайно подняв глаза, я увидела, что Альдо наблюдает за мной.

— Это... так ужасно? — краснея, спросила я.

— Нет. Мне нравится смотреть, как ты ешь, — он дотронулся до моего подбородка и пальцем стер капельку сока.

— Наверно, наедаться на ночь не стоит, — в замешательстве пробормотала я, вытирая лицо.

— Глупости, — придвинулся он ближе.

— Ведь я так старался. Выслеживал, ловил, разделявал, готовил... только для тебя, найлек, — проворковал Альдо, предлагая мне аппетитно подрумяненные кусочки.

Завороженная мерцающими зелеными глазами, я послушно открывала рот, а он кормил меня, как ребенка и улыбался, словно притягивая меня невидимым магнитом.

Я вдруг поняла, что Альдо был персонажем моих любимых книг с единорогами, кентаврами, демонами и драконами. Одним из тех волшебных созданий, которые не связаны никакими правилами и законами. Все как один неудержимые и опасные. В книгах, тесное общение с такими ни к чему хорошему не приводит. А в жизни?

— Бояться нет смысла, — тихо сказал Альдо, и я испуганно отшатнулась.

— Я не читаю твоих мыслей, найлек, — почти прошептал он. Я дернулась снова.

— Ты казалась такой близкой, а потом ушла «за горизонт». Не хочу, чтобы ты нервничала. Я совершил много, — Альдо хмыкнул, — нехорошего и собираюсь совершить

еще больше. Но только не по отношению к тебе, — в его голосе зазвучал металл, это было похоже на клятву.

— Бояться нет смысла, — уже мягче повторил он. — Опасность может пройти мимо и тогда получится, что все твои переживания зря. Но если она реальна..., нужно не бояться, а готовиться встретить ее во всеоружии, — недобро усмехнулся он. — Я не пугаюсь, я злюсь.

Я подняла на него глаза, в неверном свете костра лицо Альдо, казалось состоящим из сплошных углов. Единственной мягкой линией был изгиб губ. Невероятный контраст с тем воплощением соблазна, которым он был минутой назад.

— На меня?

— Ты слышишь меня, найлек? Я предлагаю разозлиться тебе!

Я не знала, что мне ответить. Все слова, которые приходили мне на ум, были какие-то бесцветные и несущественные, по сравнению с тем, что я чувствовала сейчас. Мне было страшно и радостно одновременно.

Он быстро обнял меня, привлекая к себе.

— Один поцелуй, найлек.

Поцелуй был таким сдержанно-нежным, что я была не в силах сопротивляться этому и обняла его. Этого оказалось достаточно, чтобы мир вокруг разлетелся вдребезги, как-будто одновременно выключились все мои чувства, осталось только осязание, томительное ожидание чего-то, что вот-вот должно произойти.

— Сдаешься!? — с торжествующим смешком спросил он. Альдо так открыто радовался, что это вернуло меня в реальность.

— На милость победителя? — фыркнула я и немного отстранилась.

Я еще ни разу в жизни не видела на лице мужчины такого откровенного желания.

— Найлек? — его голос немного дрожал, я опустила глаза.

— Я слишком голоден, чтобы продолжать разговаривать, — прошептал он, через некоторое время.

Медленно отодвинувшись, я повернула голову и украдкой взглянула на него. Он улыбался, умудряясь выглядеть при этом суровым и безжалостным.

— Альдо, я не...

Но он только хмыкнул и дернул плечом.

Рядом, в кустах, треснула ветка, и Альдо тут же вскочил, перехватывая нож для броска.

Из темных зарослей вышел Голубое Облако и на мгновение замер, уставившись на огонь. А потом спокойно повернулся и стал шумно пить воду.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Надеюсь, он не сожрал Черного, — скривился Альдо, убирая нож.

— Пойдем, — протянул он руку и повел меня прочь от костра.

Мы шли по едва заметной тропинке, сквозь кусты с тонкими ломкими ветками, темным пологом нависавшими над головой.

Савар двигался бесшумно, как тень. Я топала, как слон. Это казалось мне неправильным, все равно, что слушать тяжелый рок в библиотеке. Стараясь идти тише, я начала подражать походке Альдо, его уверенным твердым шагам. Но это плохо получалось, он видел в темноте лучше любой кошки, а я спотыкалась о корни на каждом шагу.

Мы вышли на голую каменистую вершину небольшого холма, как раз в тот момент, когда над горами, окружающими долину поднялась Ниса.

Альдо слегка повернул мою руку, и браслет на ней полыхнул белым пламенем с

дрожащими внутри него огненными каплями.

— Эти камни нашел Кадарго, горя на солнце и истекая кровью в Черных Проходах. Только для того, чтобы девушка, которую он никогда не видел, могла носить что-то, оттеняющее ее красоту.

— Мне повезло больше чем ему, — усмехнулся он.

— Я всегда знал, что Потерянная невеста достанется мне, но не хотел, чтобы она была похожа на тангаров.

— Чем они тебе не угодили? — спросила я и подумала, что не отказалась бы от фамильного сходства с таким как Трай, не говоря уже о Гало.

— У них рыбыи глаза, — фыркнул Альдо. — Бледная кожа и тусклые волосы.

Теперь фыркнула я, ему не нравится именно то, что я каждый день вижу в зеркале. Осталось прибавить к образу десяток другой лишних килограммов и сходство будет полным.

— Ты прав, — буркнула я и отвернулась, закусив губу, чтобы не разреветься.

Призрачный лунный свет сгладил изломанные линии, уходящего к морю горного хребта. На склонах фиолетовым кружевом вился кустарник. Внизу, над серебряной лентой Тиамат, поднимался туман. Галька на ее берегу сверкала черным лаком и вокруг догорающего костра желто-красными бабочками порхали искры.

— Не знала, что у темноты так много оттенков, — восхищенно прошептала я, забыв о слезах.

— Ты похожа на нее, найлек, — шепнул мне Альдо, развязывая шнурок, стягивавший мои волосы.

Судорожно вздохнув, я яростно замотала головой.

— Посмотри вверх, — снова прошептал он, отводя волосы от моего лица. — Что ты видишь?

— Луну, — буркнула я.

— Две, — мотнула я головой в сторону Орма, поднимающегося над горизонтом, вслед за Нисой.

— Но и это не может сравниться с тобой, Кирен.

Я снова опустила голову, ужасно хотелось поверить в то, что Альдо искренен, но я не могла позволить себе такой роскоши. Цена такой наивности слишком высока для меня.

— О чем ты думаешь?

Я не могла сейчас говорить и пожала плечами. Разве я могу сказать ему, как он привлекает меня, хотя в нем нет ничего... правильного. Он отличался от всех знакомых мне мужчин, как тигр от домашнего кота.

Его губы изогнулись в насмешливой полуулыбке, и в который раз я подумала, что он как будто читает мои мысли.

— Не бойся, — мягко шепнул он и начал наклоняться ко мне, медленно. Давая возможность уклониться.

Мое сопротивление было таким слабым, что скорее подтверждало согласие. Но он не подчинял, а уговаривал. И это мне очень понравилось, я чувствовала себя в безопасности и не боялась.

— Почему ты приехал сюда? — спросила я, когда мы спускались к лагерю.

— Мне нравится это место. Тут спокойно. Не нужно все время ждать нападения, песчаники и тасоги обходят его стороной. А остальные, — пожал он плечами, — вряд ли решаться нападать.

Я не стала уточнять, кто именно не решиться и спросила:

— Почему?

— Они бояться феррай. Смешно!

— Почему?

— Потому что глупо.

— Почему?

— Ты знаешь какие-нибудь другие слова? — моментально раздражаясь, спросил Альдо.

— Феррай — выдумка. Их не существует. Но тасоги верят, что тут, за каждым камнем прячется уродец, вроде того, что тебе подарили. А песчаникам просто не на кого тут охотиться, — он снисходительно посмотрел на меня.

Слушая его разглагольствования насчет феррай, я улыбалась. Миуру сложно было назвать выдумкой.

Пока Альдо оживлял огонь, я вымыла немудреную посуду и скормила остатки ужина марам. Облако и Савар были страшно не довольны. Первый тем, что его обделили, а второй, ворчал не переставая, что я порчу его скотину.

Закутавшись в шаль, я сидела у костра и смотрела, как он точит свои ножи.

— Давай поиграем?

Альдо с сомнением взглянул в мою сторону.

— В вопросы и ответы.

— Это какой-то подвох?

— Нет. Я спрашиваю, ты отвечаешь, честно. А потом наоборот. Только я буду спрашивать первой.

— Это почему?

— Должно же быть у меня хоть какое-то преимущество! Ты сильнее....

— А это имеет значение? — он отложил в сторону оружие и улыбнулся. — Ты ведь не боишься меня, найлек...

— Ну не то чтобы я тебя боялась, Альдо, просто у тебя есть тайны, которые мешают понять тебя...

Я замолчала на полуслове, заметив, как потемнели его глаза, взгляд стал жестким. Он превратился в хищника, жестокого, уверенного в себе, неуязвимого.

— Ты хочешь спросить о детях?

— Нет, — быстро ответила я, отводя взгляд.

Прошло несколько минут, прежде чем он расслабился, и смог спокойно сказать:

— Есть вопросы, которые лучше не задавать.

— Но только они имеют значение, правда? — не удержалась я и замолчала, наткнувшись на его тяжелый взгляд.

Это было так по- мужски. Согласиться, а потом передумать из-за того, что не желает говорить об этом. И поэтому нужно заткнуться, потому что слово мужчины всегда должно быть последним.

— Разве тебе не интересно узнать что-то обо мне? У меня тоже есть тайны, — буркнула я, но в ответ получила только тяжелый взгляд исподлобья.

— Ты устала и замерзла. Иди в палатку, тут слишком холодно, — это было сказано не терпящим возражений тоном, не поднимая головы от ножей.

— Ладно, — было ясно, что разговаривать со мной он больше не собирается.

В палатке было очень уютно, пол покрывали мягкие меховые одеяла, лежало несколько

подушек. Покопавшись в своей сумке, я отыскала свежую рубашку, полотенце и отправилась умываться. Вода была отвратительно холодной. Нет, прелести походной жизни точно не для меня!

Стуча зубами от холода, я влетела в палатку и тут же закуталась в одно из одеял, грея потерявшие чувствительность пальцы. Мне пришлось подождать несколько минут, прежде чем я смогла взять гребешок, чтобы причесаться. Теперь это было не таким легким делом, как раньше. Волосы очень сильно отросли и безбожно путались при каждом удобном случае.

Я шипела и ругалась вполголоса, пытаюсь справиться со своими лохмами, когда появился Савар. Некоторое время он смотрел на меня, а потом шагнул внутрь и опустил за собой полог.

— Ты еще можешь попытаться прогнать меня, найлек, — это прозвучало довольно зловеще.

А уходить он явно не собирался, даже если бы я захотела его прогнать. Но я хотела, чтобы он остался, несмотря на то, что боялась.

— Почему?

— Твое любимое слово? — скривился он. — Потому что я не уйду.

Я молчала, Альдо подошел ближе и забрал из моих рук гребешок. А потом намотал на руку мои волосы, вопросительно изогнув бровь и притянув к себе, как будто испытывая меня. Через несколько минут он слегка ослабил хватку, давая мне возможность отодвинуться, но проверять, что будет, если я попробую высвободиться мне не хотелось. Взгляд у него был такой голодный, что ждать нежности было бесполезно.

— Пожалуйста, — едва слышно прошептал он. — Я скажу все, что угодно, только не выгоняй меня. — Альдо приподнял мое лицо, едва касаясь подбородка. И мне показалось, что его рука дрожала. — Обними меня.

Вздыхнув, я выполнила его просьбу, а он медленно соединил свои руки у меня за спиной. Они сомкнулись там, как крепостная стена. Сильные и теплые. А потом легко заскользили по плечам.

— Кирен, — задыхаясь, шептал он. — Не бойся.

Он долго смотрел на меня горящими глазами и только потом поцеловал. Я чувствовала себя хрупкой, как тонкое стекло и надежно защищенной. Я хотела сказать ему так много и не могла. И разве слова что-нибудь значили? Разве я не заслужила хотя бы одну такую ночь в своей жизни? По крайней мере, у меня будет что вспомнить. Я расслабилась и тут же все что было раньше, утекло, как песок сквозь пальцы, оставив только здесь и сейчас. Я знала, что Альдо — безжалостный, опасный и сильный. Но сейчас он был нежным и страстным. А я чувствовала себя свободной. Он хотел меня и это все что мне было нужно.

— Ты не боишься?

— Нет, когда ты так держишь меня.

Он довольно потянулся ко мне.

— Тогда я не отпущу тебя.

Смутившись, я на мгновение опустила голову. Какие-то остатки страха все еще плавали на поверхности, рождая неуверенность. Сердце колотилось, и коленки противно дрожали. Неожиданно сильно сжав мои плечи, он заставил меня посмотреть на него. В его улыбке, глазах, движениях было чувственное обещание. Я тонула в его отливающих зеленым серебром глазах. Я была желанна.

— Я не боюсь.

— Правда?

— Да.

Я проснулась от того, что Альдо во сне крепко, почти до боли, прижал меня к себе. Я не возражала.

Ночью я опять не услышала ни одного слова о любви, но какая разница? Лучше желание такого, как Альдо, чем любовь какого-то мифического плюшевого принца. Осознав эту простую истину, я поцеловала его.

— Только за это, — пробормотал он. — Ты получишь на завтрак самую вкусную рыбу на свете.

Сейчас, Альдо выглядел невыразимо довольным, вернее, самодовольным. Неужели ночь моей свободы так быстро кончилась? Если я права, то моя ошибка будет фатальной. От этой мысли все во мне напряглось, и он это сразу почувствовал.

— Что я сделал? — засопел он.

— Рядом с тобой я теряю себя, Альдо, — озвучила я свою мысль.

Он закатил глаза, а потом легко поцеловал.

— Можешь не бояться быть съеденной, найлек, — прижимая меня к себе, мурлыкнул он.

А может это не так уж и плохо? Быть проглоченной, таким как он, монстром и хищником. Иногда, это так привлекательно... Я вздохнула.

— Ты меня подавляешь. Ты очень властный.

— Я Савар, — пожал он плечами. — И я не требую от тебя слепого подчинения.

— А что ты требуешь?

— Ничего такого, что ты не могла бы дать мне. И не надо думать, что страшно тебе одной, — буркнул Альдо, отворачиваясь.

От удивления я села, завернувшись в одеяло. В палатке царил полумрак, сквозь слегка приоткрытый полог пробивался серый утренний свет, и были видны кусты, тонувшие в густом тумане.

С сомнением покачав головой, я сказала.

— Я не верю, что ты боишься. Ты сам говорил....

— Кира, — Альдо вздохнул и сел рядом. — Только идиоты живут без страха. А я не идиот! И я знаю, что не смогу удержать тебя силой. Ты в любой момент можешь посмотреть на меня и сказать, что не хочешь меня. Ты можешь уйти от меня..., это пугает.

— Я боюсь потерять тебя, — пожал он плечами.

— Я злюсь и..., я очень сильно злюсь....

— И что же мне делать?

— Остаться. Я хочу, чтобы ты всегда была со мной. Понимаешь? Всегда, это значит навечно, до смерти, насовсем.... Я буду заботиться о тебе, я всегда буду рядом, я убью любого, кто будет угрожать тебе.

— Убьешь? — в замешательстве прошептала я.

— Да, — устало улыбнулся он.

Альдо сидел рядом, опустив голову, съежившись, и выглядел странно беззащитным.

Это он мне так в любви признался или как? Я не знала, что сказать, я боялась все испортить, поэтому просто обняла его.

— Да уж..., - выдохнул Альдо мне в плечо и поднял голову.

В который раз я подумала, что мужчинам не полагается иметь такие длинные ресницы и смотреть так....

— Ты смотришь, будто целуешь, — прошептала я. — У меня руки дрожат, когда ты так смотришь.

— И что, дрожь уже началась? — он немедленно опрокинул меня на спину. Я попыталась высвободиться, и он обиженно протянул:

— Мне что, каждый раз просить разрешения?

И в следующую секунду уже целовал, смеялся и говорил что-то хриплым шепотом. Все это сильно смахивало на приступ безумия.

Спустя какое-то время, неожиданно для себя самой, я сказала.

— Мне бы хотелось, чтобы ты всегда был таким как сейчас.

— Каким?

— Человечным, хорошим..., - пожала я плечами.

— Ты думаешь, я хороший? — Альдо зло рассмеялся. — Я не могу быть «хорошим». Я могу быть только сильным, найлек, чтобы победить.

— Кого?

— Всех, — уверенно сказал он. — Но сначала тебя.

Я усмехнулась.

— Сейчас ты хороший, Альдо. И к тому же, вполне привлекательный.

— Вполне?! — он, похоже, искренне этому удивился.

— Ну да, симпатичный.

— Симпатичный..., - раздраженно буркнул он.

— Я не то хотела сказать. Ты...

— Какой? — нетерпеливо перебил меня Савар.

— Возбуждающий, — покраснев, ответила я. И зачем вообще я начала этот двусмысленный разговор?

Солнце уже давно взошло, а вылезать из палатки Альдо вроде бы и не собирался.

— Уже интересней, — придвинулся он ко мне.

— И наглый, — попыталась отодвинуться я.

— С тобой иначе нельзя, найлек, — ответил он, прижимаясь. — Продолжай.

— Ты....

— Да? — томно прошептал Альдо.

— Самое невероятное, что было в моей жизни, — наконец призналась я.

Но никакой юридической силы это признание не имело, потому что было получено под явным давлением.

Альдо спал, уткнувшись мне в плечо и по-детски посапывая. Я чувствовала, как ровно и сильно бьется его сердце. Конечно, я устала, но эта была приятная усталость. Я попробовала высвободиться из его объятий и пальцы Альдо, сразу же медленно заскользили по моему плечу.

— Самая невероятная.

Это было сказано так просто и искренне, что я не услышала эти слова, а почувствовала их. Еще немного и он будет вить из меня веревки, а я буду радоваться этому.

— Это неправильно, — выдохнула я.

— Что? Тебе холодно? — спросил он, заметив, что я поежилась от своих мыслей.

— Прохладно.

— Я согрею тебя, — пообещал он.

Мне тут же расхотелось думать, только чувствовать.

— Бель-шум не врал, когда говорил, что жизнь... не только борьба со смертью, — сообщил мне Альдо, позже. — Она может радовать сама по себе.

— Жизнь всегда прекрасна, — улыбнулась я.

— Я сомневаюсь, что даже там, откуда ты пришла, верят в это, — усмехнулся он. — А здесь тем более. В Окаторе жизнь — это награда победителю.

— Но иногда, — пожал он плечами и улыбнулся. — Можно и помечтать.

— О чем ты думаешь? Почему так смотришь? — Альдо дотронулся пальцем до моей щеки.

— Я радуюсь, что ты рядом, живой.

— Абсолютно живой, — тут же согласился он и положил мою руку себе на грудь.

— Ты можешь сделать так, чтобы мое сердце билось быстрее. Ты пульс моей крови, найлек.

— Тут водится рыба, и не просто рыба, а самая вкусная рыба в Окаторе. Жирная, сочная и вкусная.

— Фу, гадость, какая! — передернуло меня. Рыбу я отчаянно не любила, просто ненавидела.

— Найлек, твоя скотина сожрала мясо! — рявкнул Альдо. — Целую тушу! И как не подавилась, зараза! Я голоден.

Выбравшись из палатки почти в полдень, мы обнаружили, что почти все наши припасы уничтожены марами. Осоловев от еды, они валялись в тени на берегу.

Нетронутыми оказались только хлеб и сыр. Такой скудный завтрак привел Альдо в бешенство, и только поспешное бегство вглубь кустарника спасло маров от ужасной смерти. Я в жизни так не смеялась! Мне и сейчас было смешно.

— Не хочешь, не ешь, — буркнул Альдо и полез в воду.

Повернувшись лицом навстречу течению, стоя посередине ручья, он замер, уставившись на воду. Простояв так несколько минут, он вдруг резко наклонился и выхватил из воды большую, покрытую коричневыми пятнами рыбу.

— Ничего себе! — взвизгнула я.

— Лови! — крикнул Альдо, бросив свою добычу прямо мне в руки.

Я поймала рыбину и тут же задохнулась от отвращения — она была мокрой, склизкой и мерзкой. Поэтому я тут же выкинула ее в ручей.

— Это был наш завтрак, Кирен, — прошипел Альдо и плюнул.

— Интересно, как ты поймаешь новый, — высокомерно добавил он.

Его презрительный тон поднял во мне такую волну злости, что я без колебания шагнула в ручей. Вода была ледяной, но стиснув зубы, я добрела до середины и повернулась к Альдо спиной.

Со дна, испуганной стайкой, поднялась какая-то рыбья мелочь и быстро унеслась прочь. Потом, рядом с моей ногой прошмыгнул какой-то ракообразный. Стуча зубами от холода, я ждала.

И тут я увидела ее! Рыбина, покрытая уродливыми пятнами, сама плыла мне в руки. Я задержала дыхание и схватила холодное скользкое тело.

И была так рада неожиданной удаче, что мне было совсем не противно держать ее в руках.

— Что скажешь? — заорала я и повернулась к нему.

В тот же момент рыба забилась в моих руках, хлестнув по лицу хвостом. Потеряв равновесие, я рухнула в воду.

От ледяной ванны перехватило дыхание, но Альдо моментально вытянул меня из ручья, захлебываясь от смеха. Я оттолкнула его.

— Я поймала рыбу. Ты видел.

— Видел, найлек, — смеялся он. — Жаль, что тебе захотелось поплавать со своей новой подружкой. Но ты, конечно, молодец! А теперь раздевайся.

— Отвернись, — сумела произнести я. У меня зуб на зуб не попадал от холода, пробиравшего до костей.

— Я уже все видел, — сообщил мне Альдо, но отошел к палатке, бросив мне свою рубашку.

Я быстренько все скинула и разложила сушиться на камнях, накинув на себя рубашку Альдо.

Она пахла марами, кожей, травой и еще чем-то, заставившим меня снова задрожать, но уже не от холода.

— Я принес полотенце, давай вытру волосы, — он стоял рядом, держа в руках кусок полотна.

Он делал все очень аккуратно, руки были твердые и нежные, опытные, одним словом.

Мгновенно почувствовав мое напряжение, Альдо спросил:

— Что опять?

— Ничего, — огрызнулась я.

Он на секунду замер, а потом быстро скрутил все волосы в узел на затылке.

— Ты думаешь, что мне приходилось делать это раньше?

Я решила встать, но он удержал меня.

— Не будь дурой! Не ты одна падала в воду.

— А ты по совместительству еще и парикмахер?

— Ага, — резко выдохнул Альдо и опустился на колени передо мной.

Хитро улыбаясь, он смотрел на меня, скорее лаская, чем вытирая ступни. А когда я попыталась выдернуть ногу, он крепче сжал пальцы.

— Не брыкайся, найлек. Или я подумаю, что ты хочешь большего.

Я замерла и посмотрела на облака, на горы, на верхушки деревьев, на кусты, на воду в ручье... на его спину и плечи....

Под левой лопаткой белел широкий треугольный шрам. След, оставленный матерью Пирры.

— Как это случилось?

— Случилось? — Альдо поднял голову.

— Это, — дотронулась я до него.

— Дурость, — помрачнев, ответил он. — Цена наивности. Грейся. А я поймаю наш завтрак... или обед.

Оставив меня сидеть на горячих камнях, он снова полез в воду и почти сразу четыре

больших рыбины шлепнулись на песок у моих ног.

— Я не буду это чистить, — предупредила я. — Лучше умру от голода.

— Будешь, — весело пообещал мне Альдо.

Мне действительно пришлось помогать ему, но это было даже весело и не так противно, как казалось вначале.

Когда вся неприятная работа была закончена, Альдо скрылся в кустарнике и вернулся с какими-то остро пахнущими лопухами. Он завернул рыбу в эти листья и закопал в золу, как картошку.

Вскоре, от костра начал распространяться такой вкусный запах, что оба мара высунулись из зарослей и потихоньку начали подбираться поближе.

— Пошли вон! — заревел Альдо, и бедной скотине опять пришлось спасаться бегством.

Это удивительно, но я съела почти целую рыбу! Никогда не думала, что это может быть настолько вкусно!

— А ты отказывалась! Да у тебя аппетит, как у мара. Если дальше так пойдет, придется зажарить Синего на ужин, он толще.

Я чувствовала себя почти как дома, если бы не маячившие на заднем плане мара, можно было бы вообразить, что мы на банальном пикнике, где-нибудь недалеко от города. И Альдо сейчас не был похож на безжалостного убийцу, заточенного и направленного в цель, как его ножи.

Его было легко бояться. Почти два метра роста, широкоплечий, с пылающей шевелюрой и яркими светящимися зелеными глазами, которые все видели и ничего не упускали. Он видел в каждом человеке либо угрозу, либо союзника, который вместе с ним будет противостоять этой угрозе. Но сейчас он не язвил, не насмехался, не угрожал. Его улыбка была искренней, глаза добрыми, а руки ласковыми.

Я решила, что обстановка благоприятна для серьезной беседы, но как только попыталась перевести разговор на что-либо косвенно касающееся детей..., Альдо не собирался идти мне навстречу. У меня возникло ощущение, что я говорю со стеной. Он был милым, предупредительным и вежливым (это было очень странное ощущение!) не больше. Но я так и не смогла вызвать его на откровенность. Мне показалось, что делал он это из чистого ослиного упрямства. И это было хорошо, потому что эта черта характера (или свойство?) было мне хорошо знакомо.

О, Светка была отличным учителем, я докторскую могу защитить после стольких лет проведенных с ней вместе. Неужели я по жизни «жертва»? Сначала прибилась к Светке, и та вила из меня веревки, теперь Альдо старается заняться тем же самым. Они очень похожи, моя подруга (бывшая!!!!) и рыжеволосый красавчик, напротив. Оба зациклены на своей персоне, эгоистичные и самовлюбленные, оба не терпят возражений и отказов.

Глядя на ослепительную улыбку Савара, я почти не сомневалась, что моя закаленная воля будет сломлена, как только он до меня дотронется. Вся моя решительность и целеустремленность тут же испариться.

Но все это не удержало меня от того, чтобы протянуть руку и поправить прядь огненно-красных волос, упавших ему на лицо.

— Спасибо за обед, невозможно было представить, что рыба действительно окажется такой вкусной.

— Для савара нет ничего невозможного, — мягко ответил Альдо и это, неизвестно почему, привело меня в бешенство.

Моментально отодвинувшись, я решительно принялась собирать нехитрую сервировку. Основная цель моего приезда сюда вовсе не шуры-муры, а неопределенная судьба двух маленьких девочек. Главное, не допускать никаких прикосновений!

Моя вымокшая одежда давно высохла и Альдо, получив назад свою рубашку, ушел вверх по течению Тиамат. Как только он скрылся в густой зелени, явились Голубое Облако и Черный, и я отдала им рыбки потроха. Потом, вытащила на солнце меховые одеяла и подушки из палатки. Выстирала свою одежду и несколько вещей Альдо. И даже насобирала дров для костра.

Больше никаких дел у меня не было, поэтому я устроилась на больших черных камнях, рядом с водой. Было тихо и жарко. Ветер едва шевелил листья на кустах вокруг. Мары дремали в тени. А на противоположном берегу в высокой траве порхали то ли большие бабочки, то ли маленькие птицы.

— Это сафины, — раздался у меня над головой голос Альдо.

— Разве так можно? — возмутилась я, почти свалившись с камня. — Ты специально пугаешь меня?

— Прости, — пожал он плечами и легко скользнул ко мне, взяв меня за руки. — Ты не скучала?

Мысль о том, что я не должна позволять ему прикасаться ко мне, показалась мне совершенно идиотской. Он улыбался, и меня потихоньку затягивало в сине-зеленый бездонный омут.

Я закрыла глаза и его руки легли мне на плечи. От его ладоней, по всему телу, начало распространяться тепло. Сейчас он меня поцелует! Но секунды шли, но ничего не происходило. Больше того, я почувствовала, что его пальцы просто впились мне в кожу.

В недоумении открыв глаза, я увидела, что его лицо превратилось в маску, а взгляд уходил куда-то поверх моего плеча.

— Не шевелись, — прошептал Альдо, и его правая рука медленно опустилась.

Краем глаза я успела заметить какую-то тень на песке рядом со мной, и в то же мгновение он метнул нож, швырнув меня вниз. В уши ударил противный визг, переходящий в шипение.

Я осторожно высвободилась из медвежьей хватки Альдо. Он быстро поцеловал меня и вздохнул:

— Слишком близко..., - и, как будто испугавшись этих слов, грубовато добавил. — Он тоже любит рыбку, вот и пришел поохотиться.

Поднявшись, он протянул мне руку.

Я встала и повернула голову. Рядом с камнем, на котором я сидела, лежало нечто похожее на моток толстой черной веревки, из которой торчала рукоять ножа.

— Все хорошо, найлек, — успокоил меня Альдо, взявшись за нее.

Вместе с ножом поднялась противная плоская голова с выпученными глазками, но омерзительней всего был белесый живот этой твари с несколькими парами крошечных лапок.

Тошнота подступила так неожиданно, что я едва успела отвернуться в сторону от Альдо.

Выругавшись, он тут же отшвырнул труп в сторону.

— Прекрати, — тихо говорил Альдо, помогая мне умыться. — Это речной охотник, он был слишком голоден и поэтому напал. Он не был ядовит и его больше нет, найлек, — его

голос звучал одновременно резко и успокаивающе.

— Тебе ничего не грозит. Тебе никто и ничто не причинит вреда, слышишь? Я даю слово.

Альдо обнял меня, я потихоньку всхлипывала на его плече. И сквозь слезы увидела, как к трупу этой дряни, осторожно подбирается Голубое Облако. Широко раздувая ноздри, он обнюхал тело, ткнул его мордой, и радостно впившись в него зубами, перекусил пополам. Черный присоединился к товарищу, захрустев остатками. Волна тошноты накатила снова, и я зажала рот обеими руками.

Пожелав марам «сдохнуть на месте», Альдо подхватил меня на руки.

— Никто и ничто, — повторял он мне. — Никто и ничто.

Я, как во сне, слышала его хриплый шепот, страстный, волнующий, превращающий меня в жидкий огонь.

— Я буду нежным, — пообещал он мне.

Когда я открыла глаза, за тонкой стеной палатки шумел Тиамат и неровно дышал ветер.

Все было замечательно, но теперь мне было сложно представить себе, что я нахожусь где-то в безопасном пригороде. Не то чтобы я пришла в дикий ужас от появления той мерзкой твари, испуг мне полностью компенсировали. Но, потом у Альдо было тако-о-о-е самодовольное выражение лица, что все мои прежние страхи повывезали из темных закоулков сознания и начали злорадно нашептывать разные гадости. Мне стало казаться, что все, что между нами было хорошо спланированной акцией обольщения.

— Отпусти меня, пожалуйста, — попросила я Альдо, выпутываясь из его рук.

— Что? — лениво поинтересовался он.

— У меня нет настроения обниматься.

— Не капризничай, — он еще крепче прижал меня к себе.

Хотя от моей утренней эйфории не осталось и следа, но я с удивлением обнаружила, что думаю я одно, а чувствую совсем другое. Я старалась отодвинуться от него, закрыла глаза, чтобы он не видел, что со мной. Но я ничего не могла поделать с кожей, горевшей под его пальцами. Мое тело меня предавало.

— Врунья, я же вижу, что нравлюсь тебе. Открой глаза и скажи, что ты таешь в моих руках, найлек, — тут же потребовал он.

— Зачем тебе это? — я очень старалась сказать это безразличным тоном.

— Потому что это правда, ты одела браслет и теперь не сможешь уйти от меня. Признайся. Ты же сказала, что не боишься.

Что и требовалось доказать! А я, дурочка, и думать забыла о Договоре и прочей «возвращенной собственности»!

— Без этого Рави не соглашался проводить меня сюда, — зло сказала я.

— Правда? — ухмыльнулся он. — Только по этой причине ты вернула его на место?

— Да.

— Я тебе не верю, — прошептал он мне на ухо. — Хватит. Хватит, это уже не смешно.

— Ты признаешься или я вырву это из тебя, — с каждой минутой он злился все больше, от прежней мягкости в его голосе не осталось и следа.

Наконец Альдо выпустил меня из своих медвежьих объятий. Мы сидели рядом и молчали.

— Ты очень странно ведешь себя, найлек, — ровно сказал он. — Ты мне не доверяешь?

Это был вопрос, на который мне не хотелось отвечать, тем более вся эта ситуация начала меня ужасно злить.

— Не хочу повторять свои ошибки, — хмыкнула я.

— Смотри на меня, — рявкнул он, грубо меня встряхнув. — Сколько можно! Я похож на них? Тех, кого ты знала? Я не использую тебя, я не хочу жаловаться тебе и мне не нужно, чтобы ты была удобной для меня. Я хочу, чтобы ты осталась со мной!

— Говори! — приказал он мне. — Смотри на меня.

— Нет, ты не такой как другие, — я взглянула прямо на него.

Рыжие волосы, словно языки пламени, бились на поднявшемся ветру, колдовские глаза яростно блестели из-под полуопущенных ресниц, губы были плотно сжаты.

— Я сказала, что ты просил, теперь отпусти.

— Ты сказала, что не боишься, когда я держу тебя.

На мгновение задумавшись, он продолжил:

— Я не хочу, чтобы ты стыдилась того, что чувствуешь или того чего хочешь. Я хочу знать, что тебе нужно, чтобы дать это тебе. Я обещал тебе это.

— Что?

— Глупо думать, что я отпущу тебя, одна мысль об этом и мне сразу хочется убивать.

Холод в его словах заставил меня задрожать. Альдо смотрел куда-то мимо меня, суженными, пустыми глазами и в них не было ни нежности, ни ласки.

А потом он стиснул мои плечи, лицо исказилось, в голосе слышалось волнение, глаза загорелись.

— Это ни с чем нельзя сравнить. Ни с чем. Не существует такого риска, опасности, труда. Любой жертвы, если награда.... Тебе не избавиться от меня, найлек.

— И я не хочу, чтобы рядом с тобой был кто-то кроме меня, даже если это твой брат.

Я была рада сменить тему и перевести стрелки на отсутствующего здесь Тангара.

— Ты знал, что он приходил ко мне?

— Конечно, знал, — криво улыбнулся он. — И слышал каждое слово.

— Подслушивал?

— Наблюдал. Тангары коварны, хитры и ненадежны. И всегда зарятся на чужое.

— А Трай хвалил тебя.

— Он знал, что я слышу каждое его слово.

Альдо поднялся и подошел к костру.

— Трай не врал мне? — решила я спросить.

— Смотря, о чем.

— Когда говорил о детях.

— Нет.

Альдо стоял в нескольких шагах от меня, и мне показалось, что только сейчас я вижу его по-настоящему. Я встала и подошла ближе.

Удивленный, он стоял совершенно неподвижно, пока я ходила вокруг него, легко касаясь его кожи. Шрамы.... Их было много. Они извивались на плечах, перекрещивались на спине, обвивали поясницу и грудь, уходили под тяжелый пояс на бедрах. Наверняка внутри него шрамов было гораздо больше, и болели они наверняка сильнее.

Я представила себе маленького мальчика, истекающего кровью на горячем песке.... Слезы подступили очень близко, и я отошла в сторону, сев у костра.

— Не надо, — вздохнул он. — Со мной все в порядке, больше не болит и я уже давно

вырос...

Накинув на меня куртку, Альдо опустился рядом и, глядя в огонь, сказал:

— Я стал взрослым в десять лет. Для моего... отца, понятия «ребенок» не существовало. Я просто старался выжить. Учился отличать засаду от обычной встречи, узнал, что все обещания, скорее всего, обман, что никому и никогда не стоит доверять.... Отец... вбивал мне это в голову каждый день, сложно было не научиться, — зло улыбнулся он.

— Иногда мне жаль, что я так не такой как он, было бы намного легче..., - Альдо с силой бросил в огонь ветку, брызнули искры.

Вокруг было очень тихо. Только мары сопели где-то рядом. Я не понимала, что плачу, пока слезы не упали мне на руки.

— Я не хотел пугать тебя, Кирен. Я не сержусь.

— Не... поэтому, — всхлипнула я.

— А почему?

— Тебя так... мучили, — шепнула я.

Он тут же обнял меня и свирепо засопел, прижимая к себе все сильнее и сильнее.

— Никто никогда не плакал из-за меня, — целуя мои глаза, говорил он. — Но мне все равно это не нравится. Вытри глаза. Ты Савар.

Мы почти не разговаривали за ужином. Альдо заговорил, только когда мы перебрались в палатку.

— Расскажи о себе, — попросил он. — Я хочу знать о тебе каждую мелочь.

— У меня было все очень скучно, Альдо. Тебе станет тоскливо, и ты заснешь.

— Это не так, расскажи.

Поминутно удивляясь подобной откровенности, я рассказала ему о своих детских страхах и мечтах. О том, как все время боялась остаться одна и поэтому стремилась быть лучшей. Лучшей племянницей, лучшей ученицей, лучшей подругой...

— Тебе не нужно стараться для меня, — сказал Альдо. — Тебе не нужно ничего делать, ты нравишься мне, такой как есть. И в тебе нет ничего унылого и занудного, — пропуская прядь моих волос сквозь пальцы, говорил он.

И вдруг поцеловал, медленно и крепко.

— Твоей прошлой жизни больше не существует, это было больно, но все прошло. Скоро станет легче, я знаю, — обнял меня Альдо.

— Славная парочка, — кисло улыбнулась я. — У тебя вообще не было детства, а у меня от него осталась только горечь.

Неожиданная мысль молнией сверкнула у меня в голове.

— Послушай, — посмотрела я ему в глаза. — Может, мы сможем сделать так, чтобы у других детей было что вспомнить?

— Что? — возмутился он и отодвинулся.

— Не начинай, я не хочу говорить об этом. Трай все тебе объяснил, что тебе не понятно?

— Я могу спросить?

— Это твое право. Так же как мое — не отвечать.

— Послушай, — я взяла его за руку. — Выслушай меня, но только не перебивай.

Альдо хмыкнул, взглянув на меня исподлобья.

— Я не понимаю... ну, это же твои дети? Чем они провинились перед тобой? Не Пирра ранила тебя. А Лика? Трай говорил, что ты любил ее мать. Как же так?

— Слишком много вопросов, — дернул он плечом, — Мне нечего добавить к рассказу Трая. Мать Пирры... она ударила меня не в спину, в душу! Понимаешь? Я до сих пор не могу простить себе такой... глупости! Я был еще более наивен, чем ты. Там, — дотронулся он до груди, — еще болит.

— А Лика... Бель-шум уверен, что это он виноват в смерти ее матери. Нет, это сделал я. Я не слепой и видел, что она... не та. Я не хотел ее, я вел себя... ужасно, даже для Савара. Но она улыбалась! И однажды я проснулся рядом с ней. На какой-то миг мне показалось, что все может получиться... как дурак надеялся на чудо! Она была так счастлива...

— Я не знаю, на кого я зол больше. На себя или на... всех остальных. Я боюсь, что погублю детей так же, как погубил их матерей. Им не место рядом со мной.

— Еще не поздно все исправить, ты будешь хорошим отцом для девочек.

Альдо рассмеялся.

— Хорошим? Во мне нет ничего хорошего.

— Что мешает попробовать?

— Что?

— Попытаться. Ты же сможешь постараться? Обещай мне это, и я не уйду...

— Настоящая Тангар, торгуешься, — ехидно осклабился он.

— Не торгуюсь, а договариваюсь. Я обещаю остаться, если останутся дети.

— Ты останешься в любом случае, — пожал он плечами.

— Нет, — твердо сказала я.

— Попытаться говоришь? — наклонив голову, спросил он. — Двух месяцев тебе хватит?

— Наверное...

— А если не получится? — задал Альдо вопрос, который больше всего волновал меня. И я решила рискнуть.

— Я останусь.

— Ты поклянешься?

— Да, но и ты пообещаешь кое-что.

— Настоящая Тангар!

— Я не торгуюсь, я обговариваю условия, — обиделась я.

— Ну-ну, — снисходительно кивнул он. — Что я должен пообещать?

— Что будешь стараться и приложишь все силы. И примешь девочек со всем, что у них есть.

— И что у них есть? Ты привезла их голыми, — веселился Альдо.

— Не важно! Клянешься?

— Хорошо, — он положил руку на нож и, глядя мне в глаза, произнес. — Клянусь принять детей со всем, что им принадлежит и постараться стать им настоящим отцом, пока караван не вернется в Суфраэль. Довольна? Теперь ты.

Моя рука дрожала, когда я положила ее на холодное лезвие, я шла ва-банк.

— Клянусь не покидать тебя и Суфраэль.

— Никогда, — быстро добавил он, и прижал мою ладонь к ножу.

— Никогда, — еле слышно повторила я.

— Ты клялась на ноже, ноэль. Помни об этом! — Альдо забрал у меня кохар.

И вдруг зло рассмеялся.

— Ты не умеешь торговаться, найлек.

Я еще не очень понимала, что я только что сделала, а он уже схватил меня и усадил к

себе на колени. Застигнутая врасплох, я ойкнула, стукнувшись лбом о его руку.

— Ты должна быть рада мне, ноэль Найлек Кирен.

— Я рада.

— Ты как тетива, каждый решит, что ты боишься.

— Я не боюсь.

— Тогда посмотри на меня и улыбнись. Ты как кактус, сплошные колючки.

— Смотри не уколись, — буркнула я.

— У меня слишком толстая кожа, — продолжал он веселиться.

Альдо был везде и очень спешил. А потом долго не отпускал, прижав к себе. Ощущение было такое, что с сегодняшнего дня где-то на мне стоит его клеймо.

Мы начали сворачивать лагерь еще до рассвета. К неудовольствию Голубого Облака вся поклажа была приторочена к его широкой спине. Я попробовала возразить, но Альдо, с садистской улыбкой, затягивая очередной ремень, сказал:

— Сюда это привез Черный. К тому же, я должен иметь свободу маневра, в случае если на нас нападут.

— Ты же сам говорил, что это спокойное место.

— Долина Тиамат, но не холмы наверху.

Я продолжала смотреть на него, и он вынужден был объяснить.

— Сюда ты ехала в окружении отряда. Чтобы решиться напасть, нужно быть идиотом. Другое дело — один человек.

— Почему один? Нас же двое.

— Ты груз, правда, очень ценный.

— Вот спасибо!

Я надулась, но, несмотря на все обидные слова, которые я шептала в полголоса, Альдо, безмятежно улыбаясь, усадил меня в седло.

— Вот это, — указал он на свисающий сбоку конец ремня, — крепеж всего нашего барахла. Если придется убегать, дернешь. Вещи можно вернуть, жизнь никогда.

— Бедное Облако, — игнорируя Альдо, я гладила мара по мощной шее. — Тебе так тяжело.

— Да он может тащить еще столько же и не почувствует веса! — Усмехнулся Савар, садясь в седло. — Хватит его жалеть. Вперед!

Поднявшись на вершину холма, я остановила обиженно сопевшую животину и оглянулась. Мне хотелось еще раз взглянуть, оставить все что было «на память». Неизвестно, вернусь ли я сюда снова, поэтому я хотела запомнить свет звезд, необыкновенные облака и аромат принесенный ветром, шелест птичьих крыльев, улыбку Альдо... Там внизу, было так спокойно, даже речной охотник больше не вызывал омерзения.

— Ну что ты там застряла? — грубый окрик Альдо моментально разрушил все это хрупкое очарование.

Была уже середина утра, когда мы выехали из лабиринта расколотых скал. Мне показалось, что обратный путь занял гораздо больше времени, чем раньше.

— Мы поехали другой дорогой? Я не помню, чтобы тут был родник.

— Я никогда не езжу одной и той же дорогой дважды. Меньше вероятности наткнуться

на засаду. Давай устроим небольшой привал. Пусть твоя «измученная» скотина напьется.

Вода в роднике оказалась удивительно вкусной, с легким фруктовым ароматом. Я умылась и наполнила фляжки.

Пока Облако и Черный пили. Альдо подозвал меня к себе, указав на нагромождение камней невдалеке.

— Аргентавис, — шепнул он.

— Камень?

— Птица! — страшным шепотом продолжил он. — Видишь?

— Где? — уставилась я на валуны.

И в этот момент один из камней наверху кучи ожил. Резко свистнув, птица расправила огромные крылья, ловя ветер. Она была такой величины, что запросто могла унести в своих когтях мара. Потоптавшись на месте и несколько раз встряхнувшись, аргентавис подпрыгнул вверх и, поймав восходящий поток, начал медленно подниматься по спирали все выше и выше, пока совсем не растаял в небе.

— Какой красивый!

— Мгновенная смерть, — мрачно заметил Альдо. — Наше счастье, что он не охотился.

Легко взобравшись на кучу камней, где ночевала огромная птица, он подобрал несколько длинных серых перьев.

— Отдай это Бель-шуму, старик будет рад подарку. Странно, что Крылатый — Как — Ветер, оказался так далеко от побережья.

— Очень поэтично, — улыбнулась я.

— Поэтично! — обиженно хмыкнул Альдо. — Это священная птица Саваров. Надо быть слепой, чтобы не увидеть этих птиц в рисунке твоих украшений.

Приглядевшись внимательней к переплетению цветов и листьев на браслетах, я увидела четко очерченный силуэт нападающего хищника. Теперь это настолько бросалось в глаза, что было удивительно, как я не заметила этого раньше.

Сохраняя сердитое выражение лица, Альдо помог мне устроиться на Голубом Облаке.

— Тебе нужно лучше есть. Ты, какая-то неуютная, сплошные кости, — буркнул он, задержав свои руки на моей талии.

— Я не уютная?

— Глядя на тебя, будут судить о благополучии всех саваров. Сейчас вид не очень. Ты голодаешь?

— Издеваешься? — я ударила пятками своего мара, послав его вперед.

Впервые за всю мою жизнь меня назвали худой, и я могла бы посчитать это комплиментом, если бы не хитро прищуренные глаза Альдо.

— Тогда и ты должен поработать над собой. Сказать по правде, ты тоже не особо уютен.

— Никогда не хотел быть уютным. Так и хочется сделать что-нибудь мерзкое и ужасное, — он догнал меня и теперь ехал рядом. — Хорошо, что я не Тангар!

— А причем тут Трай?

— Цель его жизни — нравиться другим, — хмыкнул Альдо и немного помолчав, продолжил. — Некоторые... из ваших, — он сплюнул, — воображают его ангелом, — издевательски выдохнул он, прижимая руки к сердцу.

— Но поверь мне, это ангел с душой дьявола. Я лучше.

— Это почему?

— Потому что я не прикидываюсь хорошим!

— Он был не так категоричен, когда говорил о тебе.

— Лыстец, — фыркнул Альдо. — И разве не он назвал меня «отъявленным негодяем»? — Добавил он, подводя Черного вплотную ко мне.

Облако был страшно недоволен таким соседством, но получив тяжелой перчаткой по носу, смирился.

— Я не хочу, чтобы ты оставалась с ним наедине, — заявил Савар.

— Ревнуешь? — засмеялась я. — Он же вроде мой родственник.

— А мне плевать! Ты не свободна и не должна водить дружбу с молодыми мужчинами, а тем более с такими «братьями», как Тангар. Только если я разрешу, — надулся он.

— Разрешешь?

— Именно!

— Пошел к черту! — рассердилась я. — Я не твоя собственность!

Альдо наклонился и поцеловал меня. Он делал это до тех пор, пока я не замолчала. Уткнувшись в мое плечо, он пробормотал что-то.

— Чего тебе нужно?!

— Поцелуев! — прошептал он. — И чем больше, тем лучше.

— Вроде тех, что были только что?

— Ну да.

— Ты соблазняешь меня?

— Какая ты умная, Кирен, — восхитился Альдо.

Я повернулась и посмотрела на него, он улыбался, сияя бирюзовым взглядом.

— У тебя интригующие глаза, — сказала я и наклонилась ближе.

Раздался тонкий свист, и стрела воткнулась в луку моего седла. Мы шарахнулись друг от друга.

Не дав мне времени оглядеться, Альдо хлестнул Голубое Облако по крупу так сильно, что мар присел на задние ноги.

— Скачи вперед и не оглядывайся, — рявкнул он, разворачивая Черного.

Облако, которому Альдо придал ускорение, летел вперед не разбирая дороги. Мне удалось остановить его с большим трудом, бросить Альдо я не могла.

Вокруг Савара кружило двое, по крайней мере, я на это очень надеялась. Всадники, которые надвигались на Савара, испуская дикие вопли, были похожи на растрепанных мумий.

Альдо, с трудом удерживая Черного, оставался на месте, подпуская нападавших ближе. А потом, неожиданно свесился на сторону и бросил нож. Одна из непонятных фигур мешком рухнула на песок. Я заорала как ненормальная, увидев, как второй тасог прицеливается в Альдо из какого-то странного оружия. Савар дернул поводья на себя и Черный взвился на дыбы молотя в воздухе огромными копытами. Тонкая стрела попала мару в шею. Дико всхрапнув, мар закрутился на месте и сбросил Альдо.

Он откатился в сторону и бросил второй нож. Стрелявший тяжело сполз с седла, но его нога застряла в упряжи, и испуганное животное потащило хозяина прочь, поднимая тучи пыли.

Черный отчаянно крутя шей и тяжело дыша, оказался рядом со мной. Мне повезло, я поймала его повод. Мне даже удалось выдернуть наконечник стрелы из его шеи.

— Надеюсь, он не отравленный, — успокаивала я его, поливая ранку водой из фляжки.

Тем временем, Альдо сумел вскочить на мара убитого тасога, проделав цирковой трюк. Он оказался в седле, когда перепуганное животное пронеслось мимо, просто схватившись за его гриву.

Когда, ведя за собой Черного, я подъехала к Савару, он отчаянно ругался, склонившись над трупом. Ножевая рана, которую Альдо нанес ему, была не смертельна.

— Это обезьяна сломала себе шею! — с отвращением сказал он и пнул труп. — Мог бы и не умирать, пока не ответит на мои вопросы.

— Вопросы? — я с сомнением устала на кучу тряпья у себя под ногами. Это было мало похоже на человека, кроме того от тасога ужасно воняло.

— Оно умеет... умело, говорить? — в ответ я получила сердитый взгляд, а труп тасога еще один пинок.

— Сказать откуда у них такие стрелы он бы смог!

Альдо наклонился, быстро вытащил свой нож из плеча мертвеца закутанного в тряпки и не глядя, тут же метнул его мне под ноги.

— Когда ты научишься смотреть куда идешь? Разуй глаза! — фыркнул он.

Когда я решила посмотреть вниз, он уже был в седле, а рядом со мной извивалась какая-то чешуйчатая дрянь.

— Забери нож, — крикнул он мне, разворачивая Черного.

Когда он прекратил ругаться, а у меня перестали трястись руки и коленки, я спросила:

— Это были тасоги? Что они такое?

— Убийцы и бандиты! Долбанные мутанты!

— Правда? Они совсем на вас не похожи, — ляпнула я, не подумав. — Ну, я думала, что вы все тут в некотором роде мутанты...

— Да что ты? — оскалился Альдо и надолго замолчал.

Когда его лицо снова стало похоже на человеческое, я рискнула заговорить снова.

— Расскажи мне о них.

— Они... мутанты, — сквозь зубы прошипел он, дернув плечом.

— Потомки тех, кто смог выжить

в Мертвых землях. Они не восприимчивы к остаточной радиации, болезням и всей той дряни, что скопилась там, но они не люди, совсем, — скривился он. — Они ближе к животным.

— Тасоги крайне опасны, хуже песчаника, — Альдо сплюнул. — Те, по крайней мере, ведут себя предсказуемо. А тасоги... готовы вцепиться в горло любому, кто, по их мнению, им чем-то мешает.

— А им всегда что-то мешает! Безмозглые твари! Но если какая-то случайная мысль забредает в их проклятые мозги, то пускает там такие глубокие корни, что убрать ее оттуда можно только вместе с головой.

— Правда, некоторые семьи способны на примитивную разумную деятельность, — после небольшой паузы добавил он. — Меняются с нами.... Это и странно..., - Альдо повернулся ко мне. — Эти двое, что напали на нас.... Они джепта, не калис. Джепта мирные, насколько это вообще возможно для тасогов. И таких стрел у них быть не должно, — добавил он тише. — Их сделали не в Окаторе, Кира.

Альдо опустил голову, погружившись в какую-то угрюмую сосредоточенность. Мы въехали в распахнутые ворота Суфраэля в полном молчании.

— Позаботься о марах, — крикнул он мне и бросил поводья Черного, а через минуту его

голос уже гремел где-то внутри.

— Хоранд, Ахлата и Тангара сюда!

Раби, помогая мне расседлывать маров и распаковывать тюки, страшно спешил. Мальчишке до смерти хотелось присоединиться к остальным мужчинам, устроившим Военный Совет. Все, что его интересовало — подробности нападения тасогов. Когда я отдала ему наконецник, вытасенный из шеи Черного. Он чуть не описался от счастья, и рванул к остальным.

Стоило мне войти к себе, как мне на шею бросились девочки. Миура, радостно подвывая, прыгала вокруг. Она даже, по-моему, немного выросла и была похожа на игрушечный БТР.

Бель-Шум, Нури и Зилла сидели рядышком и смотрели на меня одинаково круглыми глазами.

Прижимая к себе девочек, я повалилась на кровать.

— Расслабьтесь, дети остаются, — отвечая на немой вопрос присутствующих, сказала я. — Миуре тоже не зачем больше прятаться, пусть выходит из подполья.

— Эр-рех согласился? — неуверенно спросила Зилла.

— Мы заключили договор, — пожалала я плечами.

— С Саварами трудно торговаться, они слишком расчетливы, практичны и редко остаются в проигрыше, — покачал головой Бель-Шум.

— Не расстраивай девочку, — отмахнулась от него Зилла и тут же подозрительно поинтересовалась, — Что за договор?

Я объяснила, не вдаваясь в подробности, конечно. Когда я закончила говорить, все трое переглянулись и вид у них был не очень веселый.

— Ну, я, пожалуй, пойду, — пожевав губами, вздохнул Бель-Шум. — Завтра суматошный день.

— Если я буду нужна, позови, — ободряюще улыбнулась мне Нури и убежала вслед за стариком.

Зилла осталась и многозначительно посмотрела в сторону девочек. Сообразив в чем дело, я кивнула и достала из сумки перья аргентависа, протянув их Пирре.

— Я забыла отдать их Бель-шуму, отнесете?

— А можно мне одно? Два? — быстро поправилась она, взглянув на сестру.

— Конечно.

Девочки схватили перья и с криками понеслись на террасу, Миура вопросительно уставилась на меня.

— Иди, — махнула я рукой. — Ты теперь полноправный член семьи.

Феррай, стуча когтями, пулей вылетела следом.

— Вы хотите мне сказать, что я поступила опрометчиво? Что Альдо хитер и коварен, а я дура?

— Ты вовсе не дура, — удивилась Зилла, — и никто не хотел тебя пугать. Ты все сделала правильно. У нас есть поговорка: «Каждый должен идти по той дороге, которая зовет его и не оборачиваться в пути».

— А что касается эр-реха и его коварства..., - она, задумавшись, покачала головой. Потом обняла меня и легко поцеловала.

— Не бойся. Надежда на успех, это единственный способ начать действовать. Все будет хорошо! Быть замужем за саваром не просто. Все они собственники, очень ревнивы и предпочитают не делить свою половину ни с кем, включая родственников.

— Ну, это я уже поняла, — фыркнула я.

— И у тебя не будет права отказать ему в постели. Но это и в голову тебе не придет, можешь мне поверить! — подмигнула мне Зилла и вышла. Я не стала возражать.

Я нежилась в теплой воде, когда вернулись девочки и Миура. Пирра, с пером аргентависа в рыжих кудряшках, с горящими от восторга глазами с ходу начала рассказывать какое впечатление произвела феррай на всех, кто ее видел. Она так увлеклась, что свалилась в воду.

Остаток дня мы посвятили устройству детской. Получилось довольно мило.

Правда Кора, поджав губы, ворчала, что ни к чему так стараться, мол, Караван уходит совсем скоро, а вернувшись, дети могут оказаться в доме ее сына. Но я почти не слушала ее, стараясь не думать о таком развитии событий.

Когда комната была готова эта ехидная старуха, возвестила трагическим тоном:

— Теперь, когда у эр-реха полноценная... семья, обедать и ужинать он должен здесь. Я уже попросила поставить стол на террасу, ему передадут, что вы ждете его к ужину.

Я с замиранием сердца ждала прихода Альдо, да и девочки волновались. Мы подготовились, как могли. Накрыли стол, украсив его живыми цветами. Я умыла и причесала детей, а Миуру уговорила спрятаться (большим куском можно и подавиться).

Велев всем сидеть тихо, я одела красное платье, нацепила на лицо счастливую улыбку и постаралась успокоиться.

Альдо, как всегда, неожиданно влетел в комнату и в замешательстве остановился, увидев нас троих, в живописном беспорядке расположившихся вокруг празднично накрытого стола.

— Добрый вечер, дорогой, — бросилась я ему на шею, и он неуверенно обнял меня. — Будешь ужинать?

— Поцелуй детей, — прошептала я.

Альдо взглянул на меня так, как будто я была червяком в яблоке. Вот уж не думала, что мне так быстро захочется его придушить!

— Ты обещал, — повторила я, стараясь больнее наступить ему на ногу.

— Я был не в себе, когда сделал это.

— Плевать! Ты поклялся! Иди и целуй!

Он подобрался к притихшим девочкам боком, как будто они были готовы накинуться на него. Поднял на вытянутых руках Пирру, выглядевшую как взъерошенный ангел. И уставился на нее. Они смотрели друг на друга несколько минут, одинаково хмуря брови.

Как только Альдо выпустил из рук Пирру, к нему бросилась Лика.

— Папочка! — прижалась она к нему.

Он выглядел таким несчастным, что мне пришлось вмешаться.

— Все остынет. Давайте уже садиться, — я забрала Лику. Пирра и Альдо устроились друг напротив друга.

Несмотря на мою жизнерадостность, вечер не задался. Все вяло размазывали еду по тарелкам. Похоже, что Саша старалась зря.

Девочки почти не притронулись к своим любимым пирожкам, а Альдо не смотрел в сторону мяса.

— Когда тарелки возвращаются на кухню полными, повар может обидеться. Неужели Саша не угодила? — нарушила я затянувшееся молчание.

Альдо и Пирра одновременно подняли головы и на их лицах застыло одинаково презрительное выражение.

— Черт побери, — вдруг заорал Альдо, — если тебе, Саше или еще кому-нибудь не нравится, как я ем, приведи своего мара и посади его под стол. Он сожрет все, вместе с тарелками, и у меня не будет болеть голова от твоей трескотни.

Испепелив меня взглядом, он с ожесточением впился в мясо.

— Не ори, — строго сказала я, подмигнув Пирре.

Ну, надо же, мар под столом ему нужен! Я мстительно улыбнулась, у меня есть кое-что получше!

Больше мы не разговаривали. Наш первый совместный ужин закончился в полном молчании, совсем не так как мне бы хотелось, но как говорится — первый блин комом.

Уже совсем стемнело, когда я уложила детей. Миура, слегка раздуваясь после плотного ужина, развалилась между кроватями и громко храпела. Теперь я могла заняться собой. День был очень долгим.

Альдо старательно притворялся спящим и я, молча, забралась под прохладные простыни.

Немного помолчав, я сказала:

— Незачем было так срывать. Ты смотришь на них так, как будто это твои враги, а это всего лишь дети. Твои дети! Ты поступил не благородно и не вежливо. Что они о тебе подумают? А что подумают все остальные? Ты так орал, что тебя было слышно в конюшнях.

— Ты ошибаешься, если считаешь, что меня волнует то, что думают обо мне другие, — зло рассмеялся Альдо, — И не надо читать мне нотаций! Тем более подозревать в благородстве, — он повернулся и посмотрел на меня.

— Я жестокое безжалостное существо, живу в ужасном месте и мне нравится убивать. Ты, по сравнению со мной, наивный ребенок. А я никогда не был наивным, я даже никогда не был ребенком!

Слова были очень обидные, но он смотрел на меня печальными глазами, пристально и без циничной иронии, как обычно. Поэтому я не ударила его. Хотя очень хотелось. Он был совсем рядом, и мне пришлось сдерживаться, чтобы не размахнуться и вlepить ему пощечину.

— Ты хочешь разорвать наш договор? Ты так быстро сдаешься? — очень тихо, спросила я.

Альдо на мгновение опустил голову, потом пристально взглянул на меня и сказал:

— Слушай внимательно, Кирен. С этой минуты я всегда буду возле тебя, за тобой или впереди тебя. Так будет в Суфраэле, на пути в Тулут, в Тулуте, везде и всегда! Все время, которое нам отпущено я буду рядом, и оно полностью будет моим. Ты, кажется, забыла, что ты поклялась никогда не покидать меня?

Эти слова почти сбили меня с толку, но я зашла уже слишком далеко и отступить не собиралась.

— Ты должен быть немного добрее. И не только у меня есть обязательства, ты тоже

клялся!

— Добрее?! А что это такое, Кирен? Это не входило в методы воспитания Шарухина. Он вбил в меня очень многое, но только не доброту, — фыркнул он.

— Неправда, ты добрый.

— Я просто терпелив... с тобой, но мое терпение не безгранично, — добавил Альдо с угрозой в голосе.

— Ты можешь измениться, только нужно хотеть этого. Ты хочешь? — настаивала я.

— Как у тебя все просто!

— Просто, если захотеть, — пожала я плечами.

— Я ничего не смыслю в детях.

— Конечно. Что можно в них смыслить, если ты постоянно самоустранишься.

Альдо вздохнул и сел, подтянув ноги к груди. Он долго молчал, опустив голову.

— Я их боюсь..., - страдальческим голосом пожаловался он. — Я не знаю, что с ними делать. У меня нет ничего, что я мог бы дать им. После того, как их матери..., - вздохнув, он уставился в потолок.

— Все что тебе нужно, это захотеть узнать их. Уделять больше внимания...

— Они так смотрели на меня, — перебил меня Альдо, — как-будто я... Бог! А я не он! Как я могу быть хорошим отцом, если иногда думаю, что я даже не очень хороший человек?

— Это нормально. Они просто испуганные дети, а ты не обращаешь на них внимания и кричишь. Можешь кричать на меня, если хочешь. Я, по крайней мере, могу запустить в тебя чем-нибудь.

Я обняла его и он, положив свою рыжую голову мне на плечо, недовольно пробурчал:

— Тебе приятно думать, что я не только идиот, но еще и исключительно сентиментальный идиот.

Через несколько минут Альдо спал. Черты лица смягчились, и без обычной циничной ухмылки он выглядел очень уязвимым. Я тихонько гладила его по голове, пропуская сквозь пальцы жесткие непослушные пряди. Все слишком далеко зашло и теперь я не смогу уйти от него. И не только ради Пирры и Лики. Его взгляд, улыбка, черный юмор.... Меня ужасно волнуют властные нотки в его глубоком бархатном голосе. Мне нравятся искры в его глазах, когда он смеется надо мной и когда целует меня. И уж если быть совсем откровенной, то мне слишком нравится та небрежная элегантность, с которой он носит свои ножи.

Ночью пошел дождь, и я, проснувшись от непривычного шума, тихонько поднялась, чтобы проверить девочек. Они крепко спали. Укрыв их получше, я вернулась к себе.

Миура сидела около кровати, задумчиво рассматривая спящего Альдо.

— Завтра познакомитесь, — шепнула я ей. — Он не такой страшный, как кажется.

Каменный пол был холодным, и я с удовольствием вернулась в постель.

— Ты стылая, как жаба, — проворчал Альдо, прижимая меня к себе. — И охота тебе шпаться по ночам!

— Чтоб мне пропасть! Кирен, ты тоже это видишь? — Альдо бесцеремонно толкнул меня в бок.

— Где? Что? — спросонья я не могла сообразить, о чем он меня спрашивает.

— Вот это! — приподняв меня за плечи, Альдо указал вниз.

На полу около кровати сидела Миура, с жизнерадостным видом высунув язык.

— Правда, прелесть? — я высвободилась из его рук и потянулась. — Ты хорошо спал?

— Я спросил, что это такое.

— Ах, это? Это феррай.

Нахмурившись, он несколько минут смотрел на меня.

— Что ЭТО делает здесь? — резко спросил Альдо.

— Ты же сам велел кому-то сидеть под столом и вылизывать тарелки, а у Миуры отличный аппетит. И она меньше Голубого Облака... пока, — пожалала я плечами.

— Проклятье! — дернув плечом, он уселся на край кровати и Миура тут же оказалась рядом, положив морду ему на колени.

— Можешь ее погладить, она не кусается.

— Где ты ее взяла? А, не важно! Убери ее отсюда, — сердито проворчал он.

— Не выйдет. Миура — одно из условий нашего договора. Имущество девочек. Ты клялся, между прочим.

— Я сглупил, когда клялся.... Ладно, черт с ней, — махнул Альдо рукой и, щелкнув феррай по черному блестящему носу, упал на подушки.

Миура одним махом взлетела на кровать и, прижавшись к нему, удовлетворенно вздохнула, давая понять, что сбылись все ее заветные мечты.

— Ты заметила, найлек, — лениво сказал Савар через несколько минут. — Что ты просто магнит для всяких уродов. Сначала ламар, потом отвратительная синяя скотина, теперь вот ЭТО. Может, попробуешь договориться с песчаником?

— Очень смешно! А теперь вспомни, кто повелся на меня первым! — буркнула я, вставая.

Завтракали мы молча. Только громкое чавканье довольной Миуры нарушало тягостную тишину. Феррай сидела около Альдо, и он с задумчивым видом бросал ей все, что попадалось под руку. Они оба упорно не замечали девочек. И судя по насупленному виду Лики и злым взглядам Пирры, «предательство» феррай не прошло незамеченным.

Скормив Миуре последний кусок, Альдо встал.

— Вы, — указал он на притихших детей и меня. — Начинайте собираться. Караван уйдет раньше, чем предполагалось. Сегодня отправляем Тангара, — нехотя добавил он и вышел.

За ним, ни разу не оглянувшись на нас, выскользнула Миура.

— Это ничего, — неуверенно успокоила я девочек. — Пусть погуляет, она так долго сидела взаперти и пряталась. А мы начнем собираться.

Неудачный день, вздохнула я про себя.

Неудачный?! Это было слабо сказано, мне понадобилось все мое терпение и выдержка, чтобы не сорваться! Мне приходилось пропускать мимо ушей множество язвительных замечаний Кары. Задрвав нос, я делала вид, что понимаю, о чем мне говорят, и прекрасно разбираюсь в сложных подсчетах необходимого количества грузов, отправляемых в Тулут. Я с умным видом кивала и улыбалась, улыбалась и кивала...

Девочки и Миура постоянно вертелись под ногами, а если отходили от меня, то лишь для того, чтобы сбежать к Альдо. Но долго они там не задерживались! Получив очередную порцию проклятий (феррай) и ценных указаний, типа, а не пошли бы вы к вашей матери (Пирра и Лика), они возвращались ко мне, чтобы в очередной раз сунуть свой нос, куда не следует и тут же испариться. И так весь день!

Погрузку закончили уже в сумерках и отъезд Трая, из соображений безопасности, был

отложен до утра. Я выразила желание проводить брата, но Альдо довольно грубо отказал мне и Тангар коротко простился со мной под его пристальным взглядом. Мне было отказано даже в такой малости, как последний совместный ужин. Альдо наслаждался своей властью, постоянно шантажируя меня нашим договором.

Набегавшись за день, девочки быстро уснули, а я сидела на темной террасе и страдала. Из кустов выскочила Миура и ткнула холодным носом мне в колени.

— Уйди, предательница, — слабо отмахнулась я от нее.

Но феррай не уходила, требуя внимания. Потом печально вздохнула и куснула меня за ногу.

— Пошла прочь, наглая морда..., - начала я и тут же обняла ее. — Ты молодец! Нужно быть наглой, только так можно добиться его внимания. Сейчас я пойду и скажу ему все что думаю! А ты, охраняй детей!

Но вся моя решительность испарилась, как только я услышала голоса. Я остановилась в темном коридоре, около полураскрытых дверей, не решаясь войти.

Мне хорошо было видно Трая и Альдо, стоящих друг напротив друга. Судя по выражению лиц, разговор был серьезным.

— Это несколько опасно, ты не находишь? — покачал головой Трай.

— Думаешь? — спросил Альдо пугающе безразличным тоном. — Я не позволю обыграть себя. Даже ты должен понимать это. А те, кто не понимает, окажутся в дерьме.

— Как страшно! — Ухмыльнулся Трай. — Но это не тот случай, когда демонстрация силы может напугать.

— Фу! — дернул плечом Савар. — Я же не аспид, который трещит хвостом, чтобы испугать. Я хитрее...

О чем или вернее, о ком они говорят? Я никогда не видела у Альдо такого зловещего выражения лица. Появилось какое-то неприятное чувство. Схватившись руками за ворот, я прижалась к стене. Я старалась себя успокоить, даже пару раз обозвала себя параноиком. С чего я взяла, что они говорят обо мне? Наверняка у них есть масса других тем для разговора, к чему эта мания величия? Но колени вдруг стали ужасно слабыми, как-будто превратились в желе.

— Конечно, с тобой мне не сравниться, — тем временем язвил Альдо. — Это у тебя привычка вползать потихоньку и притаиться где-нибудь в уголке, а потом укусить. Я предпочитаю нападать первым.

— Какое коварство! — делано рассмеялся Трай.

— Я откровенен и бесхитростен, Тангар, — прорычал Альдо.

— Никогда не предлагаю того, чего не могу и никогда не даю ничего такого, что не выгодно мне.

Мои худшие подозрения подтвердились! Они явно обсуждают нашу с Альдо договоренность.

— Тангар, ты так хочешь всем нравиться, что тянет на рвоту, — сплюнул Альдо. — И от этого в твоей симпатичной головке все перепуталось. Это твое увлечение гнилой дипломатией здорово мешает, — он многозначительно поднял бровь.

Трай нахмурился, и на его красивом лице появилась гримаса отвращения.

— Твоими заумными разговорами делу не поможешь. А я решу эту проблему очень просто. Я их уничтожу, и головная боль пройдет сама собой.

После этих слов мне даже дышать стало легче, я уже не была так уверена, что они

говорят обо мне. Может все дело в тасогах?

— Ну что ж..., тогда желаю тебе успеха, — наклонил голову Тангар. — Но все же будь... осторожен.

— Мне есть, для кого стараться, — высокомерно заметил Альдо.

— Раз так, то прими мои поздравления... родич, — криво улыбнулся Трай. — Только вот... Киран?

— Что Киран? — тут же оцетинился Альдо, а я снова начала прислушиваться.

— Она будет счастлива? Меня интересует только это.

— Она получит все, о чем просила.

— Она заслуживает больше того, о чем просит.

— Это ты к чему?

Я видела, как напрягся Альдо, его лицо превратилось в маску, кулаки сжались.

— Я не так наивен, как раньше. Она поклялась на ноже.

— Он не так наивен, как раньше. Она поклялась! — фыркнул Трай и легко толкнул Альдо в грудь.

— Ты идиот! — вырвалось у него. — Это твой последний шанс, Савар! Такая чудная девочка, если б не Договор, ты никогда бы ее не получил, — со злостью сказал он. — Она... в ней есть что-то такое... Скажи спасибо, что она не догадывается о том, насколько очаровательна. Я надеялся, что ты поймешь, как тебе повезло и постарайся. Но ты связал ее клятвой, как..., как..., тангар! — с отвращением добавил он.

Они одновременно сделали шаг навстречу друг другу и стояли теперь почти вплотную. А что если они начнут драться?

Немного наклонив голову, Альдо сказал:

— Кажется, я не лезу к тебе с советами? Может, прежде чем изображать из себя заботливого брата, ты сам решишься полюбить хоть кого-то кроме себя? Или ты все еще недостаточно силен для этого?

— Ты тупица Савар, — ответил Трай на удивление спокойно.

— Ты debil, — ровно продолжил он. — Как ты можешь их сравнивать! Киран не мать Пирры и уж конечно не та слезливая дурочка, которая сама прыгнула к тебе в постель, — Трай прищурился. — От них у тебя остались очень милые дети. А что останется у тебя, если уйдет Киран?

Альдо страшно побледнел. Теперь они точно подерутся! Я оглянулась, мне срочно нужно было найти что-то тяжелое.

Не вмешивай сюда детей! А Киран..., - и Альдо перешел на свистящий шепот. Мне было плохо слышно, да я не особо и старалась. Внезапно я почувствовала себя слабой и уязвимой, незащищенной. Зачем я пришла сюда! Зачем подслушивала? В замешательстве пригладив волосы, я оглянулась, поймав свое отражение в полированной мраморной стене. Он просто со мной договорился, а теперь сравнивает меня. Конечно, сравнивает! Все мужчины так делают! Они всегда предпочитают изящных, легких, хрупких, длинноногих. Таких как... Светка! Сколько можно! После того письма я переживала, досадовала, потом злилась, потом было такое чувство, что меня обокрали. И я уже несколько дней почти не вспоминала об этом, и вот опять!

— Связать бы тебя и высечь! — вдруг резко выдохнул Трай, и я увидела, как он оттолкнул Альдо от себя.

— Что, руки чешутся?

— Да нет, — миролюбиво улыбнулся Тангар. — Ты только что подтвердил мои подозрения.

— Не поделишься?

— Я подозревал, что внутри этой здоровенной, но пустой головы, — палец Трая уперся в лоб Альдо, — есть немного мозгов. А тут, — его рука переместилась на грудь, — сердце.

— А пошел ты! — Альдо оттолкнул его от себя.

Тангар улыбнулся.

— Мы похожи, Савар. Два самых холодных, коварных, расчетливых, безжалостных ублюдка в этом мире. Да и не только в этом.... Но теперь у тебя есть Киран, ведь так? — его глаза блеснули расплавленным серебром, и лицо приняло такое злое выражение, что у меня кровь застыла в жилах.

— У меня тоже есть шрамы, — немного помолчав, продолжил он. — Здесь они у каждого. Некоторые из них очень глубоки, особенно те, что внутри. Но время и... привязанность..., — Трай улыбнулся, снова превратившись в волшебного принца.

— Привязанность?! — фыркнул Альдо. — Ты сказал, что она делает нас слабее.

— Тебя она делает лучше, Савар, — вздохнул Трай.

Альдо молчал, опустив голову, сосредоточенно рассматривая свои сапоги. У меня потеплело на душе и отлегло от сердца.

— Не обижай ее. Она простит, Киран не злопамятна. В отличие от меня, — злое сказал Трай и отступил на шаг от Альдо.

— Завтра утром мы уходим, и я выполню все, что обещал.

— Это единственные разумные слова за весь вечер! Проваливай, и чем скорее, тем лучше, — буркнул Альдо.

Тангар махнул рукой, направляясь к выходу. Сейчас он меня заметит! Я застыла не в силах сдвинуться с места, а он широко распахнул створки дверей, чуть не треснув меня по лбу.

Стараясь не смотреть ему в глаза, я отскочила в сторону.

— Я пришла убедиться, что с тобой все в порядке. Что такого? Это естественно! И я хочу поехать проводить брата, только и всего! — бубнила я себе под нос.

— Как ты думаешь, — лениво обратился Альдо к Траю. — Это упрямство или идиотизм?

— Я думаю, это комбинация того и другого, — спокойно ответил Трай.

— Ну, — хмыкнул Альдо. — Это еще не самое страшное. Киран считает, что она толстая, — и они понимающе переглянулись. Издевательски!

— Ну, спасибо! — буркнула я.

— Пожалуйста! — нежно улыбнулся мне Трай и ушел.

— Тебе не кажется, что ты слишком заботишься о своем «братишке»? — Альдо проводил удаляющегося по коридору Тангара тяжелым взглядом.

— Ты против?

— Я против, когда моя ноэль заглядывается на других.

— На что ты намекаешь? Я что дала повод?

— Если бы! Тебе я доверяю. А остальных... подозреваю.

— Альдо, — я усмеялась. — Оглянись. За мной не бегают толпа мужиков, да и не бегала никогда. Я что сильно изменилась? Я по жизни невидима!

— Сама виновата, — фыркнул Альдо. — Пошли спать. Завтра вставать рано, надеюсь,

зверинец уже угомонился?

Я покорно последовала за ним, переваривая все то, что слышала. Похоже все не так плохо. Только почему «я сама виновата» и кому Альдо собрался «выпустить кишки»?

Уже в спальне я не выдержала и спросила об этом.

— Почему ты так сказал?

— Что именно ты не расслышала? — язвительно поинтересовался Альдо.

— Перестань, я не хотела подслушивать. Так получилось. Кого ты собрался уничтожить?

— Не твоего ума дело. Что-то еще? — осклабился он.

Меня такой ответ не устраивал, но я не настаивала... пока.

— Почему «я сама виновата»?

— Ты кого-то поощряла?

Несколько минут я непонимающе смотрела на него, наконец, до меня дошло, что он имеет в виду.

— Я?! И чтобы изменилось? — пробормотала я в полном замешательстве.

— Ты опять забыла? Боишься не только ты. Застенчивость легко принять за гордость, а молчание за безразличие. Все что тебе было нужно — немного инициативы.

Альдо легко коснулся моего лица.

— Улыбка, несколько слов, ласковый взгляд...

Я нерешительно кивнула.

— Поздно.

— Что поздно?

— Ты поклялась.

Пробуждение было не очень приятным. Кровать ходила ходуном, оттого, что по ней прыгала Миура, стараясь поймать нечто порхающее. Она постоянно промахивалась и падала на нас, разрывая постельное белье когтями.

Альдо с проклятием пнул ее ногой. Миура, с глухим стуком упав на каменные плиты, тут же вскочила и унеслась в сад за своим мотыльком.

Было еще очень рано, солнце еще не взошло, но Альдо, продолжая проклинать зверюшку, начал одеваться.

Я, вздохнув, тоже выползла из-под одеяла.

— Ты куда собралась? — хмуро поинтересовался он.

— Провожать брата.

— До ворот крепости, — дернул Альдо плечом.

— До Переправы, — фыркнула я.

— И не надейся, — прошипел он и вышел.

Но я не стала обращать на него внимания, умывшись и проверив, не разбудили ли мы девочек, я отправилась вслед за ним.

Он обнаружился в просторном зале рядом с кухней. Трай, Альдо, два тангара и Хоранд с Ахлатом. Вокруг стола суетилась Кара.

При моем появлении Трай и его люди поднялись, церемонно склонив головы. Не обращая внимания на недовольное лицо Кары и прищуренные глаза Альдо, я улыбнулась им.

— Ты можешь идти, Кара. Я сама позабочусь о завтраке, — сказала я, почти вырвав из ее рук блюдо с фруктами.

— Для нас это честь, леди Киран, — легко обнял меня Трай. — Позволь мне

познакомить тебя с моими капитанами, Торвальдом и Фрего.

— Рады служить вам, госпожа, — почти одновременно сказали они.

— Может, хватит этого кривлянья, Тангар? — резко прервал нас Альдо. — Я пришел сюда, чтобы поесть.

Подмигнув Траю, я быстро поставила на стол фрукты и отправилась за следующим блюдом на кухню. Завтракали мужчины более чем плотно. Самой мне поесть не удалось, Альдо и подражающий ему Ахлат, то и дело гоняли меня на кухню, требуя еще и еще.

Конец беготне положил Рави, явившийся доложить, что все готово к отъезду.

Я остановила его, когда он собирался выйти вслед за всеми.

— Оседлай Облако, пожалуйста, я еду провожать Тангара, — попросила я его.

К моему удивлению, мальчишка не стал возражать.

Кое-как, собрав посуду после завтрака и предупредив Нури, чтобы присмотрела за девочками, я бросилась к конюшням, давясь пирожком.

— Где вас носит, — обиженно завопил Рави, указывая на последнюю телегу, выползающую из ворот крепости.

Бросив мне поводья Облака, он вскочил на полосатого мара.

— Скорее, ноэль, — торопил он меня.

Мне хотелось верить, что я очень эффектно промчалась вдоль бесконечной череды телег, и мимо Альдо конечно. Облако был в хорошем настроении, почти сразу согласился идти рядом со своими братьями и не кусаться.

— Не ожидал увидеть тебя тут, — очаровательно улыбнулся Трай. — Но может, это лишнее?

— Глупости, — как можно беспечнее ответила я.

Альдо на своем черном маре буквально ввинтился между нами.

— Я не игнорируемый, — хмуро заметил он.

— Ну не знаю, — заметила я, не поворачиваясь в его сторону. — Я очень хорошо умею игнорировать то, что мне не интересно.

Трай странно закашлялся, наверное, смеялся. Я посмотрела на Альдо, выражение его лица не сулило мне ничего хорошего. Но он не успел ничего сделать или сказать, его грубо прервали.

Страшный вой заставил вздрогнуть не только меня. Вокруг меня все задвигалось. Рави, наполовину вытащив свой нож, схватил за повод Облако. Нас тут же оттеснили к ближайшей телеге. Мне почти ничего не было видно, из-за спин закрывавших меня мужчин.

Тревога оказалась ложной. По песку, огромными скачками, как безумная белка, завывая, неслась Миура. Подняв тучу пыли, она неуклюже затормозила и, бросившись под ноги маров, вынырнула рядом со мной.

Тяжело подпрыгнув, феррай умудрилась лизнуть меня в лицо. Голубое Облако шарахнулся в сторону, его уши встали торчком, внушительные зубы клацнули совсем рядом с головой Миуры, но она, не обращая никакого внимания на взволнованных людей и животных, протиснулась к Альдо и принялась скакать вокруг него. Его мар захрапел, лягаясь и закатывая глаза.

Савар соскользнул со спины Черного, ухватив феррай за шкуру и у основания хвоста, а потом несколько раз встряхнул. Миура моментально прекратила истерику и преданно уставилась на него.

Порядок был полностью восстановлен, движение возобновилось. Альдо усмехнулся и

сказал:

— Если тебе нравится заумная болтовня твоего братца, пожалуйста! Я не возражаю. Болтать вам осталось совсем недолго. Но, руки свои, держи при себе, родич, — нехорошо ослабился он в сторону Трая.

Миура, клацнув зубами перед мордой мара на котором ехал Тангар, унеслась вслед за Саваром. Трай с трудом мне улыбнулся, стараясь удержаться в седле.

Проводив взглядом очередную телегу, груженную зерном, я спросила:

— А у нас..., ну люди, знают про ману? Или это одна из тайн Окатора?

— Нет, — усмехнулся Трай. — Мы готовы были поделиться, никто не заинтересовался.

— Как же так? — я была шокирована его ответом.

Мана была настоящим чудом. Многолетний злак, немного похожий на кукурузу, способный давать по два урожая в год в жарком пустынном климате.

Ее выращивание было абсолютно безотходным и требовало минимальных усилий. Толстые стебли были прекрасным топливом. Длинные темно-зеленые, сочные листья шли на корм, а те, в которые был укутан початок, бережно снимали, клали под пресс, сушили, обрезали края и использовали как бумагу. Мана росла на песке, довольствуясь той влагой, которую приносили западные ветры один раз в год. Даже полоть ее было не нужно, так как ни один сорняк не мог выжить рядом с ней. Никакими вредителями она не поражалась, год за годом давая высокие урожаи. Не растение, мечта!

— Пол Африки пухнет с голоду, — буркнула я. — Вы могли бы помочь.

— Это запрещено, — строго сказал Трай. — Мне жаль тех, кто голодает, но это не наша проблема, Киран. Я уверен, что ваши правительства и сами в состоянии все решить.

Я молчала и Трай снова заговорил.

— Мы предлагали семена маны. Вообще, это было первое, что мы предложили, но те, кому мы это предлагали, были, видимо, не голодны.

— Могли бы просто подбросить, — не унималась я.

— Ты знаешь, откуда берутся мифы? — усмехнулся Трай. — Миф — результат нашей небрежности, доказательство существования Окатора. Мы и так слишком наследили в вашем прошлом.

— Одним следом больше, одним меньше, — пожала я плечами.

— Наша анонимная помощь ничего не изменила бы, Киран. Мана, это не вожделенные технологии и даже не золото.

— Нас слишком мало чтобы осчастливить человечество. А у людей слишком много проблем. Неужели ты думаешь, что наши знания спасают кого-то в горячих точках или голодающих в Тимбукту? Все что мы давали до сих пор оседает в секретных хранилищах и лабораториях и только жалкие крохи достаются тем, кому это действительно нужно. Прости, но я не собираюсь жертвовать своей свободой или свободой своих людей, ради того, чтобы меня разобрали на запчасти во имя прогресса человечества.

Лицо Тангара потемнело, и он замолчал.

Мимо нас промчался Альдо и его люди, Миура неслась рядом. Тангар тотчас привстал на стременах, взглядываясь в подернутый жарким маревом горизонт.

— Оставайся здесь, Киран, — резко сказал он, — с Рави.

И махнув рукой мальчишке, он умчался вперед, вслед за Альдо, сопровождаемый Торвальдом и Фрего.

Все это было сказано не допускающим возражений тоном, и ждать объяснений было совершенно бессмысленно.

Обоз остановился. Я видела, как мужчины доставали оружие. К Рави присоединился страшно сердитый Хоранд и буркнул что-то о том, чтобы я не высовывалась.

Причина всего этого переполоха вскоре стала известна. Впереди, на вершине одного из барханов появились несколько всадников. Они не двигались, просто наблюдали.

Страшно мне не было. Их было слишком мало, но я затаила дыхание, когда они начали спускаться.

— Не двигайтесь ноэль, — произнес Хоранд, заметно напрягаясь. — Они очень хорошо стреляют.

Мне было видно, как навстречу закутаным в тряпки фигурам подъехали Альдо и Трай. Завязался оживленный диалог, состоящий из резких восклицаний и жестов. Со стороны это выглядело даже забавно. Наконец, Альдо повернулся и махнул рукой. К нему тотчас медленно потянулась одна из доверху груженных телег.

— Зачем? — шепотом спросила я Хоранда, — Зачем отдавать им зерно? Нас же больше?

— Это разумное решение, — важно ответил мне юноша, с презрением следивший, как вокруг телеги суетились закутанные в тряпки фигуры.

— Можно разогнать, этих..., — Хоранд осторожно указал на тасогов. — Но они обязательно вернуться. Может через день, а может через месяц, — пожал он плечами. — И не будут нападать открыто. Они придут, чтобы забрать жизнь, а не зерно или воду.

— Тогда хорошо, что все закончилось мирно, — тихо ответила я. — Никого не убили...

— Это джепта, — он брезгливо поджал губы. — Будь на их месте другие, пришлось бы убивать. Калис никогда не отступают, для них это позор. А эти... у них другие обычаи, предпочитают оставаться в живых, чтобы гадить, — юноша с отвращением сплюнул на песок.

Я так и не поняла, чем он не доволен, тем, что джепта не напали или тем, что ему не пришлось их убивать.

Тем временем телега опустела, замотанные фигуры растворились в горячем мареве, и обоз двинулся дальше.

Хоранд и Рави оставались около меня до тех пор, пока не вернулся Трай.

— Тебе лучше было бы остаться в крепости, Киран, — недовольно покосился он на меня.

— Что такое?

— Плохие новости, — нахмурился он.

— Тут бродят несколько десятков молодых джепта, отбившихся от семьи и вооруженные чужим оружием. Их направляет Профессор и этот... проповедник из деревни. Вождь очень недоволен, поэтому и попросил Альдо наказать отступников.

— Наказать?

— Поймать, разрезать на кусочки и скормить феррай, если быть точным.

— До тех пор, пока вы не повернули обратно, беспокоиться нечего, на такой большой отряд не нападут даже сумасшедшие тасоги, — нахмурился Трай. — А на обратном пути..., мне очень приятна твоя заботы, но лучше бы ты осталась в крепости. Женщине не место в пустыне, тем более, когда тут шатаются спятившие тасоги, — раздраженно закончил он и стегнул своего мара.

Я хотела ехать за ним, но Фрего, не обращая внимания на зубы Облака, остановил меня. — Вы останетесь, миледи, — с холодной вежливостью произнес он.

Теперь я двигалась в плотном кольце охраны. Хоранд и Рави по бокам, Фрего впереди, а Торвальд сзади. И все четверо смотрели на меня с раздражением.

Время от времени мимо нас проезжал Альдо и Трай, они оба хмурились, но Трай все же кивал мне, а вот Альдо отворачивался и дергал плечом.

Солнце жгло все сильнее, и я уже сто раз пожалела, что поехала. Мое провожание накрылось медным тазом, а Облаку не нравилось такое близкое соседство четырех своих собратьев. Мне все труднее удавалось сдерживать его. Даже подкупить было не чем, в суматохе отъезда я забыла о «взятках».

— Мы почти на месте, — буркнул Хоранд, указывая мне на что-то темное впереди.

Я ужасно обрадовалась, увидев небольшую пальмовую рощицу. Зря. Мы проехали мимо, направляясь к остаткам какого-то грандиозного сооружения.

— Переправа, — облегченно вздохнул Фрего, оборачиваясь ко мне. — Наконец-то я буду дома! Прошу простить мою дерзость миледи, но эта пустыня отвратительное место.

Простить его было не трудно, не одному ему песок действовал на нервы.

Увидеть загадочную Дверь я не смогла. Мне было велено оставаться рядом с Рави в стороне, под защитой полуразвалившейся стены. Нам с Облаком предоставили относительную свободу, и я только наблюдала, как телеги одна за другой исчезали в глубине развалин, из которых, время от времени, выползали клубы плотного тумана.

Не выдержав, я подошла ближе. Туман пах дождем, прелыми листьями и грибами. Осенью, одним словом. Мне почему-то стало невыносимо грустно. Я и не думала, что буду скучать по промозглой сырости, жухлой траве и свинцовым тучам над головой. А еще, оказывается, мне надоели пальмы, море, песок и сладко пахнущие цветы.

Я опустилась вниз, прямо под ноги Облака и соорудила из песка хорошенький могильный холмик.

— Что с тобой?

Я подняла голову. Рядом со мной стоял Трай, к его высоким сапогам прилепилось несколько ярких осиновых листьев. Я осторожно забрала их оттуда. Они были восхитительно прохладными, с влажным грибным запахом.

— Там осень? — спросила я.

— Да, — просто ответил Трай, поднимая меня с песка.

— А... там, у нас? Тоже осень?

— Середина зимы, время в вашем мире течет немного быстрее, — как будто извиняясь, ответил он.

— Новый год?

— Уже был.

— Черт, черт, черт..., - я в ярости принялась расшвыривать вокруг себя песок.

Успокоившись, я огляделась. Трай куда-то подевался. Все вокруг были слишком заняты, загоняя упирающихся животных в черный зев развалин. Мары отказывались тащить телеги в клубящийся туман. Проклятиям и ругани не было конца.

На меня уже никто не обращал внимания, рядом был только Облако.

Присев на камень я изо всех сил старалась не заплакать. Мне не хотелось, чтобы меня

видели плачущей, я не смогла бы связно объяснить причину этих слез. Я сама плохо понимала, почему я так расстроилась. Но стоило мне взглянуть на листья в руке, слезы душили меня с новой силой.

Услышав за спиной шорох, я обернулась. Миура, легко вспрыгнув на остатки стены, уселась наверху. Я отвлеклась на секунду, но этого времени хватило, чтобы Облако схватил осинобые листочки и мгновенно их сожрал.

Это стало последней каплей, я не могла больше сдерживаться и заревела в голос, упав на песок.

— Что случилось, найлек? — Альдо, как по волшебству оказался рядом со мной.

— Тебя ударили? Тебе плохо? Кирен? — тряс он меня за плечи. — Скажи мне! Если это вина твоей негодной скотины, я сдеру с нее шкуру.

— Он съел листья! — сумела ответить я, и снова разрыдалась, уткнувшись в грудь Альдо.

— Что? — неуверенно спросил он.

— Листики, — всхлипнула я. — Они пахли грибами...

— Чем? — еще тише спросил он.

Я не ответила, и он замолчал, не выпуская меня из объятий. Постепенно, я успокоилась и всхлипывала все реже. Мне вдруг пришло в голову, как я сейчас замечательно выгляжу.

— Мне нужно умыться, — буркнула я, не поднимая головы, потихоньку высвобождаясь из его рук

— В роще есть родник. Закончим здесь, и я провожу тебя. Но сейчас мне нужно идти, Кирен, — как будто извиняясь, сказал он. — Ты больше не заплачешь?

Все также, не поднимая головы, я кивнула и снова уселась на песок.

Альдо вернулся к развалинам, мне было хорошо слышно, какими сочными эпитетами награждал он маров и всех, кто был вокруг.

Пока я рыдала, почти весь обоз благополучно прошел сквозь загадочную Дверь, своей очереди дожидались всего две телеги с зерном. Последний раз всхлипнув, я переместилась на камень, он был таким горячим, что почти обжигал. Прав был Альдо! Я упрямая идиотка, по — другому и не скажешь. Что я вообще, здесь делаю?

— Киран! — сквозь слезы, застилавшие мне глаза, я увидела Трая.

Он стоял рядом, протягивая мне ворох разноцветных листьев. Спрыгнув с камня, я бросилась ему на шею.

— Спасибо! Спасибо! Спасибо!

В небольшом букете были рыжие кленовые листья, лимонно-желтая березовая ветка, гроздь рябины и пушистая еловая лапа.

— Столько слез из-за сена? — хмыкнул Альдо, материализуясь рядом.

— Прости, что так мало, я спешил. Мне хотелось порадовать тебя, — улыбнулся мне Трай и поцеловал в лоб.

— Это глупо, — сказал Альдо, хватая меня за руку.

— Это важно! — обиделась я.

— Важно, чтобы кое-кто держался подальше..., - Альдо тянул меня к себе.

— Нужно чтоб кое-кто проявил больше понимания и..., - хмуро заметил Трай.

— ... и не распускал руки, прикрываясь пучками травы, — закончил фразу Альдо, загородив меня от Тангара.

— Девочка..., - начал Трай.

— Моя ноэль! И я предупреждал тебя Тангар!

— Спасибо Трай, — оборвала я Альдо. — Спасибо.

— Надеюсь увидеть вас в Рейвене, миледи, — церемонно поклонился Тангар. — Береги ее Альдо. Удачи.

Он, ни разу не обернувшись, пошел вслед за последней телегой и вскоре исчез в поглотившем его тумане. Вдруг стало очень тихо, но уже через минуту все заговорили снова.

— Наконец-то, — облегченно выдохнул Альдо. — Убрался! Я не увижу его мерзкую рожу целый год!

Уткнувшись носом в листья, я сказала:

— Я очень соскучилась по дому, Альдо. Я не... привыкла к такому, я не люблю пустыню, так как ты, — вздохнула я. — Не дави на меня. Я дала слово, и я остаюсь, но это не значит, что я не буду скучать. Твоя ревность, вот что глупо на самом деле.

Альдо плотно сжал губы и недовольно дернул плечом.

— Найлек..., я... обещаю не давить на тебя... слишком, но Тангару придется держаться подальше.

— Давай не будем сейчас об этом, я не могу думать, — пробормотала я.

— Ты слишком много думаешь, — взял меня за руку Альдо. — Я может и не такой идеальный, как... этот, но я не дурак, Кирен. Он подкупил тебя пучком травы, — кивнул он на мой полу засохший букет.

— Он милый, — улыбнулась я.

— Милый? Как я?

— Я имела ввиду, что он приятный...

— Ты говорила, что я приятный, — глядя на меня исподлобья, буркнул Альдо.

— Он обходительный, вежливый.... И это получается у него само собой, потому что он...

— Красавчик! — прошипел Альдо.

— Нет! — оттолкнула я его. — Потому что с ним не чувствуешь себя душой! Он никогда не смотрит, будто оценивает и не старается напугать до полусмерти!

— А я значит пугаю?

— А еще он никогда не орет, не рычит и не цедит слова сквозь зубы. Его голос успокаивает...

Альдо хмыкнул и, вырвав из моих рук подарок Трая, искрошил его в пыль.

— А это успокаивает меня, — сказал он, втоптав в песок жалкие остатки еловой ветки.

Мы немного отдохнули в пальмовой роще, перед тем как отправиться в обратный путь. Я думаю, что привал устроили исключительно из-за меня. Чувствовала я себя не очень, мне неприятно было быть балластом. Но я была благодарна за несколько минут прохлады и возможность умыться.

Ветер был таким горячим, что казалось дул прямо из мартена. Я ехала в низко надвинутом на глаза капюшоне, солнечный свет, отражаясь от песка, невыносимо резал глаза. Сидя на плавно качающейся спине Облака, уткнувшись взглядом в его шею, я могла только сожалеть о том, что настояла на этой поездке. Все оказалось совсем не так весело, как я предполагала.

Никто не смеялся и не разговаривал. Альдо с нечитабельным выражением лица держался рядом со мной. Иногда в поле моего зрения возникала Миура. Чешуя на ее

загривке стояла дыбом, а маленькие уши нервно подрагивали.

Мне казалось, что мы тащимся по пустыне бесконечно долго, но оглянувшись, увидела, что верхушки пальм еще виднеются на горизонте. Я отвернулась, настраиваясь на долгое возвращение под палящим солнцем. Хорошо, что у Облака такая широкая спина, можно закрыть глаза и мечтать о том, что когда-нибудь мы все-таки доберемся до Суфраэля, где меня ждет прохладная, пахнувшая цветами ванна.

Вероятно, я задремала и пропустила момент, когда наш отряд втянулся в узкий проход между двумя здоровенными песчаными холмами, в тень. Жаль, что скоро мы снова выберемся на солнцепек, впереди уже маячило яркое солнечное пятно. Свет в конце туннеля, блин! Неожиданно Миура проскочила прямо перед мордой Облака, издав низкий утробный вой.

— Пригнись! — Альдо успел наклонить мою голову до того, как над ней просвистела стрела. И я услышала, как разразился проклятиями Талив, получивший ее в плечо.

Альдо отдавал приказы, не убирая руки с моего затылка, все сильнее прижимая меня к шее Облака.

— Мы не можем пробиться к Суфраэлю, их слишком много. Нам нужно вернуться назад, в оазис. На открытом месте нас всех перестреляют, — похоже, это было сказано специально для меня.

Он позволил мне выпрямиться, я с удивлением обнаружила себя в самом центре нашей группы.

— Как только скажу, пригни голову и поворачивай обратно. Постарайся держаться в середине и не отставай, — сказал мне Альдо.

Вокруг нас, прямо из песка, вырастали все новые и новые фигуры тасогов. С каждой минутой, замотанных в жуткие тряпки дикарей становилось все больше. Размахивая оружием, они подбирались ближе. Я чувствовала их запах, он был настолько отвратительным, что меня отчаянно тянуло на рвоту.

Судорожно вцепившись в поводья, я ждала условного знака.

— Сейчас! — заорал Альдо и двинулся вперед, увлекая всех за собой.

Того что мы рванем обратно в пустыню тасоги не ожидали. Большинство из них вопило и кривлялось впереди. Секундное замешательство стоило многим из них жизни.

Я видела, как Альдо снес половину головы одному из них. Ахлат, двигаясь, справа от меня, вспорол живот другому. Отвратительное бульканье и хрясканье раздавалось со всех сторон. Мне было очень страшно, казалось, стоит мне отвести глаза от шеи Облака, я тут же свалюсь. Поэтому я мертвой хваткой вцепилась в поводья и зажмурилась, надеясь, что мар последует вслед за другими. И поэтому слишком поздно увидела тасога, непонятным образом возникшего рядом. Я заорала, но Альдо не успел увернуться, и короткий кривой нож вонзился ему в бок. Удар был настолько силен, что пробил одну из роговых пластин, нашитых на пояс его куртки. Резко выдохнув, он выдернул нож из раны и тут же вернул его хозяину, воткнув в висок. Я надеялась, что тасог умер прежде, чем его втоптал в песок Черный.

Несколько минут бешеной скачки, и мы влетели в оазис. И если совсем недавно я хотела посидеть в тенечке, то теперь мне хотелось оказаться как можно дальше отсюда. Тасоги оказались исключительно быстрыми существами, наступая нам на пятки. Темная, дурно пахнувшая волна.

— Всем спешиться! — загремел Альдо.

А потом уже тише, видимо, опять для меня добавил.

— Мары будут мешать. Слишком большая мишень.

— Встань здесь, — указал он на толстый гладкий ствол. — И держи перед собой Облако.

— Но...

— Мне наплевать на твою скотину! Пусть ее утыкают стрелами!

— Твоя рана...

— Ерунда! Я в порядке, — отмахнулся он от меня.

Не только Альдо был ранен. Я надеялась, что они не истекут кровью, потому что никто не позволил перевязать себя.

— Отойдите, ноэль, — зло сказал мне Хоранд, вручая поводья своего мара. — Ваше дело сторожить скотину и не вмешиваться.

Тасоги быстро оказались рядом. Их было очень много, гораздо больше чем нас. Они долго не нападали, крича, кривляясь и изощряясь в непристойных жестах. И только когда самый здоровый из них прорычал что-то, с воплями кинулись на нас.

Савары убивали молча. Через несколько минут я оказалась в самом центре схватки. Мары, напуганные жуткими криками тасогов, один за другим обрывали поводья и исчезали между пальмами. Меня заслонял только Облако, но я чувствовала, что и он готов в любую минуту сорваться с места.

Я закрыла глаза, но хруст ломающихся костей и предсмертные хрипы ввинчивались прямо в мозг. Неожиданно Облако шарахнулся в сторону, вырвав повод у меня из рук.

Я открыла глаза и увидела, что прямо на меня несется один из дикарей, размахивая огромной дубиной. Оцепенев от ужаса, я не могла даже закричать, вжавшись в пальмовый ствол.

Он был совсем близко, когда рядом возник Рави и одним движением снес тасогу голову. Она (голова!) упала мне под ноги, ее глаза закатились, рот открылся, обнажая острые кривые зубы, а из безголового тела забил фонтан крови мне в лицо. Я не могла заставить себя сдвинуться с места. Я не могла даже отвернуться. Кровь была густая и тут же облепила меня с ног до головы. Плотно сжав губы, я кое-как вытерла глаза, держать их закрытыми было слишком опасно, и теперь все вокруг меня было подернуто красной дымкой.

Мне казалось, что савары двигаются слишком медленно, с какой-то царственной неторопливостью и невероятным спокойствием, в отличие от тасогов, носившихся вокруг с дикими криками.

Я увидела, как на Рави летит один из них, хотела крикнуть, но чужая кровь намертво склеила губы. Но парень и без моего предупреждения был готов к этому, он неторопливо развернулся, опустившись на одно колено. Длинный нож в его руке, медленно двигаясь по широкой дуге, как сквозь масло прошел по ногам нападавшего. Короткое копьё тасога, не принеся никакого вреда, пролетело над головой юноши. Дикарь рухнул на колени, а потом, жутко вопя, на живот. Рави поднялся и тут же всадил свой нож ему в затылок.

Меня опять залило кровью, но мне уже было все равно. Я как-будто оцепенела. Моя душа отделилась от тела и парила над всем этим ужасом.

Я видела Миуру, которая разорвала горло тасогу, а потом, вцепившись в ногу другого, поволокла отчаянно сопротивлявшееся тело в дюны. Видела Хоранда, который стоял, как будто примерзнув к окровавленному песку. Его опущенные руки с ножами почти не двигались, но куча отрубленных конечностей и безголовых тел вокруг него увеличивалась с

каждой минутой. И я видела, как дрался Альдо...

Это завораживало, как бы дико это не звучало. Альдо был идеальным убийцей, ни одного лишнего движения. Сильный выпад вперед, такой сильный, что тасог оказывается насаженным на лезвие длинного ножа и его кончик выходит со спины. И тут же удар с разворота ногой, обутой тяжелым сапогом, одновременный выпад обоими клинками и очередной противник падает, заливаясь кровью из обрубленных по плечи рук. Бросок под ноги бегущему на него тасогу, подсечка, вопящее существо падает и его тут же добивают резким взмахом клинка... с улыбкой. И вот эта его «улыбочка» действует не хуже двух ножей в его руках.

Я отчаянно пыталась вспомнить хоть какую-то молитву, но мне ничего не лезло в голову. Старалась не кричать и не плакать, но, когда прямо на меня рухнул тасог со свисающими из распоротого живота внутренностями, не выдержала и согнулась в приступе неудержимой рвоты, отступая к деревьям.

Ноги меня не держали и я, прижавшись к пальме, закрыла лицо руками.

— Стой спокойно, если не хочешь закончить как он, — прошипел мне на ухо смутно знакомый голос, — кто-то, схватив меня за волосы, прижал к шее нож.

Я медленно выпрямилась и увидела, что ко мне, перешагивая через трупы, идет Альдо, а по обеим сторонам от него тихо скользят Ахлат и Талив.

Альдо был залит кровью с ног до головы, а руки, сжимавшие ножи были отвратительного багрового цвета. Разодранная куртка из бронированной шкуры песчаника, открывала кровоточащие царапины. Волосы были черными от запекшейся крови, а щека рассечена. Ахлат и Талив выглядели не лучше.

Несмотря на жуткий вид, Альдо казался расслабленным, как-будто вышел на прогулку. И только когда он остановился, стало заметно, как он напряжен.

Я видела, как он дрался, не человек — демон. Сейчас он просто стоял и смотрел, а ужас и страх расходились от него волнами. Его взгляд уходил поверх моего плеча, и я чувствовала дрожь, сотрясающую того, кто меня удерживал. Рука, державшая меня за горло конвульсивно сжалась, и я захрипела, борясь за каждый глоток воздуха. Глаза Альдо зажглись жутким светом на залитом кровью лице, пальцы сомкнулись на рукоятках ножей, перехватывая их для броска, и все это время он, не отрывал взгляда от того, кто стоял за моей спиной.

— Альдо! — почти теряя сознание, прошептала я.

Савар несколько раз моргнул, во взгляде мелькнуло узнавание, и выражение лица немного смягчилось.

Меня прекратили душить.

— Отпусти, — сумела прохрипеть я. — Обещаю, я уговорю Альдо не убивать, — нагло соврала я.

— Заткнись, сучка! — теперь я знала, кто схватил меня, этот акцент я запомнила хорошо. Теперь он попробует обменять меня на сундук с бумагами.

— Не понимаю, — вкрадчиво начал Альдо. — На что ты надеешься, Профессор? Ты уже мертв.

— Заткнись! — взвизгнул мой старый знакомый и сильнее прижал лезвие к моей шее. Тоненькая горячая струйка потекла вниз.

— Отпусти ее, — Альдо не просил и не приказывал, его голос был мертвым, лишенным даже намека на эмоции.

— Ты ничего не сделаешь, — гаденько рассмеялся Профессор. — Я хочу обещанные

бумаги, я хочу технологию Перехода! Я лизал ваши задницы годами, я месяц прожил с этими животными! — он сорвался на крик. — Отправь кого-то за тем, что мне нужно, и я отдам тебе твою девку!

— И без фокусов! Ты же не хочешь потерять свой драгоценный цветок. А может она уже носит твоего ублюдка? — с этими словами он больно дернул меня за волосы.

— Ты умрешь, — мечтательно выдохнул Альдо, а во взгляде читалось «медленно и мучительно».

Профессор дернулся и тяжело задышал за моей спиной.

— Ты не в том положении, чтобы торговаться. Бросьте ножи! И скажи своим псам, чтобы не смели подбираться сзади, не то я выпущу ей кишки!

Я испуганно дернулась, и Профессор чуть не снял с меня скальп.

— Стой спокойно, дура! — заорал он мне в ухо.

— Все будет хорошо, найлек, — обратился ко мне Альдо, по-прежнему смотря поверх моего плеча. — Делай то, что тебе говорят. Это совсем просто.

Я слегка кивнула, а Профессор захихикал.

— Вспомни, как я поцеловал тебя в саду, — медленно произнес Альдо.

— У тебя останется только это воспоминание, если ты не поторопишься, — хихикнул Профессор и лизнул мою щеку. — Какая сладкая...

Я видела, как у Альдо потемнели глаза, но говорил он спокойно.

— Вспомни, что ты сделала тогда.

— А вот это уже интересно! — обрадовался Профессор. — Пока я буду ждать, мы сможем развлечься!

Альдо быстро взглянул на меня и подмигнул, а я никак не могла понять, чего он хочет.

— Что? Не можешь вспомнить? — Профессор развернул меня к себе, продолжая удерживать за волосы.

У него были совершенно безумные глаза. И когда он потянулся ко мне, я, наконец, сообразила и изо всех сил ударила его коленом в пах. Профессор согнулся, прикрывая промежность руками, и выпустил меня. Я сделала шаг назад, но споткнувшись о труп тасога, упала навзничь и успела увидеть, как сильный удар Альдо отбросил от меня скрюченную фигуру. Через секунду Профессор валялся на песке с перерезанным горлом.

Все произошло очень быстро. Я лежала на куче трупов, чужая кровь густела у меня на руках и лице, а мои ноги придавило безголовое тело. Песок вокруг меня был красным. Меня тошнило, и от запаха крови кружилась голова, прогулка удалась на все сто!

— Я ненавижу красный, — зло прошептала я, уставившись в небо, оно имело странный розовый оттенок.

— Пожалуйста, закрой глаза и не двигайся, пока я не скажу, — рядом со мной хрипло прозвучал голос Альдо.

Я послушно закрыла глаза, но почувствовав, как мертвое тело соскальзывает с моих ног, облегченно шевельнулась.

— Тебе велели не дергаться и держать глаза закрытыми, — проворчал он, поднимая меня на руки. — Я отнесу тебя к воде. Нужно поскорее смыть с тебя кровь.

Он принес меня к роднику, в котором я умывалась совсем недавно, и только тогда позволил открыть глаза.

— Тасогов больше нет?

— Какая-то часть сбежала, — пожал он плечами. — Нам нужно уходить отсюда. Такое

количество падали обязательно привлечет песчаников. Нет настроения убивать еще и их, — фыркнул он, осторожно умывая меня.

— Оставь, — отвела я его руку, — это всего лишь царапина, а ты ранен по-настоящему.

— Это не царапина, — глухо возразил он.

Я без слов стянула с него куртку и рубаху. Он напрягся, когда я смывала кровь. А потом схватил меня за руки и сказал:

— Я в порядке. Тебе не нужно смотреть на меня... такого. Ты вообще не должна была видеть все это, — вздохнул он.

— Альдо, я не виню тебя. Это война. Ты сражаешься за свою жизнь и не можешь винить себя за это. У тебя нет выбора...

— Я не такой, как Трай, — скривился Альдо. — Этот подлец очень ловко улыбается и угрожает одновременно. Он может добиться того чего хочет без лишней крови. А после меня остаются только трупы.

Он молчал, сжав челюсти, черты лица заострились, мускулы подергивались от напряжения, ожидая моего ответа. Я осторожно обняла его, стараясь не задеть раненый бок. Мы оба были в крови и стояли рядом с кучей трупов, и я только что пережила самые ужасные минуты в своей жизни, но его голос и руки странным образом успокаивали меня.

Я где-то читала, что после пережитого потрясения люди стараются быть ближе друг к другу, противостояние смерти пробуждает испытать жизнь во всех ее проявлениях. То, что с нами произошло, подтверждало эту теорию.

— Все хорошо, — тихонько прошептала я, обнимая.

Глухо рыкнув, он с силой прижал меня к себе.

— Твой бок...

— Молчи...

Это длилось всего одно мгновение, потом Альдо резко отпустил меня, оставив острое желание большего.

— Что-то не так?

— Все хорошо, — фыркнул он и отвернулся.

— Я сделала тебе больно? — Я беспокоилась, что по неосторожности задела его рану. — Почему ты остановился? Я была не против..., - добавила я.

— Найлек, — Альдо ласково провел рукой по моей щеке. — То, что ты предлагаешь неправильно даже для савара.

— Я потеряла всех маров. — Его ответ смутил меня, и я постаралась сменить тему.

Он усмехнулся.

— Потерять их очень сложно. Особенно твоего, — и он кивнул в сторону.

Я обернулась и увидела Облако, бочком подбиравшегося к нам с виноватым выражением на морде.

— Останься здесь. Я пришлю Рави за тобой. Будь готова ехать сразу же, — кивнул мне Альдо и ушел.

Мне страшно хотелось снять с себя одежду, пропитанную кровью, но другой у меня не было. Я позвала Облако и, взяв его за повод, отошла в тень.

Рави, прихрамывая, подошел и бросил на песок несколько фляг.

— Наполните их нозль.

Потом, к роднику потянулись остальные. Наскоро умывшись, они забирали свои фляги, улыбались и уходили. Прибежала Миура, тяжело дыша, вся покрытая толстой коркой

запекшейся крови. Она положила к моим ногам нечто похожее на мятую крысу, отчаянно виляя хвостом при этом. Я сказала ей спасибо, в конце концов, обглоданная крыса, это не так уж плохо, по сравнению с тем, что я уже видела. Быстро лизнув мою руку, она унеслась на голос Альдо.

— Я у тебя в долгу, Рави.

— Чего это? — он недоуменно посмотрел на меня.

— Ты дважды спасал мне жизнь. Если бы ты вовремя не пришел мне на помощь..., - дотронулась я до его руки.

— А, это! — с облегчением выдохнул парнишка. — Разве за это нужно благодарить? Это мой долг, ноэль., - глаза его возбужденно загорелись.

— Здорово было, правда?

Я неуверенно кивнула, мне так не показалось. Теперь меня до конца жизни будут преследовать «веселые картинки», увиденные сегодня.

— А вы молодец, — Рави с одобрением мне улыбнулся. — Не путались под ногами и не орали почему зря. Если бы мары не разбежались, те недоумки вас и не заметили бы.

Я снова кивнула, знал бы он, как мне хотелось заорать и бежать сломя голову. И что единственная причина, по которой я этого не сделала — ужас, сковавший меня от макушки до пяток.

— А что желудок у вас слабый, так вы в этом не виноваты, — рассудительно сказал Рави, подсаживая меня в седло. — Меня тоже иногда мутит, уж больно кишки у тасогов вонючие, — шепотом признался он.

Зря он это сказал, тошнота мгновенно вернулась и желудок, болезненно сжавшись, подскочил вверх. Буквально свалившись с Облака, я бросилась к ближайшей пальме. Ненавижу, когда со мной такое!

Кое-как справившись с тошнотой, я вернулась. Рави понимающе улыбнулся и снова помог мне сесть в седло. Не говоря ни слова, он поехал вперед, а я последовала за ним. Мы обогнули пальмовую рощу и присоединились к остальным.

Моя рубашка и штаны, насквозь пропитанные кровью, были не самой удобной одеждой для поездки по пустыне. Я с завистью смотрела на полураздетых мужчин вокруг меня и уже почти решила последовать их примеру, когда со мной поравнялся Альдо.

— Даже и не думай начать раздеваться, — сердито буркнул он.

— С чего ты взял, что я это сделаю?

— Ты так ерзаешь и вздыхаешь, что даже идиоту ясно, что тебе мешает одежда.

— А этот идиот не подумал, что может я, ерзаю и вздыхаю совсем по другой причине. — Альдо молчал, вопросительно глядя на меня, и я продолжила.

— Не вздыхать от вида такой красоты, нельзя. — Я улыбнулась и, закусив губу, кивнула в сторону почти голого Талива, ехавшего чуть впереди.

Талив, смешно округлив глаза, тут же натянул поводья, пропуская нас вперед.

— Развлекаешься? — усмехнулся Альдо. — Это хорошо. Но лучше такая защита от солнца, чем никакой, — он дотронулся до моей руки. — Потерпи.

— Это невыносимо, — пожаловалась я ему. — Такое впечатление, что меня бросили в муравейник.

— Думай о приятном, обо мне, например, — улыбнулся он. — Неужели я выгляжу хуже, чем Талив?

Я отвернулась. Все они замечательно выглядели, а Альдо тем более. К тому же, по всему было видно, что жара, одежда, стоявшая колом и запах крови, причиняли неудобства только мне.

Миура тоже была довольна, она легко бежала рядом, уже чистенькая и аккуратная.

— Твой уродец приличный боец, — вскользь заметил Альдо, провожая феррай взглядом.

— Ее зовут Миура, и ты должен поблагодарить за нее девочек, — буркнула я.

— Как мило, — скривился Альдо, и тут же сказал. — Похоже, ей понравились тасоги.

— Что?

— Ну, у некоторых из них не хватало кое-чего. У всех по-разному, наверно выбирала что повкуснее.

— Какая гадость! — я сморщилась. Неужели то, что я приняла за крысу, было вовсе не крысой?

— Очень практично, — пожал он плечами. — Обидно, когда пропадает хорошая еда. Для твоего уродца, разумеется, — поправился Альдо, наткнувшись на мой взгляд.

— То, что не доела... Миура, доедят песчаники. Мимо нас проскочили уже трое. А вот и четвертый! — радостно закончил он, указывая на бархан, справа от нас.

Все что я смогла увидеть это стремительно мелькнувшую тень на песке.

— Они не нападут?

— Нет, не бойся, найлек. Они спешат на пир. К утру, там даже песок будет вылизан.

— Вы..., там все убиты?

Лицо Альдо приняло холодно-отрешенное выражение.

— Не все, к сожалению.

— Почему?

— Твое любимое слово? — фыркнул он.

— Я к тому, что может, не нужно было убивать. Достаточно было заставить их отступить.

— Нет, — это слово было твердое, как камень.

— Ты жалеешь, что не убил кучку замотанных в тряпки дикарей? Ты такой кровожадный?

— Хороший тасог, мертвый тасог, — хмыкнул Альдо и подмигнул мне. — Это не я придумал, найлек. Савары отнюдь не пацифисты, милая.

— И мы никогда не упускаем шанс продемонстрировать это. На нас ведь напали, мы имели право ответить. Люди поступили бы так же, разве нет?

— Не все и не всегда. Вам...

— ... просто нравится убивать. Ты ведь это хотела сказать? — перебил меня Альдо. — Не надо судить нас с человеческой точки зрения, Кирен. Мы не люди, хотя так похожи на вас.

— А ты не пробовал проявить милосердие? К тем людям с которыми ты воюешь? К раненым, например.

— Тасоги не люди! А ваши..., — он злобно выругался. — Еще хуже. Я никогда не думаю о них как о людях, враг есть враг!

— Можно подумать мне действительно нравится убивать! — неожиданно рявкнул он, глядя на меня злыми глазами.

— Достаточно убить одного, чтобы предупредить сотню. Я... стараюсь придерживаться

этого правила, но не могу допустить, чтобы пострадал тот, кто мне дорог. Такого врага, как тасог нельзя легко ранить, это может стоить слишком дорого.

Он говорил мне это и раньше. Но все равно, подсознательно, я ждала от него нормальных человеческих реакций, эмоций, чувств, а не рычания голодного тигра над куском окровавленного мяса.

— Я не дура, я давно уже это поняла, но это не обязательно должно мне нравиться! Я стараюсь приспособиться, потому что..., - я замолчала и отвернулась.

— Договаривай. — Слова Альдо прозвучали почти угрожающе.

— Потому что я поклялась на ноже, — буркнула я.

Он поджал губы и дернул плечом, явно не ожидая такого ответа.

Молчание становилось тягостным, и я спросила:

— У нас много раненых?

— Шестеро. Двое... тяжело. Только не надо делать такое лицо! С ними все будет в порядке, — фыркнул Альдо.

— Ранения... обычное дело и к ним все привыкли, — добавил он мягче.

— Мужчине не к лицу придавать им большое значение. Надеюсь, ты не обиделась, когда все отказывались от твоей помощи? Если хочешь, то сможешь лечить меня... в постели, — он томно мне улыбнулся.

— Тебе смешно? Ты ведь и сам ранен! Это глупо, отказываться от помощи. Вы что, мазохисты? — оборвала я его.

— Кровотечение и боль не достойны внимания савара, — высокомерно заметил Альдо.

— Я чувствую себя виноватой. Из-за меня пострадали люди. Это чудо, что все остались живы.

— Ты слишком много берешь на себя, Кирен, — хмыкнул он. — Причем здесь ты? Ты ни в чем не виновата. Воин сам отвечает за себя, — резко продолжил он.

— Савар должен первым убить врага, а если этого не случилось, то виноват в этом только он сам. Позволил себя ранить, виноват вдвойне. А уж если был таким дураком, что дал себя убить..., - с отвращением плюнул он. — И причем здесь ты?

— Но Профессор искал меня, и если бы меня не было с вами...

— ... он привел бы тасогов в Суфраэль, — закончил Альдо.

— Так что ты оказала нам услугу, настояв на своем. А если кто и виноват в этом, так это Тангар, с его невыносимым человеколюбием. От этого назойливого старого обманщика уже давно следовало бы избавиться, а еще лучше было бы, если б он умер при рождении. А у твоего брата — мания, решать проблемы... словами, — и лицо Альдо перекосила гримаса отвращения. — Я говорил это ему еще в Суфраэле, и ты должна была слышать это, когда приходила проведать своего драгоценного родственника.

— Зачем ты стараешься выглядеть кровожадным чудовищем? Профессор был...

— Опасным сумасшедшим, связавшимся с тасогами. Он подписал себе смертный приговор гораздо раньше, чем приставил нож к твоей шее, — Альдо посмотрел на меня и нехорошо улыбнулся.

— Савар только тогда савар, когда может защитить свое, — он немного помолчал и добавил. — Быть эр-рехом, не значит убивать лучше других, чтобы все вокруг боялись тебя. Я должен защищать и заботиться о тех, кто делает это хуже, или не делает этого вообще. Не нужно особого ума, чтобы прятаться в какой-нибудь норе, нападать на слабого и удирать, когда прижмет. Трудно пустить глубокие корни и следить за тем, чтобы они принялись. А

еще труднее быть впереди и понимать, когда уклониться от стычки, а когда пустить кровь. Не имеет значения насколько ты умный, сильный или быстрый. Жизнь всегда легче забрать, чем уберечь. И я буду убивать снова и снова, ни секунды не сомневаясь, если от этого будет зависеть твоя жизнь или жизнь моих людей.

От его взгляда мне стало не по себе, и я опустила голову.

— Люди..., - прошипел Альдо. — Ваше ханжество не поддается описанию. Вы гораздо больше похожи на нас, чем ты думаешь. Насилие разрешило множество конфликтов в человеческой истории и с успехом продолжает делать это. Страсть к убийству у вас в крови. Только все это прикрито цивилизованностью, моралью и религией. А мы этого не скрываем, мы такие, какие есть. Ты даже не представляешь, как легко ты можешь превратиться в убийцу.

— Защищая свою жизнь или жизнь того, кто мне дорог... наверно, — без особой уверенности сказала я.

— Как трогательно! О себе такого сказать не могу. Иногда я убиваю из чистого удовольствия!

Больше мы не разговаривали. Альдо молча ехал рядом со мной, прямой как палка. Миура, победно задрав хвост, рысила впереди Черного.

К тому времени, когда мы добрались до Суфраэля, я так устала и измучилась, что воспринимала все как во сне. Я молчала и делала то, что мне говорили. Шла, стояла, поднимала и опускала руки, залезла в восхитительно холодную воду. Я как будто была под наркозом, даже после того как меня избавили от стоящей колом одежды, толстого слоя песка и чужой крови.

Нури, Астра и девочки, не отходившие от меня ни на шаг, буквально заставили меня проглотить нечто, вкуса чего я не почувствовала, упасть на что-то невыразимо мягкое и закрыть глаза.

Мне ничего не снилось, и это было странно. Я ожидала бессонницы и кошмаров, но стоило закрыть глаза, и я провалилась в бездонный черный колодец. Проснувшись, долго не могла понять, как я оказалась в одной кровати с детьми. Осторожно освободившись от маленьких ручек, которые обнимали меня с двух сторон, я потихоньку выбралась из-под простыни, восхищаясь своей суперустойчивой психикой.

Было очень рано. Сад тонул в тумане, шумело и вздыхало море. Стоя на террасе, я видела только ярко-алые розы, роняющие лепестки на землю. Красные, как кровь.... И тут все вернулось! Крики, хрипы, утробное бульканье, хруст разрываемой человеческой плоти, бьющая фонтаном кровь и вывернутые внутренности. И тогда, зажав рот руками, чтобы не кричать, я заплакала.

Рыдала я долго, пока слезы не кончились, и успокоилась только тогда, когда мне в плечо ткнулся холодный мокрый нос. Миура. Она выглядела довольной и свежей. Положив к моим ногам очередное надкусанное подношение, она вновь исчезла в кустах.

Я не могла позволить, чтобы меня видели в таком разобранном состоянии, мне нужно было собраться и привести себя в порядок. Я жива и совсем не пострадала, в отличие от других. В конце концов, я же ноэль! И у меня есть обязанности. Я вздохнула и перечислила их про себя: девочки, караван, Альдо....

Он лежал поперек кровати, скомканые простыни открывали широкую повязку с

проступившим пятном крови на ней. Наверняка будет еще один шрам. Он, конечно, жутко устал, измучился и как никто заслужил спокойный сон. Поэтому я устроилась на самом краешке, стараясь даже дышать через раз. Было очень трудно удержаться от соблазна протянуть руку и дотронуться до жесткой рыжей щетины у него на подбородке. Словно почувствовав на себе мой взгляд, Альдо, нахмурился во сне, а потом повернулся, прижав к себе подушку и вздохнул. Я моментально отодвинулась от него.

К тому времени, когда проснулись девочки, я была в порядке. Я нашла Зиллу, и она успокоила меня, сказав, что никому из раненых ничего не угрожает. От этого мне стало немного легче, но что бы там ни думал Альдо, я все же чувствовала себя виноватой. Я говорила с каждым и просила прощения. Они все были ужасно удивлены этим, посчитав, что это вчерашнее «приключение» повлияло на меня подобным образом. И мне пришлось уйти, после того, как один из раненых попросил у Зиллы чего-нибудь «для ноэль, которая так разволновалась из-за ерунды».

Немного обидевшись на них, я вернулась к Альдо.

— Ну как? Тебе понравилось провожать брата? — язвительно поинтересовался он, когда Зилла ушла, закончив перевязку.

— Ну, оно того стоит, — в тон ему ответила я.

— Неужели?

— Столько впечатлений! Жара, песок, кровь..., пожалуй, я бы это повторила.

Альдо поморщился и сел. Было видно, что каждое движение причиняет ему боль. Мне стало стыдно.

— Плохая шутка, прости, — я села рядом и дотронулась до его руки.

Альдо усмехнулся и привлек меня к себе.

— Ты... великолепный боец, Альдо. Все вы. Я думала, что такое возможно только в кино.

— А ты... хороший заложник, найлек, — хмыкнул он. — Только очень непонятливый. Ничего, со временем научишься.

От перспективы еще раз пройти через подобное я вздрогнула.

— Прости, Кирен, я идиот, — Альдо прижал меня к себе. — Я больше никогда не допущу подобного. Но ты действительно хороший заложник. Я боялся, что у тебя начнется истерика, и ты не сможешь слышать меня.

— Это не так, я просто не могла пошевелиться от страха...

Альдо наклонился и поцеловал меня в шею, в болезненно нывший порез.

— Не хочу, чтобы подобное повторилось, найлек. Ты не должна быть похожей на меня. Шрамы украшают только мужчину.

Он еще что-то пробормотал и закрыл глаза, когда его рука, сжимавшая мою ладонь, расслабилась, я потихоньку вышла.

Мы укладывали и увязывали бесконечное количество тюков, когда во дворе появился Альдо. Босой. Моя шаль, небрежно обмотанная вокруг бедер, потихоньку сползала вниз при каждом его шаге. Он поддерживал ее одной рукой, а другой прижимал кусок полотна к раненому боку.

— Что это надето на эр-рехе, ноэль? — язвительно поинтересовалась Кара. — Неужели ты испортила все его рубашки?

Альдо, не обращая внимания на собравшихся, подошел ближе и навис надо мной.

— Да, — поддержал он Кару. — Где моя одежда?

— Что ты здесь делаешь? — набросилась я на него. — Ты их смущаешь, — кивнула я в сторону хихикающих девушек.

— Смущаю? — покосился он в их сторону. — Плевать, пусть не смотрят! — он на мгновение отпустил край шали, и она тут же поползла вниз.

— Я очень зол, найлек. Вместо того, чтобы заснуть и проснуться рядом с той, которая должна облегчать мои страдания..., — он картинно сморщился, уставившись на облака и кусок ткани на бедрах сполз еще немного.

Теперь, по большому счету, моя шаль вообще ничего не прикрывала! Астру и Нури, подавившихся своим хихиканьем, как ветром сдуло. Кара, поджав губы, величественно удалилась.

— Меня разбудила эта... уродская тварь, Миура! — прошипел Альдо.

— Я...

— Ты! Ты, можешь хоть до посинения заниматься хозяйством, но я твой мужчина, нравиться тебе это или нет. Ты поклялась, — высокомерно заметил он. — И у тебя есть обязанности, которые ты должна исполнять.

— Интересно какие?

— Разные, — фыркнул Альдо, немного подтягивая свою набедренную повязку.

— Быть рядом со мной, когда я засыпаю и просыпаюсь. А когда я проснусь, я хочу быть накормленным и одетым.

— Все? — прошипела я.

Мне хотелось поскорее закончить наш спор и увести Альдо отсюда. Хихикающие девчонки убежали, но вместо них вокруг нас непонятным образом собралось почти все мужское население Суфраэля.

— Ты должна быть нежной, послушной и внимательной, — вещал он, и его слова были встречены гулом одобрения со стороны.

— А сейчас я... замерз и хочу есть. Я потратил кучу времени, пытаюсь найти хоть какую-то одежду. Где мои сапоги?

— Теперь все?

— Да, — сказал Альдо и дернул плечом, вероятно ожидая, что я брошусь искать эти самые сапоги. Но я не двинулась с места, и он спросил.

— Ты отказываешься? Это нарушение клятвы!

— Я честно выполняю условия нашего договора. Я никуда не уехала и осталась. Но в нашем договоре не было ни слова о твоих дурацких сапогах!

— Твое место рядом со мной, — фыркнул он. — Я не должен каждый раз искать тебя по всей крепости, чтобы ты могла исполнить свое главное предназначение!

— Интересно какое?!

— Ты обязана обеспечить Саварам наследника, забыла? — язвительно поинтересовался Альдо. — Вообще-то, цель нашего договора, именно это. Пирра и Лика не в счет. Ты осталась, ты ноэль, так что давай...

Он сказал это громко, его слышали все, кто был вокруг, и они смотрели на меня. Я была готова провалиться сквозь землю, наверно, у меня покраснели даже волосы.

— Ну, так что? Ты ничего не хочешь мне сказать? — Альдо подмигнул окружающим самым мерзким образом.

Мужики вокруг меня откровенно веселились, вокруг слышались сдавленные смешки.

Это было уже слишком, подвывая от бессильной злобы, я схватила его за руку и потянула вслед за собой. По пути в спальню я готовилась к грандиозному скандалу, но все слова вылетели у меня из головы, потому что пока я волокла Альдо за собой, он умудрился потерять шаль и теперь стоял посреди спальни абсолютно голый.

— Ну и как? Нравится? — ухмыльнулся он, и я сообразила, что смотрю на него, раскрыв рот.

Мне пришлось напрягаться, чтобы не отводить глаз от его лица. Альдо улыбался, это была нехорошая улыбка, но его отрицательное обаяние все глубже захватывало меня. Я смотрела и видела в его глазах свое отражение, вернее ту его часть, которую не выставляют напоказ, а прячут в глубинах подсознания.

— Тебе стоит одеться, Альдо, — сказать эти простые слова было очень трудно.

— Неужели?! А ты не заметила, что вся моя одежда превратилась в мусор? — он широким жестом обвел комнату.

Я оставила комнату в полном порядке, когда уходила. А теперь пол покрывали разноцветные лоскуты вперемешку с перьями, когда-то бывшие подушками. Разорванная одежда Альдо была свалена в живописную кучу в углу, везде валялись какие-то обрывки и осколки.

Я бродила по комнате в замешательстве, разглядывая весь этот разгром.

— Кто это сделал?

Альдо, все еще голый, наклонился и вытащил из-под кровати кусок своего сапога с измочаленным голенищем.

— Угадай кто? — держа облюбованные остатки двумя пальцами, спросил он и засмеялся.

Я смеялась вместе с ним, подобрав все, что осталось от второго сапога. Но неожиданно, его смех оборвался, а улыбка стала хищной, глаза заблестели.

— Одень меня, — приказал он хриплым шепотом.

— Зачем? — машинально возмутилась я.

— А как ты думаешь? — зловеще прошептал он и сделал шаг вперед. Я отступила.

— Я твой мужчина и я хочу этого, — пожал он плечами и сделал еще шаг.

— А как же мои желания? — я отодвинулась.

— А ты еще что-то хочешь? — самодовольно спросил он и выпрямился во весь рост. — Чего еще тебе надо?

— Ты что и правда, думаешь, что ты все, что я хочу?

— А как же, — Альдо подмигнул мне и подошел еще на шаг.

— Я что, не могу существовать сама по себе и получать удовольствие от жизни без тебя?

— В самую точку! — обрадовался он. — Без меня — никакого удовольствия!

Мы стояли почти вплотную, он не удерживал меня. Его глаза казались почти черными из-за расширившихся зрачков.

— Ты что пьян?

— Нет! — неожиданно покачнулся Альдо и почти рухнул на кровать. — Зилла напоила меня какой-то гадостью, — фыркнул он и скривился, дотронувшись до повязки.

— Болит, зараза, — зло сказал он и в следующее мгновение заснул.

Я, осторожно, боясь потревожить рану в боку, уложила его на кровать и прикрыла покрывалом. Убирая тот разгром, который учинила Миура, я все время поглядывала в

сторону Альдо. Он метался во сне, выкрикивая что-то бессвязное и комкая простыни.

Бросив заниматься уборкой, я присела рядом. В конце концов, Альдо для меня важнее, чем кучка жалких тряпок. В бреду он звал меня, проклинал тасогов, хвалил своих гвардейцев и даже назвал Миуру «милашкой».

— Успокойся. Все будет хорошо. Зилла хороший доктор. Это просто сон, ты поправишься, — уговаривала я его.

— Я знаю, какой ты на самом деле, — шептала я. — Знаю твой самый страшный секрет. Ты хочешь, чтобы тебя все боялись, но внутри ты нежный и очень ранимый...

— Да, я такой, — неожиданно сказал Альдо, не открывая глаз. — Поэтому ты останешься. Ты будешь успокаивать мои чувствительные нервы, — он победно улыбнулся и схватил меня за руку, не давая подняться. — Правда романтично?

Я попробовала высвободиться, но это позволило Альдо почти уложить меня рядом с собой. К тому же моя решительность очень пострадала, когда он обнял меня и начал гладить по спине, как кошку.

— Чего ты? Тебя что-то тревожит?

— Отпусти, у меня куча дел и... сюда может кто-нибудь войти. Дети....

— Никто сюда не войдет, я уверен. А твоих драгоценных девочек держат подальше отсюда.

— Они вообще-то твои! — возмутилась я.

— Ну, хорошо, наши. — Миролюбиво согласился Альдо.

— Почему ты всегда нервничаешь, когда я касаюсь тебя? Тебя приходится приручать снова и снова.

— Я хочу поцеловать тебя. Ведь ты же не такая дура, чтобы возражать?

Он медленно прикоснулся губами к моему плечу, потом к шее, а потом настала очередь щек и всего остального.

— У меня есть для тебя подарок, — прошептал он. — Эта тварь не добралась до него.

— Вот, я не успел подарить вчера. Было некогда, — сказал он и порозовел. — Тебе нравится?

Мне в ладонь лег большой овальный камень, опутанный тонкой золотой нитью. Он казался сгустком тумана в окружении мерцающих черных камушков поменьше.

— Та ночь, в долине Тиамат...

— Альдо..., - я уткнулась в свои ладони, чтобы скрыть от него слезы.

— Он такой же, как твои глаза. Невозможные серые глаза, — выдохнул он. — Ты будешь носить его?

Я молча кивнула, в горле стоял комок.

— Остайся со мной, сейчас, — неожиданно попросил он. — Не уходи. Правда, я мало на что способен. Эта старая ведьма, Зилла, опоила меня.... Остайся, мне нравится слушать, какой я нежный и чувствительный.

Я провела около него почти весь день. Большую часть этого времени он проспал, но были и минуты «просветления», когда он капризничал, требовал внимания и угрожал Зилле, опоившей его.

— Мне пришлось сделать это, ноэль, — тихо сказала она, заглянув, когда Альдо спал. — Все достаточно серьезно, а без снотворного его в постели не удержать.

— Он страшно ругается, когда приходит в себя, — заметила я.

— Пусть! — махнула рукой Зилла. — Это уже не в первый раз. Чтобы рана затянулась,

ему нужен покой. Минимум два-три дня. Займите его чем-нибудь..., - хитро улыбнулась она.

Альдо проснулся, когда мы с девочками играли в куклы. Он сел на постели и смотрел на нас с таким изумлением, что мне стало смешно.

— Не смейся! — дернула меня за рукав Пирра. — Будешь играть с нами? — глядя на отца исподлобья, спросила она.

— Конечно будет, — вскочила на ноги Лика и похватав игрушки, моментально оказалась на кровати.

— Сейчас будем есть пирожки. Смотри сколько я напекла! — она с гордостью продемонстрировала кучу глиняных шариков с воткнутыми в них травинками. — Ты какие любишь?

Неуверенность в глазах Альдо уступила место панике, вызвав у меня новый приступ смеха.

— Я не голодный, — зло посмотрел он на меня. — И я... не хочу мешать.

— Ты не мешаешь, — авторитетно заявила Пирра.

— Тебе пора спать, — схватив одну из кукол за ногу, она забросила ее за кровать. Там сразу же смачно захрумкало, — Миура даром времени не теряла!

Девочка одобрительно кивнула и протянула Альдо маленькое ведерко полное камешков.

— Это молоко! — строго сказала она. — Зилла говорит, что от него быстрее поправляются. Пей.

Альдо держал в руках ведерко с таким видом, как будто это была змея.

— А пирожки? — Лика, сидящая с другой стороны, ткнула ему в нос круглую доску с глиной.

Он с такой тоской посмотрел на меня, что мне стало его жалко, и я шепнула:

— Сделай вид, будто ешь и пьешь, потом поблагодари и скажи, что наелся.

— Очень вкусно, — с облегчением выдохнул Альдо.

Невозмутимо кивнув, Пирра взялась кормить оставшихся кукол, а Лика ушла на террасу, лепить новую порцию пирожков.

— Ты что, никогда не играл? — спросила я у него.

— Нет, — Альдо нахмурился. — Мне было... не с кем.

— Ты можешь играть со мной, — обернулась к нему Пирра.

— И со мной, — заулыбалась Лика. — И с Миурой.

— Нет, с этой... тварью я играть не буду, — фыркнул он и криво улыбнулся.

— Неужели совсем не играл? — спросила я, протягивая ему стакан с настоящим молоком.

— Нет..., я не помню, что было со мной до того, как отец потребовал меня к себе, а потом было не до того.

— И как ты развлекался? — спросила я и тут же поняла, что сглупила, поэтому ответ Альдо меня совсем не удивил.

— Могу одним движением сломать руку в трех местах, — прищурился он.

Я понимающе кивнула и решила сменить тему.

— Девочки очень рады, что ты обратил на них внимание, — тихо сказала я. — Смотри, как они довольны.

— Мне и в голову не приходило, что такой... ерундой можно заниматься!

— Нужно! Ты же отец, ты можешь многому научить их, играя. Чему-то безопасному, для взрослых развлечений они еще слишком малы, — добавила я, увидев, как нехорошо загорелись глаза Альдо.

— Безопасны только бесполезные вещи, — пожал он плечами. — Зачем тратить на них время?

— Не в этом случае. Пока ты можешь играть с ними, рассказывать им о мире вокруг и любить их.

— Понял, — помолчав немного, он дернул плечом. — Но хочу предупредить, у меня может не получиться... сразу. Я не умею заниматься такими... безопасными вещами.

— Все получится, ты же сам видишь, как они к тебе тянутся.

— Ну, я стараюсь, — протянул он.

— И я стараюсь не только для них, но и для тебя..., — многозначительно добавил он и обнял меня. — Я не выпускаю из рук того, что мне принадлежит, Кирен. Не сомневайся.

— Это совершенно разные вещи, — отодвинулась я. — Мы говорим о детях.

— Ну конечно, — прищурился он. — И не только об этих двоих, — кивнул Альдо в сторону девочек.

— С тобой нельзя разговаривать серьезно, ты все время пытаешься меня соблазнить. Сколько можно!

— Не злись, найлек, — хитро улыбнулся Альдо. — Тебе же самой это нравится.

Я не смогла ему ответить так, как мне бы хотелось. Только не при детях! Поэтому я отошла в сторону и демонстративно начала складывать вещи.

— Можно нам на берег? — Пирра подошла неслышно, совсем как Альдо.

— Конечно, только вам придется подождать, пока я все здесь закончу.

— У-у, это долго! — нахмурилась она и покосилась в сторону Альдо. — Мы можем пойти с ним...

На лице Альдо появилась гримаса отвращения, и он уже почти совсем собрался сказать очередную гадость, но тут вмешалась Ли́ка.

— Пойдешь с нами? — неуверенно спросила она. — На берег? Там можно построить целый город из песка.

Я кивнула и Пирра отошла от меня, встав рядом с сестрой. Нахмурившись и закусив губу, она смело протянула руку.

— Пойдем! — она не просила, а приказывала.

Альдо хмыкнул и посмотрел на маленькую ладошку. Они таращились друг на друга целую вечность. Ли́ка, уже готовая заплакать, прижалась ко мне. Наконец он осторожно взял Пирру за руку и поднялся.

— Но тебе придется идти медленно, — проворчал Альдо. — Я старый и больной, — подмигнул он мне.

Я с облегчением вздохнула, улыбаясь в спину этой странной парочке. А потом ладошка Ли́ки, как рыбка выскользнула у меня из руки. Она хитро мне улыбнулась и смело взяла отца за другую руку.

Они медленно брели по направлению к берегу, а я стояла на террасе и смотрела, жалея лишь о том, что Кара не видит этого. Конечно, это была не окончательная победа. В любой момент Альдо мог вернуться, плюясь огнем и приволоочь за собой ревущих детей..., но пока все было мирно. Я скрестила пальцы на удачу и постучала по дереву, так на всякий случай!

Их уже почти не было видно, когда-откуда- то вылезла Миура и вопросительно на меня уставилась.

— Бесстыжая! — погрозила я ей кулаком, но ферай не проявила никаких признаков раскаяния, продемонстрировав мне штук сто острых белых зубов.

— Хамка, еще и улыбаешься? Пошла вон отсюда, — нахмурилась я.

Похоже, именно этого она и ждала, потому что, благодарно лизнув меня шершавым языком, унеслась.

Они вернулись в сумерках, не то что бы довольные, но по крайней мере не разочарованные друг другом.

Альдо спокойно спал ночью, и Зилла уверила меня, что ему уже ничего не угрожает. Но даже если бы это было не так, дольше удержать его в постели не мог никто. Дергая плечом и поминутно огрызаясь, он едва позволил себя перевязать и выскочил из комнаты, как будто за ним гнались черти.

Это было наше последнее утро в Суфраэле, несмотря на то, что вчера все было несколько раз проверено и перепроверено, Альдо с маниакальным упорством искал к чему бы придраться, а когда находил...! Раскритиковав все, что было можно и нельзя, он испарился, оставив нас увязывать, перекладывать и грузить снова.

Наконец, все было готово и можно было отправляться, но Альдо нигде не было видно. Народ во дворе крепости начал шуметь и выражать недовольство. Зилла подошла и сказала:

— Может это он специально?

— Что?

— Чувствует, что недостаточно здоров, вот и затягивает отправку. Поищи его, — попросила она.

Я заглянула в спальню только для того чтобы проверить, не забыла ли я чего в суматохе сборов. И увидев его, лежащего на кровати, застыла. Все мысли тотчас вылетели у меня из головы. Это было ненормально. Это было совсем на него не похоже. Он может быть здесь только по одной причине — ему плохо, очень плохо.

Я осторожно подошла, Альдо лежал на боку, согнув ноги в коленях, с закрытыми глазами, тихо дышал и был бледнее, чем обычно.

— Ты должен был позвать, — запинаясь, начала я. — Зиллу, меня, хоть кого-то... Тебе плохо? Где болит? — Я осторожно дотронулась до его плеча.

Глаза Альдо широко раскрылись, и он хриплым, срывающимся голосом произнес:

— Внизу.

Я опустила глаза и увидела, как его пальцы все сильнее сжимаются, комкая простыню. Ему должно быть, очень больно!

— Ты позволишь мне взглянуть? — спросила я, осторожно потянув за край.

Альдо закрыл глаза и тяжело задышал, вздрагивая от каждого моего прикосновения. Я в нерешительности задержала руку над повязкой, она была белоснежной, без пятен крови, но это вообще ничего не значило! Тут не было рентгена или УЗИ, а Зилла не всесильна. Чтс если внутренние повреждения были гораздо серьезнее, чем ей казалось? Что мог повредить тот злосчастный нож? Печень? Селезенку? А может у него внутреннее кровотечение?

— Здесь очень болит?

— Ниже, — едва слышно прошептал он.

Собравшись с духом, я резко отдернула покрывало и... во мне проснулась дикая жажда убийства! Еле сдерживаясь, чтобы не заорать, я поинтересовалась:

— И что там болит?

— Ужасная опухоль, найлек — простонал он.

— Я могу помочь, — быстро сказала я, хватая один из его ножей. — Небольшая операция и у тебя никогда ничего там болеть не будет!

Он счастливо захихикал и перекатился на спину, заложив руки за голову.

— Черт бы тебя побрал! — заорала я не своим голосом. — Я тебя кастрирую, идиот! Это наверняка поможет! Чего ты ржешь, как ненормальный? По-твоему, это смешно?

— Очень! Ты такая забавная, когда злишься.

— Забавная?! — я почти задохнулась, а потом, мстительно улыбаясь, резко шлепнула по его «ужасной» опухоли.

— Очень больно? — поинтересовалась я.

— Невыносимо, — скривился Альдо, но смеяться не перестал.

— Только попробуй опухнуть еще раз и ночью я тебя придушу!

Альдо фыркнул и резко поднялся.

— Я не могу умереть в постели. Савары умирают стоя, обливаясь кровью и защищая то, что им принадлежит! — Он дернул плечом, поправив свою «опухоль» и выплыл из комнаты, ущипнув меня за задницу.

Я была очень злой, когда выскочила вслед за ним. Я хотела высказать все, что я думала о нем так громко, как смогу.

Несколько раз глубоко вздохнув, я сделала несколько шагов, вышла на залитый солнцем двор и застыла не в силах произнести ни слова.

— Впечатляет, правда? — доверительно сообщил мне Альдо, пока я стояла, открыв рот.

Он был прав, это впечатляло. Затянутый в невообразимый, матово-черный костюм, нечто среднее между средневековыми доспехами и экипировкой спецназовца. Верхом на жуткой животине, с налитыми кровью глазами и весело ухмыляющейся адской собачкой у ног, Савар запросто мог быть одним из всадников Апокалипсиса.

— Карета подана, найлек, — махнул он рукой в сторону. — Ждем только тебя.

Это было самое странное сооружение, которое я видела в своей жизни. Огромные мары спокойно стояли, образуя правильный четырехугольник. На каждое животное была надета сложная система ремней, соединенная с платформой, покачивающейся в метре от земли. На ней был закреплен легкий шатер.

— Вот это да! — восхитилась я, обходя вокруг.

— Это придумали, чтобы женщинам и детям было легче переносить переход по пустыне, — пояснила мне Нури.

— Этих маров специально тренировали двигаться плавно и ровно. Иди сюда, — сказала она, забираясь на платформу.

Внутри было довольно просторно, пол был циновкой, лежали подушки. Вдоль стен были сложены одеяла, стояли коробки и несколько кувшинов.

И там уже сидели улыбающиеся во весь рот девчонки и Тамила с рукоделием в руках.

— Ноэль, — почти простонала она. — Поехали! Если мы задержимся еще на минуту, у меня сердце разорвется.

Караван уже давно выполз из ворот Суфраэля. Сидя в плавно покачивающемся шатре,

вместе с детьми, Тамиллой и Нури, я с удовлетворением смотрела в сторону Голубого Облака, двигавшегося рядом. Мне пришлось настаивать на том, чтобы взять его с собой. Перспектива просидеть всю дорогу в этом огромном гамаке меня не устраивала.

Альдо согласился на это с трудом, предупредив, что я смогу ехать верхом только в утренние и вечерние часы, когда солнце не такое злое. Это было логично, и для разнообразия я с ним не пререкалась.

Время от времени он проносился мимо, даже не поворачивая головы в мою сторону, еще более недоступный, чем всегда.

Через несколько часов я уже не радовалась жизни. Мне было очень плохо и очень жарко. Мне казалось, что я абсолютно высохла, моя кровь выкипела, а под кожу насыпали песка. Я лежала плашмя на мерно покачивающемся помосте и страдала. Самое обидное, что страдала я в гордом одиночестве. Все вокруг были до отвращения счастливы. Девочки с таким интересом разглядывали проплывающий мимо песок, что даже я подползла к краю платформы и свесилась вниз. Что видели они, было загадкой. А спрашивать не было сил. Тамила и Нури шили, параллельно ведя светскую беседу. Время от времени они сочувственно вздыхали и обещали мне, что вот-вот мне станет лучше. Нужно немножко подождать и мой организм адаптируется.

Мне стало лучше к вечеру, сразу после заката, когда караван остановился на ночевку. Я подозревала, что это временное облегчение и была права. Прошло несколько дней, прежде чем я смогла хоть как-то приспособиться и не выключаться из жизни с восходом солнца.

Через неделю неторопливого продвижения вглубь пустыни, караван остановился на ночевку в крохотном оазисе. Утром я обнаружила рядом с собой несколько помятых стебельков с пушистыми желтыми соцветиями. Они были похожи на наш бессмертник, но пахли не в пример приятней. Неужели Альдо?

— Откуда?

Савар седлал своего Черного, когда я подошла к нему.

— Найлек? — пожал он плечами. — Может Миура? — Решила для разнообразия принести тебе это, а не кусок дохлого тасога.

Не такого ответа я ожидала.

— Правда?

— Конечно. — он всем своим видом показывал, что к тому, что я держала в руках, он не имеет никакого отношения.

Альдо в последнее время был не похож сам на себя.

Он не язвил, не насмехался, был серьезен. А когда мы оставались наедине становился милым, вежливым и предупредительным, не больше. И такая перемена несколько нервировала. А теперь он подарил мне цветы!

Целый день я была занята этими мыслями, даже жара отошла на второй план. Вечером, наблюдая за ним, я раздумывала, о том, как ненавязчиво вызвать его на откровенный разговор. Сегодня был очень удачный вечер для такого разговора. Наши мужчины сумели изловить какую-то дичь. Я не стала уточнять, как эта дичь выглядела при жизни, мне было достаточно того, что в жареном виде она ничем не отличалась от курицы.

Раздумывая над превратностями своей судьбы, я обглодала косточку и швырнула ее в темноту. Вечно голодная Миура, подпрыгнула, стараясь не упустить дополнение к своему ужину, и с размаху шлепнулась в костер. Взвыв, как пожарная сирена, феррай кинулась прочь, рассыпая вокруг себя искры, прямо под ноги Облака. Мар решил, что на него

покушается стоящий рядом сородич и тут же пошел в атаку. В лагере началось нечто невообразимое. Кричали люди, с воем носилась Миура, мары поднимались на дыбы и нападали друг на друга. Я попыталась схватить пробегающую мимо зверюшку, но промахнулась и свалила стойку с факелами, она опрокинулась и подожгла палатку. Решив, что песок отличная замена воды, я начала закидывать огонь песком. Но мерзкое пламя не хотело гаснуть и радостно разгоралось. Я уже собралась звать на помощь, когда появился Альдо.

— Что у тебя в голове? Солома? От тебя не дождешься ничего кроме неприятностей! Черт, ты и есть одна сплошная неприятность, — хмуро заметил он, обрушивая на огонь, кучу песка.

— Извини, — стараясь быть как можно незаметней, прошептала я. Вот и поговорили.

Видимо «сплошной неприятностью» меня считали все, кроме Миуры и девочек, которые так же относились к этой категории. Мужчины старались держаться от меня подальше, с жалостью посматривая на Рави. А пацан наглел с каждой секундой, повторяя, как попугай: «не ходите туда, ноэль», «не делайте это, ноэль», «сядьте ноэль», «еще слишком жарко, ноэль», «вам лучше не трогать это, ноэль», паршивец! Тамила и Нури тоже «присматривали» за мной, но ничего не запрещали. Через два дня тотального контроля я озверела. Это не было бы так обидно, если бы за мной следил Альдо, но терпеть ЦУ от мальчишки?

— Почему Нури и Тамила смотрят мне в рот, а этот маленький нахал пререкается?

Альдо недовольно поморщился.

— Женщины делают все, что хочет ноэль, а «маленький нахал» мужчина и поэтому он делает то, что будет лучше для тебя. Чувствуешь разницу?

— Не делай такое лицо. Я слишком устал для твоих капризов.

— Это не каприз. Я два дня просидела в этой коробке, меня укачало. Если ты хотел наказать меня за позавчерашнее недоразумение, то я уже достаточно наказана. Я хочу на волю. Почему я сплю здесь, а ты в палатке?

Альдо устало улыбнулся.

— Потому что на данный момент — это самое безопасное место для всех вас.

— Нам что-то угрожает? Только не ври.

— Тогда я промолчу. Потерпи.

Я со вздохом опустила глаза и Альдо моментально испарился.

— Накаркал? — я со злостью смотрела на Рави.

Пока я говорила с Саваром, он ехал рядом, а услышав слова Альдо, раздулся от гордости как клещ.

— Чего это?

— А не ты жаловался на скуку? Это же ты сказал: «Едем и едем, тоска! Хоть бы на засаду, какую напороться». Скажешь, не говорил?

— Так нет же никакой засады! — возмутился мальчишка.

— Просто тащился за нами, не пойми кто, а сейчас отстал.

— Дурак! — не поднимая головы от шитья, заметила Тамила.

— А папа оторвет ему язык, как обещал? — поинтересовалась Пирра.

— Баллер! — Рави так ударил своего мара, что бедная скотина, осев на задние ноги, рванула с места с космической скоростью.

Талив, едущий с другой стороны, усмехнулся и сказал:

— Вообще-то, рядом Черные проходы, полно змей и... всякого такого, — он изобразил рукой что-то неопределенное.

— Ночью холодно и эти... приползают греться, а сюда им не добраться, — подмигнув Нури, он пришпорил свою «лошадку».

— Это правда? — больше всего на свете я боялась змей.

— Правда, — кивнула Нури. — Тут полно всяких гадов.

— Миура каждую ночь их ест, — доверительно сообщила мне Лика.

Нури и Тамила кивнули и начали перечислять, что именно может ползать снаружи. Говорили они долго, минут десять, сообщив напоследок, что если что-то забыли, то вспомнят и скажут потом. Я со страхом смотрела на плывущий внизу песок, да я теперь спать не буду, ожидая, что ко мне в любой момент может приползти что-нибудь этакое, погреться.

На закате караван остановился, и было получено высочайшее разрешение покинуть «карету». После страшилок Тамилы мне не хотелось ходить по песку, но стыдно бояться, когда две маленькие девочки бегают вокруг, совершенно ничего не опасаясь.

— Хочешь посмотреть на Черные Проходы? — голос Альдо отвлек меня от рассматривания песка.

— Только нужно подняться на тот гребень, — его рука показала в сторону огромной кучи песка. — Идем? И прекрати искать змей под ногами, они не настолько глупы, чтобы позволить наступить на себя.

Полчаса сражения с осыпающимся песком и лагерь оказался далеко внизу.

— Смотри туда, — рука Альдо указывала на огромные черные столбы, похожие на сюрреалистический Стоунхендж. Иногда в этой черноте вспыхивали яркие багровые искры.

— Что это?

Рубины, такие же, как и на твоих браслетах. Их там много.

Тем временем огненные искры сверкали все чаще и наконец, черные скалы буквально потонули в сиянии камней, еще несколько минут и солнце, уходящее за горизонт, погасило этот костер.

Альдо повернулся, и легко скользя по осыпающемуся песку, пошел вперед. Разве справедливо, что кроме выдающихся ресниц у него такой соблазнительный зад?

Естественно, что я тут же рванула за ним и была грубо остановлена. Рави. Мой страж решил, что лучше знает с какой скоростью мне нужно передвигаться.

— Мы можем идти быстрее?

— Можем, если вы хотите упасть, — буркнул он.

— Почему обязательно упасть? — обиделась я.

— В жизни не видел такой косолапой..., - заворчал парень.

— Простите, — неохотно извинился он немного погодя. — Если вы упадете, эр-рех скормит меня вашей скотине.

— Трус, — фыркнула я.

— Точно! — нахально улыбнулся он. — Хочется дожить хотя бы до семнадцати.

Я вновь посмотрела на Альдо, зрелище было захватывающим настолько, что я забыла, где нахожусь. Честно стараясь сбросить это наваждение, я несколько раз глубоко вздохнула и, сделав следующий шаг, уже летела вниз по склону. Рави успел схватить меня за руку, но не удержавшись, свалился следом.

Зацепиться было не за что, и я молча падала, закрывая руками лицо. А когда, наконец,

остановилась некоторое время лежала не шевелясь.

— Ноэль, — голос Рави звучал глухо. — Вы можете встать?

Я осторожно села. Падение не слишком мне навредило, чего нельзя было сказать о нем. У парня в кровь были ободраны локти, часть лба и щека. С плеча свешивался здоровенный кусок сорванной кожи, а правая нога была согнута под неестественным углом.

— Господи! — только сейчас до меня дошло, что я цела только потому, что как на санках съехала на нем вниз.

— Рави, — всхлипнула я. — Я неуклюжая корова, а ты меня спас.

Здрав голову, я посмотрела на вершину бархана и застонала, проклиная себя за собственную неуклюжесть.

— Тебе очень больно?

— Я в порядке, — сдавленно выдохнул он. — Но будет лучше, если вы слезете с меня, ноэль.

— Прости, прости, прости, — запричитала я, сползая на песок.

— Лежи спокойно, у тебя нога сломана. Сейчас я поднимусь и позову на помощь.

— Сидите на месте, — криво улыбнулся он. — За нами уже идут.

Я снова подняла голову и увидела наверху несколько темных фигур, в ту же секунду одна из них ринулась вниз. Спуск был быстрым, лавируя между камней в туче песка, на нас несся Альдо.

Мгновение и он рывком ставит меня на ноги. Лицо у него жутко-белое, а глаза совершенно черные, как у Миуры.

— Я в порядке, все цело, — быстро сказала я, замирая от ужаса, падать было не так страшно.

— Стой спокойно, — прошептал он. — Я отнесу тебя наверх, а потом...

— Рави, — перебила я его. — У него нога сломана. Его нужно поднять первым.

— Эр-рех, — выдохнул парень, пытаюсь подняться. — Моя вина, я не смог удержать ноэль, когда она оступилась.

Альдо скривился и протянул ему руку. Мальчишка, закусив губу, тяжело поднялся. В этот момент к нашим ногам упала веревка. Не говоря ни слова, Альдо, завязал у себя на поясе какой-то хитроумный узел и, подхватив меня, забросил себе на плечо, как мешок.

— Держись за меня, парень, — буркнул он. — Поднимаемся.

Мы двигались рывками, и всю дорогу я провисела вниз головой, рассматривая обтянутый черной кожей зад Савара. Вероятно, в наказание.

В лагере Альдо, с ходу засунул меня в палатку. Он не говорил, а отдавал отрывистые приказы, и я сочла за лучшее делать все, что он говорит, не пререкаясь и с первого раза. Мне было стыдно, я чувствовала себя виноватой перед Рави, но он отмахивался от моих извинений, с улыбкой принимая трогательную заботу Лики.

— С ним все будет в порядке, — шепнула мне Нури. — Перелом чистый, а все остальное ерунда.

— Тебе нужно позаботиться о себе. Ссадины нужно обязательно промыть, — добавила она.

В этот момент рядом появился Альдо.

— Сам.

Я приготовилась к очередному скандалу. Но он упорно молчал, и я решилась заговорить первой.

— Зачем ты понесся вниз? Это было глупо, почему не подождал, пока кинут веревку?

— Глупо было..., - окрысился он и неожиданно замолчал.

— Я слишком много терял по собственной глупости, — прошло несколько минут, прежде чем он заговорил снова.

— А сегодня... этот мальчик оказался внимательнее, чем я. Вы оба могли погибнуть, — глухо сказал Альдо, промывая мои ободранные локти.

— Ничего со мной не случится. Ты же обещал, — мои слова выдавили из Альдо кривую улыбку.

Мне вдруг ужасно захотелось спать. Это было неправильно, я должна была взять себя в руки и подняться. Посмотреть, как там Рави и дети, помочь Тамиле с ужином... Но все что я могла в этот момент — лежать в объятиях Альдо и думать о том, как же это хорошо.

Когда я проснулась, рядом никого не было, сквозь неплотно задернутый полог пробивались отсветы костра, негромкий разговор, смех и шумное дыхание животных. Эти звуки стали для меня привычными настолько, что я почти ощущала себя кочевником. Трудно представить, как я жила раньше, не видя неба, солнца и звезд. Как могла дышать отравленным воздухом и есть мертвую еду? Вот если бы еще воды побольше и жары поменьше. А если бы еще всех змей извести!

Я осторожно отодвинула плотную ткань и выглянула наружу. Яркий огонь костра давал достаточно света, чтобы не упустить ни одной детали. Облепленный пластырем Рави, вытянув ногу в лубках, что-то рассказывал сидящим у него на коленях Лике и Пирре, а малышня слушала его, открыв рот. Хоранд, обнаженный по пояс, сосредоточенно точил ножи, снисходительно поглядывая на веселую компанию рядом с ним. Ахлат с чеканным темным лицом колдовал над жарящимся на огне мясом, распространявшим упоительный аромат. Нури строила глазки Таливу. Тамила шила. За границей освещенного круга переговаривались часовые. Вздыхали мары и где-то совсем рядом, сопя и фыркая, вдохновенно чавкала Миура.

Альдо не было, но я знала, что он здесь. Где-то очень близко и прямо сейчас смотрит на меня из темноты. Стоило мне подумать об этом, как он материализовался на границе света и тени рядом с Ахлатом. По сравнению со своим капитаном, Альдо выглядел хрупким, как подснежник, но купиться на это мог только законченный идиот.

рассмеялась Лика, и Альдо повернул к ней голову. На какое-то мгновение улыбка совершенно преобразила его лицо, захотелось выскочить из своего укрытия и броситься ему на шею. Савар поднял голову и посмотрел на меня через разделявший нас огонь.

— Иди сюда, найлек, — позвал он. — Мы не можем начать ужин без ноэль.

— Это обязательно? Кормить меня на виду у всех? — немного отстраняясь, тихо спросила я.

— Тебе что-то не нравится? — Альдо с подозрением уставился на кусок мяса в своих руках.

— Все это очень вкусно, но... мы же не одни, — улыбнулась я, вспомнив наш пикник на берегу Тиамат.

— Не одни, — подтвердил он. — Но на нас никто не смотрит, у тебя мания величия, найлек, — хмыкнул Альдо. — Посмотри.

Я оглянулась. Талив кормил Нури, Хоранд и Ахлат увлеченно спорили, а Тамила вздыхала, глядя на огонь. Остальные разговаривали и ели, на нас никто не обращал внимания.

— Давняя традиция, — шепнул Альдо. — Накормить понравившуюся женщину, и, если она позволит..., - он глубоко вздохнул и поцеловал меня в шею.

— Всегда выбирает женщина, ноэль, — он немного помолчал и совсем тихо добавил. — До тех пор, пока не принесены клятвы. Съешь еще кусочек?

Я не стала с ним спорить, сделав вид, что не расслышала последних слов. Мясо было слишком вкусным. Но пока жевала, заметила кое-что интересное.

— В таком случае, твоя дочь уже выбрала, — усмехнулась я, кивнув в сторону девочек. Лица с восторгом ела все, что предлагал ей Рави.

Савар повернул голову и, поджав губы, уставился на него. О, я хорошо знала этот взгляд!

— Там еще осталось? Альдо? — я слегка толкнула его. Кто ж знал, что папочка так отреагирует? А мальчику и так сегодня досталось.

Мне пришлось почти упасть на Альдо, изображая головокружение и немного понуть, жалуясь на боль в руках и коленках. Его раздражение тут же нашло выход, а Рави был временно забыт.

Пока мальчишка страшным голосом, подвывая в нужных местах, рассказывал девочкам про какие-то древние развалины и жуткого монстра Хошашина обитающего там. Альдо, полностью копируя интонации Рави, на ухо, шепотом, читал мне лекцию по технике безопасности. И закончили они одновременно — обещанием смерти неосторожному. Тайнственный Хошашин, в этом случае, выглядел более привлекательно.

Мне не спалось. Было холодно и тихо, поглубже зарывшись в одеяло, я повернулась к Альдо и рассеяно погладила его по руке.

— Ты не спишь?

Он даже не пошевелился, но самодовольный смешок я расслышала.

— Ты этого хочешь?

— Я... наверно... мне надо....

— Мне нужна точность.

— Я хотела поговорить.

— Говори.

— С тобой.

— Ну и..., - ворчливо протянул он.

— Я никогда не думала, что в моей жизни может произойти что-то такое....

— Какое?

— Ну, — я вспомнила сверкающие красные искры в черных скалах, наш ужин у костра, тихий смех...

— Романтическое.

— Уточни, что именно ты называешь романтическим. Жару? Песок? Тасогов? Или может, твой спуск верхом на Рави? — язвительно поинтересовался Альдо.

— Нет, — я решила не обижаться. — Все это.

— А конкретней?

— Все это. Все как в любовном романе. Пустыня, ночь, мы с тобой, — вздохнула я.

— Гадость, — сморщился Альдо.

— Почему?

— Причем здесь любовь? Мне неприятно это слово.

— Почему?

— Потому что настоящий мужчина не будет использовать его, это не честно по отношению к женщине.

— Почему?

— Потому что слово «любовь» как отмычка, открывает любые двери, — заметно раздражаясь, проворчал Альдо.

— Значит, все вокруг ошибаются? А ты самый умный? — я пожалела, что начала этот разговор. И почему я вообразила, что Альдо вот так возьмет, проникнется красотой момента и объяснится мне в любви!

— НЕ ошибаются, а притворяются, будто видят то, чего на самом деле не существует. Что-то вроде нового платья короля, найлек, — небрежно добавил он

— Баллер, — хмыкнула я. Надо же, савар читал Андерсена! Завтра в пустыне выпадет снег.

— А как же поэты...

— Писали ради славы, развлечения, чтобы привлечь женщин, не умереть с голоду, наконец, — перебил меня он.

— Ну, а рыцари, спасающие возлюбленных? — не сдавалась я, отстаивая свою мечту о принце на белом коне.

— Саварам не требуется такое жалкое оправдание, чтобы начать войну, — высокомерно заявил Альдо.

— Неправда, — обиделась я. — Чувства существуют, даже ты... не совсем бесчувственный.

— Думай так и дальше, найлек, этим ты здорово облегчишь себе жизнь, — веселился он.

— Миром правит любовь, — яростно зашипела я, спасая остатки своего хорошего настроения.

— Ага, — засмеялся Альдо. — Может тебя отправить к тасогам? Понесешь им слова истины.

— Неужели ты и вправду такой деревянный? А как же тот восход солнца? Долина Тиамат? Зачем ты повел меня к Черным Проходам?

— Хотел сделать тебе приятное. Ты же женщина, тебе должно нравиться... всякое, — буркнул Альдо.

— Ты подарил мне цветы.

— Ты уверена в этом?

— Посмотри, как красиво, — пихнула я его в бок.

— Ну, там Луна... две. Светят. А был бы день светило бы солнце, — лениво ответил мне Альдо.

— В тебе нет ни капли романтики, — вздохнула я.

— Мне это не нужно, — Альдо повернулся на бок, всем своим видом показывая, что разговор окончен.

— А звезды? Зачем они светят? — не унималась я.

— А что еще они могут? — раздраженно спросил он.

— Можно загадать желание...

— Тогда сделай это и замолчи.

Почувствовав на себе мой взгляд, он нахмурился и открыл глаза.

— Спи, — буркнул Альдо. Вытянув руку, он опрокинул меня на подушку и облегченно вздохнув, закрыл глаза.

Его дыхание стало ровным и глубоким, а рука, тяжело лежавшая у меня на груди, потихоньку сползла вниз и удобно устроилась на животе.

Он моментально заснул, а я все смотрела и смотрела на него. Как жаль, что я совершенно не умею рисовать! У Альдо такое выразительное лицо. Интересно, а как бы выглядели наши дети? Я немного поразмышляла на эту тему, а потом запаниковала и лихорадочно начала вспоминать, когда у меня в последний раз были месячные. Получалось уже очень давно, еще перед моим походом в ЗАГС. Выходит, я беременна?!

Но это, же не страшно? Это наоборот, просто замечательно! Все будет хорошо, уговаривала я себя, вспоминая уютный домик Нармин. Но слезы, неизвестно откуда взявшись, полились сами по себе и, не удержавшись, я всхлипнула.

Немного отодвинувшись от Альдо, я села, подтянув колени к подбородку, изо всех сил стараясь удержаться от слез.

— В чем дело? — его голос был недовольным, но в том, как он обнял меня, было столько нежности, что я заревела с новой силой.

— Кошмар? — едва слышно спросил он, обнимая сильнее.

Я замотала головой.

Альдо откинулся на подушки и буркнул.

— Это все Рави с его дурацкими страшилками.

— Мальчик не виноват, — сквозь слезы простонала я.

— Ты что боишься змей? — немного погодя спросил Альдо. — Ни одна гадина сюда не заберется.

— Я знаю, — всхлипнула я.

— Тогда... что я сделал, найлек? — он сказал это так ласково, что я не смогла больше сдерживаться и заревела в голос.

Альдо, тяжело вздохнув, снова обнял меня. Он говорил мне что-то, целовал, гладил по спине и плечам, но я не могла остановиться, размазывая слезы по его груди. И только когда они закончились, я смогла членораздельно произнести:

— Прости, не знаю, что на меня нашло.

Альдо хмуро посмотрел на меня и, потянувшись к своим вещам, достал фляжку.

— Пей.

Я послушно сделала несколько глотков.

— А теперь говори.

Он выглядел таким... огорченным! Мне вдруг стало смешно. Великий и Ужасный Альдо Савар Шареб эр-рех, гроза пустыни, Крылатый — Как — Ветер, отрицающий романтику, сидит голышом на куче подушек, вытирает мне нос и несчастным голосом спрашивает, почему я реву.

— Найлек?! — его руки осторожно легли мне на плечи. — Что случилось?

подавившись истерическим хохотом, я глубоко вздохнула, закрыла глаза и сказала:

— Я беременна.

Он вздрогнул, и его руки превратились в тиски. А когда я решила открыть глаза, то наткнулась на его тяжелый взгляд.

— Уверена?

Я, молча, наклонила голову.

Он прижал меня к себе с такой силой, что я услышала, как жалобно хрустнули ребра.

— Найлек, — он поцеловал меня и увлек вниз на подушки. Заботливо подоткнул одеяло и обнял.

— Спи. Тебе нужно больше отдыхать. Я буду рядом.

Я вздохнула, уткнувшись ему в плечо.

часть четырнадцатая

Проснулась я в гордом одиночестве. Я подобралась к входу и откинула полог. Ничего и никого. Странная тишина. Где Альдо? Завернувшись в покрывало, я сидела и смотрела, как всходит солнце и воображала, что он отправился за этими смешными желтыми цветочками чтобы меня порадовать. И как я его застукаю, когда он их принесет и будет вынужден признаться, что все остальные цветы тоже приносил он. Мечты так захватили меня, что я не заметила, как к палатке подошли Нури и Тамила, за ними приковылял Рави.

— Это я виноват, ноэль, — еле шевеля губами от ужаса, говорил Рави. — Я весь вчерашний вечер рассказывал им про Хошашина и про развалины. Вот девочки и ушли туда.

— Как ушли? Одни? — я вскочила.

— Тебе за это язык нужно вырвать! — набросилась Нури, на бледного как смерть брата.

— Одноногий идиот! — поддержала ее Тамила.

— Успокойтесь, — стараясь собраться с мыслями, остановила я их. — Все не так страшно. Они не могли уйти далеко и с ними наверняка Миура. Нужно просто поехать в сторону развалин, привезти их обратно и выпороть.

— Кому поехать? — простонал Рави. — Никого нет. Мы тут одни.

— Как одни?

— Все уехали до рассвета, ноэль, неужели вы так крепко спали? — нахмурилась Нури. — Эр-рех поднял всех.

— Зачем?

— Ну так тасоги.

— Какие тасоги?

— Так я же проговорился, — вздохнул Рави. — За нами тащились, считай от самого Суфраэля. А тут вроде догонять стали и эр-рех нервный такой.

— Его оставили в лагере за старшего! — вспыхнула Тамила. — Его оставили защищать нас, а он проворонил детей! — И она в раздражении пнула костыль, на который опирался Рави.

— Его оставили одного? Три женщины и раненый мальчик, что мы можем сделать?

— Тасоги обходят это место стороной из-за развалин, а песчаников, если они появятся, должна была отогнать Миура, — вздохнула Нури. — Мы бы справились.

— Если вы поможете мне сесть в седло..., - начал Рави, но я его остановила.

— Так. Хватит ругаться, разбираться будем потом. Я поеду за детьми. В какой стороне эти развалины?

— Вы не можете ехать одна, — тут же заявил Рави. — Вы сразу потеряетесь.

— Я поеду с ноэль, — твердо сказала Нури. — Я знаю дорогу.

Пока мы седлали маров, Рави стоял рядом и у него был такой вид, как будто он сию минуту упадет в обморок. Тамила принесла нам несколько фляжек с водой и мешочек с сушеными фруктами.

— Возьмите, на всякий случай, — ободряюще улыбнулась она.

— А ты, болтливая хромоножка, молись, чтобы ноэль вернулась раньше, чем эр-рех, — обратилась Тамила к совершенно позеленевшему Рави.

Если бы я была одна, то, конечно же, проехала мимо. Эти «развалины» были почти неотличимы от дюн вокруг. Бесформенная куча песка с множеством черных дыр, уходящих куда-то под землю. Девчонок негде не было видно.

Мы можем искать их здесь до посинения, с отчаянием подумала я.

— Давай поделимся и пообедем это место с двух сторон. Может, найдем следы...

В этот момент раздалось радостное повизгивание, и из ближайшей дыры выскочила Миура. Она прыгала вокруг нас, выразительно поглядывая в сторону песочного муравейника.

— Нужно идти за ней, — сообразила я и спрыгнула с Облака.

— Я пойду с тобой.

— А мары?

— Никуда они не денутся, — решительно заявила Нури, накидывая поводья на торчавший из песка камень. — Пошли.

Лезть в черное осыпающееся отверстие было очень неприятно. Мне все время казалось, что вместе с песком мне за шиворот набьется какая-нибудь ползуче-кусачая гадость.

Узкий ход неожиданно кончился, и мы на четвереньках выбрались в довольно большое полукруглое помещение. Тут было прохладно и сравнительно светло.

У противоположной стены, на осколке каменной плиты сидела Миура и с тоской смотрела в очередную яму. Я бросилась к ней, но Нури удержала меня.

— Осторожнее, — кивнула она на тоненькую струйку песка, стекавшую вниз по каменным плитам.

Я вздохнула, опустилась на колени, а потом на живот и потихоньку съехала к самому краю провала. Внизу обнаружился еще один уровень этой древней, полужасыпанный песком постройки. На одиноко торчащем в песочнице камне, сидели девчонки.

— Они здесь, — радостно заорала я, приподнявшись на локтях. И тот же момент песок подо мной зашевелился, и я рухнула вниз.

Не успела осесть пыль, как на мне повисли Пирра и Лика, ревя и жалуясь, друг на дружку.

— Ноэль! — заорала Нури.

— Все в порядке, — крикнула я, обнимая малышей. — Все живы, все здоровы, руки — ноги целы. Брось нам воду и езжай в лагерь. Нам нужна длинная веревка, только и всего.

— Но я не могу вот так..., - в голосе Нури отчетливо слышалась неуверенность.

— По-другому не получится. Хотелось бы выбраться отсюда до темноты, — торопила я ее. — Езжай!

— Хорошо, — неуверенно ответила она, сбросив вниз воду и фрукты. — Только, пожалуйста, никуда не уходите отсюда. Тут очень легко заблудиться.

Было хорошо слышно, как она выбирается наружу и кричит на мара, а потом все стихло. Струйка песка, лившаяся сверху, становилась все тоньше, пока не растаяла совсем. Я повернулась к девочкам.

— Ну как, видели Хошашина?

— Нет, — надулась Пирра.

— Ты сердисься? — пробормотала Лика, уткнувшись мне в коленки.

— Очень.

— Мы хотели только немножко посмотреть и вернуться, но Миура не хотела уходить. А без нас она потеряется.

— Тогда почему Миура наверху, а вы здесь?

— Ты тоже здесь, — фыркнула Пирра.

— Ладно, — вздохнула я и протянула им фляжки с водой. — Вы все расскажете потом, отцу.

Девчонки слегка расслабились, выпили воды и принялись за сухофрукты.

Я молчала, потому что злилась на все на свете. На Альдо, на себя, на пустыню, на свое невезение, на жару и песок. Но срывать свою злость на детях?

Через некоторое время наверху послышался какой-то шум.

— Нури? — неуверенно спросила я, задирая голову.

Мне никто не ответил, но едва сыпавшийся сверху песок, превратился в настоящий водопад.

Вскочив со своего насеста, я схватила девчонок за руки и потихоньку начала отступать ко входу в ближайший туннель.

— Кто там? — срывающимся голосом спросила Пирра.

— Тихо, — шикнула я, пятясь в темноту.

Может, наверху нет ничего опасного, но в нашей ситуации осторожность не помешает.

А песок сыпался все сильнее и сильнее, превращаясь в бурлящий поток. Светло-желтые волны моментально накрыли камень, на котором мы сидели и потекли нам под ноги. Это было очень плохо.

— Нам нужно уходить отсюда, иначе нас засыплет, — идти в темноту очень не хотелось, кто знает, что там прячется?

— А мы не потеряемся? — робко поинтересовалась Лика.

— Нури велела ждать ее тут, — напомнила мне Пирра.

— Слушаться старших нужно было раньше, — отрезала я. — Ты же не хочешь, чтобы нас здесь засыпало? Мы просто отойдем немного и когда «наводнение» прекратится, вернемся. Правда, надежды на такое развитие событий было крайне мало, с моим-то везением! Мы отступали все дальше в темноту, а песок все лился и лился. А потом наверху что-то грохнуло и в туннель погнало такие песочные волны, что нам пришлось спасаться бегством.

Хорошо, что бежать пришлось не в полной темноте, свет был слабым и рассеянным, но все же позволял не наткнуться на камни под ногами. Мы остановились только тогда, когда поняли, что под ногами каменные плиты без малейшего признака песка. Можно было не бояться быть заживо похороненными, но впереди отчетливо маячила перспектива блуждать в этих переходах до второго пришествия. Я потихоньку сползла по стене на пол и закрыла глаза. Малышки плюхнулись рядом.

Мы сидели так очень долго, время остановилось. Очень хотелось кричать от отчаяния, но такой роскоши я себе позволить не могла. Я вздохнула и постаралась улыбнуться.

— У нас все будет хорошо. Нас не засыпало, никто не поранился, у нас есть вода и еда. Мы обязательно отсюда выберемся.

— А как? — тут же спросила Пирра.

— Тут везде все одинаковое и... темно, — прижалась ко мне Лика.

— Не совсем темно и не совсем одинаковое. Главное, сохранять спокойствие и не реветь, — чмокнула я ее в светлую макушку.

Прижав к себе притихших детей, я попыталась мыслить логически. Что я знаю об этом месте? Ничего. Ничего, что могло бы помочь выбраться. Какие-то древние развалины, почти

полностью засыпанные песком. Я оглянулась и провела рукой по стене и полу, на котором сидела. Они были гладкими и ровными. Это был скорее коридор, а не тоннель как я думала раньше. Поднявшись на ноги, я подошла к противоположной стене. На ней, под самым потолком, были хорошо заметны какие-то ржавые крепления. Эти следы шли через равные промежутки. Ну и что? Рассчитывать на то, что вслед за остатками проводки, я обнаружу древний план эвакуации, где красным крестиком будет отмечено наше местоположение, не приходилось.

Я опять уселась и закрыла глаза. Может быть, сейчас у меня проснется шестое чувство, генетическая память или заработает внутренний компас? Ни фиги! Моя комплектация этого не предусматривает.

Герои очередного голливудского шедевра к этому времени уже давным-давно нашли бы телефон, GPS, аварийный выход, к ним явился бы доброжелательно настроенный призрак или какой-то супергерой. Господи, как бы я радовалась Брюсу Уиллису или Супермену, хотя в данной ситуации больше подошел бы Принц Персии.

Я много читала, но среди моих любимых книг не было «Пособия по выходу из лабиринта», в голове постоянно крутилась фраза: «Если вы потерялись, оставайтесь на месте и ждите помощи». Для меня это всегда было загадкой. Каким образом, спасатели определяют именно то место, в котором «вы потерялись»?

Нет, мы конечно могли остаться и ждать, но я не считала, это разумным решением. Хотя бы потому, что это слишком открытое место, здесь негде спрятаться, если что. Как только я об этом подумала, мне стало казаться, что в глубине коридора что-то шуршит и вздыхает.

— Штольня! Сначала было весело, прикольно..., - пробормотала я. — Поднимайтесь девчонки, будем выбирать.

— Ты знаешь куда идти? — строго спросила Пирра.

— Вставай, Пирра. Нам надо идти. А пока мы идем, я расскажу вам сказку о волшебной нити.

Я подняла детей, отряхнула их. Проверила, плотно ли закручены крышки на фляжках и хорошо ли завязан мешочек с фруктами. Взяла их за руки, и смело пошла в темноту.

Мы шли, и я рассказывала им историю про Ариадну, надеясь, что Хошашин не более чем миф, а если он все-таки существует, то совсем не похож на Минотавра.

Не знаю, насколько хорошо это получалось, но я старалась придерживаться одного направления. Мы несколько раз останавливались и немножко отдыхали. В коридорах было пусто, тихо и они были похожи друг на друга, как две капли воды. Потом мы наткнулись на остатки костра, который жгли, наверно, в прошлом столетии. Кто сидел около этого огня и куда ушел потом неизвестно, но нам оставили подарок — несколько угольков. Теперь можно было оставлять метки на каждом повороте.

Первой это заметила Пирра.

— Там свет, — крикнула она и потянула меня вперед.

Не знаю, почему она так решила, я никакой разницы не замечала.

— Свет, — вслед за ней заволновалась Лика.

Теперь они обе тащили меня. Потом и мне стало казаться, что сквозь полумрак и тени пробивается солнце.

Мне пришлось схватить девчонок за шиворот, потому что они уже почти бежали.

— Стоп, — сказала я и слегка их встряхнула. — Мы должны быть осторожными. Если

это выход, то он никуда от нас не денется.

Выход действительно был и если бы мы умели летать, то давно уже были бы в лагере.

— Не везет, — сморщилась я, потирая затекшую шею. Я минут пять простояла, задрвав голову кверху.

Свет шел из небольшого отверстия высоко над нами, при всем желании до него невозможно было достать и уж тем более вылезти наружу.

Девчонки насупились, замолчали, и от их радостного повизгивания не осталось и следа. Стало заметно, как они устали и измучились.

— Все, детки, будем отдыхать. Это хорошее место и нас обязательно найдут. Наверно, это одна из тех дырок, которые я видела снаружи.

Девчонки потихоньку сопели, а я сидела рядом в каком-то странном оцепенении. Временами я проваливалась в полудремотное состояние, а потом вздрагивала и таращилась в темноту.

Все было тихо, но меня не отпускало странное тревожное состояние, с каждой минутой это беспокоило меня все больше и больше. Ужас накатывал волнами, как будто я погружалась в ледяную воду. В голове не осталось не одной связной мысли, будто на мозг одели черный мешок для мусора и крепко завязали.

Я попыталась проанализировать ситуацию, перебирая все странное, что видела и чувствовала, но в последнее время все, что я видела и чувствовала, было странным. Остаться на месте было невыносимо, и я осторожно встала, стараясь не потревожить девочек. Меня как будто что-то толкало в темноту, мелькнула мысль, что мне не стоит оставлять детей одних, но я уже шла вперед.

С каждым шагом я боялась все больше, и я кусала губы, чтобы не заорать. В затуманенном страхе мозгу вдруг всплыла цитата: «если у вас под ногами зыбкая почва, то безопаснее всего двигаться по ней как можно быстрее». Уцепившись за слово «безопаснее», я рванула вперед. Главным для меня, было сохранять набранную скорость движения, малейшая задержка и вся моя решительность лопнет. Хорошо еще, что коридор, по которому я бежала, был прямым, и мне не приходилось ни на что отвлекаться.

Коридор постепенно сужался. И запах! С каждым шагом пахло все противней и противней. Я остановилась, тишина была такая, что быстрая дробь моего сердца звучала как набат. Отвратительный запах усиливался и от страшной догадки волосы встали дыбом. Ноги стали ватными и совершенно отказывались идти туда, откуда так воняло. Вот зачем я туда лезу? Дура! А еще смеялась над героями ужастиков...

Коридор все сужался, потолок опускался, и следующие несколько метров я проползла, задевая плечами мягкие песочные стены и изо всех сил стараясь не чихнуть.

Извиваясь в узкой песочной норе, я упрямо продвигалась вперед, странно, но в тот момент я вообще не думала, как я буду возвращаться. Постепенно густой полумрак разбавили пляшущие по стенам отсветы, впереди был костер. А потом я услышала какой-то неясный шум (отзвук, эхо разговоров, бормотание?) и удвоила усилия. Говорить почеловечески тасоги были не в состоянии, скорее всего, впереди меня ждали «спасатели». А запах, ну что запах, мерзкие ароматы вообще очень прилипчивы!

Пробиралась сквозь эту нору молча (на всякий случай) и это спасло мне жизнь. Все-таки злость очень стимулирует умственную деятельность. Выход из моей кроличьей норы оказался под самым потолком довольно большой пещеры, в которой толкались тасоги и горели костры. И я в буквальном смысле дышала через раз, когда выглядывала наружу.

Прямо подо мной, около стены, сидело с десяток мужчин в камуфляже, а рядом с ними стоял мой неудавшийся родственник — «дядя Родион».

«Дядюшка» страшно нервничал. Пальцы все время шевелились, как-будто он играл на рояле или пересчитывал деньги, а носок тяжелого ботинка ерзал по песку. И он тяжело дышал, время от времени прижимал руку ко рту, будто его тошнило. О, я хорошо его понимала, у меня от аромата тасогов слезились глаза, а желудок застрял где-то в горле.

Один из камуфляжников все время вызывал кого-то по радиации. И кому, интересно, он так настойчиво старается дозвониться? Я, на всякий случай, пересчитала всех, кто был внизу, и решила, что пора отползать, пока не заметили. Но застряла (в буквальном смысле) при первой же попытке сдвинуться с места. Я извивалась всем телом, но добилась только того что увязла в песке по уши. Чем сильнее я дергалась, тем больше песка сыпалось вниз, к тому же, мои усилия требовали более глубокого дыхания, а чем глубже я дышала, тем сильнее меня тошнило. В конце концов, мои телодвижения привели к тому, что меня вырвало прямо на камуфляж радиста и ему это очень не понравилось.

То, что по мне стреляют, я заметила не сразу, во-первых, меня все еще рвало, во-вторых, мне в рот набился песок, в-третьих, я ничего не видела из-за растрепавшихся волос. Только приведя себя в относительный порядок, я с удивлением заметила арбалетный болт, торчавший в песке на уровне глаз. Пока я его рассматривала, рядом появился еще один. Обстрел вызвал небольшую песочную лавину, и я почувствовала, что падаю.

— Мама! — я орала не переставая, растопырившись в узком лазе на манер морской звезды.

— Кира Андреевна? — голос полковника каким-то образом проник в мое сознание, и я замолчала.

— Ну что же вы, милочка? Спускайтесь. Мы рады будем предоставить вам горячий чай и наше радушие, так сказать.

— А пошел ты! — прохрипела я, изо всех сил стараясь включить задний ход.

— Ну, зачем же так, мы же с вами взрослые люди, можно договориться. Счастливый случай свел нас вместе, воспользуйтесь этим, дорогая. Разве вам не хочется вернуться домой?

Я на мгновение перестала дергаться, домой мне очень хотелось, но только не в такой компании.

— Никуда она не денется, — влез в наш разговор оплеванный радист.

Ага, счас прям, вылезу и сдамся!

— Не стрелять! — гавкнул «дядя». — Еще немного и ее вынесет прямо нам под ноги.

А вот этого мне не надо! Вопли полковника и «радостный» галдёж тасогов в непосредственной близости позволили мне сдать назад, и угроза «выноса» под ноги родному спецназу миновала, уйдя с линии обстрела, я тут же поделилась своей радостью с соотечественниками. Развив приличную скорость, я бодро сдавала назад, когда почувствовала, что кто-то настойчиво тянет меня за ноги. Мои пинки, дерганья и попытки уползти в песчаную нору не принесли никакого результата, меня упорно вытаскивали. Я вырывалась молча.

Выдернув меня из песчаной ловушки и протацив по инерции несколько метров, меня отпустили. Я лежала, боясь поднять голову и посмотреть. Вытащить меня мог только кто-то из подручных полковника или тасог.

— Киран, с тобой все нормально? Где дети? Хочешь пить?

Я не поверила тому, что слышу, вероятно, от страха у меня начались галлюцинации.

— Киран?

Меня осторожно подняли и поставили на ноги. Теплая рука отвела волосы от лица. Трай!

Покрытый засохшей коркой из кровавого песка, с потрескавшимися губами и рассеченной бровью, в обрывках рубашки и ссадинами на плечах, он все равно оставался исключительно привлекательным. Дико симпатичная помесь Горца и вождя апачей.

— Отойди от меня, — буркнула я, прекрасно сознавая как здорово выгляжу, мало того, что я грязная и лохматая, так меня еще и рвало.

— Я тоже рад тебя видеть, — хмыкнул Трай и протянул мне фляжку. — Зачем ты полезла в эту дыру? Где дети?

Я махнула ему рукой и пошла прочь от кучи песка, из которой он меня вытащил.

— С детьми все в порядке, а там тасоги и полковник со спецназом. У них рация, все время кого-то вызывают. Не знаешь, кому звонят? Они меня видели и обстреляли, — все это я говорила на ходу, мне вдруг пришло в голову, что девочки могли проснуться от моих воплей и бегают теперь где-то в темноте.

Трай молчал, бесшумно следуя за мной. В полном молчании мы дошли до места, где я оставила девочек. Они спали, обняв друг друга, в пятне рассеянного лунного света. Я ничему в жизни так не радовалась.

Тангар вздохнул с облегчением и тяжело опустился рядом.

— Киран...

— Не говори ничего! Я и сама знаю, что идиотка, — прошептала я.

— Киран...

— Тише, — шипела я. — Ты не представляешь, как я рада тебя видеть! Большое спасибо, что вытащил, ты мне жизнь спас!

— Киран...

— Я все осознала и теперь буду осмотрительней.

— Киран...

— Ну что?

— Киран, — Трай схватил меня за руки. — Что случилось?

— Девочки убежали смотреть Хошашина..., - еле шевеля губами начала я.

— Киран, я в курсе, — он слегка встряхнул меня. — Все хорошо? Ты нормально себя чувствуешь?

— Где Альдо? Почему ты здесь? Со мной все хорошо. Да отпусти меня!

— Неприятно, но Альдо оказался прав. Нас предали, свои же, тангары. Пришлось принять меры.

Повернув голову, я посмотрела на него. Его лицо стало жестким, глаза смотрели не мигая.

— Я навел порядок... у себя, — его рука сжала мне плечо, а теплая улыбка растопила лед в глазах.

— Но не успел предупредить Альдо. Моя медлительность могла стоить вам жизни. Нам пришлось ехать без остановки, чтобы догнать Караван. Мы были почти рядом, я решил, что не стоит являться ночью.... И опять ошибся! Альдо был... очень недоволен тем, что мы не тасоги.

— Так это вы преследовали нас? Не тасоги?

— И тасоги тоже, вместе с полковником. Теперь моя очередь спрашивать. Вы поссорились?

— Почему?

— Мое пробуждение было неприятным, Киран, — Трай отогнул воротник рубашки, обнажая шею с длинным порезом.

— И я узнал о себе и своих предках очень много нового и интересного.

— А причем тут я?

— Видишь ли, Альдо очень доходчиво объяснил мне, что, если из-за моего желания «пообщаться» у тебя расстроишься.

— Я думал, что это невозможно, — Трай неожиданно широко улыбнулся, — быть более разъяренным, но я ошибся. Когда тебя не оказалось в лагере, Альдо...

— Никто не пострадал? — быстро спросила я.

— Не волнуйся, твой телохранитель жив и девушка, которую ты послала за помощью, тоже.

— То место, где мы ждали, неожиданно завалило песком. Трай, нам так повезло, что ты нашел нас. Я... не знала, что делать... и спасибо, — тихо всхлипнула я, покосившись на девочек.

— Ты очень громко кричала, Киран, — обнял меня Трай. — Но вот твои последние слова...эти пожелания спецназу, они явно были лишними. Мужчины, особенно воины, крайне самолюбивы.

— А ты...? Ты здесь один? — осторожно спросила я.

— Нет, конечно. Здесь Альдо со своими и пятеро моих людей.

— И где они?

— Песок, ноэль, — вздохнул Трай.

— Вы умудрились забраться в ту часть развалин, где песок никогда не прекращает своего движения. Того места где вас оставила Нури больше не существует. Но никто не сомневался, что вы живы. Пришлось потрудиться, чтобы найти ваши следы, — хмыкнул он. — Да и тасоги мешали. Нам пришлось пробиваться, и мы разделились.

— Они пришли за тобой, — он очень спокойно произнес это, а я вся сжалась от страха.

— Киран, — хмыкнул Трай, — Альдо не отдаст тебя... живой, да и мертвой тоже не отдаст.

— Это радует, но я все равно боюсь.

— Тогда презирай их, нельзя бояться тех, кого презираешь.

— Поспи. Завтра мы выберемся.

Не знаю, отдыхал ли он этой ночью или охранял наш сон, но, когда я проснулась, Трай с улыбкой смотрел на кусочек голубого неба высоко над головой.

— Я знаю, в какую сторону нам идти, Киран, — сказал он и поднялся.

— Замечательно, — улыбнулась я.

Он пожал плечами, с хрустом потянулся и сказал.

— Я отойду. Вы же найдете чем заняться? Недолго. Мы должны идти.

Проснувшись, дети очень обрадовались Траю, тем более что Тангар, каким-то чудом сумел сохранить несколько шоколадных конфет.

— Я хотел порадовать тебя, Киран, — шепнул он мне. — Но я не думал, что все так обернется.

— Никто не думал, — хмуро заметила я.

Трай взял на руки, измазанных шоколадом девчонок.

— У нас осталось мало воды, — я встряхнула фляжки, в них едва булькало.

— Не волнуйся об этом.

Это было сказано с такой уверенностью, что я вздохнула с облегчением.

Мы очень быстро шли, продвигались вглубь развалин, сама бы я ни за что не пошла в ту сторону, но Тангар уверенно шел вперед. У него наверняка был тот внутренний компас, которого я была лишена начисто. Он шел очень быстро, а я постепенно все больше отставала, не в состоянии выдерживать заданный им темп. Это заметили девочки, постоянно следившие за мной из-за его плеча, и забеспокоились.

— Осталось совсем немного, Киран, — твердо сказал Трай, даже не оборачиваясь. — Постарайся.

Легко сказать, «постарайся»! Я и так шла за ним на автомате, еле переставляя ноги. Чтобы отвлечься, я начала убеждать себя, что весь этот марафон хороший способ похудеть, а потом сообразила, что это бесперспективное занятие — меня скоро так раздует, что никакая физкультура не поможет. Вслед за этим пришли тревожные мысли по этому поводу. Срок конечно небольшой, и я не похожа на героиню мексиканского сериала, но... может это повредить ребенку или нет? А спрашивать у Трая я не буду, я вообще ему ничего говорить не буду. Потому что он хам! Издевается над беременной женщиной. У меня даже слезы на глаза навернулись, но я вовремя втянула их внутрь. Не хватало тут еще расклеиться перед детьми, к тому же Трай прав. На сопли нет времени. И он же не жаловался! И устал он не меньше меня, и не спал наверно совсем, и девчонок с рук не спускает. Да и царапины эти и кровь не сами по себе...

Господи, а тасоги с полковником! Они же тоже где-то тут и знают обо мне! Эта мысль подействовала на меня как закись азота, и я мгновенно поравнялась с Траем. Он скосил на меня глаза, усмехнулся и прибавил шаг.

Шли мы долго, вечность. Иногда я с завистью поглядывала на дремлющих детей. Я бы тоже не отказалась, если бы рядом было подходящее плечо.... Мысли о плече отвлекли меня, и я на какое-то время перестала считать шаги, заставляя себя дойти до следующего поворота, а потом до следующего. Поэтому, когда Трай остановился, то я еще некоторое время маршировала на месте.

— Привал? — неуверенно спросила я.

— Да, — вздохнул он и осторожно опустил малышек вниз.

Они обе сонно таращились на меня в полумраке.

— И вода, как и обещал.

Набрав полные ладони воды, первый раз за двое суток, я поняла, что счастье — это когда можно удовлетворить самые простые желания. Я наверняка бы разревелась, но Трай строго посмотрел на меня и покачал головой.

— Мы отдохнем здесь какое-то время, умойтесь, наберите воды. Я буду поблизости.

Трай растворился в темноте и я, сделав веселое лицо, занялась девочками.

Зауток, где прямо из стены текла тоненькая струйка воды, был совсем небольшим и напоминал тюремную камеру. Может потому что в стенах были выдолблено некоторое подобие нар? С двух сторон и в два яруса.

Сухофруктами, которые у нас остались, не наелась бы даже птичка, но мне пришлось разделить эту малость на несколько частей.

Трай, вернувшись, отказался от своей доли и заставил меня съесть мою. Он сел

напротив и опустив голову начал сосредоточенно рассматривать свои сапоги. Девочки возились рядом, шурша яркими конфетными бумажками. Мне показалось, что Трай дремлет, поэтому я с удовольствием вытянулась в своей нише, закрыв глаза.

— Киран.

— Нужно идти? — не открывая глаз, спросила я.

— Нет. Мы не можем идти.

— Как это, не можем? Мы заблудились? — я села и уставилась на него.

— Нет. Но я не уверен, что смогу в темноте сохранять правильное направление.

— А разве сейчас светло?

— Киран, — Трай слегка сморщился. — В этих коридорах относительно светло только до полудня. Я переоценил наши возможности, когда думал, что мы выберемся наружу до того, как это произойдет.

— Не надо, — горько усмехнулась я.

— Чего?

— Этой глупой вежливости. Ты ведь имел в виду совсем другое.

— Ты очень оригинально...мыслишь, — сказал он после небольшой паузы.

— Конечно, мало того, что я плелась за тобой черепашьям шагом, так еще оказывается и дура.

— Это не так и ты хорошо держишься, — голос Трая был ровным и спокойным. — Прости, если обидел.

— И ты прости, — пожала я плечами. — Мне сейчас... трудно быть спокойной.

— Все хорошо, Киран.

Трай замолчал, устало привалившись к стене. Пирра и Лика, затихли в своем уголке. Прислушиваясь к их ровному дыханию и тихому журчанию воды, я заснула.

А проснулась от того, что Трай осторожно дотронулся до моего плеча.

— У нас гости.

— Что?

— Тихо. Буди детей, собирайся.

— Кто?

— Тасоги или Полковник. Это сейчас не важно, собирайся.

Собирать было нечего, три фляжки и горсть сухих персиков.

Я осторожно разбудила девочек, они моментально почувствовали наше тревожное состояние, Лика начала плакать. Мне никак не удавалось ее успокоить, Пирра начала всхлипывать, еще немного и я сама разревусь.

Трай подошел ближе и вдруг тихонько запел. Песенка была совсем простенькой, что-то вроде считалочки, но девчонки заулыбались, размазывая слезы на чумазых мордочках. Он подмигнул мне и, подхватив девочек, быстро пошел вперед.

Мы прошли совсем немного, когда Трай, вдруг резко остановился и прислушался.

— Нас окружают.

Мне было не понятно, как он это определил, но я молча кивнула.

— Ты должна полностью довериться мне и подчиняться беспрекословно. Вопросов не задавать. Скажу бежать — побежишь, скажу прыгать — прыгнешь, прикажу замереть — замрешь. Поняла? — Лицо Трая было напряженным.

Я снова кивнула.

— Идем, быстро. Постарайся держаться как можно ближе ко мне, — сказал он и

передал мне Лику.

— Ты сможешь удержаться у меня за спиной? — ласково улыбнулся он Пирре.

Она сжала губы и быстро кивнула.

— Ты очень храбрая девочка. Отец будет гордиться тобой.

Мы двигались в полумраке рывками, то почти бежали, то крались вдоль стен. А потом мы остановились. Трай долго и напряженно вслушивался в темноту вокруг нас.

— Дальше я вас не поведу, — выдохнул он. — Будем ждать здесь.

Он опустил Пирру на песок, оглянулся и удовлетворенно кивнул.

— Сюда.

— Здесь детям ничего не будет угрожать, — указал он на нишу в стене. — Она глубокая и расположена достаточно высоко.

Девочки были очень испуганными, но не плакали, когда Трай высоко поднимал их, чтобы они могли забраться туда.

— Пирра, ты старшая и поэтому должна позаботиться о сестричке, — строго сказал он. — Вы будете сидеть здесь и молчать, чтобы не происходило, понятно? Это важно. Даже если со мной или с мамой что-то случится, вы не должны показываться. Вы не должны никуда отсюда уходить, за вами придут, ваш отец или... Миура. Обязательно.

— Возьмите воду, — сказал он, передавая им фляжки. — Но расходуйте ее с умом.

— Я могу положиться на тебя, Пирра?

— Да, — пискнула она. — А ты будешь защищать нашу маму?

— До тех пор, пока бьется сердце, — торжественно пообещал Трай, положив руку на свой нож.

Ему пришлось приподнять меня, чтобы я смогла поцеловать их и вытереть им слезы.

А потом он протянул мне нож.

— Возьми. Режь поперек горла или, — он повел острие вниз, — бей под ребра. Не в грудь! В сердце ты не попадешь, наткнешься на грудину или ребро. Хочешь убить, только шея и подреберье, поняла?! Увидишь чужого бей, не раздумывая, помни, они пришли сюда за тобой.

Я молча кивнула и взяла нож.

— Ты будешь стоять здесь, — он прижал меня к стене. — Ты не будешь шевелиться, Кира. Я, буду убивать все, что движется, так что замри.

— Тогда зачем мне нож? — заикаясь от страха, спросила я.

— Ты сможешь без ножа? Левая рука на затылок, правая под подбородок, резкий рывок головы вправо и вверх, — без выражения проговорил он.

Я представила, что мне придется прикасаться к тасогу руками, судорожно сглотнула и отрицательно покачала головой.

— Тогда только нож.

— Мы должны убить их всех?

— Мы не можем. Потому что не знаем, кто эти все, — устало пробормотал он.

— Тех, кто придет сюда, убью я. А ты постарайся, чтобы не убили тебя и девочек.

Трай говорил это так отрешенно! Как-будто знал, что он никогда уже не уйдет отсюда.

— Неужели все настолько плохо? — очень тихо спросила я.

— Киран..., — он на минуту закрыл глаза и вздохнул.

— Не направляй оружие на того, кого не хочешь увидеть мертвым, — Трай мягко отвел от себя лезвие, которое я держала перед собой, и прислонился к стене рядом.

Вокруг нас была темнота и абсолютная уверенность в том, что оттуда на нас надвигается нечто опасное. Мне было очень страшно и очень не хотелось умирать самой, а еще больше не хотелось, чтобы умирал Трай и девочки. Руки у меня так дрожали, что я почти выпустила нож. Широкое лезвие у меня в руке вызывало чувство глубокого отвращения, колени подогнулись, и я просто сползла по стене.

Трай подошел ближе и резко, так что клацнули зубы, поднял. Зашептал.

— Ты их сила! Смотри на меня! Ты их сила и защита. Они не должны видеть, как ты боишься

— Но мне страшно....

— Плевать! Ты их мать! Они считают тебя матерью! И ты будешь держаться столько сколько нужно!

— Я....

— Сможешь!

Минуты ожидания тянулись бесконечно долго. Темнота вокруг угнетала, отчаянно борясь с дрожью во всем теле, я нашла руку Трая. Его крепкая сухая ладонь немного успокоила меня.

— Слушай, — шепнул он. — Закрой глаза и слушай.

Сначала я не слышала ничего кроме биения собственного сердца, но постепенно начала различать и другое. Ровное дыхание Трая рядом, едва слышное сопение девчонок, тихий шелест непрерывно осыпающегося песка и... тихие шаги.

— Справа, — выдохнула я. Легкоежатие моей руки подтвердило догадку.

Сердце тут же начало выбивать барабанную дробь о ребра, а мозг парализовало от страха. Я с ужасом посмотрела на нож в своих руках. Вот и пришло время проверить, как легко я смогу превратиться в убийцу.

Трай сделал шаг вперед, и я оказалась у него за спиной.

— У тебя будет только одна попытка, Кира. Соберись.

Я стояла, почти касаясь Трая, напряженно вслушиваясь. А смерть, подкрадывалась к нам в темноте, все ближе и ближе.

— Хошашин?! — выдохнул Трай, вздрогнул и подался назад, так что меня едва не расплющило.

— Где? — тут же отозвались сверху девчонки, возмущенно зашипел Тангар, а я, кое-как протиснувшись под его рукой, глубоко вздохнула..., да так и осталась стоять с раскрытым ртом.

Зверюга была действительно страшная, особенно глаза — красные и светящиеся, как лазерный прицел. Хошашин просто стоял там, в полумраке, и смотрел. Так смотрят на нечто маленькое и незначительное, не стоящее внимания. На муху, например, перед тем как ее прихлопнуть.

Неожиданно зверь коротко рыкнул, и тут же исчез, слившись с темнотой.

— Падай, — толчок Трая бросил меня вниз. — Закрой голову.

Я рухнула вниз, и Трай осторожно переступил через меня. Отодвинувшись к стене, я

медленно встала. А в действиях Тангара ничего осторожного не осталось. Уклонившись от захвата, Трай схватил тень в камуфляже и легко отшвырнул его в сторону. Второго схватил за горло, резкий поворот руки, отвратительный хруст и спецназовец сломанной куклой упал рядом со мной. Так близко, что я могла увидеть какого цвета у него глаза. Голубые и очень удивленные. Парень был совсем молодым.

— Нам повезло, что они не стреляли, — спокойно сказал Тангар.

меня трясло. Это тасоги похожи на ... животных, а этот парень, он мог ходить по тем же улицам что и я. А тут... кровь, смерть..., все так нелепо. Трай провел ладонью над лицом мертвеца, закрывая удивленные голубые глаза. Я превратилась в соляной столб, наблюдая, как он быстро оттащил трупы в сторону, накрывая их лица форменными беретами.

Это несправедливо. Погибнуть здесь. За что? Что скажут их родным, где похоронят?

— Это было обязательно? Убивать? — Я нервно сглотнула и посмотрела на Трая. — Ты же можешь... послать их обратно? Ты же... вы же выслали сектантов?

Мне было неприятно думать о том, что еще кто-то из моих соотечественников погибнет, они же не тасоги, в конце концов!

— Ты соображаешь, что говоришь? — оскалился Трай.

— Они пришли сюда убивать. Эти «мальчики» убьют меня, Альдо, всех кто окажет им сопротивление, а тебя и девочек заберут. На опыты. Ты хочешь этого? Они захватчики, понимаешь? А захватчики не признают тонкого обращения.

— Можно было бы проявить... гуманность, — пробормотала я.

— Гуманность? Скажи мне Кира, по какой такой причине эта ваша воображаемая обезьяна слезла с дерева и решила стать человеком? Гуманизм? Нет! Безжалостная борьба за существование. А это, — он указал на трупы, — пример естественного отбора. Я, лучший, Кира и Альдо лучший, поэтому мы будем жить в наших детях, а тупиковым ветвям эволюции я помогать не стану.

Я испуганно отшатнулась, а он, спокойно продолжил.

— Не нужно, Кира. Они не достойны твоей жалости. Мир? — Трай усмехнулся, когда я проигнорировала протянутую руку.

— Вас, тебя и девчонок, в случае чего разберут на запчасти, милая. В прямом смысле. Потому что полковник — маньяк, помешанный на превосходстве человеческой расы. Когда к ним в руки попался..., - Трай глубоко вздохнул, — он был окаторцем на четверть, но это не помешало им содрать с него кожу.

— Послушай, — сказал Трай после недолгого молчания. — Давай все свои претензии ты выскажешь после того как мы выберемся? Сейчас не время. Кира?

Я медленно кивнула.

— Теперь..., ты останешься здесь. Я посажу тебя к детям и проверю в той стороне, — он махнул рукой в темноту.

— Туда ушел этот....

— Он предупредил, а если бы хотел убить..., - Трай безразлично пожал плечами.

— Я буду по возможности избегать открытого столкновения, я не настолько силен... сейчас, удобнее выбирать одного противника за раз. Но если там, засада, я отвлеку внимание на себя.

— Нет, — решительно сказала я. — Один ты не пойдешь. Мы ходим на разведку, а потом заберем детей. И вообще, я думаю, что нам нужно вернуться к воде. В этих коридорах мы слишком уязвимы.

Тангар неохотно кивнул и приказал девчонкам не высовываться.

— Держись на шаг позади меня.

Эти погруженные в полумрак коридоры, мягкий шелест песка, духота и постоянное ощущение пристального взгляда откуда-то из темноты страшно действовали мне на нервы, я злилась. Еще чуть-чуть и у меня начнется клаустрофобия, отягощенная шизофренией и манией преследования. Глаза станут зелеными, а волосы рыжими, и я отберу у Альдо его ножи. Я шла за Траем и вспоминала один из моих любимых сериалов. Помнится, Декстер виртуозно управлялся с холодным оружием. Куда он там его втыкал?

— Стой, — прошелестел голос Трая. — Слышишь? Впереди.

— Не слышу, — прошипела я. — Чувствую. Воняет тасогами.

Странно, меня почти не тошнило. Неужели это правда и ко всему на свете можно привыкнуть, даже к такому мерзкому запаху?

Мы остановились, коридор, по которому мы двигались, резко сворачивал, почти под прямым углом. А судя по звукам, которые доносились оттуда, там кто-то кого-то ел.

— Оставайся на месте, я посмотрю, — и Трай скользнул вперед.

Некоторое время ничего не происходило, а потом чавканье прекратилось, раздался скрежет и что-то упало. Я застыла, и что мне делать? Бежать к детям? Остаться? Спрятаться? Посмотреть, что там рухнуло?

— Кирен? — голос Трая звучал хрипло и глухо, как будто его душили.

Я присела на корточки и осторожно заглянула за угол, выглядит смешно, но это показалось мне очень умным. А там... там была бойня, от тел почти ничего не осталось, какие-то ошметки, обрывки, куски.... И вместо ласковой и шкодной Миуры на меня смотрел ЗВЕРЬ, с ярко-алыми глазами и судорожно вздымающейся грудью. Она сидела у Трая на спине и, не отрываясь, смотрела на ручейки крови, бежавшие по трещинам в полу. Я обрадовалась, что девочки не видят ее такой. И медленно встала, стараясь не делать резких движений. Мало ли, может она не узнает меня в таком состоянии. Я сделала шаг вперед и Миура, зарывав, слегка подпрыгнула, вдавливая Трая в камень.

— Хорошая девочка, — улыбнулась я. — Ты спасла нам жизнь. Девочки ждут нас и будут рады тебя увидеть. А теперь позволь Траю подняться. Пожалуйста.

Феррай моргнула, взвизгнула и прыгнула, мгновенно превращаясь в себя прежнюю, похожую на большого игривого щенка. А я сбитая с ног радостно скачущей «собачкой» упала в лужу крови.

— Не вставай, — Трай поднялся и выглядел на редкость довольным. — Здесь еще есть живые. Ты не могла бы отправить феррай к детям? Там она будет полезней.

— Попробую. — Я хотела подняться, но Трай не позволил этого, придавив меня к земле тяжелой рукой.

— Я просил не вставать.

— Не делай так, — фыркнула я. — Тебе не идет быть похожим на Альдо.

— Не вставай, — повторил Трай. — Отошли животное.

Миура все это время сидела рядом, с интересом прислушиваясь к нашему разговору.

— Ищи Лику, Миура, — я постаралась придать голосу твердость. — Охраняй. Поняла?

Феррай с шумом втянула в себя воздух и растворилась в темноте.

— Ну? Теперь мне можно подняться? Вообще-то, беременным женщинам вредно лежать на камнях.

— Что? — Трай убрал руку и резво отскочил в сторону.

Я с облегчением села, прислонившись к стене.

— Прекрати.

— Что?

— Пялиться на мой живот. Ты что думаешь, я собралась рожать прямо сейчас?

— Я не пялюсь, — замогильным голосом отозвался он.

— Вот и хорошо, ребенок сегодня оттуда не выскочит.

— Зачем ты полезла сюда в таком состоянии, — прошипел мне, оттаявший Трай.

— А я, знаешь-ли этого не планировала!

Тангар резко выдохнул и сказал.

— Сиди здесь и не вставай. И не шевелись. Все что движется, помнишь?

— А..., - я хотела уточнить, кто может двигаться в этой куче трупов, но так и застыла с открытым ртом. Потому что некоторые реально шевелились.

Трай повернулся и сделал шаг вперед, занеся руку для удара. Недобитые Миурой тасоги, стремились уйти подальше, вглубь коридора, песок осыпался, и они скользили вместе с ним, подвывая от ужаса.

— Может не надо? — мне было неприятно, тасоги не вызывали симпатии, но вот так... убивать?

Нельзя щадить своих врагов, они могут не дать тебе второго шанса, - говоря это, Трай методично добивал расползающихся от него тасогов. - Закрой глаза.

Меня передернуло, я никогда не смогла бы так, но с другой стороны мне не приходилось жить рядом с этими существами. Зажмурившись, я опустила голову, обхватив колени руками, желая только одного, чтобы все это как можно скорее закончилось. Неудивительно, что наступившая тишина, показалась мне благословением.

— Все? — осторожно поинтересовалась я. — Мне можно открыть глаза? Тасоги...?

— Кончились, — устало ответил Трай.

Я подняла голову. Было видно, что он доволен тем, что все эти существа сыграли в ящик, а он и я остались живы. На его лице застыло выражение яростной жестокости, готовности уничтожить любого, кто попытается встать на его пути. Вот значит, какой он... настоящий. Принц, из страшной сказки для взрослых.

— Нам нужно уходить, Кирен. Ты можешь встать?

— Могу, — пожалала я плечами. Мне даже удалось немного пройти, прежде чем голова закружилась, а коленки превратились в желе.

Я тихо сползла по стене и улеглась поперек коридора. Каменный пол был теплым, но мягче от этого не стал. Совсем не похоже на пушистые шкуры, на которых я спала последнюю неделю, а еще мне не хватало приятной тяжести руки Альдо неизменно находившейся у меня на плече, животе или бедре (это очень умиротворяло). Зачем я здесь? Почему Альдо до сих пор не пришел за мной? Моя жизнь превратилась в бесконечный кошмар. Ничего хорошего — страх, кровь, смерть. В голове все перемешалось. Оазис. Летящий на меня тасог, его голова на песке, кровь и темный коридор заполненный трупами.... Паника внутри нарастала, хотелось бежать, кричать..., но моих сил хватило только на тихие слезы. Трай опустился рядом, обнял, прижимая к себе и тихо заговорил:

— Успокойся. Ты не привыкла к такому и твой разум сейчас протестует. Это пройдет, сознание помирится со знанием, другой мир, другая жизнь. Не бойся ничего, все уже кончилось. Слушай меня, смотри на меня. Все кончилось. А с тасогами иначе нельзя они не

люди и даже не животные, так было нужно. Чтобы выжить, нам выжить, понимаешь? Тебе, мне, девочкам, — а потом совсем тихо. — Мне жаль, что ты это увидела, так изнутри. Мне жаль, что тебе пришлось участвовать в этом. Но я должен был так поступить, и я сделаю это снова, столько, сколько будет нужно.

Он говорил и говорил, легко поднимая меня на ноги, поддерживая и не давая упасть, принуждая двигаться, разгоняя темноту вокруг.

— Послушай, ты же умная. Ты же знаешь, что жизнь сложнее, чем определение хорошо-плохо. Есть ты, я и девочки. Есть Альдо и Нури, есть Рави, есть Суффраэль и Рейвен, есть савары и тангары, а для всех остальных мы враги и они враги для нас. Никто никого не жалеет. И я думаю, что ты еще не настолько сошла с ума, чтобы проповедовать всеобщую любовь? Ведь, правда?

Трай замолчал только тогда, когда мы услышали радостное повизгивание Миуры.

— Ну вот, — умиротворенно вздохнул Трай. — Все хорошо. Мы сделаем так, как ты хотела Киран. Мы вернемся к роднику, ты умоешься, отдохнешь, и тебе сразу станет легче.

— Я не буду всю ночь тосковать у окна. Я давно не боюсь оставаться одна. По крупице любовь собирать не хочу. Ты захочешь меня..., - тихонько подвывала я, пробираясь в полумраке за Траем.

— Мы правильно идем? — прервала я свое соло.

— Правильно, — недовольно отозвался Трай. — Мне не нравится эта песня.

— Почему? Это все про меня, — хмыкнула я и затащила следующий куплет

— Только я не вернусь в руки твои. Ты позовешь, я не вернусь...

— Кира, прекрати истерику.

— Не отзовусь, как не зови....

— Все совсем не так как ты думаешь.

— О, еще одна банальная фраза! Продолжай без меня свой извилистый путь....

— Это несправедливо по отношению к Альдо.

— Одиночеством век, искупая вину, ты, быть может, поймешь....

— Прекрати Кира, — Трай остановился и опустил детей на песок.

Девчонки опять путешествовали «верхом». Миура была разведчиком.

— Что? Что такого? — я была очень зла.

— Это ты меня спрашиваешь?

— Я спрашиваю, куда мы идем и где Альдо?

— Я уже говорил это, Киран, — медленно, с усилием, произнес Трай. — Мы идем в безопасное место, где будем ждать Альдо.

— И где же он?

— Нам пришлось разделиться, из-за обвалов в коридорах и тасогов с полковником.

— А как же ты меня нашел?

— Повезло, — скрипя зубами, ответил он.

— А ЕМУ, значит, не повезло. Не отзовусь, как не зови..., - промурлыкала я.

— Мне не нравится эта песня.

— А мне нравится!

— Тогда пой тише, девочки заснули.

После того, как мы вытащили девчонок из дырки в стене, и они вдоволь наобнимались с Миурой, Трай скомандовал «подъем», и мы двинулись в точку «Х». Пунктом назначения

оказалась вовсе не наша симпатичная «камера» с родником, а таинственное «безопасное место», куда по предварительной договоренности должны пробиваться наши, ну в смысле тангары и савары. Естественно, явка оказалась тщательно скрытой в глубине этого лабиринта.

— Там есть вода? — от долгого пения у меня пересохло во рту.

— Есть.

— И скоро мы туда дойдем?

— Скоро.

— Ты говоришь это пятнадцатый раз.

— Третий.

— Что?

— Я говорю это третий раз.

— Продолжай без меня свой извилистый путь....

Я продолжала петь до тех пор, пока совершенно не охрипла, но Трай не спешил делиться водой. И правильно, я бы еще и не то спела.

Короткая остановка и мы снова движемся в полумраке. Молча, потому что мое настроение, с каждым пройденным метром все больше погружалось в пучину черной меланхолии.

— Осталось совсем немного, — мягко сказал Трай. — Метров сто не больше.

И в этот момент раздались выстрелы. Хлесткий звук ударил по ушам и эхом унесся дальше, в темноту.

— Жди здесь, — в его голосе не было и намека на мягкость.

— Нет, — от моей меланхолии не осталось и следа. — Детей покараулит Миура, а я пойду с тобой.

— Слишком опасно.

— Я пойду с тобой.

Пока мы с Траем играли в злобные гляделки, выстрелы звучали все реже и реже, пока совсем не прекратились.

— Больше не стреляют, — заявила я. — Пошли?

Феррай улеглась на каменные плиты и девчонки тут же свернулись калачиком возле нее, картина могла бы быть очень милой, если бы не стоящие торчком уши и оскаленные клыки. Миура все своим видом показывала, что к вопросу охраны она подошла очень ответственно.

Впереди был свет, после темных коридоров, он почти ослеплял. Солнце светило прямо в огромную дыру на недостижимо далеком полуразрушенном куполе, заливая светом некое подобие лабиринта, в котором шел бой.

— Не выходи из тени, — прошипел мне Трай. — Не обнаруживай себя, чтобы не случилось. Если что..., вернешься к детям, и Миура вас выведет.

— Ты... туда? — я показала рукой вниз.

— Там мои люди, — резко сказал он. — А тебе здесь ничего не угрожает, справишься?

— Да, конечно. Только ты... будь осторожен.

— И ты, — он быстро обнял меня и ящерицей скользнул вниз.

Затаив дыхание, я смотрела, как Трай буквально свалился на голову двум фигурам в

камуфляже. Они ничего не смогли сделать, ничего. Я видела, как в руке Трая материализовался нож, изящный прыжок, разворот и один из его противников падает с проткнутым насквозь горлом, а другой медленно пятится назад, вцепившись в рукоять ножа, торчащего из его груди.

Внезапно, сквозь пролом в стене выскочил Альдо, похожий на хищную птицу.

Черты лица заострились, волосы, будто рыжие перья, торчали в разные стороны. Щеки ввалились, и поэтому скулы еще больше выдавались вперед. Глаза утратили свой блеск, приобретя странный красноватый оттенок.

— Ты нашел ее?

— Нашел, — спокойно ответил Трай, оттаскивая трупы в сторону.

— Брось эту падаль, — зашипел Альдо. — Где она?

— Там, — рука Трая указала вверх. — Кира, ты не хочешь поздороваться?

— Привет, — буркнула я, изо всех сил стараясь не заплакать. Он выглядел таким измученным!

— С тобой все в порядке?

— Нет.

—!

— Не слушай ее Альдо.

Я выглянула из своего укрытия, как раз тогда, когда Трай с трудом удерживал Савара от попытки забраться наверх.

— С ноэль все хорошо. Устала немного. Не надо афишировать ее присутствие.

— Найлек, — тихо позвал Альдо. — Я хочу посмотреть на тебя.

Я осторожно вышла на свет.

Он коротко улыбнулся.

— Все хорошо, — одними губами прошептала я.

— Мы сами справимся, — не отрывая от меня глаз сказал Альдо. — Иди к ней, Трай.

Встретимся, где договаривались.

— Уверен?

— Да.

— Мои люди?

— Живы. И помни, моя женщина....

— Моя жизнь, — ответил Трай и начал подниматься.

Альдо несколько секунд смотрел на меня, а потом скрылся за ближайшим поворотом.

— Мы же не уйдем отсюда?

— С чего ты взяла?

— А вдруг им понадобится помощь?

Но Трай только покачал головой.

— Идем.

Но мы не успели.

— Кира Андреевна! — голос полковника раздался очень близко и был очень громким, я вздрогнула. — Как удачно, что вы к нам присоединились. Вы уже видели того, по чьей милости здесь оказались?

— Это громкоговоритель, Кира. Он далеко, — обнял меня Трай. — Не отвечай ему.

— Зачем все это? Кира? У жителей этого мира нет ни сердца, ни совести. Они никогда не думают ни о ком кроме себя, они убивают без повода. Ты соображаешь, с кем ты хочешь

остаться? Альдо зверь, Кира. Не обманывай себя, это просто говорящее животное. Он может только пить, спать, убивать и трахаться. Ты поэтому с ним? Неужели он так хорош в постели? Не обольщайся у них так мало женщин, что ему все равно как ты выглядишь.

— Не верь ему, — горячо зашептал Трай. — Не слушай его.

— Он психопат, Кира, помешанный на своих обидах и тех, которые ему якобы нанесло человечество, он убежден, что может творить с нами все что захочет. Но больше всего он не любит наших военных..., - вдохновенно вещал полковник.

Я не выдержала и заорала.

— Не обольщайся, он ненавидит всех одинаково!

— Почему ты не заткнул ей рот? — прошипел снизу Альдо.

А голос полковника звучал все ближе и ближе.

— Послушай, я же все про тебя знаю. И про тетку твою и про бабу с двоюродной сестрой и про подружку твою я тоже знаю. Я знаю все, о чем мечтают такие как ты. Ты думаешь, что стала значимой и нужной для сильного мужчины? Это миф, девочка, ты нужна не сама по себе, а как средство для достижения цели — его цели, не твоей. Возвращайся, мы сможем защитить тебя.

— Они похищают женщин Кира. Это рабство. Они хотят от них только одного — детей. Кстати, их методика не всегда срабатывает и в таком случае ты труп. Ты в курсе? Зачем тебе здесь оставаться? Пыль, жара, грязь, антисанитария — каменный век! А твой так называемый муж — дикарь с нестабильной психикой.

— Не смейте обзывать его дикарем! Он... Андерсена читал! — я вновь не сдержалась.

— Что, правда, читал? — тут же спросил Трай.

— Заткни ее, наконец! — взбесился Альдо. — А если не можешь заткнуть, выруби. Я разрешаю.

— Если ты не замолчишь, я так и сделаю, — выдохнул мне в ухо Трай.

У меня, как у Маугли, было «достаточно колючек под языком», но Трай вцепился меня с такой силой, что говорить я не могла, я и дышала-то с трудом, под аккомпанемент изощренной ругани Альдо.

— Кира Андреевна, вы же разумная, современная женщина. У нас есть многое, что мы можем дать друг другу. Вы поможете нам, а мы обеспечим вам безбедное существование.

— Подумайте, если вы уйдете с нами, то мы отпустим всех окаторцев, среди них есть женщины, Кира, и дети.

Я дернулась и Трай тут же зашептал.

— У них нет пленных женщин и детей, он врет.

— И мы не даем выкуп за тех, кто не смог умереть в бою, — прошипел снизу Альдо. — Не смей изображать из себя героиню! Стой и молчи, найлек!

— А вы знаете, какую характеристику дали ему наши психологи? Агрессивный социопат, не контролирующийся своих действий. Я вообще не понимаю, как можно находиться рядом с таким!

— Кира, помнишь, ты пообещала делать то, что я скажу? — еле слышно прошептал Трай. — Кивни, если помнишь.

Я кивнула.

— Вот и умница. Сейчас я тебя оставлю, чтобы спуститься вниз, а ты останешься тут. Ты ни за что не покажешься на глаза людям полковника, поняла? Они должны думать, что тебя увели, понимаешь? Кивни, если поняла.

— Я не дура, — борясь за каждый глоток воздуха, просипела я.

— Тогда три шага назад и сиди тихо, как мышь, — сказал Трай и почти телепортировался вниз.

— Кира, — продолжал говорить полковник, и в его голосе слышалось отчаяние. — Неужели тебе все равно? Тебе все равно?! Все равно кто он? Он же искусственно созданное существо, неудачный эксперимент. Мутант, монстр с неустойчивой психикой! — вопил полковник.

— Эй, полковник, проповедь свою прекрати! — низкий голос Альдо, отразившись от песочных стен, вызвал небольшой обвал в нескольких метрах от меня.

— Кирен прекрасно знает, что я такое, но до сих пор это никак нам не мешало. И кошмары после сегодняшнего, ей снится, не будут.

— Кстати, я тебя кошмары не мучают? Раз за разом ты приводишь молодых сильных мужчин в Окатор и зарываешь их в песок. У тебя не хватает мужества умереть вместе с ними, а?

— Что ты обещал на этот раз? Геройские подвиги в дикой стране? Борьбу за свободу и независимость? Освобождение угнетенных? А они вообще в курсе, что это даже не Земля? Они все умрут, полковник, как всегда. Сколько таких доверчивых на твоей совести?

— Одна тысяча сто тридцать четыре, — тут же уточнил Трай.

— Если вы и дальше будете так расточительны, полковник, то очень скоро я увижу, как умрет последний солдат вашей армии, а там и до последнего человека не далеко.

— И он еще называет меня монстром? — веселился Альдо. — Эй, ребята, — обратился он к подтянувшемуся спецназу. — Неужели цифра не впечатляет? Может, сами его тут прикопаете? По — тихому? Вернетесь, свалите на меня.

Я стояла за границей света и слушала. Альдо и Трай, откровенно издевались над спецназом, как будто десяток профессиональных военных с огнестрельным оружием не представляют для них никакой угрозы. Губы обоих то и дело кривились в одинаково хищных улыбках.

— Ты обречен, — полковник был в ярости. — Ты последний, ты пережиток, анахронизм. Ты один, твой папаша постарался. И ты такой же псих, как и он, как все вы! Вы все умрете!

— Ну и что, — пожал плечами Альдо. — Я и без тебя это знал. Савары умрут со смертью последнего. Откуда тебе знать, что сегодня моя очередь?

— И не надо меня жалеть, лучше себя пожалейте, вам ведь еще до Перехода топать, вполне возможно, что какой-нибудь тасог прикончит вас, избавив меня от геморроя. Если бы вы были приличными, вежливыми парнями и пришли сюда, чтобы тихо сдохнуть в пустыне.... Да я бы вас и пальцем не тронул! Наоборот, похоронил бы с честью! А так — вас сожрут!

— Мы чтим Договор, — заметил Трай.

— К черту Договор! Савары больше не поддерживают отношений с их миром, это официальное заявление! — рявкнул Альдо. — Мы закрываем Дверь, навсегда! Окатор обойдется без людей. Мы сполна расплатились!

— Кстати, полковник. А вы знаете, что случилось с вашим коллегой? — Альдо выдержал театральную паузу и радостно сообщил. — Ему отрубили голову.

Выходит, кроме Андерсена Савар читал еще и Дюма? В книге, завтрак мушкетеров у стен Ла-Рошели закончился победой, а в жизни? На что рассчитывают Трай и Альдо,

собирая вокруг себя стольких противников? На то, что нож быстрее пули? Какой-то киношный бред получается.

Я с ужасом ждала, чем кончиться это противостояние, а перед глазами был голубоглазый паренек, оставленный где-то в глубине этих бесконечных коридоров. Зачем? Ради чего? У меня оставалась слабая надежда, что они все же смогут договориться, и я испытывала гордость за «родной» спецназ, невозмутимо сохранявший выдержку и спокойствие. Ребята на провокации не поддавались. Сглазила!

— Сдохни, тварь! — один из пришедших с полковником в ярости нажимал на курок, но выстрелов не было.

— Ненавижу! — отбросив бесполезное оружие, метнулся он к Альдо.

— Взаимно, — хмыкнул Савар, пришила парня к стене.

А потом была бойня. Трай и Альдо не защищались и не нападали. Они убивали, молча, быстро, жестоко. Мои соотечественники почти не стреляли, это жизнь, а не кино, где патроны бесконечны. Лишившись этого преимущества, они умирали один за другим... бесполезно, страшно, больно.

Я тихонько сползла на песок и закрыла глаза.

— Кирен? Открой глаза, найлек, — голос Альдо раздался совсем рядом. — Я... опять напугал тебя?

— Ты же понимаешь... или мы или они, Кирен. Посмотри на меня, пожалуйста.

Он сидел рядом, обхватив себя руками, и смотрел на меня.

— С тобой... с вами, все в порядке? Ты не ранена? — он протянул руку к моему лицу и тут же ее отдернул.

— Альдо? — Трай бесшумно возник рядом. — Там... не все закончено, и нам пора уходить. Дети....

— Да, — Альдо криво улыбнулся и снова протянул ко мне руку. Едва дотронувшись до меня, он сделал шаг назад.

— Идите. Там есть все что нужно — еда, вода. Скоро все закончиться найлек.

И опять бесконечные коридоры, жаркий полумрак, молчаливый Трай, дети, спящие у него на руках и далекие выстрелы за нашей спиной.

Безопасное место оказалось действительно — безопасным. Спрятанная за хитрым поворотом, небольшая комната. Почти без песка и с весело журчащим ручейком, стекавшим по одной из стен в небольшую каменную чашу. С двумя большими деревянными лежанками, застеленными цветными покрывалами, столом и скамейками, заваленными всевозможными свертками.

— Ну вот, — облегченно вздохнул Трай. — Добрались. Располагайтесь.

— Ты же не собираешься уйти? — я с подозрением уставилась на Трая.

— Нет, конечно, — пожал он плечами. — Я за вас отвечаю. Я отойду, недалеко, чтобы вам было свободнее, — он кивнул в сторону воды. — Ты боишься? С вами Миура.

— Нет, конечно. Иди, — я махнула рукой, поворачиваясь к совершенно измученным девочкам.

Полноценного купания у нас не получилось, но песок и усталость смыть удалось. Потом я передела их (в одном из свертков была детская одежда). Накормила. Набросившись на еду, как волчата, девочки очень скоро начали клевать носом и плавно переместились на одну из лежанок. Я вымылась и переделалась сама и мы с Миурой что-то жевали, она с

радостным повизгиванием, а я, совершенно не чувствуя вкуса.

Задремав за столом, не заметила, как вернулся Трай.

— Тебе будет удобнее, если ты ляжешь, — улыбнулся он. — Помочь?

— Сама.

Мне ничего не снилось, как тогда после встречи с тасогами. Поэтому глаза я открывать не спешила, помня о своей запоздалой реакции. Куда я здесь со своей истерикой денусь? Только детей напугаю.

Поэтому я лежала и слушала, как вокруг меня кипит жизнь. Девочки и Миура бегали, смеялись, рычали, чавкали, брызгались водой. Одновременно. Трай молчал.

Никаких неудобств я не испытывала и была готова лежать до бесконечности, но мне не позволили. Вероятно, ребенок уже обладал отцовским характером, пинок изнутри был таким сильным, что меня буквально подбросило.

Все обеспокоенно уставились на меня, даже Миура уселась напротив, склонив набок голову и поставив уши торчком.

— Все хорошо, — улыбнулась я девочкам, и они вернулись к игре.

Феррай, подобралась ближе, положив голову мне на колени, а Трай сел рядом и осторожно взял за руку.

— Что случилось? — тихо спросил он.

— Все хорошо, — повторила я, прислушиваясь к себе. Я не спец, но пинаться ему определенно рано.

— Ты пугаешь меня, Кира. Что с тобой?

И в этот момент он снова толкнулся, я опять подскочила.

— Кира?! — Трай развернул меня к себе и обеспокоенно заглядывал в глаза.

— Все хорошо, просто... он толкнулся, — я положила ладонь Трая себе на живот.

— И не любит меня, так же, как и его отец, — усмехнулся он, ощутив толчок в полной мере.

— Как ты себя чувствуешь?

— Хорошо, — откликнулась я, захваченная новыми ощущениями.

Ребенок перестал быть догадкой, теперь я его чувствовала. Мой ребенок..., мои мысли перескочили на тех, кто навсегда остался в этих песках. Одна тысяча сто тридцать четыре, нет, теперь уже больше. И у всех этих мужчин были матери.... Слезы полились из меня нескончаемым потоком, я просто не могла остановиться, сбита с толку эмоциональной бурей.

— Кира..., милая, — прошептал Трай, обнимая меня. — Что такое?

— Ненавижу, — прошипела я. — Зачем вы убили их... так... там? У них тоже есть матери и... дети. А теперь? Что им скажут?

Он обнял меня еще крепче и впихнул в руки фляжку с водой.

— Успокойся, выпей воды. Тебе вредно волноваться.

Пить было трудно. Из-за моих судорожных вздохов и всхлипов, я больше проливала, чем пила.

— Все хорошо, все хорошо, — мягко уговаривал меня Трай, укачивая, как ребенка.

Когда я немного успокоилась, он сказал:

— Мы — защищались. Они — незваные гости. Ты предпочла бы, чтобы нас пристрелили? Меня и отца твоего ребенка?

— Так нечестно. Вы же знали, что у них не осталось патронов, те выстрелы... вы

вынуждали их стрелять.

— Умница, — похвалил меня Трай. — Но вспомни, нас было двое, а их десять. Все честно.

— Не честно, они же просто люди — обыкновенные люди!

— А вот и нет, — обрадовался он. — Сюда не присылают обыкновенных, Кира.

Я замолчала.

— Как ребенок, честное слово. Поверь, то что произошло не доставляет мне удовольствия, я не ввязываюсь в драки первым, но, если мне угрожают, я поступаю соответственно угрозе.

— А он? Альдо тоже так поступает?

Трай некоторое время молчал, а потом сказал.

— Он всегда действует на опережение, не берет пленных и не оставляет за собой живых врагов. Он считает, что только так все пойдет так, как нужно ему.

Я зябко поежилась.

— Не надо, Киран. Тебе не понять, ты не воин....

— Где уж мне, убогой, — передернула я плечами.

— Эти люди пришли сюда не просто так. Они все кадровые военные, в чине не ниже капитана, между прочим. Профессионалы, которые должны были выполнить свое задание любой ценой. Они, должны были убивать, но умерли сами, достойно сражаясь. Это не мой выбор и не выбор Альдо, — хмуро взглянул на меня Трай. — Это выбор тех, кто их сюда присылает.

— Неужели нельзя договориться? Если бы о вас узнали...

— Как ты думаешь, что произойдет, если человечество узнает правду? Нас распнут, Киран. А тех, кто сумеет этого избежать отдадут на опыты. Люди ненавидят все, что хоть как-то выделяется из общей массы, они так уверены в своей избранности и исключительности, что поголовная мания величия стала нормой. Человек — царь природы. Бред какой-то! Единственная реакция на неизвестное — нападение.

— Разве ты еще не поняла, что мы тут не попадаем ни под какие Гаагские конвенции, мы даже за людей не считаемся и уж военнопленными не будем никогда. У нас тут война и никто не заморачивается над такой ерундой, как права человека или санкции ООН.

— И ты теперь по нашу сторону баррикад, — резко добавил он.

— Нельзя жалеть врагов! Мы на войне, а жалость в бою всегда оборачивается кровью. Всеобщая любовь..., фу! Это же выдумка. Нельзя любить всех! А те, кто так говорит, скорее всего, никого не любят. Ты и сама это знаешь.

— Все сказал? — мне было горько и обидно. За себя и за все человечество. — Отпусти, я хочу встать.

— Ты успокоилась?

— Я успокоилась.

— Вот и хорошо, сейчас ты умоешься, поешь и будешь отдыхать.

— Отдыхать?!

— Если хочешь, можешь рассказать девочкам сказку, — пожал плечами Трай.

— Ты мной командуешь?

— Я тебя направляю.

— Ты не можешь указывать, что мне делать. В Окаторе нельзя приказывать женщинам.

— Конечно нельзя, — согласился со мной Трай. — Но ты упускаешь одну маленькую

деталь, обязанность мужчины делать не то что хочет женщина, а то, что будет лучше для нее. Потому что ее главного предназначения никто не отменял, — и он положил руку на мой живот.

— Я отвечаю за будущее, Киран. Не капризничай и будь хорошей девочкой. Умойся, потом поешь. У нас есть мясо, фрукты, хлеб и... шоколад.

— Ты серьезно?

— Конечно. Не возражай мне, пожалуйста. Я не хочу, чтобы ты навредила себе.

— Ты серьезно?!

— Киран! Что тебе не нравится в том, что я предлагаю?

— Ты предлагаешь то, что я и так бы сделала.

— Тогда зачем мы спорим? Хочешь шоколадку?

Мы долго не разговаривали. Я умылась, поела, скормила шоколадку девчонкам. Помедитировала, глядя на текущую воду, рассказала Пирре и Лике сказку, почесала живот Миуре. Отдыхала вообще, загнав беспокойство подальше, стараясь не думать, что где-то там, в темноте, Альдо «действует на опережение». И еще, меня очень волновали слова полковника, те, что он сказал про Альдо. «Неудачный эксперимент», что это значит?

К нам ненадолго заглянуло солнце, его лучи пробились через толщу песка над нами. Но волшебство очень быстро кончилось, оставив отчаянное желание большего. Еще немного и я не смогу больше выдерживать эту темноту и шорох песка вокруг.

Трай то появлялся, то исчезал. Куда-то убегала Миура, а вернувшись, притащила мне очередное подношение. И это заставило задуматься о том, что тут живет не только та страшная зверюга, но и какая-то мелкая опасная гадость.

Ужинали мы при свете крохотной свечи и как только закончили, Трай сразу же погасил ее.

— Тут безопасно, но рисковать все же не стоит. Свет привлекает излишнее внимание.

Мне не спалось. Тихо сопели девочки, тоненько повизгивала Миура, размеренно дышал Трай.

— Ты спишь? — я свесилась с лежанки, дотронувшись до его груди.

— Тебя что-то беспокоит? — тут же отозвался он.

— Я хотела спросить, Альдо... он кто? Мой ребенок....

— У вас будет красивый и здоровый малыш. Хочешь шоколадку?

— Откуда ты их берешь? — проворчала я, но руки уже сцапали обольстительно пахнущую конфету.

— Я готовился, — хмыкнул Трай.

Ну, а что я могу сделать? Я, конечно, не продам Родину за шоколад, но... все время, что я себя помню, мне всегда хотелось сладкого. Всегда завидовала домашним детям, тому, что им было доступно каждый день. Булочки, конфеты, печеньки снились мне постоянно. Получив первую стипендию, я скупила половину кондитерской....

— Ты знаешь, как называется это место? — спросил Трай.

— Откуда, — пожала я плечами. — В хрониках Бель — Шума этого нет.

— Конечно, нет, — хмыкнул Трай. — Эта огромная куча песка, самый большой секрет Окатора. То, что интересует ваших военных больше, чем все технологии. — До войны на этом месте было очень качественное прикрытие для секретных лабораторий. Какой-то санаторий или лечебница, рядом было море. И приказ на уничтожение всего комплекса был отдан в первые минуты после начала конфликта. Но что-то пошло не так и взрыв полностью

разрушил наземные постройки и часть подземных уровней, заблокировав все остальное. Ученых, оборудование, опытные образцы. То над чем здесь работали..., - Трай вздохнул.

— Ты знаешь, что такое евгеника?

— Ну..., примерно, — прошептала я.

— Тут создавали сильное, быстрое и агрессивное существо, способное приспособиться к любым условиям существования, неуязвимое. Бога Войны. Совершенство.

Трай замолчал, а я не решалась настаивать. От нехорошего предчувствия внутри все свело судорогой.

— А совершенство всегда предполагает красоту, — неожиданно рассмеялся Трай. — Жутковато получилось, но кто знает, какие цели были у его создателей. Он полон обаяния, когда не убивает, правда?

— Не поняла, — я села, не в силах осмыслить то, что мне только что сказал Трай.

— Что именно ты не поняла?

— Ты говорил о нем? Альдо... мутант?

— Альдо? — в его голосе прозвучала некоторая неуверенность, — Он генетически оптимизированная особь, способная выжить в условиях агрессивной среды обитания. Ускоренная в разы регенерация, невыразимо высокий болевой порог, обостренная интуиция, потрясающая психокинетика, умение убивать быстро и беспощадно и испытывать радость от этого.

Трай на минуту замолчал, а потом спросил:

— Мне продолжать?

— Да.

— Идеальный убийца. Беспрекословно подчиняющаяся лидеру безэмоциональная машина смерти. Мечта любого военного во все времена, разве нет?

— Окатору повезло, что, выбравшись из этой могилы, такие как Альдо стали защитниками уцелевших. Вероятно, уничтожение лабораторий и скитания по радиоактивной пустыне сбили что-то в их настройках. Машина для убийства переключилась в режим защиты и передала эту установку своим потомкам. А может, работа по их созданию не была закончена? — я почти увидела, как Трай пожал плечами.

— Достаточно намек на угрозу для тех, кого они защищают, и они впадают в состояние неконтролируемой ярости, уничтожая все вокруг, чаще всего с неоправданной жестокостью, — задумчиво пробормотал он.

— Это передается? — запинаясь, спросила я. — Мой ребенок будет таким же?

— Если родится мальчик, то да. Он возьмет от Альдо все: силу, выносливость, скорость, острый ум, способность выживать. Ну и все остальное.

— Остальное?

— Гипертрофированное самолюбие, непробиваемую наглость, исключительную внешность. Ну и дальше по списку. То есть будет настоящим саваром и следующим эр-рехом, — усмехнулся Трай, а я вздрогнула.

— Савары признают над собой только таких. Безжалостных и жестких. Лучший охотник, лучший боец, лучший воин. Лидер, альфа — понимай, как хочешь.

— Это как-то... по-звериному.

— Никто не пойдет за слабым или нерешительным. Брать на себя ответственность за кого-то кроме себя, в Окаторе может только самый сильный. Для того, чтобы те, кто слабее выжили, изменились сами и изменили мир вокруг себя. Это не так уж плохо, согласна?

— Но отец Альдо..., - начала я.

— Шарухин был больным и глубоко несчастным человеком, Кира. Сейчас не время и не место говорить об этом, но когда-нибудь..., - Трай вздохнул.

— С Альдо такого не случится, поверь. У него есть ты. Сила для слабости, слабость для силы — настоящее сокровище..., а савары никогда и не при каких условиях не расстаются со своими сокровищами.

— Я не расстроил тебя своим рассказом? — теплая ладонь накрыла мою.

— Не знаю, — осторожно ответила я.

— Он меня прикончит, — обреченно выдохнул Трай.

— Почему? — машинально спросила я, думая о том, что мое отношение к Альдо совершенно не изменилось. Я не узнала ничего нового. Я и так знала, что он... не человек.

— Потому что я разрушил твои иллюзии, Киран.

— У меня не было иллюзий в отношении Альдо. Ты просто подтвердил мои подозрения. Но нужна ли я ему сама по себе? Не потомок Гало, не мать наследника, а просто я — Кира? Чаще всего он ведет себя так, словно ему наплевать на всех и на меня в том числе.

— Ты не права. Ему просто очень трудно справиться с собой. Я думаю, что он каждый раз преодолевает себя. Ему трудно дается... общение. Он готов защитить тебя от всего на свете и от себя в том числе.

— Типичный пример мужской солидарности, — пробормотала я.

— Ты не права.

— Почему? Объясни.

— Я могу только догадываться.

— Ну?

— Все дело в клятве, которую дал Кадарго.

— Издеваешься?

— Нет. Ты же хотела, чтобы я объяснил? — недовольно отозвался Трай. — Все дело в этой чертовой клятве, понимаешь! Это не просто обещание, это целый свод правил и ограничений! Никто же не предполагал, что твоя прабабка спрячется настолько хорошо! — он раздражался все больше.

— «Пока на камни Суфраэля не ступит нога дочери Тангара, у эр-реха не будет ничего кроме оружия, которым он сражается», — продекламировал Трай.

— А если Савар дал слово, то или сдержит его или умрет, — с грустью добавил он.

— Ничего, значит ничего, Кира. Ни дома, ни семьи, ни привязанностей, ни клочка ткани, ни черепка — ничего. Альдо жил в казарме, ел из общего котла, имея в собственности только ножи. Те комнаты во дворце твои. Ты в любой момент могла выгнать его и выгоняла, вспомни! У него вообще ничего не было, только обязанности и ответственность. Он защищает свое как умеет.

— Защищает? — я совершенно потерялась после этих слов.

— Когда он ворвался ночью в наш лагерь и обнаружил, что мы не тасоги, у него была истерика. Ты представляешь, что это значит? А когда мы вернулись, и тебя не оказалось в лагере, он запаниковал... Это было страшно Кира, очень страшно, — вздохнул Трай. — Жаль, конечно, что в таком состоянии он наткнулся на нас, а не на полковника.

— Что скажешь?

— Не знаю, — пробормотала я. — Я не уверена в нем, я..., - но он не дал мне

договорить, схватил за руку и язвительно поинтересовался.

— А в себе ты уверена?

— Не знаю....

Сейчас я была совершенно сбита с толку, слишком многое я узнала. Если сейчас здесь появится Альдо... не знаю.... может, разорву его на кусочки, а может, обниму....

— Вот видишь, у тебя есть выбор..., - правильно расценил мое молчание Трай

— Выбор? — возмутилась я. — У меня его никогда не было. С той минуты, как я увидела Альдо, я себе не принадлежу. Я, наверное, сошла с ума от жары. Почему меня тянет к человеку, нет, монстру, который меня до чертиков бесит и обращается со мной по-свински? А когда эта озабоченная обаяшка меня домогается, и я уступаю, он срывается и уходит, не говоря ни слова, как будто это я вешаюсь ему на шею. У него нет сердца!

— Есть, просто он не хочет, чтобы об этом знали.

— Тогда почему он обнимает меня, а потом делает вид, что мы незнакомы? Он игнорирует меня, Трай! А потом, начинает осыпать комплиментами и улыбаться. Он не уважает меня, считает безмозглой идиоткой, не способной ступить и шагу, чтобы не вляпаться в какое-нибудь дерьмо..., - я резко замолчала, а Трай многозначительно вздохнул.

— И ты туда же? — возмутилась я, и он вздохнул снова.

Я всхлипнула, я хочу... я хочу, чтобы Альдо был здесь! Немедленно, сейчас, сию минуту!

— Все уладится, Киран, — вздохнул Трай.

— Мне его не хватает! Я сошла с ума? — жалобно спросила я.

— У Альдо кошмарный характер..., - начал он, но я снова перебила его.

— Самое плохое, что я оживаю, когда он рядом. Мне вообще кажется, что до него я не жила, просто существовала. Вся прошлая жизнь, как в тумане! Мне так хочется, чтобы он заметил меня, похвалил... хотя бы раз. И не язвил при этом. Мне хочется быть уверенной в том, что я ему важна сама по себе, что я нравлюсь ему хотя бы немного.

— И в этом все дело? — почти задохнулся от смеха Трай. — Неужели ты могла подумать, что Альдо признается тебе в любви, встав на одно колено с букетом в руках? Господи, Кира, ну нельзя же быть такой глупенькой! Забудь об этом, это же Савар! Он никогда не скажет об этом прямо. Это не серьезно.

— Ты такой же, как он, — я резко оттолкнула его руку. — Я что, должна биться головой о стену, чтобы привлечь к себе его внимание? Я не собираюсь выдавливать из него человеческое отношение по каплям. Не такой уж он неотразимый и кроме него есть на кого посмотреть. Мне нужен мужчина с нормальными чувствами и это серьезно.

— Серьезно, когда мужчина уходит в ночь, чтобы защитить любимую женщину. Серьезно, когда две маленькие девочки оказываются в песчаной ловушке. А когда несколько слов не произнесены, потому что все и так ясно — это, абсолютно не серьезно! — неожиданно рывкнул Трай.

— Так я еще и сама виновата! Замечательно! Давай, развивай мысль дальше! Я специально залезла в эту чертову яму вместе с детьми и от нечего делать позвала тасогов, для полного счастья! — зашипела я. — И нечего орать, девчонок разбудишь!

Трай застонал и привлек меня к себе.

— Киран, только честно, ты когда-нибудь показывала ему, как он дорог тебе? Говорила с ним об этом? Если ты все время будешь злиться на него, как ты узнаешь, что он чувствует?

— Ничего он не чувствует!

— Для тебя это так важно? Слова? Я больше чем уверен, что он говорил тебе это не раз..., но по-своему. Он стал другим, поверь мне. Альдо очень изменился, исключительно ради тебя, Киран. Он помнит о тебе каждую мелочь. Дурочка, он же все время смотрит на тебя, ищет взглядом, старается коснуться. Он любит тебя. Все это видят, только ты этого не понимаешь. Кира, он панически боится тебя потерять.

— К тому же он патологически ревнив, — хмыкнул Трай. — Могу поспорить, он уже придумал себе... всякого. Придет, и будет меня убивать, — Тангар уже не хихикал, а откровенно ржал.

Что смешного? К чему эта ревность? Трай же мой брат..., вроде? И оба исключительно привлекательны. Появись они у нас за ними бегали бы толпы поклонниц. А еще рекламщики. Я представила Трая в рекламе... пустая дорога, Харлей и Тангар в узких голубых джинсах, держит в руках.... А неважно, что он держит! Хоть пачку маргарина. Эффект был бы одинаково убойным. Трай был воплощением мужественности, а у Альдо она была усилена жесткостью и запредельной самоуверенностью. Так что Савар не стал бы рекламировать маргарин. Я даже улыбнулась, воображая, что бы он сделал в ответ на такое предложение.

— Это глупо, — фыркнула я. — К кому меня ревновать? Никто на меня не смотрит.

— Ты на комплименты напрашиваешься?

— Да ладно, мужики всегда предпочитали длинноногих блондинок, рыжих секси и томных брюнеток. А я ни то, ни другое, ни третье — невзрачна и незаметна. И все комплименты по необходимости... из-за Договора, ну или там гормоны. «Иметь и удержать» тоже подходит.

— Хочешь честно, — Трай усмехнулся. — Только давай договоримся, что ты больше не будешь воображать ненужное.

— Кого я вижу перед собой? Девушку. Средний рост, приятная фигура, я бы даже сказал уютная. Очень нежная кожа. Чудесные волосы....

— Не красавица, — вздохнул Трай и слегка сжал мне руку. — Но в тебе есть что-то такое..., как ты ходишь, как говоришь, как улыбаешься..., это заставляет оборачиваться тебе вслед. Смотреть на тебя, все равно, что смотреть на закат в горах, на море или на облака. Выражение твоего лица постоянно меняется, это завораживает. К тому же, у тебя волшебные глаза.

Это было очень приятно, таких красивых слов мне никто никогда не говорил, но я все же буркнула:

— Ага, рыбки. Все гораздо проще, влечение, гормоны или долг, он же должен заботиться о своей собственности?

— Ты так считаешь? Всего лишь влечение? Гормоны? Долг? Чувство собственности? Вероятно, они заставляют Альдо сдерживать свою натуру рядом с тобой или впадать в неистовство, если есть хоть малейший намек на опасность. Или мучится сомнениями от того что он ненароком мог обидеть тебя! Я и представить себе не мог, что Савар на это способен! Мне не всегда по вкусу его методы, но как мужчина, я его понимаю и сочувствую. С тех пор как ты появилась в Суфраэле, Альдо превратился в законченного неврастеника. Хотя, поступай, как хочешь. Ты даже можешь вернуться, и чем черт не шутит, остаться в живых. Выйти замуж, родить детей, а потом всю жизнь мучится от того что не поверила самой себе, испугалась..., - раздраженно закончил Трай.

— Конечно, я сама во всем виновата.

— Ты не виновата, ты боишься. Так же, как и он. Ты хочешь верить ему, но боишься стать зависимой, что не удивительно. Близкие тебе люди...

— Мне не нужен сеанс психоанализа! — резко оборвала я его.

Трай замолчал, надолго. А мне стало стыдно, он нянчится со мной, вытирает мне сопли, утешает, объясняет, заботится, не говоря уже о спасении жизни. А я..., дура!

— Извини, — я тихонько сползла с лежанки и села с ним рядом. — Извини.

— Все хорошо, Киран. Я не в обиде. Я понимаю. Может, хватит разговоров? Поспишь? — ласково спросил Трай.

Вот почему Альдо так не может?

— А ты?

— Я не могу, моя очередь вас охранять. Миура ушла охотиться.

— Тогда, — я придвинулась ближе, удобнее устраивая голову у него на плече. — Расскажи мне.

— Об Альдо? — тяжело вздохнул он.

— Нет, о себе. Об Окаторе. Обо всем.

Трай еще раз вздохнул.

— Помнишь, ты нас подслушала?

— Угу.

— Савар настаивал на прекращении контактов с людьми, но на той стороне много наших. Мне нужно было предупредить их. И... Альдо был прав, я слишком увлекся дипломатией. Я даже представить не мог, что кто-то может оказаться предателем. Меня ждали, и я..., я вынужден был скрываться, — он слегка вздрогнул, было ясно, как ему неприятно говорить об этом.

Еще бы, он наверняка считал это унижительным! Трайтелар Тангар, лорд Рейвен, Ускользящий-в-Ночь, прятался! Я расскажу это Альдо, он и думать забудет о своей ревности. Хорошо, что тут темно и Трай не видит моей улыбки.... Господи, о чем я думаю? Что я думаю!? Я что, савар?

— Мне нужно было вернуться как можно скорее, я знал, что вас... тебя, не оставят в покое. Я волновался, — он вздохнул, его рука сжалась на моем плече.

— Одна ночь, я должен был переждать всего одну ночь. Я и представить себе не мог, что в той гнусной дыре может появиться такая как она....

— О! — оживилась я. — Ты наверняка ей понравился....

— Она не для меня, Киран, — быстро перебил он меня. — Никаких шансов. Она, как мед и молоко. Не для меня. Не обижайся, но я даже рад всему этому. Если я сегодня умру, то это будет избавлением, понимаешь?

— Не надо, не веди себя так..., - быстро заговорила я.

— Скажи, как узнать, что полюбил? — неожиданно спросил Трай. — Что ты должен чувствовать?

— Ну не знаю, — осторожно ответила я. — Наверно тот, кто полюбил должен радоваться, — пробормотала я, изо всех сил стараясь не заплакать. В последнее время я постоянно «радуюсь».

— Я чувствую боль, — выдохнул Трай. — Невозможно забыть, невозможно быть вместе. Похоже на смерть....

— Трай, зачем ты так...

— Ты когда-нибудь хотела чего-то очень сильно? Настолько сильно, что это желание

сводило с ума?

— Нет, — тихо сказала я и почувствовала, что краснею, Трай хмыкнул.

— Это несправедливо! — со злостью прошептал он. — Я видел, я держал ее в руках, я говорил с ней и оставил ее. Должен был. Это совершенно безвыходное положение, — тяжело вздохнул он.

— Неправда! Я читала о всяких ваших чудесах, магии...

— Магия?! — оборвал он меня. — Недоступные человеку технологии, легко принять за волшебство. А законы природы изменить никому не под силу. Прости Кира, но я не могу больше об этом говорить. Совсем.

— Спи.

Трай обнял меня за плечи и привлек к себе. Как мало, оказывается нужно, чтобы почувствовать себя небезразличной кому-то и защищенной. Почему Альдо не может сделать так же? Неужели это так трудно?

Я уткнулась носом в его грудь и всхлипнула.

— Не реви, — Трай приподнял мое лицо и легонько поцеловал в нос.

— Тангар! — голос Альдо был очень тихим и спокойным. Трай вздрогнул и быстро отодвинулся от меня.

Савар стоял у входа, держа в руке фонарь вполне современного вида, и внимательно смотрел на мое зареванное лицо. Потом перевел взгляд на девчонок, сонно таращившихся на свет, а потом уставился на Трая тяжелым немигающим взглядом.

— О, Альдо! Ты как всегда на высоте, я не ожидал тебя так скоро, — с наигранной радостью пробормотал Тангар, стараясь отодвинуться от меня как можно дальше.

— А ты сомневался? — с каждым словом Савара температура в душном подzemелье опускалась на несколько градусов, и когда он замолчал, я почти замерзла.

— У тебя было достаточно времени, чтобы подумать над моими словами, ведь так? — Альдо подошел ближе.

— Поднимайтесь, — мягко сказал он детям, — Вас ждет Миура.

Он очень осторожно обнял девочек и передал их Хоранду.

— Альдо, все не так, я никогда не позволил бы себе..., — Трай моргнул и отступил от меня еще на шаг.

— «Никогда» — это слово, греет мне сердце, — выдохнул Савар и замолчал.

— Я не совсем понимаю тебя, — обеспокоенно провожая глазами Хоранда и детей, пробормотал Трай. — Мои отношения с Киран...

— Закончены. — Альдо подошел совсем близко, и протянув мне руку, заставил встать.

— Мне очень хочется нарисовать тебе еще одну милую улыбку. Можно начать вот отсюда и закончить вот здесь, — широкое лезвие скользнуло по шее Тангара, оставляя за собой пунктир из мелких капелек крови.

— Ты посягнул на то, что тебе не принадлежит, — голос Альдо звучал удивительно спокойно, это пугало.

— Прекрати, — я попыталась вклинить между ними. — Трай спас нам жизнь. Неужели тебе так трудно проявить понимание? Твоя глупая ревность уже достала! Ты ведешь себя, как бесчувственная скотина, а я не железная! Все что мне нужно — капля утешения...

— Утешения? — Альдо дернул плечом и его нож переместился вниз, остановившись у Трая под подбородком. — Он, значит, тебя утеша-а-ал? — он высокомерно улыбнулся и сделал шаг назад.

— Вот именно, Трай, в отличие от тебя...

— Если ты еще раз произнесешь это имя, я тебя задушю! — это было сказано с такой решительной свирепостью, что я отшатнулась от него.

— Боишься? — мерзко усмехнулся Альдо. — Правильно делаешь.

— Не глупи Альдо, — наклонив голову, тихо сказал Трай. — Она моя сестра.

— Она моя ноэль!

— Как мне это надоело! — оскалился Тангар и совершенно неожиданно схватил меня за плечи и поцеловал. Поцелуй был далеко не братский, но ничего кроме удивления не вызвал.

— Вот, я сделал это, — хмыкнул Трай, отпуская меня. — Что теперь?

— Замечательно, — кивнул Альдо. Трай улыбнулся и повторил его жест.

Они дрались... красиво. Совсем не так как в фильмах или книгах, без слов и лишних

движений, без всяких этих отвлекающих финтов и позерства. Тяжело и насмерть. Мне казалось, что я чувствую витающее в воздухе желание убийства, подобная скорость и сила были для меня непостижимы. И Альдо побеждал, не потому что был сильнее, он был безжалостнее. Не к противнику, а к самому себе. Савар был солдатом и убийцей, а Трай дипломатом и он сдерживался. Им нельзя было враждовать, им нужно было объединяться.

То, что я сделала, умным назвать было нельзя. Каким-то чудом я сумела втиснуться между ними, не напоровшись на кулак или лезвие. Драка тут же прекратилась, и вся их злость обрушилась на меня. Я узнала очень много нового и неприятного о своей скромной особе. Они орали на меня в две глотки трогательно солидарные друг с другом.

— Эй! Послушайте меня! — завопила я так громко, что с потолка посыпался песок.

— Я что, кость? Хватит! Вы два придурка! Я не хочу, чтобы вы дрались из-за меня.

Трай хмыкнул и пожал плечами, а на лице Савара четко проступила гримаса отвращения.

— Киран, — Трай вздохнул. — Ты несколько поспешила с выводами, ты....

— Дура, — оскалился Альдо. — Какой смысл драться, если ты уже выбрала?

— Никогда больше не делай так, — с каждым словом он злился все больше. — Какого черта ты влезашь, куда тебя не просят? — прошипел он, прищурившись.

— Ты понимаешь, что ты сделала? Ты понимаешь это своими куриными мозгами? Ты могла умереть несколько раз! Ты могла умереть, и с тобой умер бы ребенок! Ты безответственная, эгоистичная, глупая баба! Ты представляешь, что я чувствовал, когда не нашел тебя в лагере? А что я думал, когда увидел засыпанный песком уровень? Но этого тебе было мало и вместо того, чтобы тихо сидеть и ждать помощи, ты полезла в змеиное гнездо! Ты рисковала жизнью, которая тебе больше не принадлежит! Ты можешь понять это? — он несколько раз встряхнул меня.

Оттолкнув меня, Альдо повернулся к Траю и, положив руку на нож, сказал.

— Ты мне не нравишься, Тангар. Но клянусь кровью и жизнью, что тебе не причинят вреда на земле Суфраэля.

Тангар безразлично пожал плечами, сплевывая кровь, а проходя мимо Альдо, намеренно задел его плечом. Лицо Савара исказила гримаса, но он остался на месте.

— Кирен!? Ты что пустила там корни? — рявкнул он. — Идем.

Я себя отвратительно чувствовала. Меня только что отчитали, как ребенка! К тому же... я дура, вообразившая о себе невесть что. Было стыдно, и больно, и грустно, и обидно.

— Иди вперед, — надеюсь, я сказала это достаточно твердо

Альдо молча двинулся, а я за ним, судорожно вытирая слезы, которые никак не хотели останавливаться.

Он не станет меня утешать. Он может убить мимоходом, запугать до смерти или заниматься любовью как одержимый. Но утешать!? Это определенно не его стихия.

В конце концов, я смогла с собой справиться и совершенно чужим, каркающим голосом, спросила:

— Где дети?

— Наверху, — резкий ответ Альдо, не располагал к дальнейшим вопросам. — Выпей воды, — он, не оборачиваясь, на ходу, протянул мне фляжку.

Кто-то сказал, что нужно находить удовольствие во всем, иначе жизнь теряет смысл.

Особенно когда кто-то пытается тебя убить. И тогда можно посмеяться над трупами врагов. Но смеяться мне не хотелось, потому что мертвых тасогов было так много, что Альдо буркнув: «Закрой глаза!», переносил меня через них.

— Надеюсь, девочки этого не видели? — пробормотала я.

— Не волнуйтесь, ноэль, — Ахлат легко дотронулся до моей руки. — Они уже наверху, в безопасности.

— Это так безжалостно, — вздохнула я, после очередного коридора, почти полностью заполненного трупами.

— Вам жаль их? — спросил Ахлат.

— Я понимаю, почему их убили, но мне это не нравится. Неужели тут нельзя по-другому?

— Не только здесь, Цветочек, — снизошел до меня Савар. — Мы не держим монополию на убийство. Люди постоянно делают это.

— У нас этого гораздо меньше.

— Правда? — он засмеялся, и вслед за ним начали смеяться все вокруг.

— Не обольщайся, жизнь несправедлива в любом из миров.

— Они животные, — согласно кивнул Ахлат. — А вы, смотрите на них как на людей, это неправильно.

— Эр-рех не делал ничего такого, чего ты не видела бы раньше, — пожал плечами Трай.

Альдо тут же наградил его тычком в спину, надо полагать одобрительным.

— А другие? Полковник? — осторожно спросила я.

Мне никто не ответил, но улыбка Савара лишила меня всех иллюзий.

— Это ужасно.

— Замолчи! — оскалился Альдо. — Больше никогда не смей говорить мне, что нужно прощать своих врагов. Они враги! Я не звал их сюда, их никто не заставлял нападать. И они пришли не просто шпионить, они пришли грабить и убивать.

— Это не нормально!

— Ты в курсе, что норма это нечто посредственное? А я, не желаю быть посредственным, — сообщил мне Альдо, вновь поднимая меня на руки, чтобы перенести через заваленный трупами коридор. — Закрой глаза.

Путь наверх был очень долгим, неужели мы так глубоко забрались? Или Альдо специально водит меня кругами, чтобы я, так сказать, осознала. Погрузившись в свои невеселые мысли, я перестала смотреть себе под ноги и споткнулась обо что-то мокрое и холодное.

Я испуганно ойкнула и мужчины вокруг меня мгновенно среагировали. Альдо задвинул меня себе за спину, встряхнув руками, в которых мгновенно очутились ножи. Трай немного наклонившись вперед, выглядел обманчиво расслабленным, а Талив и Ахлат разом шагнули в стороны, освобождая себе место для маневра.

Постояв немного за спиной Альдо, я дотронулась до его руки.

Кожа на ладони была грубой, с характерными мозолями. Странно, а ведь когда он прикасается ко мне, кажется, что его руки нежнее бархата.

— Я просто споткнулась, — вздохнула я.

— Тебе не противно? — глухо отозвался Альдо.

— Что?

— Дотрагиваться до меня.

— Ахлат, ты не мог бы проводить меня навверх? — тихо попросила я.

— Не мог бы, — тут же отозвался Альдо. — Вперед, — отрывисто приказал он и все послушно пошли вперед, ни разу не оглянувшись. Все кроме нас двоих.

Альдо стоял рядом, невидящим взглядом смотрел вслед Тангару и машинально поглаживал шрамы на своей руке.

— Идем.

— Ты меня ненавидишь? — через некоторое время сказал он.

— Нет.

— Ты злишься?

— Нет.

— Лучше злиться, чем бояться, найлек. Глупо жить в страхе.

— Я не дура.

— Конечно, нет. И мы уже говорили об этом. Ты вроде поняла. Остайся со мной. Я... боюсь, что ты уйдешь.

— А ты отпустишь?

— Не могу. Живым не могу. Хочешь, чтобы я умер? Я... не человек, Кирен, но рядом с тобой я... Ты не боишься. Остайся. Хочешь, я вырву тасогов с корнем?

— Ты так понравиться мне хочешь? — хмыкнула я, и он возмущенно засопел.

— Не переживай, ты сделал все чтобы я не смогла уйти.

— Но ты можешь попытаться..., не уходи.

— Почему нет? Наверно потому, что кроме всего прочего, я, еще один повод от души врезать Тангару! О, это конечно все меняет! — съязвила я.

Альдо молчал. Когда мы в пятый раз прошли мимо брошенной кем-то из девчонок конфетной обертки, мое терпение лопнуло.

— Отвечай!

— Зачем? Ты сама знаешь ответ.

— Ты жестокий и безжалостный.

— Это зависит от обстоятельств.

— Я хочу, чтобы ты ответил. Мне хочется верить, что тебе не все равно то, как я к тебе отношусь, так что лучше ответь.

Альдо так неожиданно остановился, что я врезалась в него. Осторожно обняв меня, он зашептал мне на ухо.

— Что мне сказать? Подскажи мне. Нужно просто сказать, что ты хочешь. Да, я может быть слишком... и... много чего еще, придумай сама, ты же баллер! Но не с тобой. Хочешь, я буду белым и пушистым? Как захочешь, как скажешь... только останься!

— Белым и пушистым? — усмехнулась я. — Замечательная идея!

— Я... не могу, — после недолгого раздумья ответил Альдо.

— А ты попробуй.

— Тогда мне придется убить тасогов, песчаников, змей, вообще всех, кто представляет хотя бы малейшую опасность для тебя. Мне придется уничтожить их всех, всех до одного, — ожесточенно повторял Альдо.

— Это жестоко...

— Это не жестокость, а тактическая необходимость, — неожиданно взорвался он.

— Быть добрым можно только тогда, когда все твои враги мертвы и похоронены. Иначе они вернуться, и перережут тебе горло.

Он легко дотронулся до моего лица, вынуждая меня поднять голову и посмотреть ему в глаза.

— Если бы ты знала, как мне плохо... без тебя.

У меня перехватило дыхание. Что это? Признание? Он смотрел на меня до тех пор, пока я не покраснела.

— Ты не можешь винить себя за это, — вздохнула я. — Ты защищался.

— Мне не нравится убивать, Кира. Но я не могу допустить, чтобы пострадали те, кто от меня зависит. В первую очередь ты и... дети.

— Я обязан оберегать тебя, вас, — его ладонь легла мне на живот.

Мне стало совсем плохо, я хотела кричать от разочарования и ярости, рыдать и биться головой о стену. Теперь я не только «собственность», а вдобавок еще и «обязанность»! Неужели я прошу слишком многого? И никогда не услышу от него заветных слов? Где справедливость....

— Ты невыносим, — почти простонала я, но его руки были такими теплыми....

А объятия такими успокаивающими и мне показалось, что я укрыта от всего мира. Спасена рыцарем в сверкающих доспехах, и именно он уничтожит мой страх и печаль. Да что там, мне нравилось, когда он обнимал меня. Мне нравилось чувствовать себя совершенно беззащитной перед ним. Нравилось, как он держит меня, нравилось слушать, как бьется его сердце.

— Нам нужно идти, — Альдо отстранился и, взяв за руку, повел за собой.

Чем ближе мы подходили к выходу на поверхность, тем больше следов недавней драки я видела, и тем больше Альдо мне улыбался. Милая, сладкая, невинная улыбка. Пробираясь между трупов со мной на руках, он рассуждал о мирных способах урегулирования всевозможных конфликтов. А когда мы, наконец, выбрались из развалин, он нежно поцеловал меня с довольной гримасой на лице. Лжец!

— Лжец, — фыркнула я.

— Я?

У него был такой удивленный вид, что я меня начал разбирать смех.

Альдо дернул плечом и печально вздохнул.

— Тебе смешно?

И тут меня прорвало, я начала смеяться все громче и громче, не в состоянии остановиться. Это было похоже на истерику, но на самом деле я освобождалась. Со смехом уходило все, что накопилось внутри меня за это время, оставляя за собой ощущение легкости и свободы.

Я смеялась, когда меня целовала зареванная Нури и осунувшаяся, похудевшая Тамила. Неловко пожимал руку Рави, слюнявил растолкавший всех Голубое Облако, отвешивали церемонные поклоны капитаны Тангара.

Потом прибежали девочки — отмытые от песка, чистенькие причёсанные и я перестала смеяться. Даже в сарае у Преподобного они выглядели гораздо лучше, и мой смех плавно перетек в судорожные всхлипывания. Потом вокруг все как-то странно задвигалось, и я почему-то оказалась в палатке, где вкусно пахло травами, и было очень много воды.

Полумрак вокруг меня был наполнен привычными звуками и запахами. И мне показалось, что ничего не было. Мое признание, неожиданная реакция Альдо, девочки, подземелье, песок, тасоги.... Все это сон, кошмар, а теперь я проснулась.

— Ноэль? — в палатку осторожно проскользнула Нури. — Как ты себя чувствуешь?

— Это был не сон, да? — усмехнулась я, и она со вздохом наклонила голову.

— Все хорошо? — спросила она и взяла меня за руку.

— Все хорошо, — кивнула я. — Где девочки?

— Ужинают, — улыбнулась Нури. — Тебе тоже нужно поесть, идем, — она потянула меня за собой.

Девчонки не ужинали. Перебивая друг друга, они рассказывали, а собравшиеся вокруг взрослые (сплошь обвешанные оружием серьезные дядьки) слушали их, раскрыв рот.

— И давно они так?

Нури засмеялась.

— Это уже четвертый вариант. С каждым разом ваши приключения обрастают все новыми героическими подробностями.

— А где Альдо?

— Они там, — она кивнула в сторону стоящей на отшибе палатки. — Эр-рех, мой отец, лорд Рейвен и его капитаны.

— Не ходи туда, — Нури сжала мою руку. — Они просили не беспокоить. Мужчинам нужно иногда побыть одним.

Я не возражала и послушно пошла с Нури. У костра было несколько незнакомых лиц.

— Они из Тулута, — шепнула мне Тамила.

— Который из них твой? — так же шепотом спросила я.

— Никто, — обиженно протянула она. — Он не может покинуть крепость.

— Прости, — я обняла ее. — Если бы не я, сегодняшней вечер ты провела бы вместе с мужем. Прости.

— Ты не причем, — прошипела Нури, сидящая справа от меня.

— Это все они, — ее палец указывал куда-то в темноту.

— Они?

— Выползли на закате, — поджала губы Тамила. — Полковник и еще двое.

— Я хочу их увидеть.

— Не стоит ноэль, — быстро заговорила Нури. — Ты, что внизу на них не насмотрелась?

— Я хочу их увидеть.

Пленных было трое. Полковник, потрепанный, осунувшийся, с черными кругами вокруг глаз, но совершенно целый, без единой царапины. Бледный, как смерть парень с синяком в пол — лица и хмурый крепыш, с замотанной в окровавленные тряпки головой, руки у всех троих были связаны.

После нескольких минут разглядывания этой безрадостной картины, я сказала:

— Их нужно напоить и оказать медицинскую помощь.

— Нет, ноэль, — Хоранд хмуро взглянул на меня и тут же отвернулся.

— Пожалуйста.

— Вам не место здесь, ноэль. Идите отдыхать, мы выдвигаемся с рассветом.

— Они могут не дожить до рассвета, Хоранд.

— В таком случае им очень повезет.

— Хоранд.

— Ноэль, я ничего не буду делать без приказа эр-реха. Вам здесь не место, — он снова

отвернулся, давая понять, что разговор окончен.

— Проводи меня к эр-реху, Нури, — гипнотизируя загорелую спину, прошипела я. — Сейчас же.

— Удачи, — не оборачиваясь, хмыкнул Хоранд.

Нури остановилась за несколько метров до командирской палатки.

— Дальше я не пойду. Там мой отец и он меня точно выпорет, если я влезу в их разговор. И тебе там тоже нечего делать, ноэль.

Внутри было подозрительно тихо. Заснули они там, что-ли? Я осторожно отогнула полог.

— Ну, привет, твое величество, — усмехнулся мне один из капитанов Трая. — Видишь, уработались мужики.

— Торвальд? — взвизгнула я, осознав, что он говорит по — русски.

— Не шуми, величество. Чего там такого срочного у тебя?

— Пленные...

— Пленные, — вскинулся Торвальд. — Ну, пойдем, посмотрим, что за пленные.

Легко поднявшись, он скинул с плеч куртку. И увидев, куда я смотрю, усмехнулся.

— Ты прости, величество, если планы какие поломал. Так совпало, праздник у меня.

— Праздник?

— Сама понимаешь, грех не выпить в такой день.

Глядя на обтянутую тельняшкой мощную фигуру, я молча кивнула.

Пока я бегала по лагерю туда- сюда все улеглись. Большой костер, около которого сидела шумная компания, почти прогорел, факелы горели каким-то слабым, приглушенным светом.

— А где все? — дотронулась я до руки, шагающего впереди Торвальда.

— Спят.

— А... часовые? — испугалась я, на секунду вообразив, что в лагере бодрствуем только мы вдвоем. А если снова тасоги?

— А ты думала, что они у костра будут сидеть? Не дрейфь, ни одна падла к лагерю не подберется.

— Как скажешь, — кивнула я.

— Эх, величество, дошло, значит!? Ну и ладно, лучше поздно, чем никогда.

Хоранд скривился, когда мы подошли. Кивнул головой, приглашая Торвальда к разговору. Без меня естественно.

— Стой здесь, величество, — буркнул мне капитан и, прищурившись, добавил. — А то выпорю.

Услышав это Хоранд радостно оскалился, а я не удержалась и показала ему язык.

— Как дети, честное слово..., - проворчал Торвальд.

Я не прислушивалась к тому, о чем говорят мужчины, я смотрела на пленных. Плевать на полковника, но тем двоим определенно нужна помощь. Увидев, что один из них начал заваливаться на бок, я кинулась вперед и была тут же схвачена за шкуру.

— Ты куда собралась? — рыкнул Торвальд и задницу ожег довольно чувствительный шлепок.

— Не будь такой наивной, величество. Он же ваньку валяет, ты ему помогать полезешь,

а он шею тебе свернет.

— Ты сволочь, Торвальд. Они же раненные!

— Который? Тот, что Щорса изображает или немощной барышней прикидывается? — встряхнул он меня.

— Проверь их, Хоранд, а я послежу, — приказал он и брат Нури скользнул вперед.

Мгновение и мне под ноги упала перепиленная о камень веревка.

— Что скажешь, Мать Тереза? — прошипел Торвальд, и я заработала еще один шлепок.

— Вероятно, гости не довольны, — крикнул он Хоранду. — Прояви уважение, сынок, покажи им, как сильно мы рады их видеть.

Хоранд справился очень быстро.

— Ай, молодец, — восхитился бугай в тельняшке, вцепившийся в мою руку.

— Классный способ, — просветил он меня. — Я показал. Теперь дергаться не будут.

— Почему? — машинально спросила я.

— Потому что данный способ фиксации не позволяет объекту двигаться. Любое его движение приводит к более сильному удушению, — четко отработовал Хоранд.

— Я же говорю, молодец! Сменишься, приходи, у меня праздник сегодня, — улыбнулся Торвальд и потянул меня в лагерь.

Запихнув меня в палатку и велев не высовываться до утра, он растворился в темноте.

Я проснулась в том же положении что и заснула, но глаза открывать не спешила. Было так спокойно, чего мне бояться? Рядом все равно нет никого опаснее, чем Савар. Только вот, холодно очень.

Потянув на себя одеяло, я повернула голову и увидела, что у входа в палатку, на песке, сидит Альдо. Станный, тихий, серьезный, с опущенными плечами.

— Что-то случилось? — рванулась я к нему.

— Ты запросто могла умереть. Десятки раз, а меня не было рядом, хотя я клялся...

— Я могла погибнуть и рядом с тобой, — хмыкнула я, вспомнив о том, как провожала Трая. И заработала хмурый взгляд.

— Я знал, что, когда-нибудь Полковник придет за тобой.

— Ты что, провидец? Так получилось. Ты рванул ночью в пустыню, девчонки убежали смотреть Хошашина, я провалилась.... Такое не планируют, не вини себя. Никто же не умер.

— Ты очень добрая, найлек, — дернул плечом Альдо. — Я бы убил за такое.

— Ты не можешь предусмотреть все, ты не всемогущ

— Я должен....

— Альдо, — я подобралась ближе и осторожно обняла.

— Как бы я не старался, всегда будет что-то, что может угрожать тебе. Сама сказала — я не всемогущ.

Я плотнее закуталась в одеяло. Почему в пустыне так холодно?

Он долго молчал.

— Может тебе лучше уйти? Я бы мог..., ты была бы обеспечена, полковник, иногда, говорит дельные вещи. Зачем я тебе?

А потом он сказал: «Если хочешь, я отправлю тебя обратно». А

я сказала, что подумаю и ушла думать на вершину бархана.

И вот сижу. Думаю. Смотрю, как всходит солнце. Вот я

вернусь и что? Ну, да, самооценку мне тут подняли качественно или я сама ее себе

подняла? Неважно, теперь мне определенно будет легче жить. И рядом будет родной человек, положив руку на живот, я вздохнула. А дальше? Телевизор, фильмы, книги? А как же пустыня, долина Тиамат, сафины, порхающие над водой, прохладная библиотека Суфраэля, время, застывшее в корявых неровных строчках? Родные, друзья, подруги, знакомые? А они у меня были? А тут есть. Девочки, Нури, Тамила и горько-сладкие песни Астры. Личная жизнь? Какая к черту личная жизнь у меня будет, после Альдо? Одежда, обувь, тряпки? Так джинсы меня теперь не привлекают. Метро и самолеты? А как же Облако? Миура? Ламар без имени? Вот интересно, как быстро я полезу на стенку без своего монстра? Он же наркотик, глаза-омуты, жуткое напальмовое пламя волос, небрежность, с которой он носит свои ножи.... ЛСД, экстази и героин в одном флаконе! Сколько времени мне понадобится, чтобы понять, кого я потеряла?

Не зря же мне нравился «Аленький цветочек»! Сказка казалась такой романтической! Потом я выросла и узнала, что такие сказки нравятся тем, кто подсознательно ищет встречи с плохими мальчиками, стараясь их перевоспитать. Но как сказал один умный человек, можно сколько угодно любить плохих, но хорошими от этого они не станут.

То, что Альдо олимпийский чемпион по плохизму, ясно как день. Смогу ли я его перевоспитать? Нет, никогда. Переживаю по этому поводу? Да ни капельки! Скоро ему надоест ждать, и он материализуется рядом. Криво улыбнется, дернет плечом, скажет очередную гадость, а его руки бережно меня обнимут.... И как я без него? Я..., мне все в нем нравится. Даже эта его манера приказывать, а не просить. И то, что он настойчив сверх меры и невозможно ревнив.... Может я и мазохистка, но мне нравится ему подчиняться... чуть-чуть, иногда, особенно в постели.

А потом мне стало стыдно. Что значат мои обиды, проблемы, и сложности по сравнению с тем, что пришлось пережить ему? С детства? Каждый день? Все время?

— Подумала? — хриплый голос Альдо вернул меня на землю.

Он сел рядом со мной и уставился на песок.

Я протянула руку и коснулась его лица, провела по волосам, коснулась губ, бровей, шрама на скуле.... Он резко наклонил голову, отвергая мою ласку.

— Ничего не изменится.

— Не надо, — прошептала я. — Не меняйся.

Легкая усталая улыбка чуть искривила его губы, и он легко потерялся щекой о мою ладонь. Щетина, выступившая на подбородке, делала его еще более опасным, это было... было замечательно.

— И тебе не противно?

— Что?

— Мои шрамы?

— Ты что девчонка, переживать из-за царапины?

Я фыркнула и убрала руку от его лица, Альдо тут же поджал губы.

— Зачем ты это сделала?

— Захотелось, — пожалала я плечами и к его поджатым губам добавились подозрительно прищуренные глаза.

— Ты выглядел таким... привлекательным, что мне очень захотелось дотронуться.

— Привлекательным?

— А еще милым и... очаровательным, — разозлилась я.

— Очаровательным?

— Да!

— Правда?

— Я уже сто раз пожалела, что дотронулась до тебя!

— Мне было приятно, найлек.

Когда он так смотрит, я готова простить ему все на свете.

— Мне приятно, что мне досталась единственная ценность Тангаров, — подмигнул он.

Я не смогла удержаться от смеха.

— Не нравится? Это вообще-то комплимент.

— Комплимент — супер, — фыркнула я.

— Тогда почему смеешься?

— Потому что «ценностью», мог оказаться кто-нибудь еще более дефективный, чем я.

— Значит, мне повезло, — пожал он плечами.

— Откуда ты знаешь? Может я стерва, каких мало?

Теперь засмеялся Альдо.

— Нет, ну правда, я же тебя постоянно раздражаю, говорю глупости, игнорирую приказы, пустила тебе кровь... два раза. Ты же говорил, что убивал и за меньшее? Но ты этого не делаешь, ты продолжаешь заботиться обо мне и... Зачем? Только не говори, что все это, ради моей неземной красоты!

— Из вредности, Кирен. Тебя что-то не устраивает?

— Это наносит вред твоему авторитету.

— Твои идиотские выходки моему авторитету не повредят.

— Ты врешь!

— Я все время вру.

— Скажи честно, хотя бы раз?!

— Мне нравятся твои рыбки глаза, цветочек, — оскалился он.

А потом вдруг отвернулся и сказал.

— И что, — он смущенно (смущенно!!!) опустил голову вниз. — Тебя правда не волнуют мои шрамы?

— Волнуют! — я поцеловала его. — Они делают тебя таким мужественным! Не то, что другие, прилизанные красавчики.

— А мой характер?

— И характер тоже ничего, — пожала я плечами.

— Ты извращенка! — восхитился Альдо и обнял меня.

— Ты видишь, какой я? Вот это след от ножа, — он взял мою руку и положил ее на широкий рубец на своем плече.

— Это неудачная охота на песчаника, это и это стычки с тасогами, а это подарок Полковника, — моя рука, накрытая его ладонью, путешествовала по его телу вслед за этими словами.

— Но вот это, — он дотронулся до моей ободранной коленки, — хуже всего.

— Никто кроме тебя так не думает, но все равно спасибо.

— Как удачно, что ни у кого кроме меня нет такой потрясающей интуиции и невероятного ума, — томно вздохнул Альдо.

— Ты опять обманываешь?

— Найлек, — он слегка встряхнул меня. — Я не герой сопливой мелодрамы, я савар, я мужчина и я всегда буду делать то, что лучше для моей женщины. Нужно будет обмануть,

обману.

Я попыталась отодвинуться, а когда ничего не получилось, обиженно засопела.

— Найлек, не будь ребенком, — вздохнул Савар.

— Мне не нужно будет врать, если ты будешь делать, то, что тебе сказано с первого раза.

— Я не собака! За меня не надо думать и у меня есть собственная голова на плечах!

— Правда? Вероятно, поэтому ты вчера решила поиграть в доктора?

— Торвальд наступал? А ты знаешь, что он меня ударил?

— Да что ты? Сильно?

— Сильно!

— Раз ты в состоянии сидеть, то ты определенно выживешь.

— Издеваешься? Ты....

— Савар. Я всегда добиваюсь своего, а свое я охраняю и защищаю, это суть всего моего существования.

— И все? Это настоящая причина?

— Для саваров это самая подходящая причина.

И чему я удивляюсь? Ничего не изменится. Никогда. Может и правда, лучше уйти, пока он окончательно не уничтожил меня. Я вывернулась из его объятий и отвернулась.

— А теперь мы поговорим серьезно, — усталым голосом произнес Альдо. — Смотри мне в глаза! Неужели ты думаешь, что из-за твоей истерики или очередного приступа трусости я соглашусь все потерять?

— Это не истерика и не трусость. Это неудовольствие и злость!

— Послушай, цветочек. Трай все тебе объяснил, разве нет? Я же савар. Я жестокий сын жестокого отца в жестоком мире, и мне приходится сдерживать себя из последних сил, когда ты упорно стараешься себе навредить. Я не хочу обижать тебя, но обязательно это сделаю, если ты будешь и дальше провоцировать меня. Я другой, физически... и вообще.

— А я?

— Ты тоже не человек.

— Я чувствую себя человеком.

— Твое дело, — пожал он плечами.

— Найлек, эти развалины посреди пустыни моя родина, моя жизнь тяжела и уродлива, как мои шрамы и совсем не подходит для других. Может я монстр, но я хочу для тебя только хорошего.

— Если ты так заботаешься обо мне, то можешь просто отпустить....

— Никогда! — рявкнул он и схватил за руки, сминая браслеты.

— Ты хоть знаешь, что это значит для меня?

Он так резко дернул меня вверх, что в плечах что-то хрустнуло.

— Нет ничего важнее и крепче этого, а ты предлагаешь мне отпустить то, чего больше никогда не будет? Как по-человечески! Не хочешь быть ноэль, черт с тобой! Но я не буду ломать себе жизнь из-за капризов глупой девчонки. Так или иначе, ты остаешься.

— Да я лучше с тасогом поцелуюсь!

— В таком случае ты будешь целоваться с трупами.

— Я выбираю.

— Ты уже выбрала. Ты можешь меня презирать. Ты можешь меня ненавидеть. Ты можешь не доверять мне. Плевать! Ты остаешься.

— Я что должна тебя бояться?

— Если я захочу, чтобы ты боялась, я скажу тебе об этом.

— Верни меня в мой мир, ты обещал! Я передумала оставаться.

— Я тоже передумал. Считай, что мы обменялись мнениями, и мне досталось твое.

Не обращая внимания на мое сопротивление, он потащил меня к лагерю. Около крайней палатки Рави, смешно прыгая на одной ноге, играл с Ликой в какое-то подобие пятнашек. Оба были так увлечены, что не обратили на нас никакого внимания.

— Он повзрослеет и станет таким же, как ты, — язвительно заметила я, когда Альдо тащил меня мимо.

— Я откручу ему голову, если он посмеет вести себя с ней так же как я с тобой, — огрызнулся он.

— Да ладно, временами, это даже приятно, — прошептала я.

Он притащил меня к нашей палатке, молча усадил, поджав губы и дернув плечом. Вероятно, в переводе на человеческий язык это означало вежливую просьбу оставаться на месте. Через несколько минут он снова появился рядом, держа в руках знакомую деревянную тарелку с сушеным мясом, лепешкой и фруктами.

— Ты собираешься меня кормить?

ответ Альдо яростно засопел. Все ясно, если я откажусь, все это в меня запихают.

Когда на тарелке ничего не осталось, он отбросил ее и прошептал.

— Я не отпускаю тебя, ты остаешься. Ты выбрала.

Не скажу, что я струсила, но глядя в эти горящие глаза, возражать не решилась и поэтому мгновенно оказалась в палатке.

А потом у меня действительно не осталось выбора. Он заставил меня поклясться. На ноже. Опять. Без жалости и сострадания, вынуждая произносить то, что хотел услышать.

Да, я не куда не уйду. Да, я всегда буду рядом с ним.

Он заставил сказать это, соблазняя взглядом, прикосновениями и поцелуями, хриплым чувственным голосом, нашептывая все то, что я должна была говорить. Я его Цветочек? Да. Я дурочка, которая из тангарской вредности и человеческого упрямства не хочет признаться в этом. Да.

А потом я уже не слышала, что именно он спрашивал, соглашаясь с каждым его словом. Ну и ладно, в конце концов, разве не этого я хотела?

Как оказалось, я до сих пор неправильно думала о чудесах, считая, что они случаются крайне редко. На самом деле это обычное дело! Потому что смятые невзрачные цветы, которыми была засыпана палатка, были уже не первым чудом в моей жизни. А если подумать, то в последнее время вся моя жизнь была наполнена бесконечным волшебством.

Я ползала по палатке, собирая ломкие соцветия, когда Альдо вернулся.

— Идем, — вздохнул он и протянул мне руку.

— Куда? Мы сворачиваем лагерь?

— Нет, — буркнул Альдо и его лицо застыло.

— Что-то случилось?

— Ты можешь хоть раз, молча, сделать то, что тебе говорят? Кинь этот веник куда-нибудь и пошли!

— Это не веник, а букет, — вздохнула я, положив собранные цветы на подушку. — Как ты думаешь, если посадить вот эти, с корнями, они приживутся?

— Откуда я знаю? — скривился он. — Идем.

— Почему тут только мужчины? — я дернула Альдо за руку.

Мы отошли довольно далеко от лагеря, почти к самым развалинам. Я покосилась на черную Дыру в желтом песке и поежилась от неприятных воспоминаний.

— Где Нури?

— Если бы Нури была ноэль, она не задавала бы глупых вопросов, — буркнул он.

— Стой тут, — Альдо поставил меня рядом с Торвальдом и внимательно оглядел его с ног до головы.

— Капитан?

— Эр-рех, — наклонил голову тот. — Я знаю, что нужно делать. Альдо кивнул и, шагнув вперед, встал рядом с Траем.

Торвальд, в наглухо застегнутой куртке из кожи песчаника приветливо мне улыбнулся.

— Дятел, — буркнула я.

— Величество, — обиженно протянул он. — Неужели обиделась?

— А ты как думаешь? Я взрослая....

— У нас, — небрежно заметил он. — Но не тут. По меркам этого мира ты младенец. Для тебя гордость дороже жизни? На себя наплевать, других пожалей, величество. Если такие, как он, — Торвальд кивнул в сторону Альдо, — срываются, остаться в живых проблематично.

Я ничего не ответила, пожала плечами и отвернулась, заработав еще один смешок.

Альдо и Трай спорили о чем-то. Слов слышно не было. Тангар был холоден и спокоен, а Савар кипел от еле сдерживаемой ярости. Никто не вмешивался, все стояли и ждали. Не трудно догадаться, о чем, вернее о ком они спорят. Трое пленников замерли рядом в напряженном ожидании.

Наконец, Альдо неохотно кивнул, соглашаясь, и махнул рукой Хоранду.

Полковника и двоих его людей подвели ближе.

— Ты, — Альдо указал на полковника. — Ты пришел сюда без приглашения, чтобы забрать то, что тебе не принадлежит. Теперь, твой мир может ожидать ответного визита. Ты враг Окатора, ты враг саваров, ты мой враг. Ты умрешь.

— Договор, — почти взвизгнул полковник. — Вы не можете нарушить Договор!

— Договор не будет нарушен, — спокойно сказал Трай и плавным, почти гипнотизирующим, движением сломал полковнику обе руки.

— Тебя убьет пустыня, — ухмыльнулся Альдо. — Она лучшая из убийц, даже я не буду с этим спорить.

— Никто не будет, — пробормотал за моей спиной Торвальд.

— Это жестоко, — этот человек мне не нравился, но, чтобы вот так..., лучше бы убили.

— Это справедливо. Божий суд, величество. Не думай, одного его не оставят, но и помогать не будут. Сумеет уйти, его счастье. Не сумеет — судьба. Слишком часто он приносил сюда смерть, прикрываясь Договором.

Подвывающего от боли полковника увели куда-то и Альдо повернулся к следующему, с перевязанной головой.

— Ты хотел причинить вред ноэль. Этого достаточно, чтобы забрать твою жизнь.

— Пользоваться женской слабостью недостойно воина, — презрительно поджал губы Трай.

— На войне, как на войне, — осклабился тот и посмотрел прямо на меня. — Могу извиниться.

Его глаза говорили совсем другое.

— Лжешь. И она с тобой не воевала.

— Савар, — все еще ухмыляясь, повернулся к Альдо. — Дай мне умереть достойно, с оружием в руке, как равному.

— Я не могу считать тебя равным, — покачал головой Альдо. Почти неувимое движение руки и фигура в камуфляже падает на песок.

— Ох, — восхищенно отзывается за моей спиной Торвальд.

— Все-таки пожалел, точно в сердце, мгновенно.

Я отвернулась, стараясь не заплакать. Может быть, если бы я не полезла к пленным, этот мужчина был бы жив.

— Не хлюпай, величество, он сам себе могилу вырыл. Они все знали куда шли, готовились не один день, язык учили...

В центре круга остался только один пленный, самый молодой из троих. Очень прямой, очень бледный, очень серьезный.

— Я не буду просить прощения за то, что сделал, там, — парень махнул рукой в сторону развалин. — Я выполнял приказ. Для вас я захватчик, оккупант..., я понимаю. Делайте то, что должны.

— Ты можешь остаться, — на такое я даже не надеялась, но это было неожиданностью только для меня, мужики вокруг согласно кивали головой.

— Остаться? Здесь?

— Если захочешь.

— Кем? Рабом? Лучше убейте.

— Как тебя зовут? — спросил Трай.

— Игорь.

— В Окаторе нет рабов, Игорь. Ты вправе отказаться, в таком случае тебя проводят до Перехода. Останешься, будем рады. Но решить ты должен сейчас.

— Остаюсь, — выдохнул парень.

— Все, величество, пошли, — Торвальд потянул меня в сторону.

— Ты что, моя нянька?

— Топай, давай, здесь и без тебя разберутся.

Я пробовала возражать, но он хитро прищурился и заявил:

— У меня приказ, величество, будешь выпендриваться — выпорю.

— У меня имя есть, — прошипела я.

— Имя!? Твое имя, величество, не для меня. Пошли, а? У меня дел по горло.

— А у тебя имя есть? Или это военная тайна?

— Подлизываешься? — подозрительно нахмурился он.

— Нет, просто интересно. Мне же никто ничего не говорит, вот зачем я там торчала? — я оглянулась на оставшихся позади мужчин.

— А самой не догадаться? Тебе, величество, там по сроку службы быть положено. Суд, как ни как.

— Не хочешь говорить, не надо. Обойдусь!

— Нет, ну вы, бабы, дуры! — сплюнул Торвальд.

— Спасибо!

— Пожалуйста! О тебе ж заботятся, на суде моментом все решили, без лишней крови, чтобы значит, нервную беременную барышню не пугать. Теперь вот в лагерь провожают, вдруг кракозябра, какая выскочит или там головку солнышко напечет. А ее, видишь ли, любопытство замучило!

— Не ори на меня! — оттолкнула я его и уселась на песок.

Торвальд остановился рядом, переминаясь с ноги на ногу.

— Чего встал? Шуруй, давай, у тебя же «дела»!

— Ты это..., пошли, нечего тебе на солнце сидеть.

— Да иди ты, — фыркнула я и накинула на голову капюшон.

— А вдруг змеи? — прищурился он.

— Ты топаешь как слон, нет тут никого, расползлись.

— Баллер! Выпорю!

— Давай, — прищурилась я. — Знаешь, как я орать могу?

— Величество, — тяжело вздохнул он и уселся рядом. — Не дуйся, пошли, а?

— Как тебя зовут? — спросила я, глядя ему в глаза.

— Петя, — почти простонал он.

— Петя?

— Петр Семенович Горохов.

— А тельник откуда?

— Спецназ ГРУ, — пожал он плечами. — Бросили меня тут, полковник бросил раненого. Посчитал, что моя жизнь не стоит мешка барахла, которое он волок. Сказал, что Родина меня не забудет и медаль дадут, посмертно.... Добить хотел, да помешали. Брат твой помешал. Забрали, вылечили и говорят, иди куда хочешь. А куда я пойду? Детдомовский? Остался. Усыновили меня. Прикинь, у меня позывной «Варяг», а «родителей» моих здешних фамилия — Торвальд. Судьба значит. Вот теперь капитан, уже два года как. Отец гордится — ужас. Своих-то детей нет у них, а тут такое счастье привалило! В прошлом году дочка у меня родилась, в Рейвене неделю никто не просыхал!

— Пошли, а? Отсидишь себе что-нибудь, а меня тут потом и прикопают, — хитро улыбнулся он и легко поднялся.

— Почему она до сих пор здесь? — хмуро поинтересовался Альдо, поднимая меня.

— Устала. Решила отдохнуть, — вздохнула я.

Савар тут же подозрительно уставился на Торвальда. Мне это не понравилось, вдруг и правда «прикопает», а у Пети дочка маленькая.

— Альдо, — потянула я его за руку. — А где Миура?

Он с трудом оторвался от изучения внешнего вида светловолосого капитана и уставился на меня. Я тут же покраснела. Торвальд хмыкнул.

— Гуляет где-то, твой уродец, — медленно произнес он и его губы дрогнули в намеке на улыбку. — В компании.

— В компании? Тут есть еще феррай?

Альдо кивнул и развернул меня в сторону Дыры в песке, из которой выскочила довольная донельзя Миура. А за ней появился этот... Хошашин. Вышел на свет, подошел ближе и встал за ее спиной. Огромный, мощный, страшный. Бесстрастно наблюдающий за всем, что происходит вокруг, уверенный в своем превосходстве, готовый атаковать.... Это что, это и Миура в такое вырастет? Ужас!

— ОНО с нами в Тулут не пойдет, — решительно заявил Альдо и Хошашин тут же

оскалился.

— Пошел вон! — рывкнул Савар и животное, поджав хвост немедленно скрылось в темноте туннеля. Зашибись, моего монстра боятся все остальные монстры!

Альдо со мной не разговаривал. Молча отвел меня в лагерь, буркнул, чтобы собиралась и исчез. Миура поскакала за ним, подлиза! Трай, недовольно посмотрев в мою сторону, ушел к своей палатке поддерживая слегка шатающегося Торвальда. Как будто я в чем-то виновата?! Может у него солнечный удар или последствия похмелья, пить меньше надо на такой жаре!

Даже Рави, прихрамав к моей палатке вместе с девочками, смотрел исподлобья и разговаривал сквозь зубы. Что опять не так?

— Что не так, Нури? — я зажала ее в углу, где мы вместе складывали одеяла.

— Тебе не стоило этого делать, — прошептала она.

— Чего?

— Приказывать ему.

— Чего? — моему возмущению не было предела. — Я никому ничего не приказывала!

— Не ори! А Торвальд?

— Что, Торвальд?

— Ты ему ПРИКАЗАЛА, — прошипела Нури.

— Я ему ничего НЕ ПРИКАЗЫВАЛА, — прошипела я в ответ.

— Ага, это его от жары разморило и теперь его Тамилла настойкой отпаивает! Вот не ожидала я от тебя! — Нури в сердцах отбросила от себя аккуратную стопку одеял.

— Так! — разозлилась я.

— Ты! — указала я на Нури. — Идешь со мной.

— Вы! — ткнула пальцем в притихших девчонок и Рави. — Сидите тут и носа никуда не высовываете!

— Я не собираюсь никуда идти, — надулась Нури.

— А вот теперь, я и правда, ПРИКАЗЫВАЮ. Быстро встала и пошла! — ; прищурившись, взглянула на Нури, которая старательно отводила от меня глаза.

Но я ее переглядела!

В палатку Трая набилось столько людей, что боковые полотнища были подняты. Торвальд, бледный до синевы, сидел, весь обложенный подушками и Тамилла поила его чем-то. С ложечки.

— Может мне кто-нибудь объяснить, что случилось? Это что и правда, из-за меня? Что такого я сделала?

Все молчали. Тамилла поджала губы и продолжала методично отпаивать Петю Горохова. Альдо дергал плечом и кривился. Трай вообще отвернулся. Талив смотрел исключительно на Нури, стоящую за моей спиной.

— Я ничего не понимаю! Если вы считаете, что это, — я указала на Торвальда, — из-за меня, то скажите, как я умудрилась это сделать! — я была готова разрыдаться.

— Ноэль, успокойтесь, — Ахлат протянул мне платок. — Никому и в голову не приходило, что вы не знаете, на что способны.

Альдо поднялся и подошел ближе, наклонился, заглянул в глаза, вытер слезы.

— Ты никогда не спрашивала, найлек. Я думал, ты знаешь.

— Что я знаю?

— Почему тебе не смотрят в глаза.

— Ничего подобного.

— Я спрошу по-другому, — вздохнул Альдо. — Кто не смотрит в глаза, когда разговаривает с тобой?

Я задумалась.

— Астра не смотрит, Тамила. В Суфраэле... некоторые. Икар не смотрит, — вспомнила я. — Потом....

— Достаточно, — сжал мои руки Альдо. — Носители древней крови могут воздействовать на разум. Чем чище кровь, тем воздействие сильнее. Это очень просто, зрительный контакт и прямой приказ.

— Очень смешно, что-то я раньше за собой такого не замечала, — пробормотала я.

— А ты вообще приказывала хоть кому-то? — хмыкнул Альдо.

— Люди не могут самостоятельно сопротивляться этому. Последствия, — он оглянулся на Торвальда, — очень неприятные. Похоже на сильное сотрясение. Тошнота, головокружение.... Своим не приказывают, ноэль. Это запрещено.

— Не терзайте, девчонку, — вздохнул Торвальд. — Говорил я вам, что не знала она.

— Прости, пожалуйста, — всхлипнула я.

— Не переживай, величество, я не в обиде. Это тебе обижаться надо, на этих, — взмахнул он рукой. — Устроили бойкот, понимаешь!

Я вытерла слезы и уставилась в наглые глаза Альдо.

— Ты можешь приказывать мне?

— Могу.

— Ты делал это?

— Нет.

— Почему? Так же гораздо проще.

— Не интересно. Бессмысленно, ты и так сделаешь все, что я захочу.

Я решила отложить выяснение отношений на потом, не хорошо скандалить на людях. Я подожду.

Еще раз, извинившись перед Торвальдом, я дала себя увести. Естественно передо мной никто из мужиков извиняться не собирался.

К вечеру, лагерь был свернут и Трай пришел проститься.

— Я не знаю, как скоро увижу тебя, Киран, береги себя.

— Ты тоже.

Я подошла ближе и обняла его.

— Спасибо тебе, братик. За все.

— Ты позволишь присылать тебе подарки? Ты очень дорога мне, не отказывай мне в удовольствии присматривать за тобой.

— От подарков я не откажусь, — улыбнулась я. — Особенно если это будет шоколад.

Я долго смотрела вслед веренице маров, увозивших Трая и его людей. С ними уезжал и решивший осесть в Рейвене Игорь. Он неловко сидел на выделенном ему животном. Как я недавно! Я улыбнулась, мысленно пожелав ему всего самого хорошего.

— Ничего, — Рави, нахмурившись, проводил взглядом сползающего на бок парня и солидно прокомментировал. — Научится. Вот вы, ноэль, вообще, как..., — он хмыкнул, — но

научились же! Только вот скотину свою разбаловали! Ни к чему это!

— Облако хороший, — вступилась я за мара. — Он заслужил.

Рави скривился.

— Идемте ноэль, все ждут только вас.

И, правда, ждали. Смущенно пробормотав: «Извините», я быстренько забралась на Облако, потихоньку сунув ему кусок лепешки. Подношение было так себе, но мар терпеливо ждал пока я устроюсь на широкой, как диван спине и даже бодро потопал вслед за сородичами, без всяких уговоров с моей стороны.

Девочки и Нури ехали в повозке. Лика вполне успешно перенимала опыт Нури в стрельбе глазами, «обстрелянные» Рави и Талив ехали по обеим сторонам от слегка покачивающегося сооружения и болтали всякую ерунду.

Миура легко бежала рядом. А я- то думала, что она не захочет уходить и мне придется объяснять это девочкам.

Через некоторое время ветер усилился, и пришлось натягивать плащ. Было жарко и душно.

— Еще немного, — тихо сказал Альдо. — Всего несколько часов, найлек.

Я молча кивнула.

Через какое-то время песок под ногами Облака превратился в растрескавшуюся пыльную землю.

— Когда-то тут было море.

— Оно высохло? — говорить было трудно, вместо песка в лицо летела пыль, это было еще противнее.

— Вода ушла, — Альдо зло уставился под ноги своего мара. — Но она есть, там, внизу! Если бы полковник вместо убийц посылал сюда специалистов по каптажу, он стал бы самым богатым человеком на Земле!

Он попытался отправить меня к остальным женщинам, но я наотрез отказалась. Меня же там моментально укачает! Еще и боковые полотнища опущены! Нет уж, лучше тут!

В конце концов я потеряла счет времени, мы ехали и ехали, оставляя за собой длинный шлейф белой пыли, поднятой марами, унылый пейзаж навевал тоску, и я задремала.

И чуть не свалилась, когда Облако резко остановился. Ел. Кустик был чахлым, но он был! Я огляделась. Местность изменилась, земля уже была не такой потрескавшейся, имелись не только трава и квелые кустики, но и несколько деревьев с узкими серебристыми листьями. А на горизонте темнела широкая полоса, неужели лес?

— Найлек? — Альдо подъехал ближе, обеспокоено заглядывая в глаза. — Тебе плохо? Хочешь пить?

— Все хорошо. Напьюсь в Тулуте, — сказала я и Альдо улыбнулся.

— Уже скоро.

То, что до конца нашего путешествия осталось совсем немного, было ясно и так. Животные шумно втягивали воздух и ускоряли ход. Облако обглодав кустик, припустил рысью, да так резво, что я оказалась впереди каравана.

— Придержите его, ноэль, — усмехнулся Ахлат. — Скотина жилье чувствует и воду. Тут безопасно, но не стоит отрываться, мало ли....

Я кивнула и натянула повод. Мар недовольно зафыркал и тут же попытался выместить злость на своем собрате.

— Ничего не получишь! — крикнула я и Облако прижав уши, перестал скалиться.

— Чудная у вас скотина, ноэль, — улыбаясь, покачал головой Ахлат.

Мы добрались до Тулута в сумерках. На фоне темнеющего неба его стены и башни выглядели средневековым замком.

— Мой дом, — с гордостью сказал Альдо. — Когда-то, здесь не было ничего кроме развалин и кучки людей, цеплявшихся за жизнь. Теперь это не так. Мы построили дома, возделываем землю и рожаем детей. И больше не зарываемся в песок каждую ночь, ожидая смерти.

Искренняя радость, с которой нас встретили, заставила забыть все что произошло с нами в пути. Улыбки, смех. Тамила, буквально выпрыгнувшая из повозки навстречу своему мужу. Всеобщий восторг от явления Миуры, живом символе удачи, к которому все хотели прикоснуться, а она благосклонно принимала эти знаки внимания. Пирра и Лика, счастливые, улыбающиеся, прижимающие к себе многочисленные подарки. Мужчины, женщины, дети — все вокруг меня напоминало калейдоскоп. На утро я совершенно не помнила подробностей вечера, в памяти осталось лишь общее восторженно-радостное впечатление. Как-будто и я вернулась домой.

Когда я проснулась, ни Альдо ни девочек рядом не было. На небольшом табурете у окна сидела женщина, ровесница Кары и что-то отмечала в книге, похожий на оставленный в Суфраэле гробух.

— Проснулась? — улыбнулась она. — Я Аурэ, ноэль. Эр-рех с мужчинами на нижних уровнях, а за детками присматривают, так что не волнуйтесь.

— Спасибо, — я вернула ей улыбку. Судя по солнцу время уже к обеду и, я бессовестно подрыхла полдня пока другие работали. Неудобно и неприятно.

— Я только умоюсь и помогу чем скажите.

— Какая быстрая! — усмехнулась Аурэ. — Умоетесь, поедите, а уж дела потом. Одевайтесь, а остальное там, — махнула она в сторону двери. — У нас тут по-простому, ноэль, таких роскошей, как в столице нет.

— Столице? — удивилась я, протягивая руку к своей сумке со сменной одеждой.

— Ну да, — пожала она плечами. — Суфраэль- столица, разве нет?

«Роскоши» представляли собой бассейн с проточной водой и несколько небольших будочек в глубине двора, у самой стены. Потом была кухня, где меня встретила довольная Тамила, знакомство с женщинами, их осторожные расспросы и долгая экскурсия по Тулуту. Крепость была Суфраэлем в миниатюре. Оазис окруженный высокой крепостной стеной, отделяющей от его от раскаленной пустыни. Полностью автономный и не зависящий от поставок из «столицы» все что мы привезли было неприкосновенным запасом и данью традиции, а еще Альдо явился, чтобы лично проинспектировать местный гарнизон.

Мы с девочками, Ахлат, Хоранд и Рави стояли на высокой террасе, а внизу плюющийся огнем Альдо гонял два десятка парней.

— Мне кажется или они и вправду его бояться? — повернулась я к Ахлату. — В Суфраэле такого не было.

Он усмехнулся.

— Вы просто не видели этого, ноэль.

— Ну да, — фыркнул Рави. — Я до последнего верил, что эр-рех ест убитых им тасогов и песчаников.

— А я, что пьет кровь у новобранцев, — поддакнул ему Хоранд.

— А мы верили, что эр-рех может запросто превратиться в феррай и утащить тебя в пустыню, — ухмыльнулся подошедший ближе муж Тамилы, Денжо.

— И он это терпит? — удивилась я.

— Да он сам это выдумывает! — засмеялся Ахлат. — Поначалу, все мальчишки бредят эр-рехом, а когда он начинает выбивать из них дурь с ночи до утра, начинают тихо ненавидеть. Эр-рех, справедливо полагает, что всегда нужно быть готовым к худшему. Понимание приходит позже, лет через пять, когда ненависть перерастает в понимание и благодарность за сохраненную жизнь. И с каждым новым набором, он придумывает что-нибудь новенькое.

Я взглянула вниз, то что там происходило, на тренировку походило мало. Никакого учебного оружия, никакой защиты. Мальчишки, чуть младше Рави были все в глубоких царапинах, покрывавших грудь, плечи, живот и руки.

Я поморщилась, мне казалось это неправильным. Ахлат уловил мое недовольство.

— Царапины заживут, — хмуро заметил он.

— Но зачем ранить друг друга?

— Потому что вокруг все настоящее, — сказал появившийся из ниоткуда Альдо. — Мужчины не должны использовать ненастоящее оружие. Как они смогут быть уверены в том, что сумеют защитить кого-либо, если будут пользоваться деревяшкой? — он положил передо мной свои ножи.

Здоровенные, тяжелые, заточенные с двух сторон, их рукоять изгибалась, позволяя резать, колоть и рубить.

Я осторожно дотронулась до рукояти одного из них, она была чуть теплой. Захотелось взять их в руки.

— Нет, — Альдо отвел мою ладонь в сторону, от этого прикосновения я вздрогнула. Любопытствующих Пирру и Лику, замороженно глядевших на оружие, осторожно отодвинул Рави.

— Это не игрушка или украшение. Мальчик, становясь мужчиной, получает право носить его, только после того как напоит клинок кровью. Каждый из них, — он указал вниз, на продолжавших драться парней, — должен быть готов. Нас все еще слишком мало. Царапина сегодня сможет сохранить жизнь завтра и возможность продолжить себя в будущем, — Альдо легко коснулся моего живота и уходя прошептал.

— Прекрати дергаться, когда я к тебе прикасаюсь.

Мужчины разошлись по своим делам, опирающийся на костыль Рави увел девочек в пальмовую рощу смотреть на необычайно красивую птицу, чем-то напоминающую павлина. А меня позвала Аурэ.

— Бель-шум написал, что вы, ноэль, книжник, — она улыбнулась. — Он хвалил вас.

Я пожалала плечами, за что там хвалить — то?

— Вот, — она положила передо мной тетрадь. — Я по его просьбе записываю все что случается в крепости. А это сведения о рождениях, смертях и союзах за этот год, пусть внесет в свои книги, — на тетрадь лег желтоватый лист.

Все, о чем она говорила уместилось в одну строчку. Невеселая статистика.

— А сколько..., - начала я.

— В Тулуте сто пятьдесят семь жителей, — быстро ответила она. — В Суфраэле около полутора тысяч, остальные восемьсот сорок три савара живут в деревнях и поселках на

побережье. Всего две с половиной тысячи, ноэль. Но скоро, нас станет больше, ведь так? Вы в ожидании?

Я кивнула. Мое положение уже давно не секрет.

— Вы хорошо себя чувствуете? Может вас что-то беспокоит?

— Нет, все хорошо, — я улыбнулась.

— Вот и замечательно, — она подвинула ко мне еще один листок. — Библиотека в вашем распоряжении, а это список Бель — шума. Он указал что именно ему нужно.

Там было прохладно, тихо и вкусно пахло книжной пылью. Следуя указаниям Бель-шума, я действовала согласно списку.

— Ты все еще дуешься? — спросил Альдо вечером.

— Я не дуюсь, я думаю...

— ...обо мне всякие гадости, как всегда. Я не хочу, чтобы ты нервничала, — заявил он тоном, не терпящим возражений.

— Альдо...

— Я поклялся на ноже, Кирен. Я сказал, что отдаю тебе свое сердце, а ты смотришь на меня, как....

— Альдо...

— Почему? Я старался быть с тобой терпеливым, но больше не могу. Ты должна прекратить подозревать меня. Я изо всех сил стараюсь показать тебе, как ты мне дорога, а ты как-будто слепая! В чем дело? Кирен?!

Я посмотрела ему в глаза и сказала то, что грызло меня все это время.

— Я думала ты будешь счастлив, когда сказала тебе о ребенке.

— Я счастлив.

— По тебе этого не скажешь.

— Вот... ты... достала!

— Ты...!

Но он наклонился и подхватил меня на руки.

— Расслабься и прекрати вырываться. Чего ты хочешь от меня, найлек? Цветов? Нежных слов? Обещаний, которые я тут же забуду?

— Я хочу, чтобы ты ушел, — сказала я и тут же пожалела об этом.

Было невыносимо больно видеть, как его лицо превратилось в маску. Я несколько раз глубоко вздохнула, чтобы прогнать комок, подступивший к самому горлу.

— У тебя такой вид, как будто ты собираешься откусить себе язык, — мрачно заметил он.

— Поэтому я спрошу еще. Что ты будешь делать без меня?

Почему ты думаешь, что вся моя жизнь вертится вокруг тебя? Я прекрасно существовала раньше и дальше смогу.. сама по себе. И не буду зависеть от бездушного самца, у которого не нашлось для меня пары ласковых слов.

Альдо, взяв меня за подбородок двумя пальцами, заставил посмотреть на него.

— Тебе нужны слова? А что они значат? Поверь мне. Я. Очень. Счастлив.

— У тебя формальдегид вместо крови, — фыркнула я и попыталась вырваться. Безуспешно.

— Ошибаешься, у Саваров в жилах расплавленное железо, — хмыкнул он. — Я соскучился.

— Отпусти меня и уходи.

— Тебе не обмануть меня, найлек, ты так не думаешь, и ты этого не хочешь.

— Думаю и хочу.

— Ну... виноват, — дернул он плечом. — Вообще-то, я просто не хотел тебя волновать.

— Волновать? Ты притащил меня сюда с определенной целью, а когда добился своего даже не счел нужным притвориться обрадованным.

— Ну... я могу говорить часами, но ты все равно не поверишь ни одному моему слову. А если хорошенько подумаешь, то поймешь почему я так поступил. Хочешь, я помогу тебе думать?

Полный притворного раскаяния, Альдо был неотразим. Я твердила себе, что он делает это специально, чтобы превратить меня в безвольную дуру.

Но я не сопротивлялась, я тоже соскучилась. Хотелось его оттолкнуть, но одновременно хотелось, чтобы он утешил меня. От этих противоречий страшно хотелось разреветься, а он был так нежен...

Он действительно «неигнорируемый», сплошное воплощение мужественности, где-то на грани реального. До такой степени, что требовалось прикоснуться к нему, чтобы убедиться в его существовании.

— Ты такой теплый, почти горячий.

Его кожа обжигала мои пальцы. Молчаливый с полужакрытыми глазами, он был похож на кота, которого хотелось приласкать. Большого, теплого, пушистого кота, существовавшего только в моем воображении. Это было глупое сравнение, хотя сейчас он терпеливо позволял себя трогать, выжидая, когда я удовлетворю свое любопытство.

— Ты злобное маленькое существо, найлек, — поморщился он. — Ты превратила мою жизнь в ад. Совсем недавно я был весел, здоров и свободен, как ветер. Я жил в свое удовольствие, не думая о маленьких девочках с липкими руками и отвратительном существе под кроватью. Я мог идти куда мне хочется и делать, то что считаю нужным. Никто не смел повышать на меня голос, кусать, пинать в особо чувствительные места, кидаться туфлями и бить деревяшкой по спине. А теперь? — он легко толкнул меня, и я упала на кровать.

— Посмотри я болен, — голосом полным страдания сказал Альдо. — Я совсем без сил, — добавил он, полностью лишая меня возможности двигаться.

Какое-то время я пыталась отталкивать его от себя, а потом сдалась, Альдо стал частью меня, и я не могла с ним расстаться.

— Ты бессовестный хам.

— Знаю.

— Ты отвратительный бездушный монстр.

Он счастливо улыбнулся и начал расстегивать пуговицы у меня на рубашке. Я зажмурилась от удовольствия, хотя он был абсолютно невыносим.

И в этот момент раздался жуткий, леденящий душу вопль.

— Что это? — спросила я, хватая его за руку.

— Похоже на птицу, — нахмурился Альдо.

— Ерунда, птица так кричать не может. Нужно проверить детей.

— Оставайся здесь, — велел он, и осторожно двинулся к двери.

Вопль повторился снова, и я рванула за ним.

— Я сказал, останься, — рявкнул он.

— Ну уж нет, — отрезала я, выглядывая из-за его плеча в пустой полутемный коридор.

— Никого. Если бы это было что-то серьезное..., - начал он.

В этот момент мимо нас пронесся полуощипанный айкин (та самая похожая на павлина птица) с жалкими остатками великолепных перьев. За ним стуча когтями кралась Миура и две маленькие фигурки, размахивающие бывшим оперением, выдранным из несчастной птицы. И тут опять раздался этот кошмарный вой, я вздрогнула.

— Это Пирра, — спокойно сказал Альдо, закрывая дверь. — С детьми все в порядке. Играют, — пожал он плечами, возвращая меня в постель.

Позже, обнимая меня он сказал.

— Я хочу, чтобы ты знала, найлек, здесь мой дом и я хочу жить здесь, в мире, с тобой и нашими детьми. Это для меня важнее всего, — сжав челюсти сказал он. — И у меня хватит силы воли, чтобы сделать это. Когда ты рядом, мне не нужно быть монстром.

Я кивнула, понимая, что ему всю жизнь придется бороться с тем что сидит внутри него. Альдо неожиданно наклонился ко мне и улыбнувшись сказал.

— Я могу это контролировать и становлюсь чудовищем, только когда хочу.

А потом его улыбка превратилась в оскал, и он добавил.

— Я могу быть цивилизованным до судорог, если ты научишься делать то, что я говорю с первого раза.

— Я не терплю приказов, Альдо, — нахмурилась я.

Он нахмурился.

— Не считай меня тираном. Я просто хочу защитить тебя... и детей, — добавил он немного поколебавшись. — Все что я делаю сейчас и потом, я делаю для твоего... вашего блага.

— Ты пытался убить Трая. Это тоже для моего блага?

— Я не пытался его убить, найлек, — мягко поправил он меня. — Мне не нужно пытаться, — пожал он плечами. — И, если понадобится, переживать по этому поводу я не буду.

Когда он так говорит, мне почему-то хочется его как следует стукнуть.

Я отвернулась. Несмотря на все хорошее, что есть в нем, он навсегда останется темным внутри. Темным, но не черным, как зло. Он может сколько угодно притворяться свирепым и рассказывать мне о своих злостных намерениях, но на самом деле жестокий убийца не стал бы утешать меня, безжалостный не стал бы рассказывать о своей боли... или стал бы?

Я еще раз взглянула на него. Ну, может он и выглядит, как холодный, покрытый шрамами безжалостный монстр, но на самом деле он совсем не такой. Я знаю это, я видела, я чувствовала это, в долине Тиамат, в Суфраэле, в пустыне, везде!

Несмотря ни на что Альдо нуждается в тех же простых чувствах что и я, понимании и уверенности в том, что ты кому-то нужен.

— Как скажешь, — кивнула я.

Альдо просиял и широкая улыбка, на мгновение, сделала его похожим на мальчишку.

Он может по-доброму усмехаться или сурово хмуриться, лишая меня присутствия духа. Может быть убийственно жестоким или беззаветно нежным. Может говорить фееричные комплименты или цинично усмехаясь сыпать непристойностями. Может смеяться и не стесняется своих слез. И в его руках смятые невзрачные цветы превращаются в бесценные сокровища.

Больше книг на сайте - Knigolub.net